
Е. В. БЕЛЯЕВА

**МУСТЬЕРСКИЙ МИР
ГУБСКОГО УЩЕЛЬЯ**

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

1987

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOLUME I
PALEOLITHIC OF THE CAUCASUS, MONOGRAPH 2**

E. V. BELIAEVA

**A MOUSTERIAN WORLD
OF THE GUBS RIVER CANYON
(NORTHERN CAUCASUS)**

**St.-Petersburg
1999**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. ТОМ I -
ПАЛЕОЛИТ КАВКАЗА, КН. 2**

Е. В. БЕЛЯЕВА

**МУСТЬЕРСКИЙ МИР ГУБСКОГО УЩЕЛЬЯ
(СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)**

**Санкт-Петербург
1999**

ББК Т4(2)221
УДК 930.26(479)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(Проект № 98-01-16143)*

Е. В. Беляева. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. — 216 с. (Archaeologica Petropolitana, VIII).

ISBN 5-85803-123-4

В каньоне реки Губс (Прикубанье) исследовано уникальное для Северного Кавказа скопление пещерных стоянок и открытых местонахождений мустьерской эпохи. Стратифицированные пещерные стоянки доставили более 60 000 кремневых изделий, кости животных и остатки неандертальского человека. Анализ коллекций каменного инвентаря и естественнонаучных данных (фауна, пыльца, литология отложений) из многослойной Монашеской пещеры позволяет проследить развитие каменной индустрии на фоне динамики природной среды.

Сопоставление материалов всех памятников подтверждает единство и локальное своеобразие бытовавшей в каньоне культуры, связанной с более широким кругом мустьерских индустрий Северного Кавказа. Внутрикультурные различия губских индустрий и их хронологическая изменчивость дают основания для обсуждения актуального вопроса о факторах варибельности мустьерской культуры и их конкретном проявлении.

Анализ специфики каждого памятника позволяет выявить контуры определенной поселенческо-производственной структуры. Приводимые данные и их интерпретация значимы для реконструкции ранних этапов преистории Северного Кавказа, для изучения культуры и экологии неандертальского человека.

Книга богато иллюстрирована. Впервые представлены изображения многочисленных каменных орудий, найденных при исследовании опорного мустьерского памятника — Монашеской пещеры. Предназначена для специалистов по археологии, преистории, палеоэкологии и для краеведов.

На первой странице обложки: фотография каменных орудий из Монашеской пещеры.

Набор — *Е. В. Беляева*. Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*. Выпускающий — *Д. А. Ильин*

Макет подготовлен в издательстве «Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Для корреспонденции и заказов:
198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pv@peterlink.ru

ЛР № 065555 от 05.12.97

Подписано в печать 13.09.99. Формат 60×90^{1/8}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура основного текста «Таймс»
Объем 27 п. л. Тираж 400 экз. Заказ № 5

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

*Исключительное право на распространение
настоящего издания в России и за ее пределами
принадлежит издательству
«Петербургское Востоковедение»*

© Е. В. Беляева, 1999
© Институт истории материальной культуры РАН, 1999
© «Петербургское Востоковедение», 1999

ISBN 5-85803-123-4

Зарегистрированная торговая марка

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа продолжает серию книг по палеолиту Кавказа, в которых подытожены исследования, проводившиеся в этом регионе сотрудниками Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН. Особое внимание к Кавказу объясняется чрезвычайным обилием здесь памятников древнего каменного века и хорошей сохранностью многообразных материальных остатков. Это позволяет получать бесценную информацию, которая важна не только для изучения ранних этапов преистории юга России, но также и для реконструкции культурно-экологических аспектов преистории человечества в целом.

Данная книга, в отличие от других монографий серии, посвящена палеолиту весьма ограниченной территории. Это бассейн небольшой северокавказской реки Губс, входящей в речную систему Кубани и расположенной в горном Закубанье (Мостовской р-н Краснодарского края). Микрорегион интересен тем, что в нем к настоящему времени выявлено уже более двух десятков памятников палеолита. В их составе четыре (из восьми ныне известных на Северном Кавказе) среднепалеолитические (или мустьерские) пещерные стоянки с культурными отложениями, которые не претерпели серьезных разрушений и донесли до нас обильные следы жизнедеятельности живших там неандертальских людей. Помимо этих стоянок в скальных убежищах в бассейне Губса удалось также обнаружить группу более или менее богатых мустьерскими находками местонахождений под открытым небом, что свидетельствует, видимо, об особой привлекательности описываемого района для людей той эпохи. Уникальная для Северного Кавказа концентрация мустьерских памятников делает бассейн Губса настоящим полигоном для разработки на этих материалах целого комплекса проблем, касающихся как древнейшей истории региона, так и различных аспектов всей эпохи среднего палеолита.

Начало исследований в бассейне Губса приходится на 1961—1963 гг. и связано с именем ныне покойного выдающегося исследователя палеолита Кубани П. У. Аутлева. Огромный вклад в изучение губских памятников был сделан затем

В. П. Любиным, который не только обобщил материалы из разведывательных шурфов П. У. Аутлева, выделив на их основании особую губскую мустьерскую культуру [Любин, 1977], но и впервые произвел тщательные, методически образцовые раскопки двух основных стоянок — пещер Монашеской и Баракаевской. Материалы последней, раскопанной полностью, были подробно проанализированы в недавно вышедшей монографии [Любин и др., 1994]. Исследования же многослойной стоянки в Монашеской пещере, лишь начатые В. П. Любиным в 1975—1976 гг., были продолжены в 1987—1991 гг. автором настоящей книги. Необходимость ввести в науку результаты нового цикла работ и важность полученных результатов обусловили то большое место, которое занимают здесь главы о Монашеской. Но этим задачи предлагаемой работы отнюдь не ограничиваются, поскольку полученные выводы побудили меня под несколько иным углом зрения вновь проанализировать и другие накопленные за последнее время материалы губских памятников. Наконец, было необходимо обобщить и — насколько возможно — интерпретировать все собранные данные.

Таким образом, помимо предоставления большого объема новой информации в этой книге, в первых, делается проверка правомерности самого выделения губской культуры и, во-вторых, предлагаются некоторые уточнения или новые подходы относительно ее основных характеристик, хронологических позиций памятников, проявлений и причин внутрикультурной варибельности. Поскольку исследования памятников Губского ущелья еще не завершены, нельзя исключить, конечно, что некоторые выводы, сделанные на данном этапе их изучения, в дальнейшем могут подвергнуться определенной корректировке. Тем не менее, я полагаю бы важным представить на суд читателя как сами выводы, включая самые дискуссионные, так и — может быть, в первую очередь — свои методические подходы к анализу каменного инвентаря (гл. 2) и взгляды на проблему варибельности каменных индустрий (гл. 8).

Глава 1

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЙОНА ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

1.1. Общие сведения о расположении и природных особенностях бассейна р. Губс

Река Губс, к которой приурочены все описываемые памятники, является левым притоком р. Ходзь и относится, таким образом, к бассейну р. Кубани (рис. 1). С геоморфологической точки зрения данный район, демонстрирующий большое разнообразие рельефа, неоднороден. Верхнее и среднее течение Губса находится в пределах куэстовых хребтов Северо-Западного Кавказа (Скалистый и Лесистый хребты), а в нижнем течении река выходит на равнину, именуемую Закубанской или — реже — Прикубанской. Названные выше хребты определяются как среднегорные и даже низкогорные (Лесистый, иначе — Черные горы). Рельеф здесь характеризуется ступенчатым устройством поверхности с уклоном и понижением высот к северу, а также глубоким расчленением ее многочисленными поперечными и продольными речными долинами, образующими обширные плато [Кузнецов, 1953]. Граница природных зон не совпадает с орографической и проводится в той или иной степени севернее последней (см., например: [Гвоздецкий, 1963, с. 68; Думитрашко, 1966, рис. 19, 72]). Судя по различным физико-географическим схемам, бассейн Губса относится к западной части Северокавказской провинции Большого Кавказа [Гвоздецкий, 1963] или же к так называемому Кубанскому Кавказу [Думитрашко, 1966, с. 315, рис. 72].

Кубанский Кавказ в целом описывается обычно как область с умеренным и довольно влажным климатом [Гвоздецкий и др., 1966], что является результатом, с одной стороны, соседства на севере с южнорусскими степями, с другой — влияния средиземноморских и атлантических циклонов с запада [Гвоздецкий, 1963; Гвоздецкий, Голубчиков, 1987]. Годовое количество осадков в предгорьях и в полосе куэст достигает 800 мм [Гулишавили, 1964], причем помимо увеличения осадков с возрастанием высоты гор отмечается также зависимость степени конденсации влаги от характера рельефа и расположения речных долин. Как указывает Н. А. Гвоздецкий, поперечные каньоно-

образные ущелья рек, рассекающие куэстовые хребты, собирают намного больше влаги, чем продольные долины за хребтами, находящиеся в «дождевой тени» [Гвоздецкий, 1963, с. 118—119]. Это вполне согласуется со значительной увлажненностью Губского ущелья, прорезающего Скалистый хребет в направлении с юго-запада на северо-восток. Как и весь северный склон Большого Кавказа, в отличие от южного, район Губского ущелья характеризуется относительно умеренным климатом (средняя температура июля колеблется от 18 до 22 градусов). Более суровый климат северного склона находит отражение и в большем развитии ледникового покрова [Котляков, Кренке, 1980]. Так, ближайшие к Губскому ущелью ледники отмечены в верховьях р. Лабы и Белой. Естественно, что на температурный режим здесь влияют и общие особенности горных областей, где обычно столь велика роль высотной зональности. Несмотря на то что в районе ущелья абсолютные высоты лежат в пределах низкогорной зоны, климат в нем имеет отличия от такового в низовьях реки.

В среднем и нижнем течении, где Губс, выйдя из каньона, пересекает невысокую гряду Лесистого хребта и выходит на Закубанскую равнину, климат становится заметно суше и теплее. Меняется там и характер растительности: горные широколиственные леса сменяются лесостепью, переходящей в степь. По мнению Н. А. Гвоздецкого, переход к лесостепи объясняется, однако, не только понижением и изменением рельефа, но и характером горных пород — сменой верхнеюрских известняков гипсоносными толщами титона, на которых обычно развивается более ксерофитная растительность [Гвоздецкий, 1994]. Рельеф все же играет, на мой взгляд, определяющую роль, и поэтому было бы более правильно, видимо, относить низовья Губса в районе его впадения в Ходзь не к Кубанскому Кавказу, а к иной природной области — Азово-Кубанской равнине, входящей уже в состав провинции Предкавказских степных равнин и возвышенностей [Думитрашко, 1966]. Несмотря на известную формальность и условность подобных подразделений, представляется важным

внести такие коррективы, чтобы подчеркнуть разнообразие связанных с Губсом ландшафтов, которые столь варьируют на ограниченном (всего около 40 км) участке его течения [Любин, 1977; Любин и др., 1973] (рис. 2; 4А).

Определенные изменения в характере ландшафта и растительности можно проследить и в районе самого Губского ущелья, если подниматься от его дна на поверхность вышележащего плато. Отмечу вначале, что для Кубанского Кавказа в целом характерен так называемый западнокавказский тип высотной зональности ландшафтов [Гвоздецкий, 1954; 1963; Гвоздецкий, Голубчиков, 1987]. Нижнюю высотную зону в нем составляют луговые степи с участками дубовых лесов, выше идет горно-лесная зона, включающая пояс широколиственных лесов и пояса смешанных и хвойных лесов, еще выше — горно-луговая зона с субальпийским, альпийским и субнивальным поясами и, наконец, нивально-гляциальная зона. Во всех поясах горно-лесной зоны Западного Кавказа отмечены элементы колхидской растительности [Гвоздецкий, 1963; Долуханов, 1966; Банников и др., 1967] — благодаря соседству с Колхидой, понижению здесь высоты гор и влажному, достаточно теплomu для существования этой флоры климату. Район Губского ущелья относится к поясу

широколиственных лесов горно-лесной зоны, однако на самых высоких его уровнях появляется подрост пихты, что знаменует собой переход к следующему поясу — смешанных хвойно-широколиственных лесов [Гвоздецкий, 1994]. Над ущельем с обеих сторон располагаются водораздельные плато с останцами древних террас и поверхностей выравнивания. Там уже господствуют разнообразные луговые и степные ценозы, однако края плато, некоторые склоны и пониженные участки рельефа (карстовые воронки, балки и т. п.) заняты широколиственным лесом и кустарником [Левковская, 1994]. Часть открытых полей может также, по мнению Н. А. Гвоздецкого, представлять собой вторичные послелесные луга — результат выпаса. В лесу по бортам ущелья и на плато преобладают бук, граб, дуб, осина, ольха, встречаются береза, ясень, ряд видов клена, вяз, липа, дикие плодовые деревья (груша, алыча, яблоня). Подлесок здесь составляют главным образом лещина, кизил, боярышник, бересклет, шиповник, ежевика и др. [Гвоздецкий, 1994]. Среди экзотов, характерных для растительности современной Колхиды, назову, например, падуб, ломонос, дуб Гартвиса (армянский) [Гвоздецкий, 1963; Долуханов, 1966, с. 236; Алентьев, 1976].

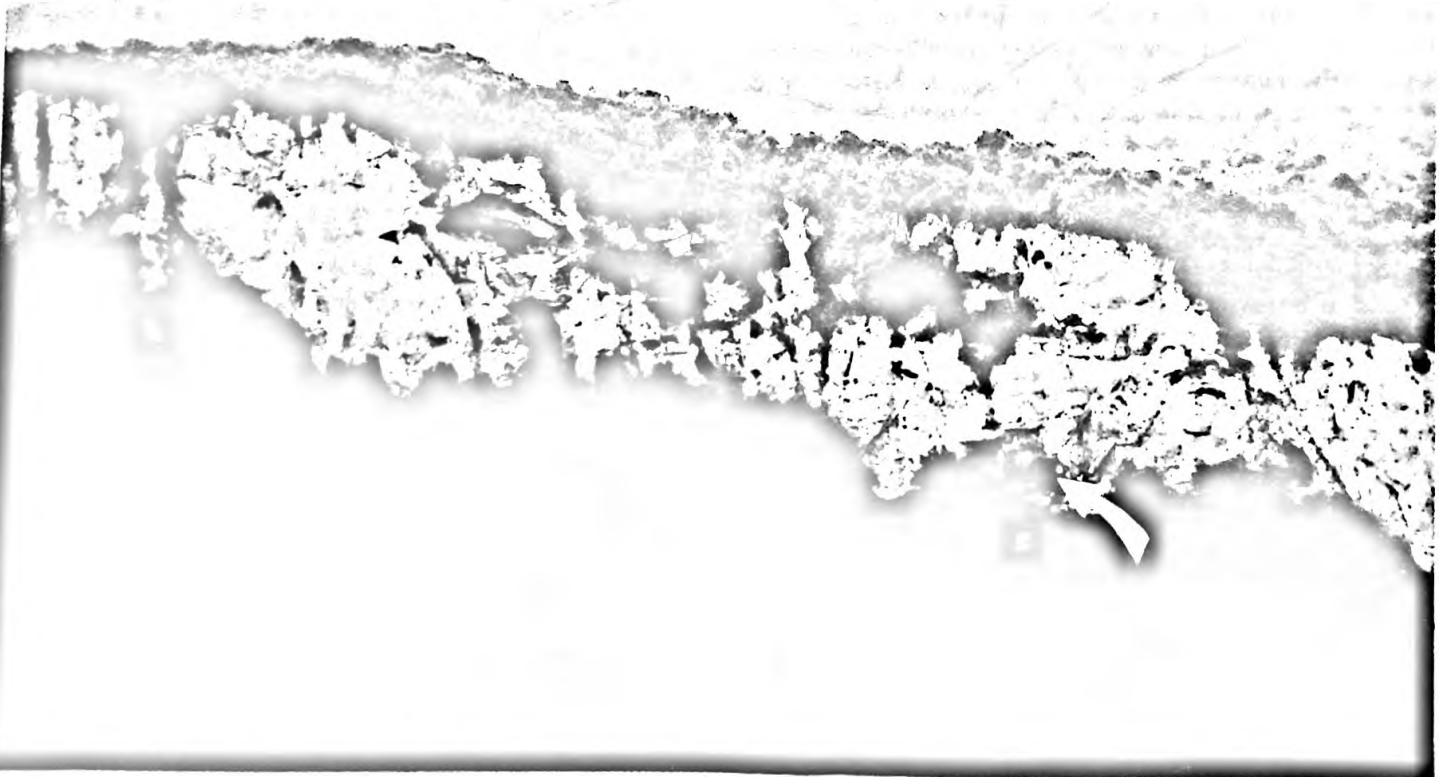

Рис. 2. Вид на левый, северный борт Губского (Борисовского) ущелья (стрелка указывает на Монашескую пещеру)

Fig. 2. View of the left, northern side of the Gubs river canyon (white arrow indicates location of Monashechkaya Cave)

Климат и разнообразие ландшафтов обуславливают состав фауны: в долине Губса должны обитать и животные горно-лесной зоны, и — в низовьях реки и на плато — жители открытых лесостепных и степных пространств. Слово «должны» употреблено не случайно, т. к. близкое присутствие человека и его деятельность (лесозаготовки, выпас скота, распашка предгорных равнин и плато) очень сильно нарушили картину распространения видов. Среди лесных животных в качестве самых характерных для этого региона отмечаются лисица, лесная и каменная куницы, лесная соя, кабан, косуля, благородный олень, волк, шакал, бурый медведь [Барышников, 1979; Аутлев, Любин, 1994]. Но в реальности можно встретить, пожалуй, лишь животных из первой половины списка. Для степей Предкавказья типичны заяц-русак, лисица, белый хорь, а также обыкновенный слепыш, слепушонка, серый суслик и другие мелкие грызуны [Исаков и др., 1966, с. 285—287]. Трудно уверенно сказать, какие из этих видов действительно присутствуют сейчас в низовьях Губса и на открытых пространствах водоразделов. Отметим, однако, что в современных (поздний голоцен) отложениях Монашеской пещеры были найдены остатки зайца-русака и ныне уже вымершего обитателя Кавказских степей и лесостепей сурка [Барышников, 1979].

Такова вкратце современная природа рассматриваемого региона. Что же касается реконструкции характера и динамики природной среды, которая существовала в долине Губса во времена обитания здесь мустьерских людей, то это потребует обсуждения соответствующих естественнонаучных данных, полученных в ходе исследования стоянок. Анализ их будет предложен ниже в главах 4 и 6. Сейчас, однако, вновь обратимся к орографической и геоморфологической характеристикам района исследований, но рассмотрим их теперь более подробно — в связи с историей развития данного рельефа и приуроченностью к нему памятников.

1.2. Рельеф ущелья и особенности расположения памятников

Истоки Губса приурочены к двум вершинам Скалистого хребта — горам Шидехт (1208 м) и Галкина (1222 м). Общее направление его течения — на северо-восток. На протяжении первых двух километров Губс, меандрируя, течет по узкой долинке с известняковым и гипсовым ложем, окруженной с обеих сторон невысокими густозалесенными горами [Аутлев, Любин, 1994]. Далее река прорезает полосу известняковой толщи, образуя настоящий каньон глубиной до 150—200 м. Абсолютная высота его бортов составляет около 800—900 м [Гвоздецкий, 1994], а протяженность — около 4,5—5,0 км. Правый, более высокий борт каньона расчленен глубокими долинами правых

притоков Губса, что обусловило более сильную эрозию этого борта и расширение всего ущелья в средней части, делящее его на два отрезка — верхний и нижний [Несмеянов, 1994]. Неравномерность эрозии, по мнению С. А. Несмеянова, выполнившего геоморфологическое исследование ущелья, связана прежде всего с направлением стока, что, в свою очередь, есть результат общего уклона земной поверхности на северном склоне Большого Кавказа к северо-северо-востоку. Подобный уклон в целом характерен и для плато, расположенных над ущельем Губса. Левобережное плато увенчано горой Эквецопко (1073 м), а по правую сторону господствующей высотой является гора Кизинчи (около 1150 м). На плато отмечены останцы древних поверхностей выравнивания и террас, молодые эрозионные формы рельефа (небольшие овраги, балки) и разнообразные карстовые явления (воронки, котловины, слепые балки, поноры, колодцы, пещеры, естественные мосты и т. п.). Карстующейся породой здесь являются гипсы титоновой свиты [Гвоздецкий, 1994].

Карст широко развит в известняках оксфорд-кимериджа (верхняя Юра), в которые врезано само ущелье. Карстовые явления вообще очень характерны для Скалистого хребта, где Н. А. Гвоздецкий выделил ряд крупных карстовых областей. Район Губского ущелья был отнесен им к Западной области Северо-Кавказских куэст [Гвоздецкий, 1952; Гвоздецкий, Маруашвили, 1977]. В ущелье Губса, а также в низовьях правого его притока — ручья Лубочного, именуемого иначе Псеубеком, развиты многочисленные карстовые ниши, навесы и гроты. Длинных галерейных или разветвленных пещер здесь не обнаружено [Гвоздецкий, 1994]. Навесы, ниши и гроты образуют в бортах Губского каньона несколько ярусов, которые особенно многочисленны и хорошо выражены в среднем ярусе левого, северного борта. Именно к нему и приурочены основные палеолитические стоянки, в частности, описываемые в данной работе пещеры Монашеская, Баракаевская и Губский навес № 1, а также Касожская пещера, где найдены верхнепалеолитические материалы. Баракаевская и Касожская пещеры (точнее, гроты) расположены в верхней части этого среднего яруса (высота над рекой примерно 80 м), а Монашеская и Губский навес № 1 — несколько ниже — 65—70 м [Несмеянов, 1994]. Еще ниже находятся Русланова пещера (40—45 м) и навес № 7, или Сатанай (21 м), в которых существовали верхнепалеолитические стоянки.

Ярусное расположение навесов, ниш и гротов указывает на эрозионную природу их происхождения. По мере врезания ущелья русло реки блуждало по его дну и подмывало борта, образуя в их основании навесы и ниши. Этот процесс можно наблюдать и в современном русле реки — например, при слиянии Губса с Лубочным ручьем [Гвоз-

децкий, 1994]. Разумеется, в дальнейшем, когда поток оказывался ниже определенного уровня таких ниш, развитие их происходило уже за счет процессов химического выветривания, десквамации (морозного шелушения стен) и т. п. Наиболее активно образование ниш и навесов шло в средней части известняковой толщи, которая благодаря некоторым структурным и текстурным особенностям породы легче поддавалась эрозионным процессам. Образование гротов, по наблюдениям Н. А. Гвоздецкого, связано еще, как правило, с наличием крупных трещин и совместной работой как речных, так и подземных вод, которые дренировались тем или иным уровнем русла. Порой грот может сочетаться с навесом, как в Монашеской пещере. В этом случае ровное террасовидное днище навеса прорезано желобом, пропиленным более или менее постоянным водотоком в результате просачивания карстовых вод по лежащей в основе грота трещине [Несмеянов, 1994]. В настоящее время большинство гротов и навесов Губского ущелья сухие, т. е. не имеют постоянно действующих водотоков. Однако в особенно влажные сезоны или после сильных ливней в некоторых из них (например, в Монашеской, Баракаевской) возрастает капель и открываются все новые и новые, а вернее, «хорошо забытые» старые ее источники. Что касается более мощных карстовых источников типа небольших ручьев, то они известны ныне только рядом с убежищами: родники около Монашеской и Аутлевской пещер и близ навеса Сатанай. Маломощный родничок имеется также между пещерами Баракаевской и Касожской. Время возникновения их, конечно, установить невозможно, но вполне допустимо, что эти источники использовались еще палеолитическими обитателями губских пещер. Губское ущелье недаром именуется иногда каньоном, т. к. оно действительно имеет весьма обрывистые и даже порой совершенно отвесные борта. Их нижняя часть, однако, скрыта под шлейфом гравитационных отложений, перекрывших низкие аккумулятивные террасы Губса. Пещеры, служившие людям стоянками, располагаются как раз на границе этих задернованных и поросших лесом склонов и скальных стен каньона. Последние постоянно разрушаются и отступают, о чем явно свидетельствует огромное количество известняковых глыб и щебня на склонах ущелья и наличие их же в отложениях пещер и навесов. Это говорит нам о том, что первоначальные размеры и форма скальных убежищ отличались от современных и что перекрываемая ими и, следовательно, более пригодная для заселения земляная поверхность ранее имела, видимо, несколько большую площадь. Это особенно хорошо прослеживается в Губском навесе № 1 [Любин, 1977; Любин и др., 1973] и в Баракаевской, где культурный слой простирается за пределы современной капельной линии и на-

лицо следы обрушения скального козырька [Любин, 1994б].

Приведем теперь краткое описание расположения и характеристику самих интересующих нас убежищ согласно суммированным данным П. У. Аутлева [Аутлев, 1964; 1973; Аутлев, Любин, 1994], В. П. Любина [Любин, 1977; Любин и др., 1973], Н. А. Гвоздецкого [1994], С. А. Несмеянова [1994], а также исходя из сведений, содержащихся в полевых отчетах разных лет, и собственных наблюдений. Мустьерские пещерные стоянки располагаются в различных пунктах Губского ущелья и даже вне его (рис. 1Б; 3). В последнем случае речь идет об Аутлевской пещере (Карпова поляна 1), которая находится в 4—5 км к юго-востоку от Монашеской пещеры, на водоразделе между двумя правыми притоками Губса — ручьями Лубочным и Безыманным (иначе — Зубковым), в скальном обрыве на восточном склоне горы Круглой (1235 м) (рис. 1Б, 6Б). Аутлевская является наиболее высокой из всех рассматриваемых пещерных стоянок: ее абсолютная высота составляет около 1000 м, высота над ручьем Зубковым — порядка 150—200 м. Это небольшой грот глубиной около 10 м — один из трех гротов, соседствующих здесь в невысоком (6—7 м) скальном обрыве, над которым находятся уже пологие края плато, поросшего широколиственным и смешанным лесом. Вход в Аутлевскую пещеру обращен на восток.

Стоянки Баракаевская, Монашеская и Губский навес № 1 расположены в пределах собственно Губского ущелья, причем Баракаевская приурочена к его верхнему звену. Эта пещера находится в основании скального обрыва высотой около 25 м, но неподалеку от достаточно удобного выхода на плато. Высота Баракаевской над рекой составляет, как уже отмечалось, примерно 80 м. Эта пещера представляет собой грот глубиной около 8 м с обращенным на юг входом (рис. 5; 72). Монашеская пещера и расположенный в 30 м от нее к западу Губский навес № 1 расположены в нижнем отрезке ущелья, т. е. ниже по течению Губса, в 2,0—2,5 км восточнее Баракаевской. Относительная их высота находится в пределах 65—70 м. Отвесный скальный обрыв над этими убежищами достигает высоты 80 м, однако приблизительно в 200 м к северо-востоку от Монашеской скалы расступаются и имеется довольно крутой, но вполне доступный подъем на плато. Монашеская пещера является сочетанием обширного (ширина — 25—30 м, высота — до 13 м) открытого к югу навеса и двух карстовых коридоров: разработанной по трещине северо-северо-восточного простираения узкой пещерной полости, уходящей вглубь массива примерно на 20 м, и маленького грота (длина — 10 м) со скальным полом, также связанного с трещиной, но уже северо-западного направления (рис. 4Б; 10). Находящийся за поворотом скалы Губский навес № 1 имеет длину 16—18 м и глубину 7—10 м (рис. 70). Скальный

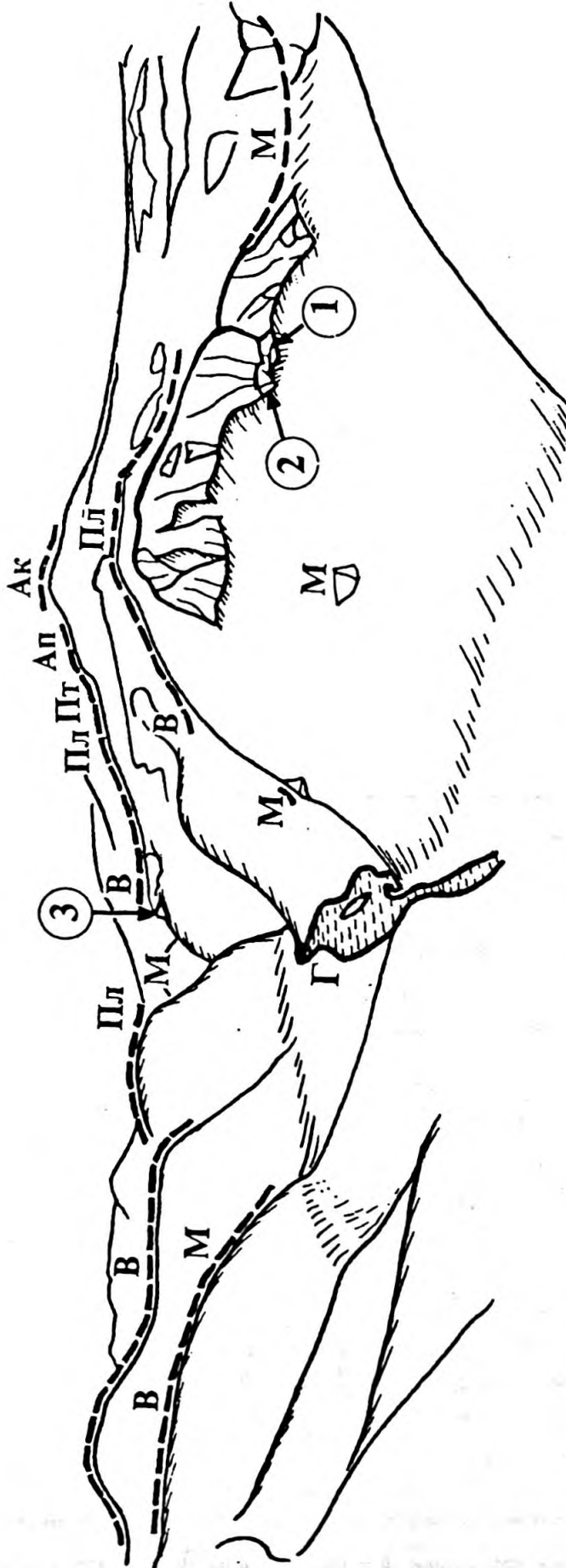

Рис. 3. Геоморфологическая схема Губского (Борисовского) ущелья (по: [Несмеянов, 1994]). Террасовые уровни:

Ак — ачкагылский; Ап — апшеронский; Пт — палферовский; Пл — палферовский; В — верхнебаракавский; М — монашеский; Г — губский; цифры в кружках указывают расположение стоянок: 1 — Монашеская пещера; 2 — Губский навес № 1; 3 — Баракавская пещера

Fig. 3. Geomorphological scheme of the Gubskiy gorge canyon (after: [Несмеянов, 1994]). The terrase levels:

Ак — akchagyl; Ап — arsheron; Пт — putar; Пл — pallferov; В — verkhnebarakavski; М — monasheski; Г — gubski; numbers within the circles indicate the sites: 1 — Monasheskaya; 2 — Gubski № 1 Rock shelter; 3 — Barakavskaya

А

Б

Рис. 4. А — вид на долину р. Губс в нижнем течении; Б — общий вид на Монашескую пещеру (вид с юго-запада)
 Fig. 4. А — view of the Gubs river valley on the lower reaches; Б — general view of Monasheskaya Cave (from SW)

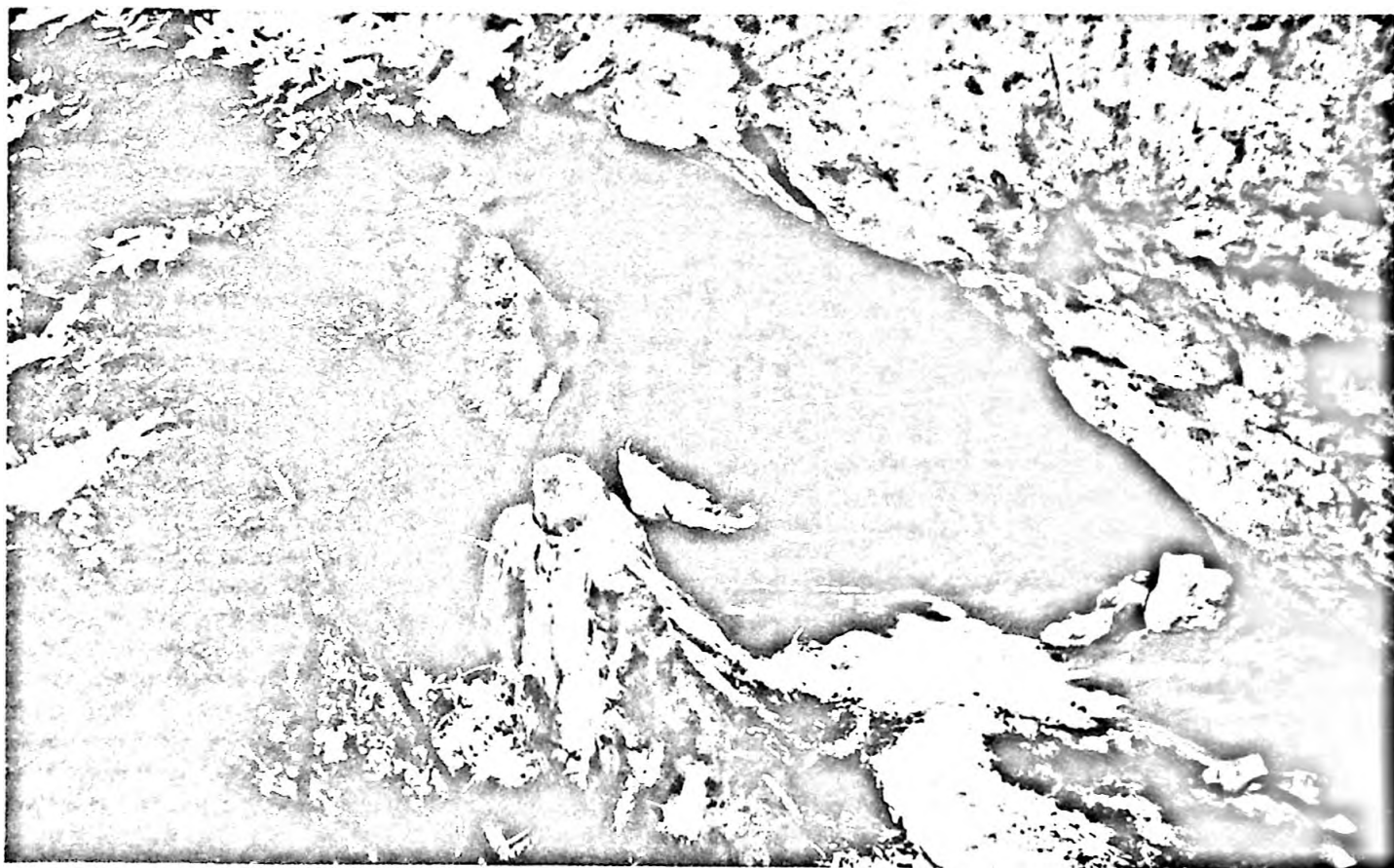

Рис. 5. Общий вид на Баракаевскую пещеру
Fig. 5. General view of Barakaevskaya Cave

козырек здесь не выражен, его роль выполняет нависающая скальная стена с крутопадающей крупной трещиной, дополняемой рядом более мелких. Это обстоятельство, а также обилие крупных глыб наряду с распространением культурного слоя далеко за пределы нынешней капельной линии предполагает значительное видоизменение и разрушение навеса со времени его начального заселения [Любин, 1977; Любин и др., 1973]. Периодическое обрушение целых известняковых блоков характерно для этого участка стены каньона и по сей день.

При определенном разнообразии типов скальных убежищ, выбранных для поселения мустьерскими людьми, все они имеют и ряд общих черт, которые, вероятно, и определяли их привлекательность. Это южная экспозиция, защита от дождя и ветра, близость родников [Любин, 1977], а также, видимо, и близость удобных выходов на плато, которое могло служить местом больших охот. Что касается защиты от дождя и ветра, то необходимо добавить к этому абсолютно верному в целом положению определенные замечания. Как показывает полевой опыт, даже в летний сезон и в условиях современного достаточно мягкого климата неглубокие гроты и навесы не всегда являются достаточным укрытием от непогоды. Даже в Монашеской пещере, где глубина навеса

достигает 11 м, наблюдался случай, когда ветер доносил дождь с градом до его внутренней стены, заставляя людей отступать с площадки вглубь основного карстового коридора. Очевидно также, что в случае наступления холодов ни о каком особом микроклимате говорить здесь не приходится, а обогрев таких навесов с помощью костров практически невозможен, чем они невыгодно отличаются от узких и глубоких пещер и гротов. Неглубокие гроты с широкими входными отверстиями, каковые и преобладают в ущелье благодаря их эрозионному происхождению, также являются не слишком комфортабельными жилищами. Поскольку же климат мустьерской эпохи был в целом значительно суровее современного, то неизбежно возникает предположение о вероятном существовании на стоянках неких дополнительных искусственных сооружений. Эта идея уже была высказана В. П. Любиным в отношении Губского навеса № 1 [Любин, 1977], но представляется, что она должна быть справедлива и для Монашеской пещеры, где как будто появились даже некоторые свидетельства в ее пользу (см. гл. 3), и, возможно, для Баракаевской пещеры.

Губское ущелье привлекало мустьерских охотников, а позднее также и носителей верхнепалеолитических индустрий не только наличием удобных пещерных убежищ и разнообразием ландшаф-

тов, богатых промысловой фауной. Очень важным обстоятельством, помимо этого, как отмечают П. У. Аутлев и В. П. Любин, является обилие здесь кремневого сырья [Аутлев, 1964; 1970; Любин и др., 1973]. Действительно, Губс с полным правом мог бы называться не только «пещерной рекой» (буквальный перевод этого названия с адыгейского языка), но и «кремневой рекой». Особенно резко бросается в глаза данная особенность Губса после разведок палеолита, проведенных по долинам ряда близлежащих рек — Кизинке, Гурмаю, Бугунже, верхнему течению Ходзи, где встречены лишь единичные изделия, а необработанное кремневое сырье и вовсе практически отсутствует. На Губсе же кремнь встречается как в стенах ущелья (в виде впаянных в известняки желваков), так и в русле реки, в особенности в низовьях, где сырье отличается более широким ассортиментом и высоким качеством.

Помимо пещерных стоянок мустье — верхнего палеолита в ущелье имеются и палеолитические местонахождения, причем одно из них, расположенное в верхнем отрезке каньона, в делювии юго-восточного склона горы Палферова (правый борт ущелья), судя по общему облику многочисленных находок, может быть отнесено как будто еще к позднему ашелю [Аутлев, Любин, 1980; Аутлев, Любин, 1994; Несмеянов, 1994]. Два местонахождения с мустьерским материалом были обнаружены около Баракаевской пещеры в отложениях низкой 7-метровой террасы и, наконец, очень крупное (по количеству собранных изделий) местонахождение установлено в обрыве 10—15-метровой террасы непосредственно под Монашеской пещерой. Последнее получило наименование по бытующему среди местного населения другому названию Губского ущелья — Борисовское (рис. 6А). Степень переотложенности подобных материалов различна и не всегда ясна. Если для Палферовского местонахождения вполне допустимо предполагать снос изделий с вышележащей поверхности высотой 100—120 м (соответствует X (плиоценовой) по И. Н. Сафронову [1958] террасе р. Кубань), то первоначальная приуроченность мустьерских находок более спорна. Скорее всего, что в молодую низкую 7-метровую террасу они попали с каких-то более высоких уровней. Особняком стоит вопрос о природе Борисовского местонахождения. Существует мнение о сносе всех его материалов из Монашеской пещеры или же с существовавшей ранее под ней террасы, впоследствии перекрытой склоновым делювием [Несмеянов, 1994]. С другой стороны, обилие, компактность залегания и состав изделий, а также их определенное своеобразие заставили В. П. Любина усомниться в такой интерпретации и не исключать возможную самостоятельность этого комплекса [Любин, 1994а]. Более подробно этот вопрос будет еще рассмотрен ниже, в связи с анализом материалов Борисовского (см. гл. 7).

Хотя основные мустьерские памятники бассейна Губса сосредоточены в его ущелье, палеолитические находки встречаются и за пределами горного участка. Проследим теперь дальнейшее течение Губса и сопутствующие ему ландшафты. Ниже по течению Губса от места его слияния с Лубочным ручьем борта ущелья постепенно раздвигаются и делаются более пологими. Начиная с северо-восточной оконечности станицы Баракаевской (570 м над ур. м.), Губс течет по слабохолмистой предгорной равнине, сложенной верхнечетвертичными аллювиально-делювиальными отложениями [Аутлев, Любин, 1994]. Меандрируя, Губс врезается здесь в свою достаточно обширную (до 500—700 м) пойму. Справа и слева от русла тянутся террасированные возвышенности, которые представляют собой водораздельные плато. Справа это высокий левый берег Ходзи, синхронизируемый с IX нижнечетвертичной террасой Кубани [Сафронов, 1958], а слева террасы Губса примыкают к водоразделу р. Ходзи и Псефира. С обеих сторон в Губс впадают многочисленные притоки — как правобережные (Уварова балка (Псекеф), Джебюк, Глубокая балка), так и левобережные (Романец, Адарам, Чугублук, Кунактау), причем последние сосредоточены в нижнем течении, где река пересекает невысокие отроги Лесистого хребта. Наивысшей точкой его здесь является расположенная в 7 км к северо-северо-западу от станицы Губской (рис. 1) гора Кунактау (764 м), со склонов которой и стекают речки Кунактау и Чугублук. В самых низовьях Губса, при впадении его в Ходзь, местность приобретает уже вполне равнинный характер, и река выходит на Закубанскую равнину [Аутлев, Любин, 1994] (рис. 4А).

Каменные изделия, собранные в низовьях Губса П. У. Аутлевым [Аутлев, 1970], происходят из русла реки и из отложений низких террас. Окатанность и побитость большей части предметов указывают на сильное и многократное переотложение, а смешанный состав коллекции — от изделий ашельского облика до верхнепалеолитических пластин и нуклеусов — заставляет связывать их первоначальное залегание с разновысотными и разновременными террасами. По-видимому, и в нижнем течении Губса в период палеолита существовали разнообразные стоянки под открытым небом, материалы которых после разрушения сносились в Губс его многочисленными притоками. Размещение там стоянок было связано, вероятно, прежде всего с уже упомянутым обилием кремневого сырья, которое по качеству и размерам очень выгодно отличается от мелких и часто трещиноватых желваков, происходящих из стен Губского каньона. В работе П. У. Аутлева указано, что сборы производились им «...в русле Губса, начиная от устья и кончая его истоками». Однако, судя по его краткому описанию наиболее богатых находками пунктов и приведенным там же количественным данным [Аутлев, 1970, с. 393—400], а

Рис. 6. А — общий вид на Борисовскую стоянку (стрелка указывает место зачистки 1991 г.); **Б** — общий вид на Аул-левскую пещеру

Fig. 6. А — general view of the open — air site of Borisovskaya (arrow indicates the 1991 excavation zone); **Б** — general view of Aultevskaya Cave

также опираясь на результаты собственных сборов и наблюдений, можно прийти к заключению о почти полном отсутствии палеолитических материалов в среднем течении реки (от места выхода Губса из каньона и почти до станицы Губской). Несмотря на недостаточную, быть может, изученность этого отрезка, данный вывод, как кажется, вряд ли подвергнется пересмотру. На среднем участке нет ни скальных убежищ, ни «дикого» кремня, а именно эти факторы, видимо, были решающими для палеолитического населения Губской долины при выборе мест для своих стоянок.

К сожалению, за исключением небольших рекогносцировочных разведок П. У. Аутлева [Аутлев, 1970] археологические изыскания на высоких террасах в низовьях Губса практически не велись, и поиски остатков предполагаемых стоянок остаются делом будущего. До тех пор мы вынуждены будем иметь дело лишь с подъемными переотложенными материалами, хронологическая атрибуция которых возможна только путем сравнительно-морфологического анализа (см. гл. 7). Возможности оценки возраста стратифицированных памятников в пещерах Губского ущелья намного шире, хотя и здесь есть свои существенные проблемы — отсутствие абсолютных дат. Более подробно вопросы хронологии с опорой на корреляцию биостратиграфических данных будут рассмотрены в последующих главах. Сейчас же я коснусь лишь одного из подходов к хронологической оценке губских памятников, поскольку он основывается на реконструкции истории формирования рельефа ущелья и приуроченности к нему средне- и верхнепалеолитических стоянок.

1.3. Обсуждение оценок возраста рельефа (по С. А. Несмеянову)

Данная попытка была предпринята С. А. Несмеяновым, который впервые разработал и применил методику возрастного расчленения рельефа, участвуя в изучении памятников палеолита в Средней Азии [Ранов, Несмеянов, 1973; Несмеянов, 1977]. Суть его методики состоит в выделении разномасштабных комплексов эрозионно-аккумулятивных циклов, отвечающих главным этапам орогенеза. Иначе говоря, предполагается, что импульсивность роста горных сооружений отражается в пропорциональных по глубине врезам речных систем. Как пишет сам автор метода, «выделение групп одномасштабных врезов позволит сопоставить разновозрастные этапы развития речных долин и разных по удаленности от гор частей одной долины, даже если в них каждому этапу будет отвечать неодинаковое число террас» [Несмеянов, 1986]. Последнее подчеркивается как особо важный аспект, поскольку, в частности, для Кубани и ее притоков очень характерно явление расщепления террас, т. е. изменение их количества на разных участках течения, что приводит к невоз-

можности их единой нумерации и затрудняет корреляцию. Методика С. А. Несмеянова включает в себя как разработку локальных схем, так и их сопоставление, что выразилось в попытке корреляции его схемы возрастного расчленения рельефа в районе Губского ущелья с аналогичными схемами для среднего течения р. Белой и террас р. Кубани [Несмеянов, 1986; Несмеянов, Голованова, 1988].

Результаты этой работы были достаточно подробно изложены самим автором в соответствующем разделе монографии [Несмеянов, 1994], посвященной Баракаевской пещере, поэтому здесь будут изложены и прокомментированы только основные выводы С. А. Несмеянова. Этот исследователь выделяет три крупнейших этапа формирования рельефа рассматриваемого района. Первый этап, который завершился, согласно его мнению, еще в раннем плейстоцене, характеризуется «...нечеткой оформленностью речной сети при весьма слабом расчленении рельефа». Ему отвечают три террасовых уровня, сохранившихся на останцовых возвышенностях плато и склонах г. Эквецопко (рис. 3). Два верхних уровня, как полагает С. А. Несмеянов, сформировались уже в апшероне и, возможно, акчагыле, что согласуется с мнением ряда других авторов, датирующих вершины водоразделов этого района верхним плиоценом [Лебедева, 1956; Сафронов, 1958; Кожевников, 1962]. Следующий, второй этап выделяется им по двум широким педиментообразным террасовым уровням, прослеживаемым на примыкающих к ущелью двух плато, — палферовскому (высота цоколя террасы примерно 140 м) и верхнебаракаевскому (100 м). Поверхность их сильно затронута эрозией и, местами, карстом. В этот период долина пра-Губса, как считает С. А. Несмеянов, могла иметь ширину в несколько километров и плоскостной корытообразный профиль. Предполагаемая датировка этого этапа, который непосредственно предшествовал активизации воздыманий на этой территории и образованию здесь каньонобразных ущелий, — средний и начало верхнего плейстоцена.

Наконец, третий этап отражает формирование самого Губского ущелья (поздний плейстоцен) и последующее моделирование его днища (конец позднего плейстоцена — голоцен). Первая фаза этого этапа включает два комплекса сходных по глубине эрозионных врезов. Общая глубина их составляет около 100 м, и они практически полностью сформировали каньон. Уровень, соответствующий верхнему из этих врезов глубиной порядка 60 м, сохранился плохо. По мнению С. А. Несмеянова, цоколь этой террасы (50 м) прослеживается несколько ниже Монашеской пещеры, по которой он и получил свое название (рис. 3). Нижний врез этого комплекса глубиной до 45 м выражен лучше, и ему отвечает терраса, имеющая высоту 20—30 м (включая мощный аккумулятивный чехол) и ширину до 50 м. Именно ее, по-видимому,

имел ранее в виду В. М. Муратов, говоря о единственном наблюдаемом им в ущелье террасовом уровне [Муратов, 1969, с. 755]. По имени одной из стоянок С. А. Несмеянов назвал этот уровень сатанайским. Последний комплекс врезов — позднеплейстоценово-голоценовый — имел общую глубину всего лишь порядка 5—6 м. Ему соответствуют низкие борисовская и губская террасы со средней высотой, соответственно, около 10 и 4 м. Самый молодой из этих врезов еще не завершился, благодаря чему практически на всем протяжении ущелья Губс течет по скальному ложу.

По поводу расположения памятников и возможного времени образования пещерных убежищ автор данной региональной схемы высказывает следующие соображения. Основная часть навесов, гротов и пещер связана с первым позднеплейстоценовым эрозионным врезом, который завершился формированием террасового уровня Монашеской пещеры. Поскольку же Баракаевская и Касожская пещеры, как отмечалось выше, находятся в верхнем пещерном ярусе, т. е. приурочены к верхней части данного вреза, а Монашеская пещера и Губский навес № 1 сближены с его цоколем, то можно предположить несколько более позднее образование последних. Как полагает С. А. Несмеянов, «не исключена поэтому принципиальная возможность более древнего первичного заселения Баракаевской пещеры по сравнению с Монашеской и Губским навесом № 1» [Несмеянов, 1994, с. 28]. Принимая в целом эту возможность как для Баракаевской пещеры, так и для расположенной намного выше Аутлевской, не открытой еще в момент создания этой схемы, следует, однако, учитывать и осторожность ее автора в данном вопросе. Конечно же, гипсометрическая позиция сама по себе отнюдь не предопределяет возраст памятника, а время первоначального заселения пещерной полости не обязательно должно быть близким ко времени ее формирования. Так, рядом с Баракаевской мустьерской стоянкой располагается Касожская пещера, которая, судя по ее материалам, впервые была заселена людьми только в период верхнего палеолита. Можно лишь догадываться сейчас, по каким причинам мустьерские люди предпочли обосноваться исключительно в Баракаевской, а более поздние пришельцы — в Касожской (параметры убежищ, сухость в различные периоды и т. п.).

Автор геоморфологического описания Губского ущелья предложил также корреляцию террасовых уровней Губса с соответствующими комплексами р. Кубани и Белой [Несмеянов, 1986, табл. 4; Несмеянов, 1994, табл. 2] и даже абсолютную датировку последних [Несмеянов, 1986, табл. 6]. Если суммировать эти данные, то получается, что монашеский уровень соответствует вюшатской террасе (страторайон среднего течения р. Белой), которой приписывается абсолютный возраст порядка 55 тыс. лет. К этой же террасе отнесена им

и известная мустьерская стоянка открытого типа Ильская, расположенная в бассейне нижней Кубани. Заметим, что позднее С. А. Несмеянов существенно скорректировал свои датировки: время формирования пещер Монашеской, Баракаевской и Губского навеса № 1 он определил как интервал 120—70 тыс. лет назад [Несмеянов, 1992, с. 31].

Что же дают нам предлагаемые С. А. Несмеяновым схемы возрастного расчленения рельефа и связанные с ними датировки? Очевидно, во-первых, что о подлинном абсолютном возрасте памятников говорить здесь, видимо, никак нельзя: оценки времени формирования террас очень приблизительные и грубые, даны порой лишь на уровне крупных подразделений плейстоцена, а корреляции еще далеки от надежности и однозначности. Во-вторых, речь в случае Губского ущелья идет лишь о предполагаемом возрасте самих пещерных полостей, а не их культурных отложений. Разумеется, последние должны быть более молодыми, но насколько — это зависит от множества факторов и потому не может быть установлено единообразным способом. Упомянутый пример с Баракаевской и Касожской показывает это наиболее четко, но определенная разница в возрасте мустьерских отложений отмечается как будто и для двух других соседствующих и одновысотных памятников — Монашеской пещеры и Губского навеса № 1 [Аутлев, 1970; 1973; Любин, 1977; Несмеянов, 1994].

Тем не менее некоторые важные ориентиры в отношении хронологии и размещения памятников предложенная схема все-таки дает. Действительно, расположенные ниже пещерные полости Губского ущелья (Сатанай, Русланова пещера) содержат только верхнепалеолитические материалы, а в высотной Аутлевской пещере в самых низах отложений найдены изделия, которые, как кажется, имеют уже скорее ашельский облик. Напомним, что к верхней части борта ущелья приурочено и упомянутое выше Палферовское местонахождение, для которого тоже предполагается домустьерский возраст находок. Таким образом, эти археологические данные в целом согласуются с концепцией С. А. Несмеянова. Его выводы позволяют также представить себе и вероятные типы местных ландшафтов, окружавших человека в соответствующие периоды палеолита. В ашельское время ущелья, по-видимому, еще не существовало, и люди могли обитать здесь в условиях обширной холмистой долины пра-Губса, которая напоминала, возможно, современное низовье реки. Мустьерские охотники жили уже в окружении более расчлененного и гористого рельефа, осваивая для своих стоянок верхние ярусы скальных полостей, формировавшихся по мере врезания Губса. В эпоху верхнего палеолита глубина каньона постепенно приближалась к современной, и у человека появился большой выбор места поселения — высокие и вместительные убежища, приближенные

к выходам на плато (Касожская, Монашеская, Губский навес № 1), или более низкие, удобные для спуска к реке и днищу ущелья (Русланова пещера, Сатанай). Схема С. А. Несмеянова может также дать некоторые ориентиры в отношении

участков рельефа, наиболее подходящих для обнаружения новых памятников разных эпох палеолита как в данном районе, так и на соседних территориях, где отмечается сходный характер орогенеза.

Глава 2

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ

2.1. Вводные замечания

«Архивы четвертичного периода уничтожаются при перелистывании и могут быть прочитаны только один раз», — так, со свойственной ему образностью и даже несколько утрируя, выдающийся французский ученый Франсуа Борд подчеркнул особую ответственность археолога, раскапывающего палеолитические памятники [Bordes, 1954]. Пользуясь сравнениями автора этой фразы, добавлю, что представление, складывающееся в науке о том или ином памятнике, в значительной мере зависит от того, как «прочел», как понял, как донес до нас информацию, содержащуюся в этом утраченном ныне «тексте», его непосредственный исследователь. Иначе говоря, помимо объективных обстоятельств (характер памятника, его сохранность и т. п.) количество, качество и достоверность информации в значительной мере определяются уровнем методики исследований. Отсюда с достаточной очевидностью следует, что изложение результатов раскопок памятника, включая и анализ археологических материалов, необходимо непременно предварять обоснованием и изложением применяемых методов. Если же это требование не выполняется, то оценка корректности делаемых выводов бывает весьма затруднительна и всякий последующий пользователь такой информации лишается возможности провести критику источника в полном объеме.

В данной главе будет рассматриваться как методика раскопок, так и методика анализа каменного инвентаря. Объединение их вызвано не только тем, что в обоих случаях речь идет о методах и задачах исследования. Анализ археологических материалов является не просто новым, следующим за раскопками этапом изучения памятника — он вытекает из первого и до некоторой степени предопределен им. «Методика полевых исследований во многом определяет не только характер, но и саму возможность дальнейшей работы с материалом», — отмечает, например, Е. В. Миньков [1990]. О том же пишут и специалисты по компьютерному анализу археологических коллекций Дж. Доран и Ф. Ходсон: «...ко-

нечный вывод по поводу описания комплексов очевиден, но он столь важен, что требует повторения: любой подсчет предметов сразу же и далее зависит от согласованного извлечения их из культурных отложений... Полная картина не может быть получена при неполном извлечении материала» [Doran, Hodson, 1975].

2.2. Методика раскопок

Низкий уровень или погрешности методики раскопок резко снижают информативный потенциал памятника и частично обесценивают полученные археологические материалы. Примером тому, к сожалению, являются начальные раскопки Монашеской пещеры, Губского навеса № 1 и Баракаевской пещеры. Шурф, а точнее, даже небольшой раскоп (5,6 кв. м), сделанный в Монашеской пещере в 1961 г., был доведен до скального дна без какой-либо фиксации кремневых изделий и костей. Планы, замеры глубин или хотя бы указания на приуроченность находок к тому или иному слою отсутствовали. Часть материала (мелкие отщепы и чешуйки, а возможно, даже некоторые орудия) в коллекцию не вошла и была оставлена в поле. То же самое имело место и во время первоначальных раскопок Губского навеса № 1 и Баракаевской пещеры. Причем если в Монашеской пещере подобным образом был разобран лишь прикраевой и небольшой относительно общей площади навеса участок (рис. 7), то в Баракаевской раскоп-шурф захватил уже значительную часть в самом центре стоянки (рис. 72), а в Губском навесе № 1 — вообще практически уничтожил весь памятник (рис. 70), составив около 13 кв. м. Неполнота полученных таким образом первых коллекций и отсутствие данных о распределении находок по слоям весьма сузили возможности их анализа. Потому, хотя эти материалы и позволили В. П. Любину выделить здесь особую губскую мустьерскую культуру, он был вынужден оговаривать предварительность своих суждений, оставляя выяснение многих аспектов на будущее [Любин, 1977, с. 188].

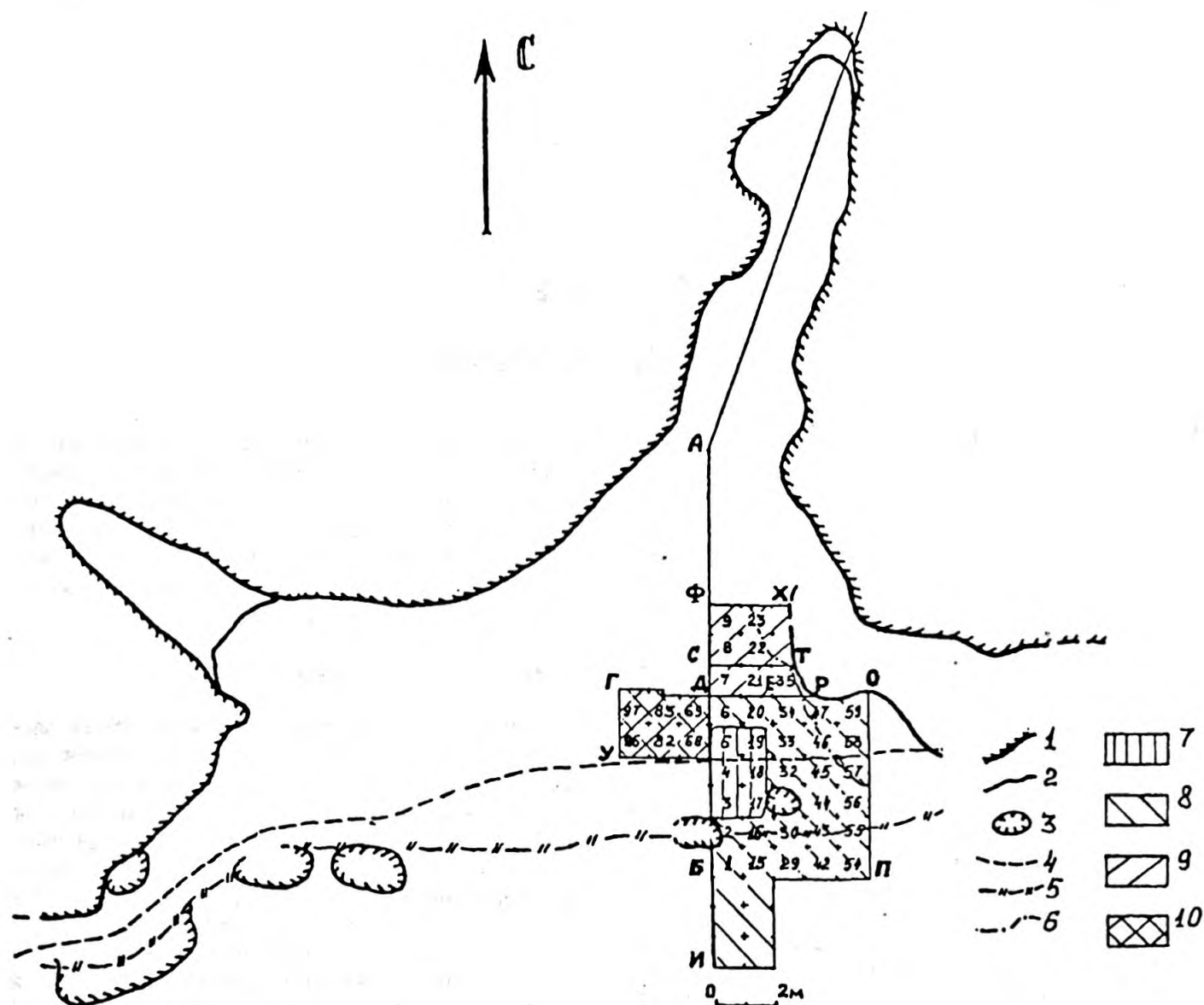

Рис. 7. Монашеская пещера. План:

1 — стена пещеры; 2 — скальная ступень; 3 — известняковые глыбы; 4 — капельная линия; 5 — край площадки; 6 — борт скального желоба в кровле верхнего мустьерского слоя 2; 7 — шурф 1961 г.; 8 — раскоп 1975—1976 гг.; 9 — раскоп 1987—1988 гг.; 10 — раскоп 1990—1991 гг.

Fig. 7. Monasheskaya Cave. Plan:

1 — rock wall; 2 — rock step; 3 — limestone blocks; 4 — drip line; 5 — border line of the cave ground; 6 — outlines of the karstic chute on the top level of the uppermost Mousterian layer 2; 7 — 1961 test excavation; 8 — 1975—1976 excavation area; 9 — 1987—1988 excavation area; 10 — 1990—1991 excavation area

Книга В. П. Любина «Мустьерские культуры Кавказа», где им были проанализированы первые находки из губских пещер, еще только сдавалась в печать, когда появилась возможность продолжить эти исследования на более высоком методическом уровне. Была организована совместная экспедиция Адыгейского НИИ истории, языка и литературы (ныне — Республиканский институт гуманитарных исследований) и Ленинградского отделения Института археологии (ныне — Институт истории материальной культуры РАН), которая проводила планомерные раскопки Монашеской пещеры в 1975—1976 гг. Экспедиция работала под

руководством В. П. Любина, и разработка оптимальной методики раскопок с самого начала была выдвинута им как одна из самых первостепенных задач. Прежде всего на основе квадратной сети (1×1 м) был составлен точный план пола пещеры (рис. 7) и намечена линия будущего генерального продольного разреза. Общая стратегия раскопок предполагала поочередное вскрытие небольших участков с получением и фиксацией поперечных и продольных разрезов. Строгое следование стратиграфии было принято в качестве важнейшего условия, и поэтому новый раскоп был начат от стенок шурфа 1961 г., тщательно зачищенных и

изученных для уточнения общей картины залегания слоев и уяснения их основных характеристик. В пределах каждого из трех выделенных мустьерских слоев вскрытие велось условными горизонтами, которые, однако, когда это было возможно, коррелировались с литологическими разграничителями (например, колебания цвета или плотности заполнителя, прослой щебня и т. п.). Все планы составлялись погоризонтно (масштаб 1 : 2) с указанием глубины залегания и номера находки, под которым она заносилась в опись. Рабочим инструментом служили нож, кисть, скальпель (рис. 8А). Все находки (кости и кремневые изделия) мылись и шифровались непосредственно в поле. Особое внимание обращалось на источившие толщу ходы-кротовины: их позднее заполнение разбиралось отдельно и находки оттуда не смешивались с таковыми из непо потревоженных участков. В. П. Любин также ввел в практику сплошную промывку мустьерских отложений, что позволяло собирать не только микрофауну, но и абсолютно весь кремневый материал — вплоть до микрочешуек. Постоянно производилось взятие различных образцов для естественнонаучных анализов, причем соответствующие специалисты, по возможности, привлекались не только к лабораторным, но и к полевым работам. Таким образом удалось придать исследованиям Монашеской комплексный междисциплинарный характер.

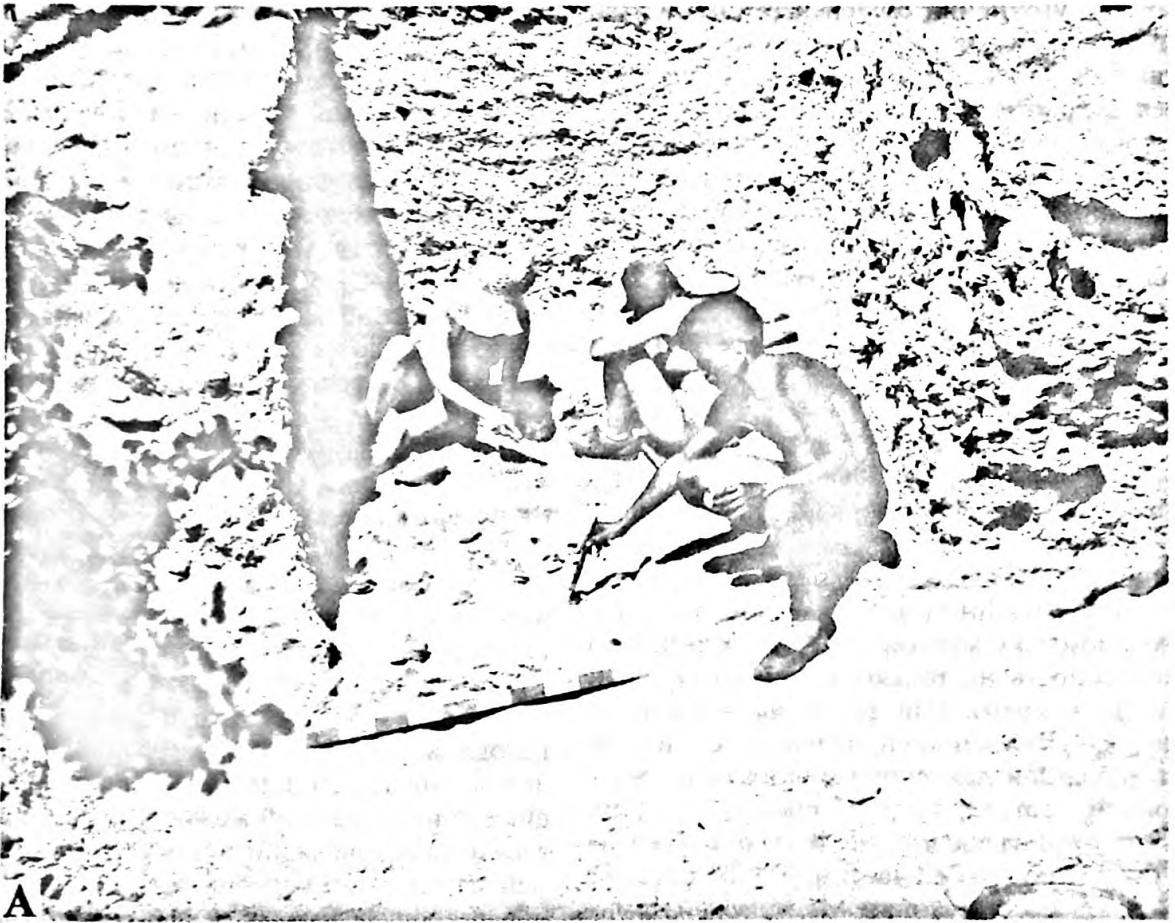
Новые раскопки Монашеской пещеры, возобновленные в 1987 г. В. П. Любиным совместно с автором настоящей работы, в целом следовали в русле методики предыдущих лет. Некоторые усовершенствования были внесены в технику фиксации: рамка 1×1 м, размеченная леской на 10-сантиметровые квадраты, «флажки» с номерами, обозначающие каждую находку (рис. 8Б). Вкупе с оптимизацией самой процедуры это позволило несколько увеличить как скорость, так и точность фиксации. Новые раскопы вписывались в уже намеченную систему разрезов (рис. 7), сохраняя первоначальную нумерацию квадратов и — с небольшой поправкой — индексацию слоев. Для лучшего контроля за стратиграфией применялись порой дополнительные временные микро разрезы. Разбивка каждого из слоев на раскопочные горизонты делалась с учетом подобного расчленения на ранее вскрытых площадях и, как и прежде, с опорой на литологические или культурно-стратиграфические маркеры (цепочки щебня, прослойки, прокрашенные золой и органикой, вариации в окраске слоя и т. п.).

В Баракаевской пещере, которая раскапывалась под руководством В. П. Любина в 1979—1981 гг., раскопочные горизонты были чисто условными — из-за визуальной литологической однородности мустьерского слоя. Тем не менее подобный прием позволил проследить даже в столь маломощном образовании (15—25 см) изменчивость

по вертикали ряда характеристик (пыльца, фауна, состав отложений), которые указывают на достаточно длительное, очевидно, развитие ландшафтно-климатической обстановки. Такой подход оказался эффективным и в археологическом отношении, т. к. обнаружил некоторые хронологические изменения отдельных количественных и качественных характеристик кремневого инвентаря [Любин и др., 1990]. Сходный прием был применен в 1991 г. по отношению к Борисовскому местонахождению, материалы которого залегают в литологически совершенно нерасчлененных покровных суглинках одной из террас Губса (см. гл. 1 и 7) (рис. 6А; 80; 81). Все находки из небольшой прикраевой зачистки шириной 1,5 м и глубиной 4,3 м от поверхности были распределены по 20 раскопочным горизонтам. Прodelывалось это с целью поиска аргументов «за» или «против» переотложенности данного материала — через выявление какой-либо упорядоченности или, напротив, хаотичности в распределении его по вертикали.

Исследования Аутлевской пещерной стоянки находятся еще в самой начальной стадии (разведочный шурф, см. рис. 67, 68), и о будущей методике ее исследований можно говорить лишь предварительно. Очевидно лишь, что там будет применена все та же хорошо зарекомендовавшая себя при раскопках многих пещер система последовательных вскрытий с получением основного продольного и ряда поперечных разрезов [Любин, 1990]. Главные проблемы будут, видимо, связаны с наличием в отложениях этой пещеры множества крупных обвальных глыб, уже выявившихся в шурфе, и с освещением раскопа при распространении его вглубь узкой пещерной полости. Техническое решение последней проблемы пока не ясно (зеркальные экраны, световоды?).

Методика исследования местонахождений с разрушенным культурным слоем (см., например: [Коробков, 1971]) направлена прежде всего, как правило, на изучение пространственного распределения находок и связи их с ландшафтом. Однако в случае с материалами, сборы которых производились П. У. Аутлевым и позднее нами с В. П. Любиным в русле и на низких террасах р. Губс, разделение района сборов 1987—1988 гг. на отдельные участки или пункты (рис. 76) не привело к выделению каких-либо характерных комплексов. Мы имеем здесь дело с разрозненными, разнородными (сырье, патина, окатанность, морфологический облик) и неоднократно, как кажется, переотложенными находками. Выяснилось, тем не менее, некоторое, пусть и слабое различие в составе изделий и типах сырья между крайними пунктами исследованного нами участка (см. гл. 7), что все-таки представляет собой значимый результат и очередной аргумент против априорного смешения любого, пусть даже уже отчасти смешанного материала.

А

Б

Рис. 8. Монашеская пещера:

А — разборка слоя 4; Б — фиксация находок

Fig. 8. Monasheskaya Cave:

А — digging the layer 4; Б — making a plan of finds

2.3. О роли теории в анализе каменного инвентаря

От полевой методики перейдем к методике анализа каменного инвентаря. Обстоятельное рассмотрение этой поистине безбрежной темы не входит в задачу данной работы, однако, как уже сказано выше, обойти ее никак нельзя. «Описание материала должно предваряться изложением методико-методологических принципов, которыми руководствуется автор» [Аникович, 1991, с. 46]. Положение это заслуживает безусловной поддержки не только из-за отмеченных М. В. Аниковичем трудностей взаимопонимания специалистов в связи с разницей в системах понятий и терминологическими разночтениями. Отличия в исходных установках и в выборе методов исследования не могут не сказаться на его результатах, а следовательно, без подробного описания и обоснования конкретного методического подхода трудно оценить и подлинную значимость полученных выводов. «Погружение в теорию», предпринимаемое в этой главе, будет, вероятно, не слишком глубоким, ибо основной целью ее является изложение собственной методики, а не разбор основных из имеющихся в литературе концепций. Тем не менее на некоторых ключевых моментах все-таки придется остановиться, коснувшись вначале роли теории в археологии и в палеолитоведении в целом.

Прежде всего поражают два обстоятельства: во-первых, фактическое отсутствие у археологии фундаментальной теоретической базы, положенной ей, казалось бы, как и любой другой «настоящей» науке, а во-вторых, крайне слабая, если не близкая порой к «нулю» обратная связь многих из развивающихся теоретических штудий с практической работой. Во всяком случае, что касается палеолитоведения и, в частности, анализа каменного инвентаря, незаметно, чтобы овладение «системной стратегией» [Клейн, 1979; 1991] или собственные теоретические изыскания давали их поклонникам какие-либо принципиальные преимущества. Как же можно объяснить этот феномен — наука, в которой теоретики и практики превосходно обходятся друг без друга, и наука ли это в таком случае? Представляется, что ответ может быть следующим. Конечно, объективная потребность в теории есть, поскольку на самом деле любой археолог-практик осознанно или подспудно, но как-то решает для себя и вопрос о природе своего археологического источника и корректных методах извлечения и переработки содержащейся в нем информации, и другие вполне теоретические проблемы. Другое дело, что многие из специальных теоретических работ не могут не отвращать практиков своей схоластикой, «расцветом бессмысленной наукообразности» [Колпаков, Вишняцкий, 1993] и бесполезностью предлагае-

мых там концепций при обращении к анализу конкретного материала.

Одна из причин этого, на мой взгляд, состоит в том, что большинство теоретиков увлечены разработкой общей теории археологии, в то время как последняя едва ли может рассматриваться в качестве единой науки. Скорее, археология представляет собой комплекс наук, точнее, историко-коведческих дисциплин, работающих со специфическими источниками и реконструирующих культуру «своих», часто весьма своеобразных регионов или этапов развития человеческого общества. Во всяком случае, что касается палеолитоведения, его особый статус представляется бесспорным. Как кажется, такой подход очень близок к ранее высказанным позициям М. В. Аниковича [1988], Л. Б. Вишняцкого [1989], Е. М. Колпакова [1988]. И в самом деле, на практике каждый археолог имеет дело отнюдь не с абстрактным «археологическим источником», а с разнородными объектами или следами, отличными по своей физической природе, способности нести информацию и характеру последней. Специфика палеолита очевидна — громадные временные интервалы, зарождение и медленное развитие отдельных проявлений культуры, господство среди остатков последней изделий из камня. Как отмечает известная французская исследовательница Д. де Сонневиль-Борд, «...природа, а значит, и описание, классификация, статистическая обработка бифаса или резца отличаются от таковой для кубка или фибулы из Латена» [de Sonneville-Bordes, 1974—1975, р. 18]. Таким образом, исследователи палеолита нуждаются в теории — но не «археологического», а палеолитического источника, т. е. каменных изделий, закономерности процессов формообразования которых и методы их анализа и должны стать основой теоретической базы палеолитоведения. К ним следует добавить, очевидно, также закономерности формирования и методику изучения культурного слоя. Именно эти вопросы, а не соотношение архем и археограмм или конкретов и абстрактов [Клейн, 1991], призвана в первую очередь решать теория палеолитоведения, которая, как и теория любой конкретной науки, должна аккумулировать и обобщать достижения практиков, вооружая их затем, в свою очередь, новыми методами и идеями.

Что же касается понятий, используемых в археологии в целом, — таких, например, как «тип», «культура» и т. п., а также классификационных моделей и методов исторической реконструкции, то они также, видимо, должны рассматриваться применительно к каждой из археологических отраслей особо. Отношения между миром людей и миром вещей в различных частях света, в различные эпохи и в различных обществах существенно менялись, а значит, менялся и характер, объем и способ кодирования исторической информации. Единая схема ее расшифровки, единый «ключ»

здесь вряд ли возможны. На мой взгляд, предполагаемая «общая теория археологии» может быть создана лишь в виде свода нескольких действительно очень общих методологических принципов. Таковыми, например, являются законы или, в несколько иной формулировке, запреты, которыми Л. С. Клейн предложил руководствоваться при анализе любых археологических источников [Клейн, 1991, с. 226—230]. Эти принципы, по сути, есть следствия представления культуры как системного объекта и положений теории познания.

На этом я оставляю высокие теоретические этажи и перейду к более подробному рассмотрению нашего «фундамента», без которого, впрочем, все дальнейшие построения слишком напоминают воздушные замки. Как справедливо заметил сам Л. С. Клейн, один из ведущих российских археологов-теоретиков, «исходить нужно из анализа фактов, из реальных соотношений в материале, а не сочинять а priori „общие теории“, которым суждено всегда оставаться бесплодными» [Клейн, 1991, с. 185]. Итак, речь пойдет о разработках в области методики анализа каменного инвентаря, а точнее, поскольку данная работа посвящена мустьерским памятникам, о методах анализа мустьерских каменных индустрий.

2.4. Особенности формообразования среднепалеолитических изделий

Прежде чем говорить о методах анализа, нужно, видимо, составить себе некое предварительное представление об особенностях нашего источника, т. е. каменных изделий. Согласно довольно широко принятым до недавнего времени взглядам Ф. Борда, намеренно изготовлявшиеся мустьерские каменные орудия представляют собой обусловленную функцией (подразумевается их основное назначение, а не побочная случайная утилизация) цель мастера, в то время как техника или технология являются лишь средством достижения этой цели. При этом влияние техники на результат признается малосущественным [Bordes, 1961a, p. 78]. С другой точки зрения, особенно распространившейся в последнее время, морфологическому облику каменных изделий среднего палеолита наиболее свойственна динамика, и в большинстве случаев их форма отражает отнюдь не задуманную модель, а совокупное воздействие таких факторов, как доступность и качество разного сырья, интенсивность его утилизации и редукции орудий и т. п. (см., например: [Tavoso, 1984; Barton, 1990; Dibble, Rolland, 1992]). На мой взгляд, однако, противостояние этих крайних и как будто несовместимых мнений может быть вполне преодолимо. Если вдуматься, то целеполагание является одной из основных характеристик человеческой деятельности и тем более производственной. Отрицание роли воли мастера на

всех этапах создания или же переоформления каменных изделий равносильно снятию кавычек в выражении «жизнь орудия». Другое дело, что названные факторы не могли не влиять как на формирование моделей орудий, так и на их воплощение и всю последующую модификацию. Очень важную роль, по-видимому, играло порой каменное сырье [Щелинский, 1983, с. 74; Филиппов, 1983, с. 69], которое в зависимости от качеств и доступности либо предоставляло широкие возможности для выбора технических и морфологических решений, либо довольно жестко детерминировало многие из них [Tavoso, 1984; Geneste, 1985; Dibble, 1991a]. Следовательно, во-первых, данный морфологический облик орудия всегда должен воплощать в себе некие, пусть порой и сиюминутные, цели изготовителя и, во-вторых, как сама цель, так и степень приближения к ней могут быть весьма различны и зависят от ряда объективных факторов.

Если говорить о предполагаемой цели мастера как таковой, т. е. о «мысленном шаблоне» [Deetz, 1967] или модели будущего орудия, следует учитывать, что это может быть как форма с достаточно четко заданными параметрами, так и форма, отвечающая лишь ряду минимально необходимых требований, а иногда, как отмечено Ф. Бордом, только некий элемент формы [Bordes, 1967, p. 30; de Sonneville-Bordes, 1974—1975, p. 18]. Вероятно, здесь налицо обратная связь: как характер модели орудия может влиять на стандартизацию технологии и конечной формы, так и объективные технические возможности и функциональные потребности порой способствуют формированию тех или иных шаблонов. Более сложные модели, например остроконечники, у которых характеристики трех орудийных элементов (два лезвия + острие) фактически определяют и основные параметры всей формы орудия, обычно чаще других демонстрируют устойчивые приемы и вкусы своих создателей. Стремление к стандартизации таких форм при некоторых условиях (качество сырья, технические навыки) может вылиться в создание специализированных технологий (Levallois a pointe), изначально задающих морфологическое сходство. Возможен, однако, и иной путь, когда приближение к модели происходит через преодоление вариативности заготовок более активной, модифицирующей вторичной обработкой. Это тот вариант, где подтверждается бордовский вывод о примате типологии над техникой [Bordes, 1961a], но морфологическое сходство таких типов, разумеется, должно иметь иной, более общий характер, нежели в случае унификации технологии. Такой акцент на вторичную обработку наиболее заметен, очевидно, у микокских и, отчасти, шарантских индустрий. Для последних (вариант Кина) была описана особая и достаточно стандартная технология первичного расщепления [Turq, 1989; 1992], но получаемые в ней заготовки таковы, что

оформление орудий все же требовало значительной вторичной обработки.

Наконец, коснусь весьма распространенных случаев, когда наблюдается стремление к воспроизведению не целостной формы, а только некоторых ее деталей, чему соответствуют введенные в нашу литературу А. А. Сеницыным «морфемы» [Сеницын, 1977], «рабочие» или же «морфологические элементы» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 86; Коробков, Мансуров, 1972], «активная часть и часть захвата (рукояточная)» по Ф. Борду [Bordes, 1967, p. 29] и т. п. К орудиям такого рода принадлежат, очевидно, различные зубчато-выемчатые и клювовидные изделия, резцы, а также, в значительной мере, однолезвийные скребла, техническая форма [Филиппов, 1983] которых, видимо, не требовала приведения их к устойчивым очертаниям и пропорциям. «Спецификация типов может быть различной», — писал Ф. Борд, указывая далее в качестве примера на низкий уровень спецификации простых боковых скребел, благодаря чему эти изделия обычно слабее отражают стиливые особенности по сравнению со сложными орудиями [Bordes, 1969]. О необходимости различать устойчивые целостные формы и орудия иной, более аморфной организации говорят и другие авторы (см., например: [Анисюткин, Филиппов, 1986; Аникович, 1991]). Перекликается, вероятно, с этими высказываниями и мнение Н. Д. Праслова, согласно которому правильнее строить аналогии не на простых по приемам изготовления формах, а на специфических, отражающих устойчивые традиции [Праслов, 1968, с. 141]. Представления эти о различных уровнях организации орудий и, соответственно, о различной мере отражения в них культурных предпочтений кажутся абсолютно верными. Однако хотелось бы подчеркнуть: неодинаковое проявление стандартизации в различных орудийных формах — даже вплоть до нераспознаваемого — отнюдь не означает априорного отрицания самой возможности этого даже для самых простейших изделий.

Остановимся теперь на вопросе функционального использования орудий с точки зрения его значения для морфологического анализа. Связь между предназначением изделия и его формой не подвергается никакому сомнению, но столь же очевидна и неоднозначность этой связи (см., например: [Bordes, 1967, p. 25; Семенов, 1963, с. 4—5; Щелинский, 1983, с. 133; Beyries, 1988]). Безусловно, техническое и морфологическое решение, которое получали определенные функционально-кинематические группы орудий [Филиппов, 1983] в конкретных индустриях, в любом случае предполагало возможность выбора — даже при сужении его рамок за счет сырья или неразвитой техники. В самом выборе между возможными вариантами функционально эквивалентных форм можно предполагать проявление культурной традиции или «стиля» [Sackett, 1982]. Поэтому, на мой

взгляд, определение основных функций каменных орудий, насколько они поддаются расшифровке, имеет значение не только для реконструкции производственной специфики и палеоэкологии [Васильев, 1985, с. 51], но, отчасти, и для культурной характеристики индустрий. Однако же, поскольку набор функций не слишком велик и конечен, а точное определение их не всегда возможно, то морфологическое разнообразие каменных орудий может быть использовано для сравнения индустрий и самостоятельно, без обязательного сопоставления с конкретной функцией, что и делает типолого-морфологический анализ [Bordes, 1967]. Намного более важным для такого анализа является не определение использования орудия, а установление влияния утилизации на изменение первоначальной формы изделия или его элементов, т. е. различие намеренной и ненамеренной модификации. Нельзя не учитывать, что такие явления, как «изменения формы от повреждений в слое, трансформация краев в процессе работы и подправки» [Анисюткин, Филиппов, 1986], а порой частичное или даже кардинальное переформление изделий в процессе реутилизации могут существенно исказить их первичный морфологический облик. С другой стороны, принимая во внимание эти явления, следует избегать их безосновательной абсолютизации. Именно последнее, на мой взгляд, привело, например, Л. Праделя к отказу признавать намеренное изготовление зубчато-выемчатых орудий [Pradel, 1956], а Х. Диббла — к объяснению всего морфологического разнообразия простых и двойных скребел тем, что они представляют собой различные этапы модификации («редукции») простых форм в более сложные [Dibble, 1984a, b; 1987a, b, c; 1988b].

В целом, суммируя все вышесказанное, формообразование орудий можно представить себе следующим образом. Во-первых, имеются некие «мысленные шаблоны» [Deetz, 1967], «рабочие мыслительные модели» [Медведев, 1981] или, пользуясь термином Б. И. Кудрина [1980], «генотипы», в которых мастер видит предпочтительный вариант воплощения тех или иных функций. Уже сами по себе эти модели разнятся по сложности и жесткости задаваемых характеристик. Далее наступает черед воспроизведения «генотипа» в реальных «фенотипах», морфологическая близость которых между собой и относительно прототипа зависит от конкретного сочетания ряда факторов, влияющих на процессы обработки каменных изделий, — как объективных, так и субъективных. К первым можно отнести непластичность любого каменного сырья, а также его разнокачественность, природную форму и доступность; невозможность точного глазомерного расчета и контроля физических характеристик процесса и т. п. Субъективные факторы — это весь арсенал технических приемов и технологий, которыми владеют создатели той или иной индустрии, а также умение и «почерк» от-

дельных мастеров, накапливающиеся по ходу обработки данного предмета неудачи и ошибки, и т. д. Затем готовое орудие, если оно, конечно, не попадет в землю слишком быстро, может испытать еще немало более или менее существенных видоизменений (макроследы утилизации, повреждение, переоформление), прежде чем окажется, наконец, в руках археолога. Кстати, помимо упомянутых выше причин модификации орудий, было бы полезно различать и типы модификации (с последующими градациями внутри каждого). Среди намеренных выделяются: подживление, или *revivage*, *affutage* [Tixier, 1963] — подправка рабочего элемента с сохранением его общей формы и формы изделия; редукция — термин, который, в отличие от Х. Диббла, я бы предложила относить только к орудиям, модификация которых касается лишь размеров и пропорций и не затрагивает технической формы; переоформление — полное изменение формы орудия, т. е. фактическое превращение одного орудия в другое.

Роль или «вес» всех этих формообразовательных факторов меняется как от индустрии к индустрии, так и от орудия к орудию. Признание данного обстоятельства, конечно, весьма осложняет морфологический анализ, требуя исследования не только наличной формы орудия, но и всей его «биографии» [Leroi-Gourhan, Brezillon, 1966, p. 313]. В то же время расширяется число характеристик индустрий, применимых для их сопоставления. Так, возможно в принципе оценивать — в виде неких индексов или по условной шкале — степень модификации заготовок при оформлении орудия, корреляцию различных признаков изделий с видами сырья и интенсивность его утилизации, а также варибельность технических форм для каждого из функционально-технических подразделений, наличие, интенсивность и направленность последующей затем намеренной модификации, степень износа и т. п.

2.5. Морфолого-типологический анализ: принципы и подходы

Для основных процедур морфолого-типологического анализа — описания и классификации или типологии — вышеизложенное еще раз подтверждает, что, во-первых, признаки, характеризующие орудия, должны изначально выступать как чрезвычайно разнородные — по происхождению, структуре (количественные и качественные), амплитудам вариаций, частоте встречаемости и т. д. Во-вторых, различный набор и колебания степени воздействия тех или иных формообразующих факторов в каждом конкретном случае предполагают, что столь же инвариантными будут и относительная иерархия, и корреляция соответствующих признаков. Отсюда неизбежно вытекают разнокачественность типов, понимаемых здесь как устойчивая политегическая система признаков [Clarke,

1978], возможность типологии самих типов, возможность и даже желательность нескольких классификаций одних и тех же объектов.

Собственно говоря, эти положения и не обязательно обосновывать сложным характером формообразования объектов нашего исследования. Как утверждает теория классификации, она всегда представляет собой формальную модель, построенную для конкретного круга задач [Воронин, 1985]. О том же говорит и теория археологической классификации. Количество и качество выделяемых типов зависит как от объективных свойств изучаемого археологического материала, так и от применяемой процедуры классификации и выбора признаков [Колпаков, 1991]. Следовательно, для каждой каменной индустрии следует разрабатывать специальную типологию, которая, в свою очередь, должна строиться как система исследовательских классификаций, ориентированных на выяснение внутренней организации материала в связи с тем или иным аспектом исследования.

Одновременно из этих положений следует невозможность создания ни общей для всех индустрий и всеобъемлющей типологии, ни единой иерархической классификации. Данные заключения также не новы — они лишь подчеркивают справедливость для наших материалов тех принципов анализа, которые являются фундаментальными для всех археологических источников [Клейн, 1979, с. 55; 1991, с. 226—230].

Так же как не существует инструментов, одновременно пригодных для неограниченного числа работ, не может существовать и работоспособная всеобъемлющая классификация. Бесплодность ее поисков и необходимость предварительной формулировки задач, которые определяли бы направление классификационных разработок, давно отмечаются в литературе [Binford, 1965; Гвоздовер и др., 1974, с. 9; Клейн, 1979, с. 55]. Попытка же построения жестко заданной иерархической схемы для анализа каменных индустрий [Гладилин, 1976] неприемлема и по иным причинам. Иерархическая классификация, как считается, наиболее эффективна при преобладании в материале генетических связей, когда накопление признаков соответствует развитию их носителей от простого к сложному. В таком случае позиция признака относительно других и его значение отражают относительное время его появления, а дихотомия соответствует господствующей в эволюции дивергенции [Любищев, 1971]. Следовательно, подобная система уместна в случае эволюции с известной последовательностью накопления признаков или с другими, но вытекающими из некоей естественной организации материала, основаниями для их ранжирования. Конечно, возможен и вариант введения иерархии признаков — т. е. назначения их «веса» в соответствии с целями исследования. У В. Н. Гладиллина, однако, хотя он и декларирует учет всех важнейших признаков,

единство и четкость критериев своей классификации [Гладилин, 1976, с. 5—34], не имеется развернутого обоснования самих принципов построения предлагаемой иерархии. В то же время, сопоставление сделанных на основе этого метода определений каменных орудий с приводимыми ниже их рисунками выявляет немало противоречий в авторском подходе к оценке различных признаков. Все это вызывает вопросы по поводу работоспособности данной классификации, тем более что ее отличает также крайняя громоздкость. Последняя, кстати, есть неизбежный результат попытки «объять необъятное», т. е. стремления к всеобъемлющей классификации.

Тем не менее, сам по себе поиск «хорошей» обобщающей классификации объективен, ибо без нее затруднительны или даже невозможны сопоставления индустрий. Как же совместить несовместимое — многозначность содержащейся в каменных изделиях информации и специфику конкретных индустрий, никак не влезающих в «прокрустово ложе» единой схемы, с одной стороны, и необходимость общего терминологического языка, единой методики описания и анализа различных индустрий, обеспечивающей их сравнение, — с другой? По-видимому, двойственная задача требует и двойного подхода к материалу: через обобщенный и чисто служебный тип-лист для сравнительного анализа и через классификацию или типологию, направленную на выявление структуры каждого конкретного комплекса [Kolpakov, Vishnyatsky, 1989]. Основу первого, на мой взгляд, должна составить традиционно сложившаяся типология Ф. Борда, а на втором пути следует максимально использовать возможности атрибутивного кластер-анализа. Для того чтобы обосновать это положение, рассмотрим данные методы подробнее.

2.6. Методика Ф. Борда как инструмент анализа

Обратимся вначале к методике Ф. Борда, широкое использование которой сопровождается не менее широкой критикой. Основные упреки, чаще всего направляемые в ее адрес, следующие: интуитивность и произвольность выделения типов (см., например: [Movius et al, 1968; Laplace, 1964]); неприменимость вне определенных пространственно-временных рамок [Праслов, 1968; Smith, 1966]; закрытость списка типов [Коробков, Мансуров, 1972; Гвоздовер и др., 1974; Праслов, 1984]; отступление от правил иерархической классификации [Гладилин, 1976]; недостаточная детализация типов, неучтенность многих более мелких черт сходства и различия [Любин, 1965; Гладилин, 1976]. В одной из недавних работ резкая критика некорректности метода Борда была завершена призывом к отказу от его применения [Kolpakov, Vishnyatsky, 1989]. Почему же, несмотря на все критические замечания и отзывы, так называемая

«система Борда» не находит себе работоспособной альтернативы [Dogan, Hodson, 1975] и «остаётся лучшим инструментом при сравнительном анализе нижнепалеолитических индустрий» [Аникович, 1991, с. 53]?

На мой взгляд, как достоинства, так и недостатки системы Ф. Борда проистекают из поставленной и решаемой им задачи: унифицированное описание и сравнительный анализ различных индустрий. Выше уже говорилось о невозможности создания единой всеобъемлющей типологии — как в смысле максимального учета признаков, так и в смысле охвата индустрий. Невозможное становится возможным только при отказе от «всеохватности» и сознательном отсечении части информации. Любое обобщение неизбежно сопровождается упрощением. Можно спорить с Ф. Бордом по поводу выбора типов и их числа (которое, кстати, менялось им в процессе работы), но суть его подхода — закрытый список типов — кажется вполне логичной. Им отбирались разные (по сложности, характеру признаков и т. п.) типы, и хотя включение далеко не каждого из них в список кажется оправданным (см. ниже), значительная часть представляет собой распространенные и «устойчивые» формы, наиболее легко распознаваемые в качестве таковых. Это доказывается выделением и широким использованием большинства из них задолго до Ф. Борда. Последний факт отвечает и на упреки в интуитивности выбора типов: коллективная интуиция уменьшает фактор случайности, отчего сходный способ иногда применяется как вариант отбора признаков и в противопоставляемом субъективизму методики Борда атрибутивному анализу («метод экспертных оценок»).

Очевидно также, что выведение индексов возможно только при закрытом списке типов, которые, в свою очередь, должны либо быть максимально распространенными и массовыми, либо являться индикаторами типа «fossile directeur». Такой статистический метод направлен прежде всего на анализ и дифференциацию индустрий по соотношению массовых типов, ибо принципиальная разница в наборе орудий видна, как правило, и при простом взгляде. Понятно поэтому, что метод Борда и создавался и может быть использован только для определенного круга индустрий, которые более-менее «стыкуются» по набору основных типов. Обобщение на уровне тип-листа, следовательно, возможно лишь в определенных временных и пространственных границах некоего культурного континуума, что осознавал и сам Ф. Борд [Bordes, 1969] и на что обращали внимание другие авторы (см., например: [Любин, 1965, с. 74—75; Tixier, 1967, p. 782]).

Следовательно, большая часть претензий к типологии Ф. Борда происходит, как кажется, из непонимания того, что она по сути своей является именно сравнительной служебной типологией и не может потому одновременно выполнять задачу

адекватной передачи структуры конкретной индустрии. Эта типология не должна вбирать в себя локальные типологии, что грозило бы ей превращением в крайне длинный и в перспективе бесконечный список типов. Не может она и основываться на единой процедуре, поскольку, как отмечалось, типы могут быть выделены на разных основаниях, и это отражает реальное многообразие устойчивых сочетаний признаков у среднепалеолитических орудий. Далее, для целей сравнения в нее следует включать как наиболее массовые и широко распространенные типы, так и формы, характерные для отдельных регионов или групп индустрий. Однако нужно опять-таки ограничить охват индустрий, чтобы список типов не превратился в громоздкий и малоэффективный. Иначе говоря, любая новая попытка создать служебную типологию сопряжена с неизбежным повторением большинства приписываемых Ф. Борду «ошибок». Так нужно ли начинать все с нуля, чтобы прийти к сходному результату? Другое дело, что типологию, а точнее, список типов Ф. Борда необходимо существенно корректировать и дополнять [Любин, 1965]. Возможные пути улучшения данного тип-листа будут рассмотрены чуть ниже, а сейчас я вернусь к применению атрибутивного анализа.

2.7. Применение атрибутивного анализа: проблемы и возможности

Итак, необходимо иметь возможность применять к индустриям различные варианты классификаций, сравнивать их по самым разнообразным отдельным признакам, по особенностям структуры и т. д. При этом желательно, чтобы все процедуры, начиная с отбора признаков и кончая собственно классификацией, были корректно выполнены, проверяемы и воспроизводимы. И здесь можно и нужно обратиться к атрибутивному анализу, под которым понимается совокупность статистико-математических методов, работающих с объектами, описанными через список признаков. Целью может быть как некая группировка предметов (кластеры разного типа [Tugby, 1965; Sokal, 1980], так и сравнение отдельных параметров, а также факторный анализ и т. п. Замечу, кстати, что и в методике Ф. Борда есть элементы атрибутивного анализа — некоторые технические индексы, использующие метрические характеристики или отдельные признаки (например, подправка площадок).

Поскольку в основу анализа закладывается список признаков, нельзя не сказать, что отбор и оценка признаков ставят довольно много проблем. Во-первых, практически все авторы — как археологи, так и математики — подчеркивают неизбежную интуитивность на первом этапе составления списка [Tugby, 1965, р. 4; Гвоздовер и др., 1974, с. 32; Dogan, Hodson, 1974, р. 107—110; Клейн,

1979, с. 57—58]. Во-вторых, встает проблема оценки «веса» признака. Есть сторонники изначального равенства «весов» (см., например: [Clarke, 1972, р. 160; Гричан, 1982, с. 140]), которые они затем предлагают ранжировать собственно статистическими методами. Способы «взвешивания» признаков при этом, правда, достаточно варьируют [Миркин, 1976; Балонов, 1981]. Существует также мнение, что иерархия признаков, существовавшая в древней культуре, не обязательно имеет соответствующее количественное проявление [Клейн, 1979, с. 58]. Это вполне допустимо, однако палеолитические материалы в отличие от более поздних не дают возможности соотносить археологические наблюдения с существующими историческими, т. е. письменными свидетельствами. Следовательно, остается либо опора на частоту встречаемости и степень корреляции признаков, либо присвоение признаку определенного «веса» исходя из собственных взглядов на его роль в исследовательской задаче.

Возвращаясь к списку признаков, замечу, что даже беглый взгляд на таковые в некоторых работах, посвященных статистико-математической обработке конкретных палеолитических коллекций, заставляет порой весьма настороженно относиться к конечным результатам анализа (см., например: [Холюшкин и др., 1979; Гинзбург и др., 1980]). Отсутствие четких критериев отбора и смешение разнородных понятий в этих списках сводит на нет весь смысл формализованного описания и потенциал математического аппарата. Не слишком удачным и громоздким представляется и лексикон, подготовленный для автоматизированного описания каменных изделий А. де Люмлеем и Л. Бурелли [de Lumley, Bourelly, 1971], что также подтверждается отсутствием его распространения и использования. Проблема эта хорошо осознается археологами (см., например: [Ранов, 1972; 1985]), но существенных сдвигов в ее разрешении до сих пор не наблюдается. Полагаю, что отчасти это происходит от стремления описывать изделия «вообще», не учитывая того, что не только список, но и способ представления и измерения признаков зависит от конкретной классификационной задачи.

На мой взгляд, в идеале признаки должны обосновываться через выявление физических закономерностей расщепления (т. е. воздействие-след) [Speth, 1972], закономерностей формообразования с учетом функциональной составляющей и отбираться в связи с задачами исследования. Здесь мы вновь соприкасаемся с выводом о многообразии типов и множественности возможных классификаций. С точки зрения атрибутивного анализа, тип-лист является не инструментом, как в типологическом методе Ф. Борда, а результатом анализа и зависит от процедуры и объективно присутствующей устойчивой корреляции признаков. Что касается субъективности/объективности

выделения типа, то грань эта относительна. Любая классификация опирается лишь на часть признаков и выявляет лишь некоторые интересующие исследователя связи, разрезая или отбрасывая прочие. С другой стороны, все выявляемые связи и типы присущи материалу, т. е. существуют объективно [Колпаков, 1991]. Обычно типы принято выделять на уровне изделий-предметов, но в реальности устойчивая система признаков может воплотиться и в отдельной детали или характере заготовки и т. п. В таком случае индустрию надо характеризовать не только по типам орудий, но и по типам сколов, типам вторичной отделки, типам рабочих элементов или функциональным типам. На самом деле именно так обычно и делается, но под типологией почему-то продолжают понимать лишь морфологическое описание орудий и соотнесение их с тип-листом. Технологи и трасологи, выступающие с критикой — отчасти справедливой — такой типологии, порой забывают, что, если исключить эксперимент, они также пользуются морфологическим анализом и типологией. Разница состоит в том, что каждый использует «свои» признаки и получает «свои» типы. Благодаря опоре на эксперимент, трасологи и технологи в состоянии более четко представлять себе как исследовательские задачи, так и связанные с ними признаки. «Типологи» в традиционном понимании нацелены на выявление сходства и различия индустрий в целом и именно поэтому они используют номенклатурные типы разного строения, разной спецификации. Так, например, леваллуазский остроконечник можно назвать «технологическим типом» (его характеристики отражают определенную технологию расщепления), скребла в основном расклассифицированы как «конструктивные типы» — согласно расположению лезвия или лезвий на заготовке. Есть, как уже отмечалось, типы, отражающие лишь характер рабочего элемента.

Разнотипность типов при стремлении к полномерной характеристике индустрии объективна, и задача состоит в том, чтобы выявить их набор в максимально возможной степени. Иначе говоря, поскольку все устойчивые сочетания признаков представляются неслучайными, необходимо пытаться искать их через различно ориентированные классификации, восстанавливая таким образом присущую данной индустрии структуру. Под структурой понимается вся совокупность устойчивых связей, отражающих конкретное влияние некоего набора устойчивых факторов (культурные традиции, технологические закономерности, экология и т. д.).

Таковы теоретические предпосылки к построению исследовательских типологий. Однако при том, что они представляются достаточно очевидными [Sackett, 1988, p. 416], существенного продвижения в формализованном анализе морфологии не наблюдается. Причины этого видятся и в отсутствии налаженной и правильно поставлен-

ной экспериментальной работы с точным измерением параметров, и в слабо разработанных методических подходах. Огромные объективные трудности представляют сложность формообразования многих изделий, выражающаяся в сложной и малопонятной конечной форме, а также естественные и искусственные повреждения, которые не дают оценить многие из интересующих нас характеристик. Что же реально можно сегодня сделать в данной ситуации?

2.8. Перспективы совершенствования методики анализа каменного инвентаря

Итак, как это уже было сформулировано и обосновано выше, на мой взгляд, анализ каменного инвентаря любой индустрии непременно должен идти по двум направлениям. Первое — это соотнесение его с прочими через эталонный тип-лист и другие применимые для сравнения выводы из него — индексы или кумулятивный график. За основу для этого служебного тип-листа вполне можно взять разработки Ф. Борда, тем более что его типология широко известна и привычна большинству исследователей. Ее действительными недостатками, которые должны быть исправлены, я вслед за В. П. Любиным [1965] считаю прежде всего отсутствие ряда выразительных и достаточно распространенных форм. К ним я бы отнесла варианты угловатых скребел, простые скребла с обушками, бифасиальные ножи разных типов и т. п. Включить их вполне возможно, если, во-первых, убрать из тип-листа леваллуазские сколы и сомнительные орудия (№ 45—50), а во-вторых, расширить его до 100 номеров. Последнее было бы удобно и с точки зрения вычисления индексов, количество которых также желательно расширить. Следовало бы ввести также показатели процентов присутствия тех или иных видов уточнений, искусственной фрагментации, орудий из экзотического сырья, основных типов заготовок и т. п. Полезно сделать обязательным и вычисление средних размеров орудий — в целом и по некоторым основным категориям. Необходимо продумать и стандартные способы графического представления всех этих данных — наиболее наглядные и простые для прочтения. Разумеется, работа по корректировке и расширению тип-листа и прочим дополнениям к традиционной бордовской методике требует усилий не одного человека и в идеале должна быть сделана коллективом авторов, представляющих различные регионы и научные школы. Желательно также, чтобы все предлагаемые новшества были апробированы в рамках широкой дискуссии и уже затем рекомендованы для применения представительной международной конференцией.

Что же касается исследовательской типологии, то создавать ее, учитывая обрисованные выше сложности с применением атрибутивного ана-

лиза, придется, видимо, несколькими путями. Во-первых, необходимо все-таки по возможности применять различные формы атрибутивного анализа. Последний будет более эффективен, если поиск идет не «вслепую» (хотя и здесь можно, вероятно, натолкнуться на интересные открытия), а с предварительной формулировкой моделей или гипотез, опирающихся как на известные общие закономерности древних технологий, так и на конкретные особенности исследуемой индустрии. Например, возможно предположить зависимость между габаритами изделий и видом сырья, или важную роль угла заострения ретушированного края, или же несходную изменчивость во времени разных характеристик ударных площадок и т. п. На возражения, что все это специалист в состоянии подметить и безо всякого списка признаков и работы с компьютером, хочется ответить следующее. Во-первых, не каждый глаз и не всегда, особенно на огромных, не поддающихся единовременной раскладке коллекциях, способен увидеть и оценить все эти нюансы. Во-вторых, точная их оценка (коэффициенты, индексы, процентные соотношения) все же требует детального и строгого описания. Немаловажным здесь является также компактное оформление базы данных и доступность ее для новых обращений — в том числе и иных исследователей. При этом же достигается открытость авторской «кухни», а следовательно, и проверяемость исходной информации и методики ее обработки. Как уже подчеркивалось в начале этой главы, соблюдение этих условий является непременным требованием к подлинно научному анализу.

По мнению Д. де Сонневилль-Борд, атрибутивный анализ следует делать после типологического, в рамках уже выделенных типов [de Sonneville-Bordes, 1974—1975, p. 21]. На мой взгляд, это противопоставление неверно, т. к. атрибутивный анализ может сам привести к выделению типов, а может быть и подспорьем, если типы выделены иным образом или заимствованы из служебной типологии. Вряд ли, например, следует пытаться выяснять с помощью такого анализа различия между простыми боковыми скреблами и остроконечниками или иными типами, описываемыми через явно несходные списки признаков. Однако будет бесполезно сравнить их по типам заготовок, ретушированных краев, утончений и т. п. В то же время есть некоторые типы, перекрывающие друг друга, лишенные четких разграничений (те же остроконечники и конвергентные скребла), которые, напротив, напрашиваются на проверку правомерности их выделения через кластер-анализ. В идеале атрибутивный анализ должен, как подчеркивалось, выявлять структуру индустрии во всей полноте — и «узлы»-кластеры, или типы, и соединяющую их «ткань», т. е. связи по отдельным признакам.

Представление о структуре индустрии, следующее из восприятия последней в качестве системного объекта, в нашей литературе поддерживают и развивают А. А. Сеницын [1990], а также М. В. Аникович [1991]. М. В. Аникович предложил и конкретную процедуру структурного анализа, выясняя наличие или отсутствие каждого из шести выделяемых им видов связей между различными техническими и технико-морфологическими группами орудий [Аникович, 1991]. Автор при этом критически отзывается об атрибутивном анализе, который почему-то трактуется им как исключаящий постановку цели исследования и представляющий каменные орудия в виде саморазвивающихся объектов. Вместо признаков М. В. Аникович сразу же оперирует такими понятиями, как целостная форма, технический прием или морфологический элемент. Однако остается совершенно непонятным, почему, например, последние два образуют, согласно автору, разные типы связей, в то время как технический прием есть, в сущности, лишь интерпретация конкретных морфологических элементов, или почему автор не принимает в расчет явную множественность вариантов «зубчато-выемчатого элемента», «формы треугольника» и т. п. Как кажется, эти и другие нечеткости стали возможны именно благодаря отказу от проработки и обоснования типов связей на уровне элементарных признаков и их корреляции.

Итак, работоспособной методики структурного анализа индустрий на основе атрибутивного подхода пока не создано. Нерешенными в целом остаются проблемы выделения и оценки важности признаков, разработка соответствующих измерительных систем, компьютерных программ и т. д. Не решен методически и вопрос о построении на этой базе локальных тип-листов, которые позволили лучше представить «лицо» каждой индустрии. Какие из кластеров туда включать и как быть в случае слабой структурированности материала, не совсем ясно. Можно лишь предположить, что решение всегда будет конкретным и что при сложностях с выделением естественных типов придется заимствовать типы из служебного тип-листа или иных локальных типологий. Вообще говоря, такой симбиоз естественных и условных типов практически неизбежен, поскольку серийность в среднепалеолитических индустриях всегда присуща лишь части изделий и типологизация прочих в качестве целостных форм возможна только с большой долей условности.

2.9. Основные принципы анализа индустрии Монашеской пещеры

Учитывая предварительный характер высказанных выше предложений по совершенствованию методики анализа инвентаря, в данной работе я еще не могу применить их на практике и использую компромисс. Принцип двоякого подхода остается,

но в качестве служебной типологии пока использован традиционный и никак не измененный тип-лист Борда. Локальный же тип-лист опирается на разработки В. П. Любина, который модифицировал список Борда применительно к ранней коллекции Монашеской [Любин, 1977] и индустрии Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994]. Что касается атрибутивного анализа, то была сделана только статистика по отдельным наиболее четким признакам и ограниченная попытка кластер-анализа (внутри трех орудийных групп). Однако я все же считаю это первым, хотя и еще очень маленьким и пробным шагом в реализации изложенной выше «декларации о намерениях» (см. также: [Беляева, 1998]).

Теперь перейду к описанию конкретной процедуры анализа каменных коллекций губских памятников. Подход к материалам местонахождений зависит от их типа и оговорен в последующих главах. Здесь я рассматриваю методику анализа, примененную к стратифицированным и непереотложенным материалам пещерных стоянок — прежде всего к коллекции из Монашеской пещеры. Методика эта сложилась как результат преломления изложенного выше общеметодического подхода к конкретному, имеющему свои особенности материалу. Специфика коллекции Монашеской состоит, главным образом, в следующем: 1) многочисленность при преобладании отходов производства; 2) раскопанность лишь части стоянки, что могло найти отражение в составе коллекции; 3) незначительная, но все же сохраняющаяся, несмотря на внимание к технике раскопок, опасность неправильной стратиграфической привязки некоторых изделий из-за размытости границ между слоями или невыявленных позднейших нарушений (кратовины, перекопы); 4) слишком малая для уверенных выводов численность некоторых групп орудий, большое количество фрагментированных изделий и целый ряд случаев переоформления. Все эти обстоятельства создают определенные сложности для типологической идентификации и полнокровной статистико-математической обработки.

В результате была выработана следующая «стратегия» анализа коллекции. Во-первых, поскольку информация не может быть лишней и «в палеолите нет бросового материала» [Бонч-Осмоловский, 1940, с. 12], то решено было описать и учесть абсолютно все — до последней чешуйки. Ясно, однако, что определенные ограничения все-таки есть — как объективные (техника анализа и возможности переработки информации), так и субъективные — вопросы, которые задаются материалу в первую очередь. Главной задачей, ставившейся в последнем цикле исследований Монашеской в отношении ее каменной коллекции, было не только уточнение и углубление характеристик этой индустрии (без сомнения, как доказано ранее, единой [Любин, 1977]), но, прежде всего,

выяснение динамики развития ее во времени. Это означало акцент на послыное распределение и сравнение всех материалов. Небольшое количество целых орудий и иных, наиболее показательных групп изделий (нуклеусы, пластины) в каждом из слоев не всегда обеспечивало полную корректность статистических наблюдений. Следовательно, было необходимо компенсировать этот недостаток повышенным вниманием к распределению отдельных признаков, значимость которых установлена для любых коллекций палеолитического каменного инвентаря или же предполагалась для данной на основании предварительного визуального исследования (например, средние габариты изделий, углы заострения лезвий). Так как основная цель анализа предполагала строго послыное описание материала, то все находки из кратовин, осыпей, зачисток разрезов и поверхностей слоев или просто стратиграфически сомнительных участков подробно не описывались и в статистических подсчетах не использовались. Краткие данные о всех этих изделиях приведены отдельно от описания стратифицированной коллекции.

Состав коллекции (для каждого слоя) характеризовался наличием и долей следующих групп изделий: 1) нуклеусы и нуклевидные; 2) отщепы-заготовки; 3) пластины; 4) мелкие отщепы, в том числе разные технические сколы; 5) чешуйки; 6) орудия и их фрагменты; 7) неопределимые обломки, которые нельзя соотнести с изделиями ни одной из других групп. Техника расщепления анализировалась по материалам всех групп (кроме последней), но опора, естественно, делалась на немодифицированные вторичной отделкой продукты расщепления — нуклеусы и различные группы сколов. Среди первых выделялись собственно нуклеусы и их обломки, характеризующиеся наличием хотя бы одной ударной площадки и связанной с ней поверхности скалывания с не менее чем одним крупным негативом (L (длина) или d (ширина) > 3 см, т. е. как у скола-заготовки; см. ниже) или более чем двумя мелкими (до 3 см) снятиями. Нуклеусы описывались по типу сырья, размерам, наличию желвачной корки, количеству, взаиморасположению и огранке площадок, а также размерам негативов. Системы скалывания выделялись на основании предложений В. П. Любина [1965] с некоторыми дополнениями П. Е. Нехорошева, касающимися подправки поверхностей скалывания и площадок ядрищ [Нехорошев, 1988]. Естественные обломки с единичными мелкими сколами относились к подгруппе нуклевидных.

Отщепы-заготовки определялись исходя из размеров основной массы орудий, т. е. длина и/или ширина больше 3 см, что, разумеется, является условным, но, по крайней мере, четко обоснованным разграничением. Для всех отщепов-заготовок, делящихся на целые и фрагменты (дистальные, медиальные и базальные), отмечался тип сырья и наличие корки. Наиболее полная ха-

рактеристика дается целым сколам: указывается сырье, размеры, пропорции, огранение спинки, характер площадки, левого и правого краев, дистального конца и «особые приметы» (например, наличие повреждений, ретуши утилизации, вероятная техническая роль и т. п.). Таким образом, основная статистика произведена по целым сколам, что представляется методически верным. Следует оговорить здесь вид индекса сечения (соотношение ширины (d) и толщины (e)), который везде выступает не в традиционном виде $e/d \times 100$ [Bourgon, 1957], а наоборот — d/e , что представляется намного более наглядным (толщина укладывается в ширине столько-то раз) и уже давно применяется в отношении бифасов (см., например: [Bordes, 1961a; Roe, 1968]). Впрочем, вторая форма (d/e) легко превращается в первую ($e/d \times 100$) путем деления 100 на d/e . Весьма немаловажным является вопрос о технике измерения метрических признаков, которая должна быть достаточно точной и в то же время не слишком трудоемкой [Холушкин, 1981]. Поэтому измерения производились с точностью до одного миллиметра и пяти градусов с помощью штангенциркуля и простого прибора для замера углов, представляющего собой развитие модели, примененной для морфометрического анализа индустрии грота Ортюз Н. Ролланом [Rolland, 1972].

При анализе площадок сколов были учтены таковые и на базальных обломках. Критерием для деления подправленных площадок на фасетированные и тонкофасетированные служили количество (более 5 в ряду), непрерывность, регулярная форма и размеры фасеток. «Ступенчатые» площадки [Нехорошев, 1993], где ретушь выделяет приподнятый гладкий участок, куда и наносился удар, оценивались как аналог выпуклых. Угол между ударной площадкой и брюшком в этой базе данных не учитывался, т. к. измерения показали здесь очень малый разброс величин (90—100 град.). Решено было также отказаться от определения размеров площадки. Хотя в литературе и имеются указания на связь между последними и габаритами скола [Dibble, Whittaker, 1981; Speth, 1972; 1974; 1975; 1981], но она не является однозначной и не может использоваться ни для оценки степени редукции орудий [Kuhn, 1990], ни для реконструкции размеров скола по базальным фрагментам.

Сколы типа леваллуа в статистических подсчетах не фигурируют, т. к. единообразного подхода к критериям их выделения пока нет [Воёда, 1988; Peçpere, 1989; Нехорошев, 1993] и применение этого понятия на описательном уровне, следовательно, не вполне корректно. По ряду показателей все же выделяется группа сколов-заготовок, характеризующихся отсутствием корки, симметричностью или субсимметричностью в плане и в поперечном сечении, острым краем по всему периметру и уплощенностью (d/e (отношение

длины к ширине) $> 6-7$). Эти высококачественные сколы-заготовки, пожалуй, скорее всего соответствуют наиболее общему пониманию леваллуазских сколов [Нехорошев, 1993].

К «мелким сколам» условно отнесены отщепы, длина и ширина которых находятся в интервале от 1 до 3 см. Подобные отщепы и их фрагменты (в отнесении части последних к той или иной группе сколов была, конечно, определенная субъективность, т. к. каких-либо точных методов реконструкции размеров и формы скола по его фрагменту нет) составляют в коллекции абсолютное большинство (табл. 2) и демонстрируют порой плотность более двух тысяч на один квадратный метр (слой 3А, горизонт 2, квадраты 82, 96). В силу этого описание их не было достаточно подробным, отмечался только тип сырья, наличие корки и выделялись возможные технические сколы (реберчатые, сколы подправки площадки и поверхности скалывания). Собственно говоря, практически все эти мелкие сколы являются, видимо, именно техническими сколами-отходами от оббивки нуклеусов или — реже — связаны со вторичной обработкой (в случае, например, распространенной ретуши или утончения). Более глубокий анализ этих сколов в рамках данной работы был невозможен, ибо он требовал бы поставить во главу угла исследования технологии, причем сопровождаемые экспериментами по расщеплению данных разновидностей сырья. Наконец, выделялись целые сколы размером не более 1×1 см, которые были определены как чешуйки, т. е. предполагаемые отходы ретуширования орудий и мелкой подправки площадок. Для них также указывался вид сырья и присутствие, хотя и крайне редкое, естественной корки.

Что касается пластин, то традиционное отнесение к ним сколов, длина которых более чем в два раза превышает ширину ($L/d > 2$) [Tixier, 1963], показалось не очень удачным решением. В таком случае в одной группе оказываются как подлинны пластины, т. е. сколы, являющиеся продуктом специализированных способов скалывания, так и удлиненные отщепы. Это не очень логично, тем более что укороченные отщепы никак особо не выделяются. При чисто метрическом подходе к тому же оказываются «за бортом» довольно многочисленные обломки подлинных пластин. Следовательно, целесообразнее поддержать и развить подход В. П. Любина, выделяющего в общем массиве пластинчатых сколов подлинны пластины и вводящего для них специальный дополнительный индекс [Любин, 1965]. На мой взгляд, правильнее будет пойти еще дальше: удлиненные отщепы учитывать в группе отщепов, а к пластинам относить только сколы или их обломки с параллельной огранкой спинки, что и было сделано. Подобное отношение к выделению пластин можно найти у ряда исследователей (см., например: [Jelinek, 1977]). Сам Ф. Борд, кстати, тоже

признавал возможность и правомерность такого подразделения, однако почему-то отказался от него, не слишком убедительно объяснив свое решение трудностями определения способа огранения спинок [Bordes, 1961a]. Как мне кажется, трудности эти преувеличены. Более того, по данному признаку я разделяю собственно пластины на правильные (параллельность или субпараллельность как краев, так и негативов спинки), неправильные (отдельные нарушения параллельности краев и огранки, наличие корки, заломов и т. п.), а также реберчатые, что особенно важно при определении способа скалывания. Для выяснения роли призматической техники помимо реберчатых пластин обращалось также особое внимание на оформление ударных площадок, присутствие приема их редуцирования, длину и пропорции сколов и негативов [Гиря, 1993; Нехорошев, 1993]. Среди подлинных пластин были выделены и подгруппы по средним размерам: крупные пластины, пластинки и микропластинки [Brezillon, 1968]. Разумеется, этот подход несколько не мешает наряду с индексом подлинных пластин вычислять и традиционный индекс Пат, т. е. процент удлинённых сколов-заготовок (целые пластины + пластинчатые отщепы).

Анализ орудий осуществлялся двояким образом, как это обосновывалось выше. Прежде всего инвентарь был соотнесен с тип-листом Ф. Борда [Bordes, 1954; 1955; 1961a], дабы обеспечить затем возможность сравнения с другими памятниками и общее понимание. В целом это оказалось возможным, хотя ряд отступлений не позволили вывести типологические индексы. Так, в связи с изложенной выше позицией не были выделены леваллуазские отщепы, а ножи определены лишь условно, причем таковые с «естественным» обушком вообще не включались в тип-лист. Сколы с гранью-обушком отражают скорее черты техники расщепления, и использование их в качестве орудий не может быть принято a priori [Казарян, 1990]. В качестве основного использован тип-лист, разработанный для губских мустьерских стоянок В. П. Любиным [Любин, 1977; Любин, Аутлев, 1994], что позволяет и подчеркнуть специфику индустрии, и сохранить преемственность в описании инвентаря. Благодаря этому сохраняется и возможность детального сравнения инвентаря губских стоянок друг с другом.

2.10. Использование атрибутивного анализа для коллекции Монашеской пещеры

Элементы атрибутивного анализа, как отмечалось, применялись пока лишь для тех форм, которые обладали статистической представительностью и могли быть описаны по единому и не слишком большому списку признаков. Прежде всего внимание привлекли простые боковые скребла, поглощающие значительную часть орудийной кол-

лекции Монашеской. С одной стороны, это орудия одного «конструктивного» типа, с другой — некоторые признаки их оказываются очень вариabельными, подразумевая возможность более дробной дифференциации. Очевидно прежде всего разнообразие их рабочего края — не столько по выпуклости-вогнутости, сколько по углу заострения, поперечному профилю, способу оформления (характер ретуши), форме нити лезвия в плане и т. д. Заметны различия по оформлению элементов аккомодации, по размерам и форме заготовок, по типу сырья. Предполагалось, что простые боковые скребла могут стать хорошим полигоном для отработки компьютерного кластер-анализа, однако от этого пришлось отказаться. Поскольку здесь мы имеем дело не с комбинацией, а лишь с единственным орудийным элементом, то кажется логичным попытаться найти возможное подразделение этих форм именно в связи с выделением типов рабочего края. Однако дать объективное описание последнего через список количественных или четко ранжируемых признаков пока не удастся, т. к. это требовало бы, очевидно, модельных экспериментов для изучения формирования его различных морфологических характеристик и связей между ними. По этой причине простые скребла были подвергнуты лишь статистической обработке по отдельным признакам (тип заготовки, размеры, сырье и т. д.) — чтобы проследить изменчивость всех этих показателей от слоя к слою, т. е. в хронологическом аспекте. Попытка выделить типы лезвий на основании комплекса признаков была все-таки предпринята (см. гл. 5 и рис. 36), но ее можно считать лишь «прикидкой», поскольку выбор и оценка учтенных характеристик все-таки остались в значительной мере субъективными. Следует сказать также, что основные характеристики, служившие для анализа простых боковых скребел, использовались далее и при описании других менее многочисленных видов однолезвийных скребел (поперечных, диагональных), а также единичных здесь двойных боковых.

Вплотную подойти к реализации попытки кластер-анализа удалось лишь при обращении к орудиям, традиционно распределяемым по трем следующим типам: остроконечники, конвергентные и угловатые скребла. Все эти формы объединяет наличие двух (редко трех) лезвий, сходящихся в одну точку (две точки в случае трехлезвийности). Существующие подразделения их, а главное, критерии их выделения, не кажутся достаточно убедительными. Во-первых, смущает громадное разнообразие изделий, относимых к типу угловатых скребел лишь по признаку значительного (больше 25 градусов) расхождения оси скалывания с морфологической осью орудия. Это, в сущности, является технологическим принципом и нарушает защищаемый Ф. Бордом в целом примат типологии, т. е. намеренно созданных орудийных форм,

над техникой или способом их получения. По пропорциям, симметричности относительно оси орудия, а также взаиморасположению, протяженности, форме и углам схождения рабочих краев мы как будто имеем внутри группы угловатых целый набор морфологических типов [Любин, 1965]. Некоторые из них сближаются с определенными вариантами конвергентных скребел, и не случайно, наверно, среди приводимых М. Брезийоном классификаций многолезвийных скребел можно найти и такое решение: выделение конвергентных, включающих в себя две подгруппы — *droits*, или правильные, и *déjetés*, или угловатые [Gruet, 1959; цит. по: Brézillon, 1968]. С другой стороны, некоторые угловатые скребла морфологически близки остроконечникам или даже порой аналогичны последним [Праслов, 1972]. Это позволило ряду авторов использовать для подобных изделий термин *pointe déjetée*, т. е. угловатый или же асимметричный остроконечник (например: [de Lumley, 1969a, p. 151; de Lumley, 1969b, fig. 317; Perles, 1974; Peretto, 1988]). Даже Ф. Борд изредка употреблял этот термин [Bordes, 1953, p. 158], а также термин *racloir-pointe* (скребло-остроконечник) [Bordes, 1954], однако четкие разъяснения своих дефиниций у всех упомянутых авторов либо отсутствуют, либо носят очень субъективный характер. Есть и другие, вполне оригинальные орудия, помещение которых в один классификационный тип (№ 21 по Ф. Борду) под лозунгом «угловатости» едва ли может быть принято [Любин, 1965], даже если технический аспект (использование асимметричных или сломанных заготовок, ориентация рабочих краев относительно оси орудия, а не скальвания) и оказал бы существенное влияние на особенности формы подобных изделий. Во всяком случае, такие орудия из Монашеской пещеры не позволяют, на мой взгляд, ни согласиться с подходом Ф. Борда, ни ограничиться решением, предложенным В. П. Любиным, — разделением типа угловатых скребел на ряд подтипов [Любин, 1965; 1977; Любин, Аутлев, 1994]. Необходим параллельный поиск иного типологического решения. К этому же подталкивает и нечеткость разграничения конвергентных скребел и остроконечников, крайняя субъективность выдвинутых для этого Ф. Бордом критериев [Bordes, 1961].

В результате было принято решение произвести более подробный анализ всех таких конвергентнолезвийных форм (угловатые и конвергентные скребла, остроконечники) как единого массива — с целью поиска наиболее приемлемых критериев и вариантов дифференциации типов. Сходную идею высказывают, в частности, исследователи индустрии французской стоянки д'Орньяк [Moncel, Combiac, 1992]. Итак, все эти изделия из пещер Монашеской и Баракаевской были описаны в соответствии с единым списком признаков (см. ниже) и подвергнуты компьютерному кла-

стер-анализу, а также анализу распределения их отдельных характеристик между слоями данных стоянок. Так же как и простые скребла, эта группа орудий оказалась достаточно многочисленной, чтобы стать подходящим объектом и для обычной статистики, и для кластер-анализа. Сверх того, конвергентнолезвийные орудия имеют в этом отношении даже преимущество, поскольку более сложная конструкция орудий позволяет «играть» прежде всего на характере взаимного расположения орудийных элементов, которое определяет общую форму этих изделий. Такой акцент дает и возможность избежать пока затруднительного, как говорилось выше, описания отдельного ретушированного края, хотя некоторые, наиболее существенные и четкие характеристики лезвий были учтены.

Выбор и описание признаков составили, как и предполагалось, главную проблему — ведь необходимо учесть все существенное (исходя из сложившихся представлений и ожиданий), одновременно сохранив компактность списка и максимальную объективность. Поэтому использовались, во-первых, только однозначно определяемые признаки — количественные, включая метрические, и те качественные, которые поддаются обоснованному ранжированию. От сложных признаков, которые не удается пока разложить на элементарные и оценка которых носит слишком субъективный характер (например, «распространенная ретушь», «сильно выпуклое лезвие», «леваллуазская заготовка» и т. п.) пришлось отказаться.

В целом список признаков для кластер-анализа создавался на основании следующих соображений. Поскольку задачей ставилось выявление устойчивых морфологических типов, следовало опираться на признаки, характеризующие общую форму орудия и его рабочие элементы. Форма конвергентнолезвийных орудий, как уже отмечалось, в очень большой степени определяется углами схождения лезвий и расположением их на заготовке. Последнее учитывалось по углу между линией каждого лезвия и ударной площадкой скола-заготовки. В качестве основных признаков были использованы также размеры (L , d , e) и индексы пропорций (L/d и d/e). Кроме того, в описании всех изделий были использованы наследуемые орудием признаки заготовки (ограничение спинки — 20 вариантов, профиль и подправка площадки — 4 и 7 вариантов, соответственно), характеристики рабочего края (по 8 позициям, включая угол заострения, форму в плане — 4 варианта, расположение ретуши — 3 варианта, ее распространенность — в мм, степень утилизации — 4 варианта и т. п.), а также ряд других признаков, описывающих сырье, и — при их наличии — обухок (6 признаков) и варианты утончений. Суммарное количество учтенных признаков — 32, однако, забегая вперед, отмечу, что признаки, названные основными, и на самом деле сыграли ос-

новную роль в кластер-анализе. Анализ прочих четких корреляций не обнаружил, но для некоторых признаков удалось проследить различие их средних значений в зависимости от принадлежности изделий Баракаевской стоянке или же определенному слою Монашеской.

Результаты данного анализа будут обсуждаться более подробно уже в последующих главах, где дается само описание каменного инвентаря, но кажется необходимым остановиться на главных итогах в этом разделе. В целом полученные кластеры, по-видимому, выявили возможную дифференциацию материала по неким типам (точнее, архетипам или моделям), но картина оказалась, очевидно, несколько искаженной из-за недостатков способа описания формы изделий. Передача ее «на языке» данного списка признаков носила слишком приблизительный характер. Требуется также корректировки и избранный способ описания других характеристик орудий, в особенности качественных признаков, ранжирование которых нуждается в более строгом обосновании. Тем не менее, как кажется, даже такой до некоторой степени «блин комом» является важным и необходимым результатом, позволяя путем проб и ошибок отработать более приемлемую и эффективную методику. Несмотря на все трудности во внедрении атрибутивного анализа, они несколько не меняют моего убеждения в необходимости и перспективности этого метода.

2.11. Проблемы выделения и классификации зубчато-выемчатых орудий

Помимо простых скребел и конвергентнолезвийных орудий в коллекциях губских стоянок имеются еще две весьма многочисленные группы изделий — зубчатые и выемчатые. Описание и классификация подобных предметов представляет определенную сложность. Особенно это касается зубчатых, ибо у различных авторов можно встретить как неоднозначное отношение к самостоятельности данной группы орудий — вплоть до ее полного отрицания [Pradel, 1956, p. 840; Tixier, 1963, p. 121], так и разные подходы к их классификации [Bordes, 1961a; Heinzelin de Braucourt, 1962; Laplace, 1964; de Lumley, 1972; Коробков, Мансуров, 1972; Анисюткин, 1978; Любин, 1977; Любин, в печати]. Собственно говоря, разброс вариантов не так уж и велик — так или иначе предлагается основываться на различиях характеристик зубчатого рабочего края (размеры выемок и самих фасеток, их регулярность, угол лезвия и т. п.) и/или на расположении лезвия (лезвий) на заготовке. Иногда некоторые зубчатые формы становятся как бы разновидностями «обычных» морфологических типов — *racloir denticulé*, т. е. скребло зубчатое [de Lumley, 1972], *racloir* и даже *grattoir denticulé* — зубчатый скребок [Heinzelin de Braucourt, 1962; Laplace, 1964; Анисюткин, 1978].

Чаще, однако, особо выделяют только зубчатый аналог остроконечника — *pointe de Tayac* [Bordes, 1954; 1955; 1961a], а также, например: [Debenath, 1968; Rigaud, Texier, 1981; Tavoso, Veizian, 1983].

К собственно зубчатым орудиям, т. е. изделиям, протяженный рабочий край которых создан смежными выемками, образующими зубцы [Tixier, 1963], примыкает группа орудий с изолированными выемками (*encoches*) [Bordes, 1961a] и различные по форме, способу выделения и назначению выступы, или «клювы» (*becs*) [Brézillon, 1968]. Часть последних также оформляется с помощью выемок или анкошей. Именно последнее, т. е. способ создания орудийных элементов, позволяет говорить об этих достаточно разнообразных изделиях как о «зубчато-выемчатых» [Коробков, Мансуров, 1972], тем более что подобные элементы действительно весьма часто сочетаются на одном и том же предмете. Кажется, что описание таких форм через характеристику составляющих их «рабочих элементов» [Коробков, Мансуров, 1972] вполне правомерно, однако нельзя упускать из виду взаимосочетание, а также взаиморасположение этих элементов, не сводя орудие ни к простой сумме последних [Коробков, Мансуров, 1972], ни к «главному» из них — «хорошему» или «редкому» [Bordes, 1961a]. Позднее, впрочем, и сам Ф. Борд писал уже несколько иначе: «разделять искусственно сложные палеолитические орудия — значит добровольно отказываться от информации» [Bordes, 1967, p. 35]. Такой подход, действительно, представляется наиболее верным методически, тем более что это никак не мешает тщательному описанию, сопоставлению и учету каждого элемента в отдельности.

И все таки главная проблема классификации зубчато-выемчатых, на мой взгляд, состоит даже не в номенклатурной неопределенности, к которой приводят как объективные (многообразие форм и «перетекание» их друг в друга), так и субъективные (разные методические установки, стремление к «самостийной» терминологии) факторы. Эти моменты характерны в той или иной мере и для классификации других групп каменного инвентаря. Главное — это найти надежные способы различения намеренно изготовленных зубчатых, выемчатых и клювовидных орудий (с последующей утилизацией, с повреждениями или без) от изделий, подобная форма которых целиком отражает только результат использования или других случайных воздействий (вытапывание, криотурбация и т. п.). На необходимость и одновременно сложность такого различения указывают практически все авторы, специально писавшие что-либо об этой группе орудий. В идеале нужно создавать типологию намеренных и ненамеренных ретушей и макроследов, которая основывалась бы на большой серии тщательно продуманных экспериментов с фиксацией всех параметров и их вариаций. До тех пор приходится опираться — это

касается и других видов вторичной обработки — только на отдельные разработки специалистов-экспериментаторов (см., например: [Филиппов, 1983; Щелинский, 1983]), а также на разрозненные, хотя и многочисленные, наблюдения и личный опыт других исследователей. Конечно, такое положение привносит в анализ зубчато-выемчатых немалую долю субъективизма и гипотетичности. Однако некоторые обобщения по поводу критериев разграничения намеренной и ненамеренной ретуши, в особенности зубчатой, сделать все-таки удастся [Любин, Аутлев, 1994]. Исходя из этих заключений я отбрасываю предметы с ретушью мелкой, краевой, нерегулярной и разновеликой, расположенной на тонких краях или резко меняющей периодически угол заострения края, а также сочетающейся с другими вероятными макроследами утилизации (редукция края, ретушь с заломами и карнизами, мелкая зазубренность или, напротив, заглаженность, заполированность нити лезвия и т. п.). Откладывались в сторону и изделия с сомнительными единичными и неглубокими выемками, особенно на тонких краях, и с выступами-«клювами», образованными только благодаря облому или единичной выемке. Возможно, отбор был даже чрезмерно жестким, отсеивая часть подлинных, но небрежно изготовленных орудий. Стремление к «чистоте» зубчато-выемчатой группы было, однако, основным требованием.

Вопрос разграничения намеренной и ненамеренной «зубчатости» имеет принципиальное значение не только для классификации орудий этой группы, но, конечно же, и для характеристики индустрии в целом. На опасность ошибочного отнесения к «зубчатому мустье» материалов, подвергшихся криотурбации, указывал, в частности, Ф. Борд [Bordes, 1962—1963]. О роли поврежденных (вытаптывание) и утилизации в образовании псевдозубчатых орудий говорили С. А. Семенов [1972], Н. Д. Праслов [1984], В. Е. Щелинский [Аникович, 1978; Щелинский, 1983, с. 87—88]. Существуют также мнения, что часть зубчатых изделий представляет собой лишь стадию в изготовлении обычных скребел — при очень сильной модификации массивных заготовок (главным образом скребла Кина) [Lenoir, 1986; Verjux, 1988; Verjux, Rousseau, 1986], что в нашем варианте места иметь не могло и вообще, видимо, встречается нечасто. Разграничение между изделиями, выглядящими подобно орудиям (естественные повреждения), использовавшимися в качестве орудий (утилизация), и теми, что намеренно оформлялись как зубчато-выемчатые, чрезвычайно важно для понимания памятника. В первом случае отражены лишь условия захоронения изделий, во втором — круг функций и направленность хозяйственной деятельности, и только в третьем — то, что принято называть стилем, типом или модом, т. е. культурная специфика в выборе технического

решения определенных функций. Разумеется, возможно и на самом деле очень часто встречается наложение нескольких факторов, что, конечно, очень осложняет задачу, но никак не снимает ее. Уход от обсуждения этой проблемы при публикации «зубчатых» материалов серьезностораживает в отношении корректности конечных выводов.

Пример методически верного, дифференцированного подхода к зубчато-выемчатым изделиям, которому я стремилась следовать, можно, например, найти в работах А. де Люмлея и М.-Э. Лишт [de Lumley, Licht, 1972, p. 439], В. П. Любина [Любин, 1977; Любин, Аутлев, 1994], Д. А. Чистякова [1992]. Подход В. П. Любина к зубчато-выемчатым орудиям Монашеской и Баракаевской был использован в наибольшей мере, т. к., во-первых, необходимо было сохранить преемственность в описании и возможность сравнения старых и новых материалов; во-вторых, автором учитывались практически все традиционно выделяемые и визуально фиксируемые признаки этих орудий (расположение рабочих элементов на заготовке, способ их оформления, тип комбинации (если имеется), а также общая форма, метрические характеристики и т. д.). Выделение и описание клювовидных форм опиралось на обширную, хотя и несколько путаную номенклатуру французских типологов [Brézillon, 1968] с учетом некоторых суждений и предложений российских исследователей [Коробков, Мансуров, 1972; Анисюткин, 1974; Любин, в печати]. Что же касается псевдозубчатых, включая и результаты утилизации, то они должны быть, по возможности, изгнаны из группы подлинных («réels») орудий. Описание их, разумеется, необходимо, но оно будет сделано отдельно. Если же попытаться найти им место в тип-листе, то правильнее всего искать его среди № 45—50 (т. е. сколы с разными вариантами ретуши криотурбационной, утилизационной, а также ретуши от иных случайных воздействий).

Прочие группы орудий (скребки, резцы, комбинированные формы и те, что называют *divers* (разные)) не столь многочисленны в коллекциях Монашеской и Баракаевской, чтобы оговаривать их классификацию отдельно от причисляемых к ним конкретных вещей (см. гл. 5—7). При их описании я опираюсь на самые различные разбросанные по литературе типологические разработки, стараясь избегать как «изобретения велосипеда», так и «притягивания за уши» не вполне подходящих аналогий. Поскольку, как это уже неоднократно отмечалось, необходимо состыковать результаты нашего анализа с заключениями В. П. Любина, то широко, хотя порой с критическими комментариями и без механического заимствования, привлекаются его обширные морфолого-типологические штудии и экскурсии из работ, посвященных индустриям Монашеской [Любин, 1977] и Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994].

Глава 3

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНАШЕСКОЙ ПЕЩЕРЫ

3.1. Начальный этап (1961—1964)

Монашеская (Губская) пещера была открыта П. У. Аутлевым в 1961 г. в ходе разведок памятников каменного века в бассейне р. Лабы [Аутлев, 1964; 1970]. Первые находки были сделаны прямо на поверхности (30 отщепов и несколько фрагментов керамики), что дало исследователю повод заложить разведывательный шурф (2,0×1,4 м) на южном краю площадки по центральной оси пещеры. Затем размеры шурфа были увеличены до 5,6 кв. м (рис. 7). Из этого шурфа были извлечены более 1000 кремневых изделий и многочисленные обломки костей, которыми, как свидетельствует П. У. Аутлев, была равномерно насыщена вся вскрытая им толща. Описывая поперечный и продольный профили отложений по северной и восточной стенкам шурфа [Аутлев, 1970, рис. 25, 26], исследователь выделил здесь три горизонта: 1) гумусно-пылевой (25—30 см) со смешанным археологическим материалом (кремневые изделия, меотская и средневековая керамика); 2) рыхлый суглинисто-песчанистый (до 70 см толщиной), также со смешанным материалом и гумусными прослойками и 3) плотный щебенчатый суглинок (50 см), залегающий непосредственно на скальном основании. По мнению П. У. Аутлева, второй и третий горизонты представляли собой единый в культурно-хронологическом отношении слой, а их различия были вызваны лишь разрушением верхнего из этих горизонтов деятельностью позднейших поселенцев. Скальное дно, по его наблюдениям, постепенно понижается к югу, и в том же направлении падает мощность культурных отложений [Аутлев, 1964, рис. 1]. Собранный каменный инвентарь (39 нуклеусов, 37 остроконечников, 13 скребел, скребки, резцы, отщепы и пластины) был охарактеризован первооткрывателем как позднемустье́рский [Аутлев, 1964; 1970]. В составе фауны были определены козел (тур) или баран, бизон и лошадь (определения Н. К. Верещагина и И. Г. Пидопличко).

Первые сведения о Монашеской пещере и сделанные там находки вызвали интерес специа-

листов, и в 1964 г. пещеру посетила группа ученых, состоящая из археологов и представителей геолого-географических дисциплин (В. П. Любин, А. К. Филиппов, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг). Были сделаны новые зачистка и описание (В. М. Муратов) северной стенки шурфа 1961 г., что позволило выявить значительно более сложную стратиграфическую картину (рис. 9). Приводим характеристику этого разреза по В. М. Муратову [Аутлев, 1970; Любин, 1977].

Слой 1. Гумусированная, блекло-бурая, хрящеватая супесь с угловатым известняковым щебнем (30—40 %); преобладающие размеры щебня — 0,3—0,5 см. Контакт с подстилающим слоем четкий, местами с карманами. до 0,7 м

Слой 2. Серовато-палевая супесь, сильно насыщенная известняковым хрящом и щебнем (15—20 %); преобладающий размер щебня — 2—5 см, контакт неровный до 0,35 м

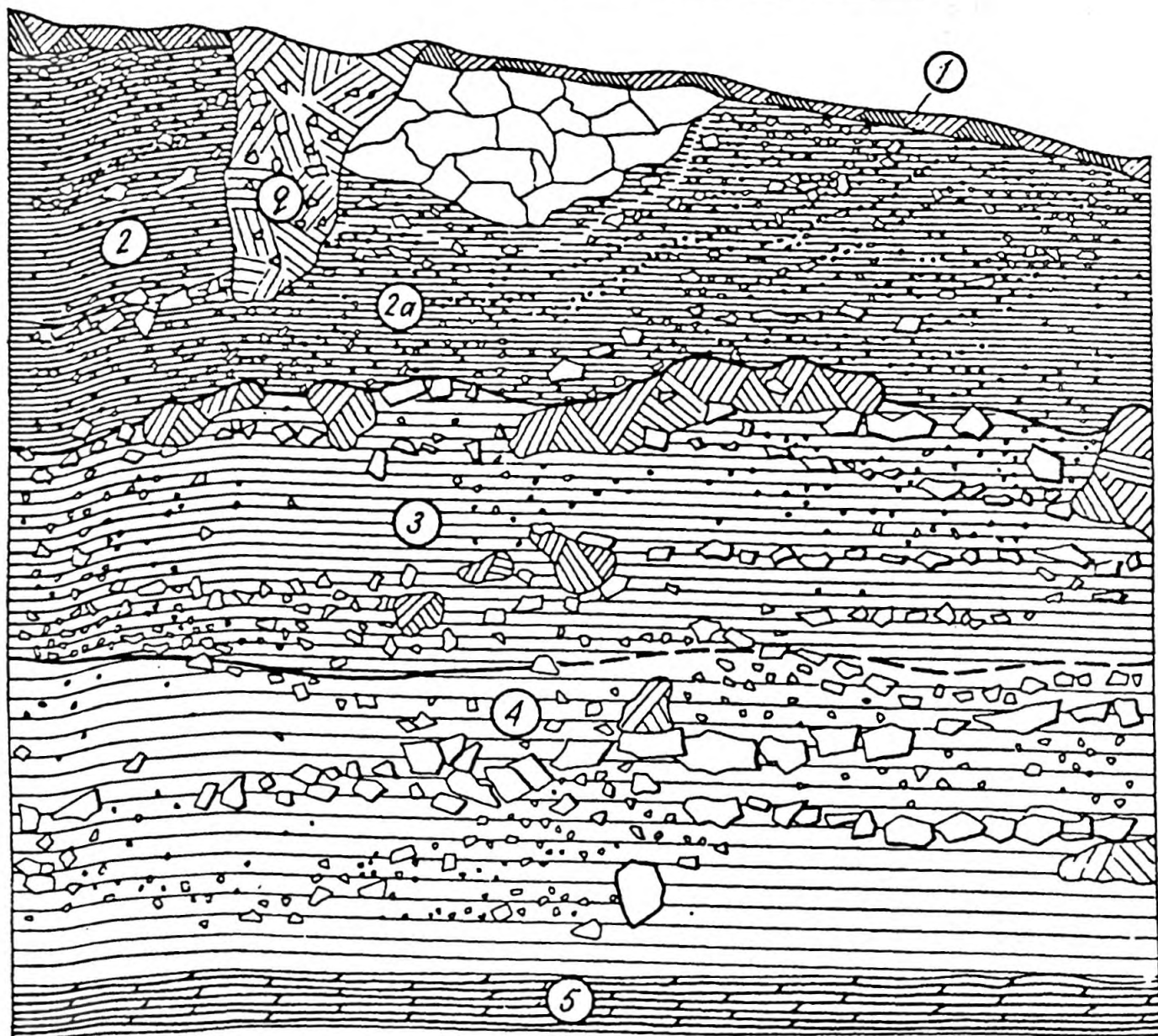
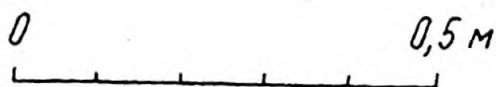
Слой 2А. Аналог предыдущего, но с более буроватым оттенком заполнителя. Контакт ровный, его линия наклонена к западу 0,18—0,35 м

Слой 3. Сходен со слоем 2а, но заполнитель более песчаный, окраска — палево-коричневая. Содержит субгоризонтальные прослойки делювиального щебня (наряду с беспорядочно взвешенным). В кровле и в средней части многочисленные голоценовые кротовины (заполнитель — сл. 1). Контакт ровный, четкий до 0,4 м

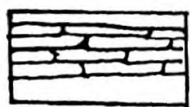
Слой 4. Желтовато-коричневый хрящеватый и глинистый песок с щебнем (как в слое 3), единичными обломками размером до 15 см и тонкими обвальными горизонтами в верхней и средней частях. Заполнитель — до 50—60 %. Контакт ровный, четкий 0,40—0,45 м

Слой 5. Серо-зеленоватый известняковый элювий (щебень-плитняк) с песчано-глинистым заполнителем (не более 15 %). 0,10—0,15 м

При зачистке этого разреза и разборке старой осыпи шурфа 1961 г. была собрана новая археологическая коллекция (всего 468 изделий). Эти находки, а также прежние находки П. У. Аутлева были впоследствии подробно проанализированы

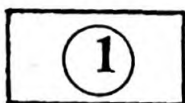
1

3

2

4

Рис. 9. Монашеская пещера. Разрез шурфа 1961 г.:

1 — голоценовый заполнитель слоя 1, поздних кротовин и ямы (q); 2 — щебень; 3 — известняковый элювий дна пещеры; 4 — номера слоев (по: [Любин, 1977])

Fig. 9. Monasheskaya Cave. Cross — section of sediments in the 1961 test excavation:

1 — holocene deposits in the layer 1, recent burrows and pit (q); 2 — limestone rubble; 3 — limestone eluvium of the cave bedrock; 4 — numbers of the layers (after: [Любин, 1977])

В. П. Любиным и позволили ему (вкуче с материалами из шурфа в близлежащем Губском навесе № 1) выделить здесь особую мустьерскую культуру [Любин, 1977]. К этому выводу я еще вернусь при описании новых материалов, а сейчас продолжу изложение дальнейшего хода исследований Монашеской пещеры. Итак, была собрана небольшая, но интересная коллекция каменных изделий и уточнены характеристики вскрытой шурфом стратиграфической колонки. Однако останавливаться на этом было никак нельзя, т. к. основная масса находок не имела стратиграфической привязки (исключая 186 предметов из северной стенки шурфа, зачищенной в 1964 г.), а сам шурф затронул лишь край обширной (более 390 кв. м) площадки навеса. Очевидно, что информативный потенциал стоянки мог быть еще очень велик и раскрытие его явно требовало долговременных стационарных раскопок с разработкой оптимальной полевой методики и организацией комплексных исследований с участием специалистов смежных естественно-научных дисциплин (литология, палеозоология, палинология и т. д.).

3.2. Первый цикл раскопок (1975—1976)

Новые работы начались при сотрудничестве тогдашнего Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (В. П. Любин) и Адыгейского научно-исследовательского института (П. У. Аутлев). Раскопки эти велись в течение всего двух полевых сезонов (1975—1976), но они позволили на должном методическом уровне (см. гл. 2) вскрыть довольно большую площадь — около 31 кв. м. Работы 1975 г. были небольшими и носили во многом подготовительный характер — снятие плана пещеры, определение линий разрезов, отработка методики разборки слоя и фиксации находок. В этот сезон было вскрыто лишь около 3 кв. м, прирезанных к северу от шурфа 1961 г., благодаря чему раскоп вписался в квадратную сеть и были получены два новых разреза: поперечный Д—Е и другой, ставший продолжением западной стенки шурфа и составивший вместе с ней участок генерального продольного разреза И—А—Б—Д (рис. 7, 10—12). Полученные колонки вполне согласовались с описанием В. М. Муратова, но позволили сделать также и дополнительные наблюдения. Различия между слоями 2 и 2А в окрашенности заполнителя отражали степень насыщенности культурными остатками (зольные прослойки, мельчайшие угли, костные обломки и тлен), которые придавали последнему более темный, порой лиловато-пепельный оттенок. Иногда такие участки, обогащенные органикой, имели вид небольших линз или прослоев с расплывчатыми границами. Слой 3 отличался менее богатыми археологическими находками, и в нем, как и прежде, отмечалось обилие кротовин. Слой 4 на

этом участке был четко отграничен от вышележащего слоя 3 обвальным горизонтом мощностью до 0,10—0,15 м. Важным результатом сезона 1975 г. явилось получение стратифицированной коллекции кремневых изделий, причем обилие их (около 5000 экз.) и состав сделали окончательно очевидными как неполноту, так и искусственную отсортированность материалов П. У. Аутлева, куда почти не вошли мелкие продукты расщепления, а возможно, и некоторые небольшие орудия. Существенно пополнился (в значительной мере благодаря промывке отложений) список фауны, изучение которой теперь взял на себя Г. Ф. Барышников (Зоологический институт АН СССР). Очень интересным итогом работ 1975 г. стало также окончательное подтверждение предположений В. П. Любина [1975; 1977] об уничтожении постмустьерских (верхневюрмских) и, частично, мустьерских (верхи) отложений позднейшими обитателями пещеры. Масштабы их разрушительного благоустройства удалось оценить благодаря тому, что несколько изделий несомненно верхнепалеолитического облика вместе с углями, обломками костей и раковинами *Helix* сохранились в глубине пещеры в пристенном натеке, отбивавшем некогда существовавший там уровень ее пола. Высота этих натеков над современной поверхностью пола — 2,0—2,5 м, что означает удаление по крайней мере до 2/3 былых плейстоценовых отложений [Любин и др., 1975].

Раскопки 1976 г. приняли намного более масштабный характер, охватив около 28 кв. м. Раскоп был распространен к востоку от шурфа — чтобы выявить восточную границу скальной стены, а также к югу (для выяснения характера смыкания пещерных отложений со склоновым делювием). Восточный участок принес главную «сенсацию» сезона: оказалось, что распространение мустьерских отложений ограничено пределами скального желоба, борт которого удалось обнаружить в 2—3 м к востоку от шурфа. Покатость стенок желоба определяла меньшую площадь распространения нижних, более ранних мустьерских слоев. Направление линии его борта предполагало сужение желоба к северу, ко входу в основной карстовый грот-коридор (рис. 7). Раскоп 1976 г. оказался, несмотря на большие размеры, более бедным находками (1700 экз.), что было особенно заметно на участках, примыкающих к самому краю площадки и к борту желоба. О «периферийности» вскрытой площади говорит практическая невозможность выделения здесь слоя 2А, отличительной чертой которого, напомним, являлась специфическая окраска, связанная с очень значительной насыщенностью жилыми остатками. Вообще, все слои были достаточно четко выражены лишь в западной и северной частях раскопа 1976 г. Особенно плохо читаются их границы у края площадки, где наблюдается выклинивание всех мустьерских слоев и постепенный переход их в склоновый

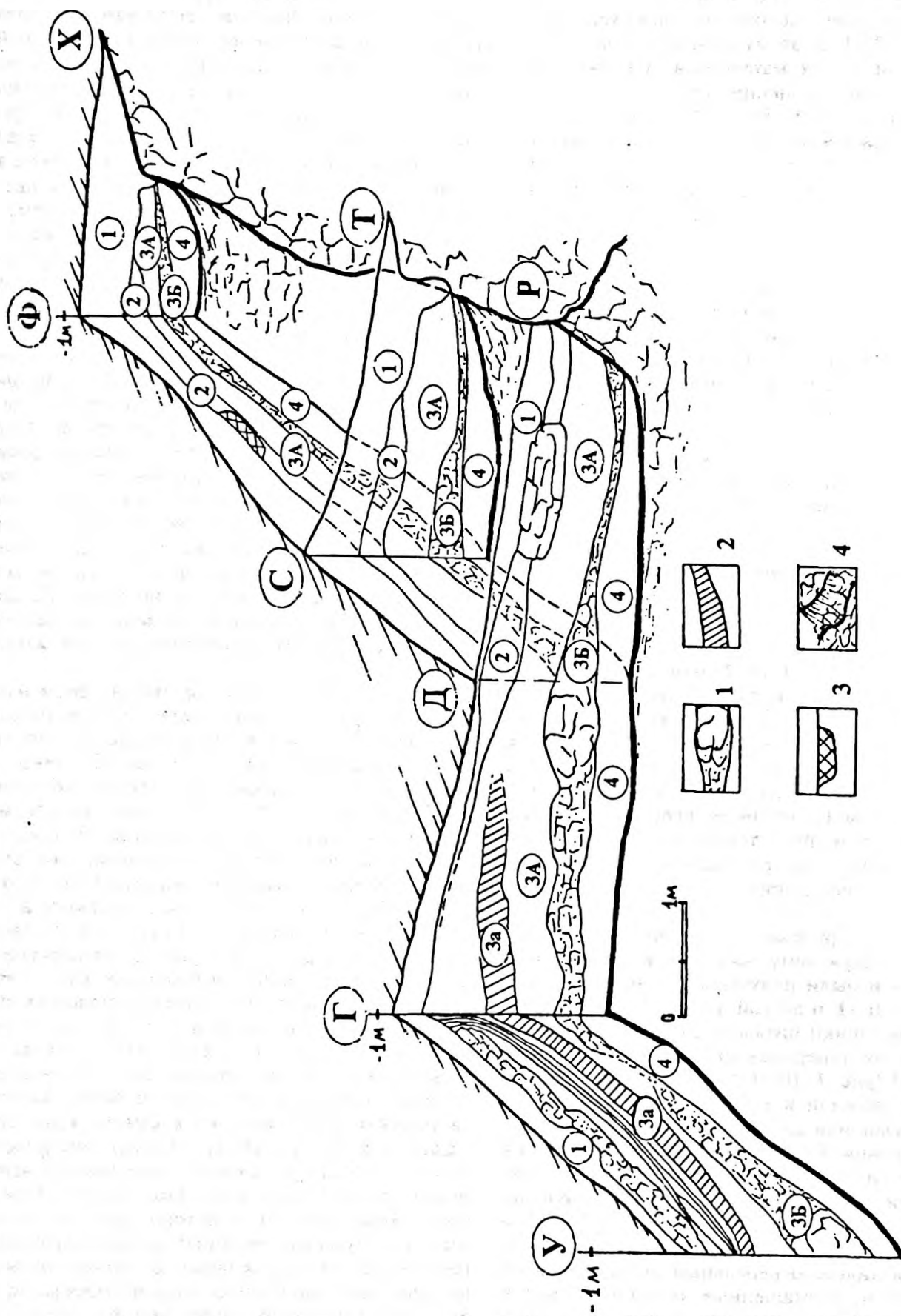

Рис. 10. Монашеская пещера. Схема разрезов отложений:

1 — обвалный уровень 3Б; 2 — линза 3а; 3 — средневековое погребение; 4 — скальный желоб

Fig. 10. Monasheskaya Cave. Scheme of the sediment sections:

1 — rock fall level 3B; 2 — lens-like horizon 3a; 3 — medieval burial; 4 — karstic chute in the cave bottom

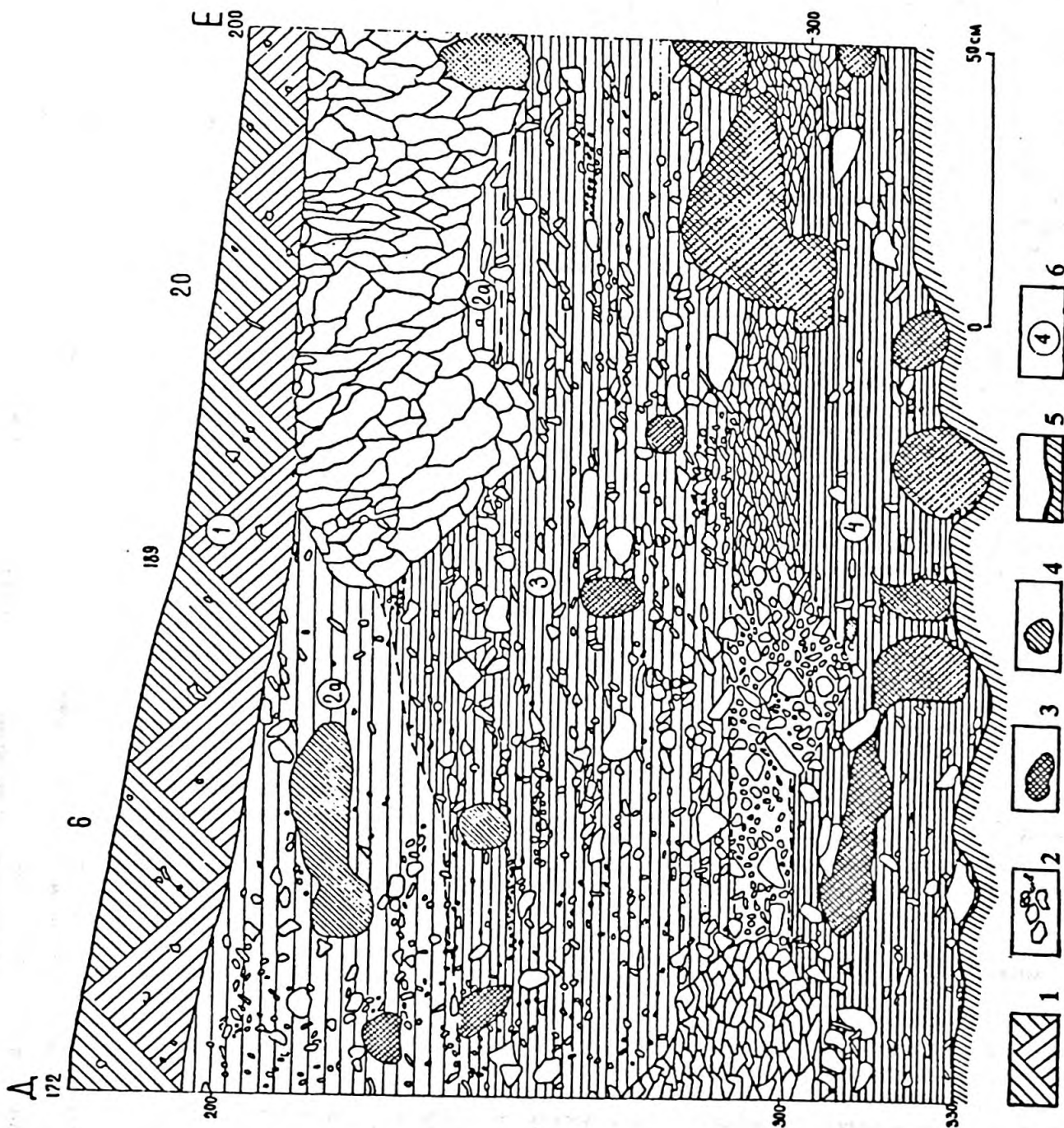

Рис. 11. Монашеская пещера. Поперечный разрез Д—Е:

1 — голоценовый слой; 2 — щебень; 3 — древние кротовины; 4 — подние кротовины; 5 — скальное дно; 6 — номера слоев

Fig. 11. Monasheskaya Cave. Transverse section Д—Е:

1 — holocene layer; 2 — limestone rubble; 3 — ancient burrows; 4 — recent burrows; 5 — cave bedrock; 6 — numbers of the layers

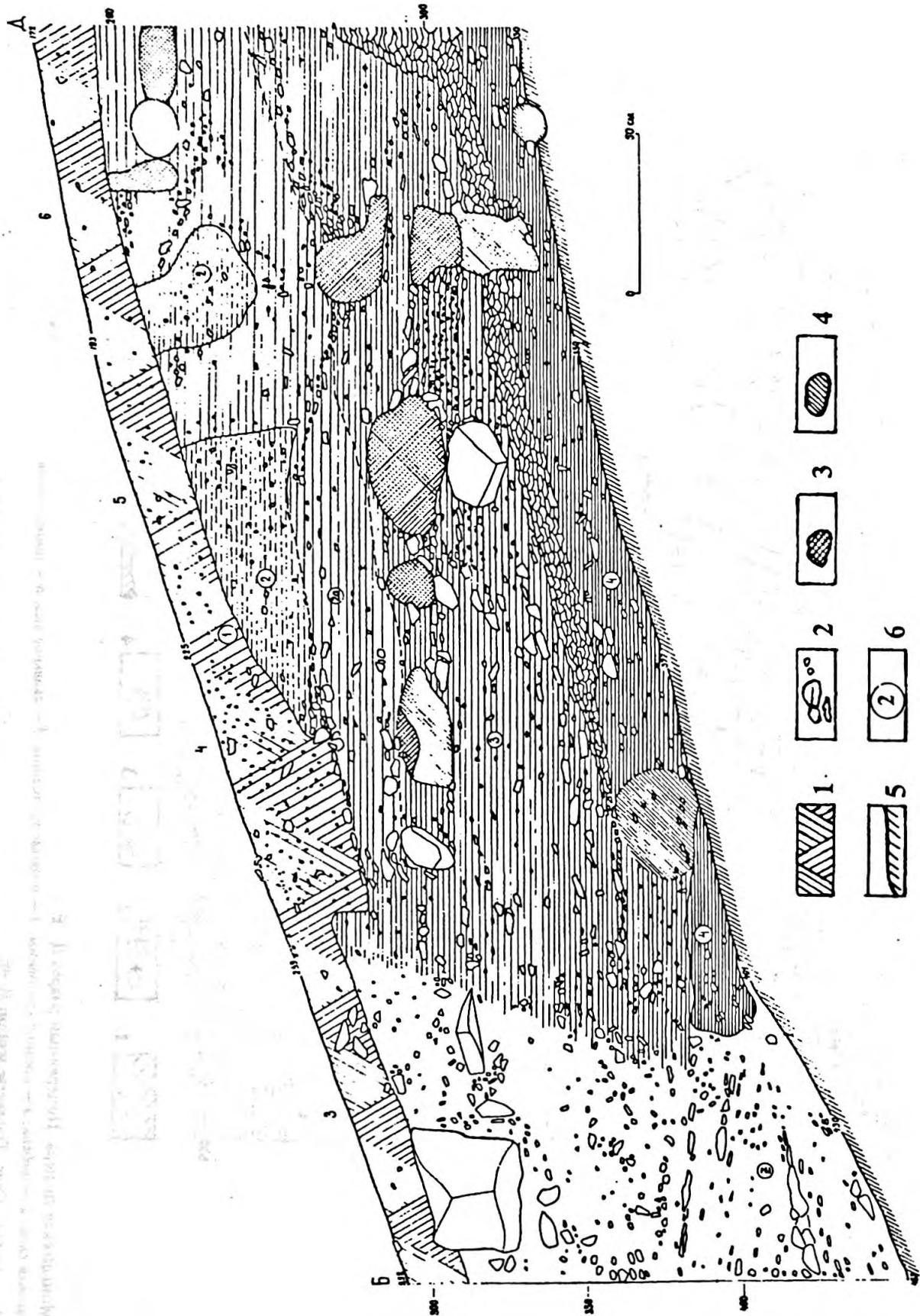

Рис. 12. Монашеская пещера. Продольный разрез Б—Д:

1 — голоценовый слой; 2 — шельф; 3 — поздние кротовины; 4 — древние кротовины; 5 — скальное дно; 6 — номера слоев

Fig. 12. Monasheskaya Cave. Longitudinal section Б—Д:

1 — Holocene layer; 2 — limestone rubble; 3 — recent burrows; 4 — ancient burrows; 5 — cave bedrock; 6 — numbers of the layers

делювий (рис. 12) — однородный буро-коричневый щебенчатый суглинок. Выклинивается здесь, утончаясь, и маркирующий обвальный горизонт. Отмечу, что слой 2 выклинивается почти метром ранее прочих, ближе к современной капельной линии. Наряду с обилием крупных известняковых блоков в верхах плейстоценовых отложений в южной части раскопа (у края и за пределами края площадки, уже на склоне) (рис. 7) это указывает на постепенное разрушение и отступление козырька навеса.

3.3. Возобновление раскопок (1987—1988)

В силу различных обстоятельств после 1976 г. исследования пещеры надолго прервались и были опять возобновлены лишь в 1987 г. экспедицией ЛОИА АН СССР (В. П. Любин, Е. В. Беляева). Причиной возобновления послужила явная недостаточность добытых материалов и незначительность раскопанной площади стоянки, что затрудняло как анализ, так и интерпретацию данных. Стратифицированная коллекция 1975—1976 гг. составила несколько тысяч изделий, однако малый процент диагностических форм (абсолютно преобладали различные обломки и осколки) не позволил произвести статистический анализ и охарактеризовать каменный инвентарь каждого из слоев отдельно. Появление ряда новых типов изделий также предполагало недостаточную представительность выборки при вскрытии столь небольшого и, по-видимому, отчасти периферийного участка памятника. Необходимы были также и новые стратиграфические наблюдения с продвижением раскопа вглубь навеса, где уменьшается влияние склоновых процессов и других внешних воздействий, отразившихся на колонке отложений края площадки. Другие важные задачи включали отработку более тщательной методики разборки слоя и фиксации находок, наблюдения по динамике литологических показателей и состава микрофауны (с организацией послойной и погоризонтной промывки), взятие дополнительных образцов для естественнонаучных анализов.

Раскопки 1987—1988 гг. были продолжены к северу от уже исследованного участка, т. е. вглубь от края площадки навеса (рис. 7, 10). Имелось в виду получение продолжения генерального продольного разреза и новых поперечных разрезов, дальнейшее прослеживание восточного борта скального желоба. Новая прирезка (на 3 м в северном направлении) составила около 7 кв. м. Такая небольшая площадь объясняется резким сужением на этом участке скального желоба, восточный борт которого в северной оконечности этой прирезки отстоит от линии основного разреза И—Ф не более чем на 1,5 м. Стратиграфические наблюдения здесь показали, что и количество слоев, и их основные характеристики в целом практически не претерпели изменений. Было

решено, однако, отказаться от выделения слоя 2 с индексом «А», ибо насыщенность верхнего мустьерского слоя жилыми остатками и связанная с этим интенсивность окраски менялись тут плавно, без резких переходов, что не позволяло вычленять слой 2А в процессе раскопок. Зато было сделано подразделение слоя 3 — основная толща его получила наименование слой 3А, а подстилающий ее стерильный обвальный горизонт, состоящий главным образом из крупного обломочника и известняковой крошки со значительно меньшим по количеству, но близким по структуре рыхлым заполнителем, — слой 3Б. Нижний мустьерский слой 4 продемонстрировал стабильность первоначально отмеченных черт. Что же касается выделения слоя 5 (стерильный придонный элювий известняков с минимальным количеством затекшего в него суглинистого заполнения), то оно было признано излишним.

Продолжение раскопа к северу, вглубь навеса, показало, что всем слоям здесь также свойственно одновременное падение к предполагаемому тальвегу скального желоба (в поперечных разрезах (рис. 13, 14)) и к краю площадки (рис. 15). По мере удаления от последнего все мустьерские слои постепенно, но неравномерно выклиниваются: наиболее мощный на предшествующих поперечных разрезах (рис. 11, 13) средний мустьерский слой 3А уступает у северной стенки раскопа и 2-му и 4-му слоям (рис. 14, 15). Судя по конфигурации желоба и степени подъема его дна, мустьерские отложения вряд ли простираются вглубь основного карстового коридора, занимая лишь площадку (рис. 10, 15). К западу распространение их, вероятнее всего, ограничено западным бортом желоба. Можно предполагать, что он находится, видимо, не более чем в 3—4 м от осевой линии, совпадающей с западной стенкой этого раскопа. Слой 2 в раскопе 1987—1988 гг. был сильно разрушен голоценовой ямой и шедшей из нее очень крупной кротовиной, которые дошли у восточного борта желоба до кровли слоя 3Б (разрез С—Т (рис. 13)) и даже слоя 4 (разрез Ф—Х (рис. 14)), а также средневековым детским погребением (рис. 15). Тем не менее слой 2 доставил обильный археологический и фаунистический материал (особенно в западной части раскопа 1987—1988 гг.), превосходивший в количественном отношении находки из слоев 3 и 4. Сенсацией данного цикла исследований оказалась находка в этом мустьерском слое человеческих остатков. Очень плохая сохранность костей (2 фаланги, обломки позвонков, ребер, челюсти (?)) отчасти компенсировалась 2 целыми зубами и 11 обломками последних. Анализ зубов привел антрополога В. М. Харитонову к заключению о принадлежности их неандертальцу [Беляева и др., 1992]. Сколько-нибудь четких следов могильной ямы обнаружено не было, однако обращает на себя внимание провисание на этом участке границы слоев 2 и 3А (рис. 13)

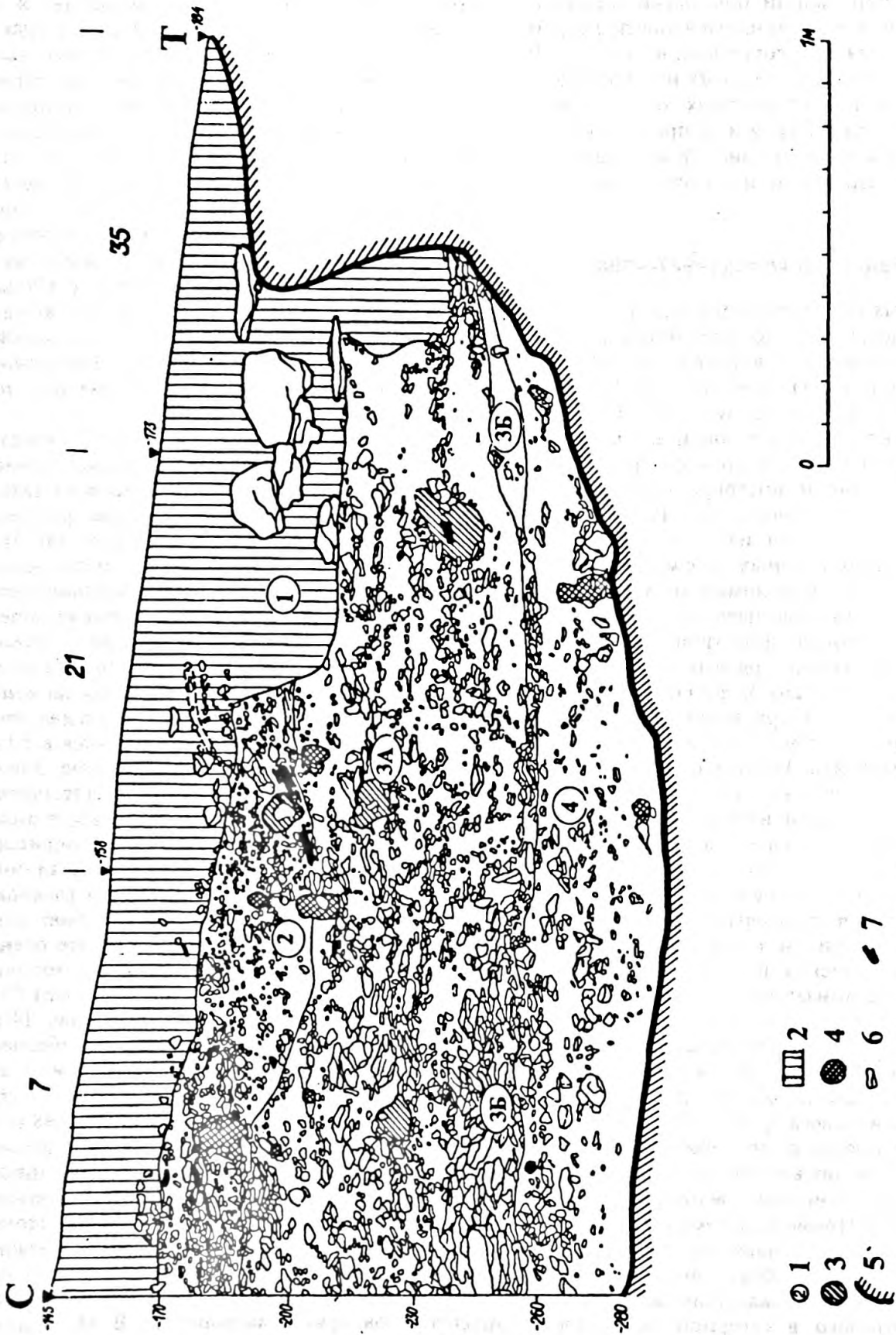

Рис. 13. Монашеская пещера. Поперечный разрез С—Т:

1 — номера слоев; 2 — голоценовый слой; 3 — древние кротовины; 4 — поздние кротовины; 5 — скальное дно; 6 — щебень; 7 — кости

Fig. 13. Monasheskaya Cave. Transverse section C—T:

1 — numbers of the layers; 2 — Holocene layer; 3 — ancient burrows; 4 — recent burrows; 5 — cave bedrock; 6 — limestone rubble; 7 — bones

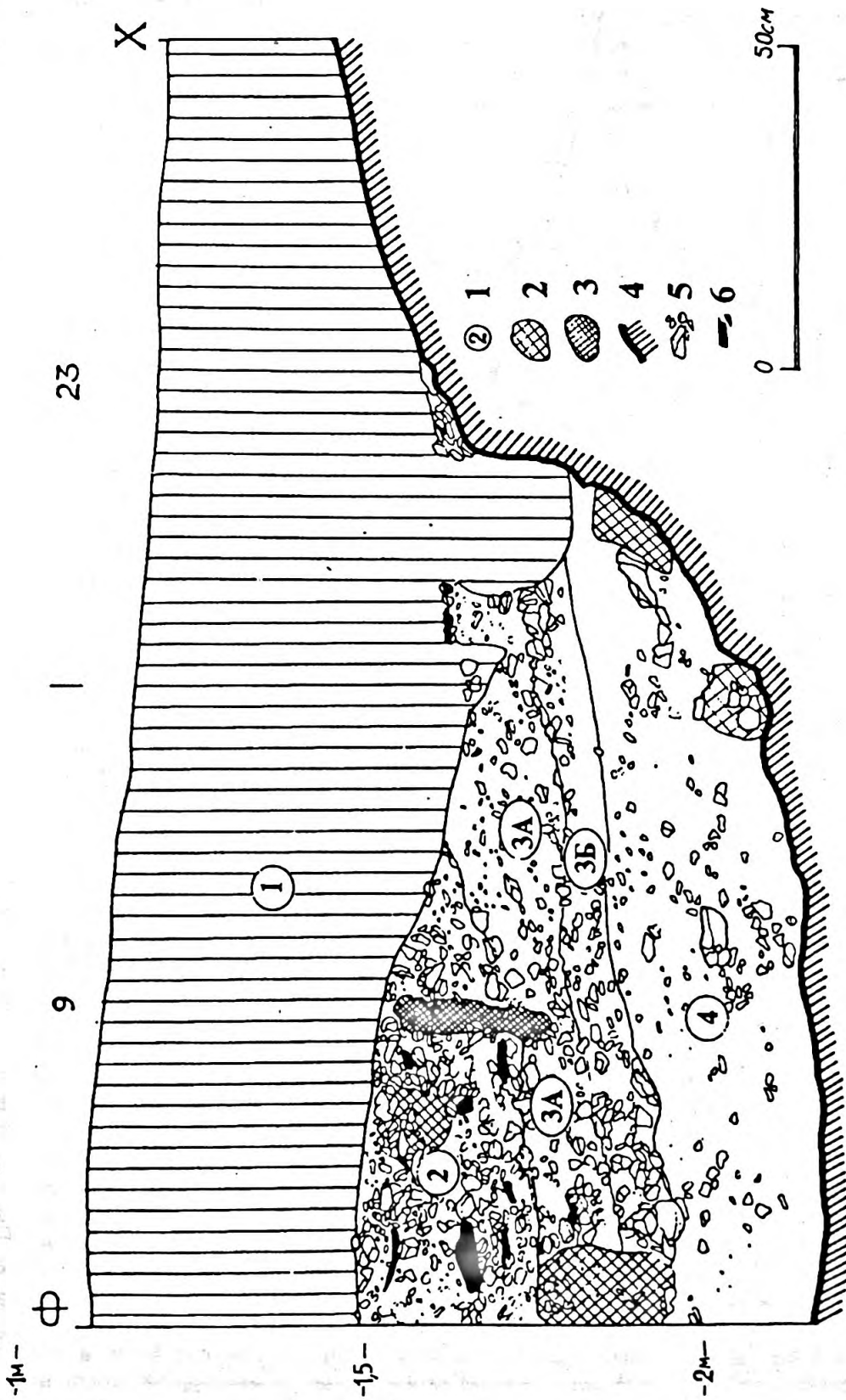

Рис. 14. Монашеская пещера. Поперечный разрез Ф—Х:

1 — номера слоев; 2 — древние кротовины; 3 — поздние кротовины; 4 — скальное дно; 5 — щебень; 6 — кремни и кости

Fig. 14. Monasheskaya Cave. Transverse section Ф—Х:

1 — numbers of the layers; 2 — ancient burrows; 3 — recent burrows; 4 — cave burrows; 5 — limestone rubble; 6 — flint artifacts and bones

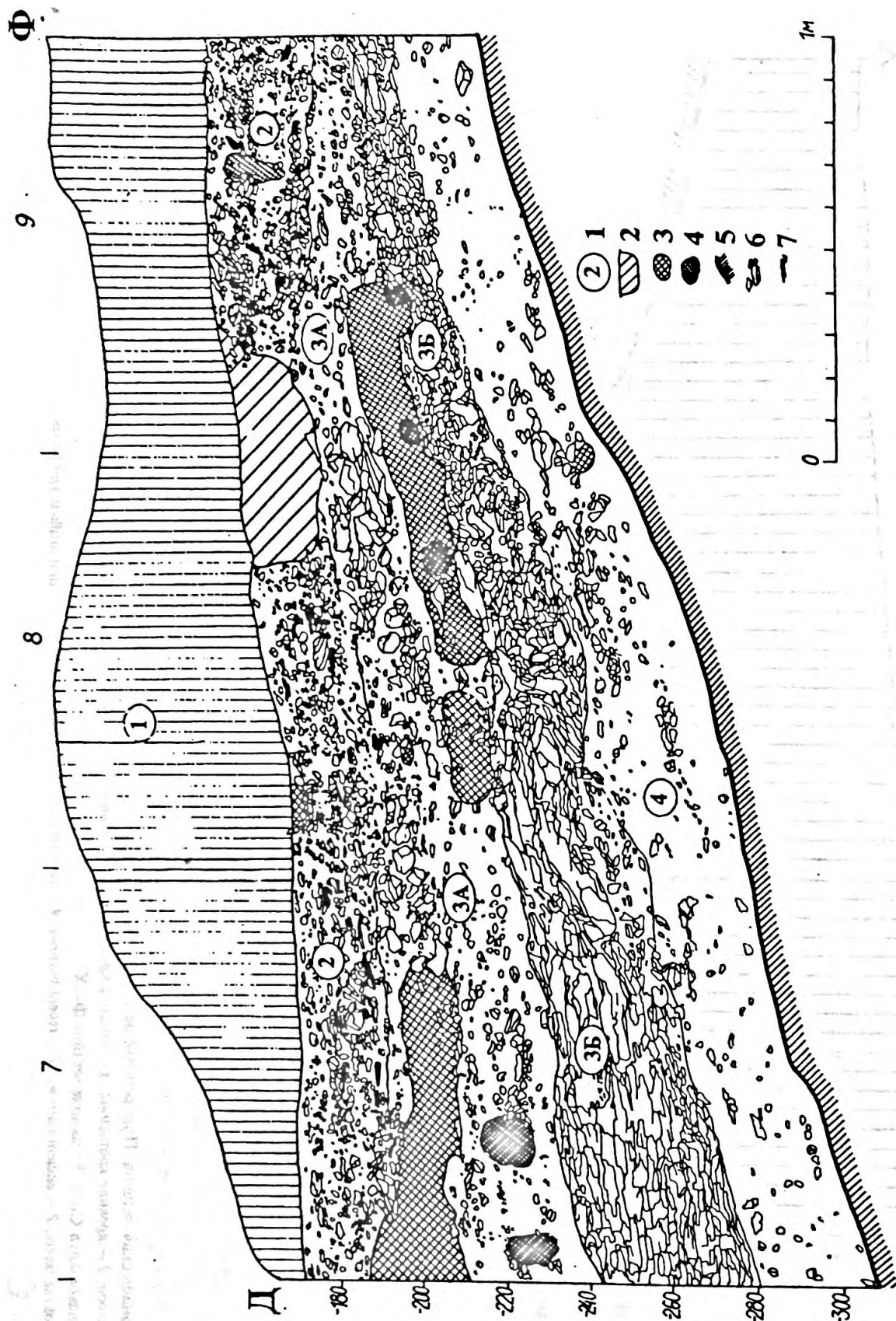

Рис. 15. Монашеская пещера. Продольный разрез Д—Ф:

1 — номера слоев; 2 — средневековое погребение; 3 — древние кротовины; 4 — подные кротовины; 5 — скальное дно; 6 — щебень; 7 — кости и кремни

Fig. 15. Monasheskaya Cave. Longitudinal section Д—Ф:

1 — numbers of the layers; 2 — medieval burial; 3 — ancient burrows; 4 — recent burrows; 5 — cave bedrock; 6 — limestone rubble; 7 — flint artifacts and bones

и небольшой подъем слоя 2 на соседнем, расположенном севернее, квадрате 22.

3.4. Раскопки 1990—1991 гг.

Дальнейшие исследования Монашеской пещеры были продолжены в 1990—1991 гг. В результате всех предшествующих раскопок было изучено около 45 кв. м площади стоянки, получено четыре поперечных и 12-метровый продольный разрез, найдено около 10 800 кремневых изделий. Крайне незначительная доля орудий, однако, заставляла стремиться к пополнению коллекции. Открытым оставался и вопрос о стратиграфии отложений к западу от основного продольного разреза. Явное увеличение в этом направлении количества всех находок и мощности отложений предопределило выбор места новой прирезки. Она была сделана к западу от генерального продольного разреза И—Ф, причем северная стенка нового раскопа продолжала полученный в 1975—1976 гг. поперечный разрез Д—Е—Р (рис. 7, 10). Первоначально предполагалось вскрыть лишь 4 кв. м, однако крупная впускная яма с голоценовым заполнением, в значительной мере уничтожившая здесь верхи мустьерских отложений (слои 2 и, отчасти, 3А (рис. 21, 22, 23, 24)) и уходившая в намеченную первоначально западную стенку раскопа, заставила прирезать в этом направлении еще одну полосу квадратов. Южная часть нового раскопа, площадь которого составила 6 кв. м, не выходила за границу капельной линии (рис. 7), что позволяло надеяться на хорошо сохранившуюся и «читаемую» стратиграфию.

К сожалению, слой 2 прослеживался на прирезке 1990—1991 гг. очень плохо, будучи отчасти уничтожен, отчасти разорван впускной ямой. В западной части раскопа, где борт ямы подходил вплотную к стенке, этот слой, видимо, отсутствовал вовсе. Отложения, залегавшие там под голоценовым гумусом и перекрывавшие слой 3, мало напоминали типичный слой 2. Слой 3А, разборка которого была начата от генерального продольного разреза И—Ф (рис. 7, 10), вначале не предвещал сюрпризов. Вскоре, однако, выяснилось что небольшая темная прослойка, отмеченная внутри него еще на стенках впускной ямы, была первым проявлением своеобразного горизонта или, если исходить из локальности распространения, линзы (рис. 10, 16, 17), занимавшей западную и отчасти центральную часть раскопа (рис. 23, 24). Этот горизонт, получивший условное название 3а, был в значительной степени уничтожен упомянутой ямой и раскапывался главным образом у западной стенки, где отмечена его самая интенсивная темная окраска и максимальная насыщенность культурными остатками (расщепленный кремль, орудия, включающие очень большой процент выемчато-зубчатых, обломки костей, в том числе обожженные, небольшие линзы с ко-

стной трухой и мельчайшими частицами костного угля). Особенно ярко горизонт 3а проявлялся в северо-западном углу раскопа (рис. 18Б). У южной стенки давала себя все-таки знать близость капельной линии, а также задернованного склона, в результате чего различия слоев, включая горизонт 3а, нивелировались там общей темно-бурой окраской и вероятным частичным перебивом заносимыми дождевыми потоками. На северной стенке (разрез Г—Д) горизонт 3а читался четко, но было видно, что мощность его и интенсивность темной окраски уменьшаются к востоку, в направлении, прямо противоположном падению этого горизонта, и что он выклинивается не доходя примерно полметра до продольного разреза И—Ф и имея там малую мощность и едва видимые границы (рис. 10, 16). Ближе к этому разрезу мы наблюдаем на этом уровне «обычный», т. е. светлоокрашенный и малонасыщенный находками слой 3А (горизонт 1 этого слоя).

Таким образом, можно говорить о локальном горизонте интенсивного обитания 3а, который распространяется к востоку от линии генерального продольного разреза и к югу от капельной линии. Северная и западная его границы пока неизвестны, максимальная зафиксированная мощность — 0,20—0,25 м. Необходимо еще раз подчеркнуть падение и одновременное нарастание его мощности, интенсивности окраски и насыщенности культурными остатками в западном направлении, а также провисание по линии С—Ю (рис. 18Б; 16; 17), что придает горизонту 3а форму выпукло-вогнутой линзы.

Ниже горизонта 3а в обоих разрезах был отмечен еще один уровень, выделявшийся более темной окраской (рис. 16, 17). Однако он не идет ни в какое сравнение с горизонтом 3а: эта нижняя темная прослойка очень мала по мощности (0,03—0,05 м), интенсивность окраски ее много слабее, отчего она фиксируется на разрезах лишь местами, порой с большими разрывами, а в плане и вовсе практически нечитаема. Еще один «сюрприз» преподнес раскоп 1990—1991 гг. в отношении обвального слоя 3Б. На этом участке он, в первых, оказался «слоеным», т. е. состоял из нескольких — двух или трех — прослоев крупного щебня, перемежаемых буроватым заполнителем с мелким щебнем и хрящом (известняковой крошкой). Во-вторых, слой 3Б включал здесь в себя огромные известняковые глыбы, верхушки которых проявились еще на уровне 3-го горизонта слоя 3А (рис. 18А). Подстилающий слой 3Б нижний мустьерский слой 4 изменений не претерпел, сохранив свои прежние литологические характеристики. Как и ранее, находки в нем встречались вплоть до самого скального дна (рис. 8А).

Помимо открытия «настоящего культурного слоя» (горизонта 3а), новый раскоп поразил еще одним открытием — впервые за все годы раскопок было отмечено принципиальное изменение

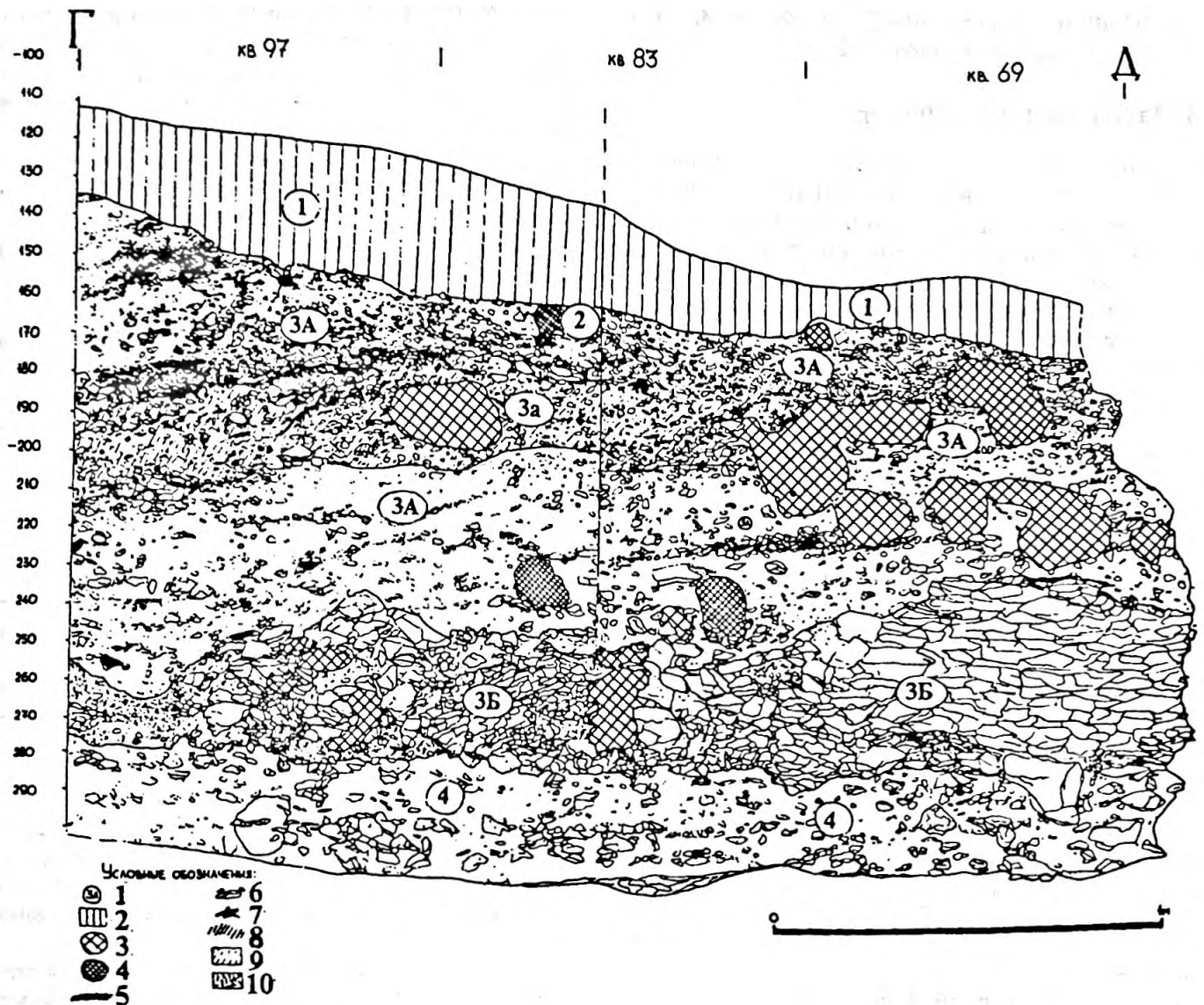

Рис. 16. Монашеская пещера. Поперечный разрез Г—Д:

1 — номера слоев; 2 — голоценовый слой; 3 — древние кротовины; 4 — поздние кротовины; 5 — углистые прослойки; 6 — щебень; 7 — кости; 8 — темноокрашенная прослойка; 9 — основной уровень обитания в слое 3А—3а; 10 — известняковая крошка (хрящ)

Fig. 16. Monasheskaya Cave. Transverse section Г—Д:

1 — numbers of the layers; 2 — Holocene layer; 3 — ancient burrows; 4 — recent burrows; 5 — streaks with ash and burnt bones; 6 — limestone rubble; 7 — bones; 8 — dark-coloured streak; 9 — level of the most intensive occupation within the layer 3А — lens-like horizon 3а; 10 — crumble limestone

стратиграфической картины. Речь идет о верхней части разреза У—Г (западная стенка раскопа) (рис. 17; 18Б; 19Б). Если низы этого разреза (включая горизонт 3а) вполне стыкуются и согласуются с соответствующими уровнями поперечного разреза Г—Д (северная стенка) (рис. 16), то в верхах, напротив, такая стыковка отсутствует, исключая слой 1. Общее направление падения всех слоев и горизонтов с севера на юг, в согласии с падением скального дна, здесь сохраняется, но наблюдается совершенно своеобразное провисание и литологическая неоднородность всех уровней, расположенных выше горизонта 3а. Слой 3А на этом разрезе (рис. 17), по мнению геолога Н. Е. Поляковой (личное сообщение), может быть подразделен на 6 литологических прослоев, варьирующих по окра-

ске, структуре, содержанию обломочного материала и характеру их залегания. Прослой 3А-1, 3А-3 и 3А-6 наиболее близки к характеристикам «типичного» 3А: желтовато-серая, местами зеленоватопалевая плотная супесь (или легкий суглинок), в большей или меньшей мере насыщенная щебнем, дрсвой и хрящом. Прослой 3А-6 выделяется наибольшей мощностью и наличием внутри него уже отмеченной выше тонкой темной полосы в виде вытянутых линзочек — результат антропогенных, а возможно и почвенных, процессов. Прослой 3А-3 и 3А-1 отличает большая крутизна падения в северной оконечности разреза. Сходное крутое падение демонстрирует залегающая между ними лента прослоя 3А-2, который, однако, по структуре близок прослою 3А-4. Для них обоих характерна

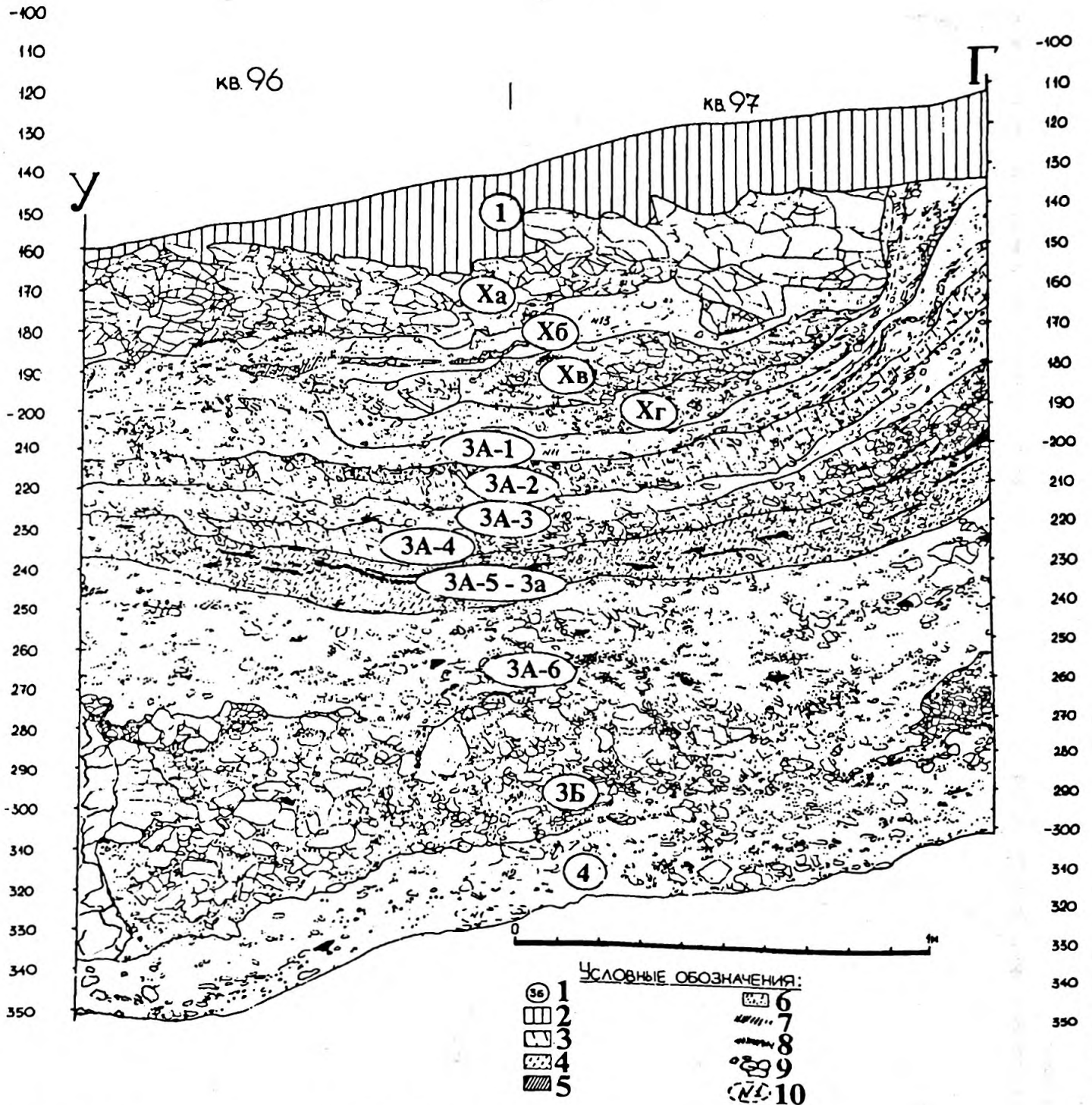

Рис. 17. Монашеская пещера. Продольный разрез У—Г:

1 — номера слоев; 2 — голоценовый слой; 3 — прослой белесоватой супеси с обилием мелкого известнякового щебня; 4 — основной уровень обитания в слое 3А — горизонт 3а (= прослой 3А-5 в данном разрезе); 5 — темноокрашенная прослойка; 6 — известняковая крошка (хрящ); 7 — углистые прослойки; 8 — прослойки разложившейся кости; 9 — щебень; 10 — кости; 11 — образцы на пыльцу

Fig. 17. Monasheskaya Cave. Longitudinal section У—Г:

1 — numbers of the layers; 2 — Holocene layer; 3 — streak of whitish sandy loam with abundance of small limestone rubble; 4 — level of the most intensive occupation within the layer 3А — horizon 3а (= streak 3А-5 in this sediment section); 5 — dark-coloured streak; 6 — crumble limestone; 7 — streaks with ash and burnt bones; 8 — streaks with decomposed bones; 9 — rubble; 10 — bones; 11 — samples for the pollen analysis

несколько большая насыщенность щебнем (до 70—80 %) и хрящом, придающая повышенную рыхлость и белесоватый оттенок. Прослой 3А-5 — это описанный выше горизонт 3а. В плане вся эта слоистость верхней части слоя 3А, исключая лишь, конечно, резко отличный от прочих по

цвету и структуре горизонт 3а, никак себя не проявила — тем более что из-за поздней ямы в северо-западной части раскопа сохранилась только узкая полоска верхов данного слоя.

Такое членение слоя 3А зафиксировано впервые и представляет собой определенную загадку,

Рис. 18. Монашеская пещера:

А — известняковые глыбы в обвальном горизонте ЗБ; Б — общий вид на разрезы У—Г, Г—Д и Д—Ф

Fig. 18. Monasheskaya Cave:

А — limestone blocks within the rock fall level ЗБ; Б — general view of the cross-sections У—Г, Г—Д и Д—Ф

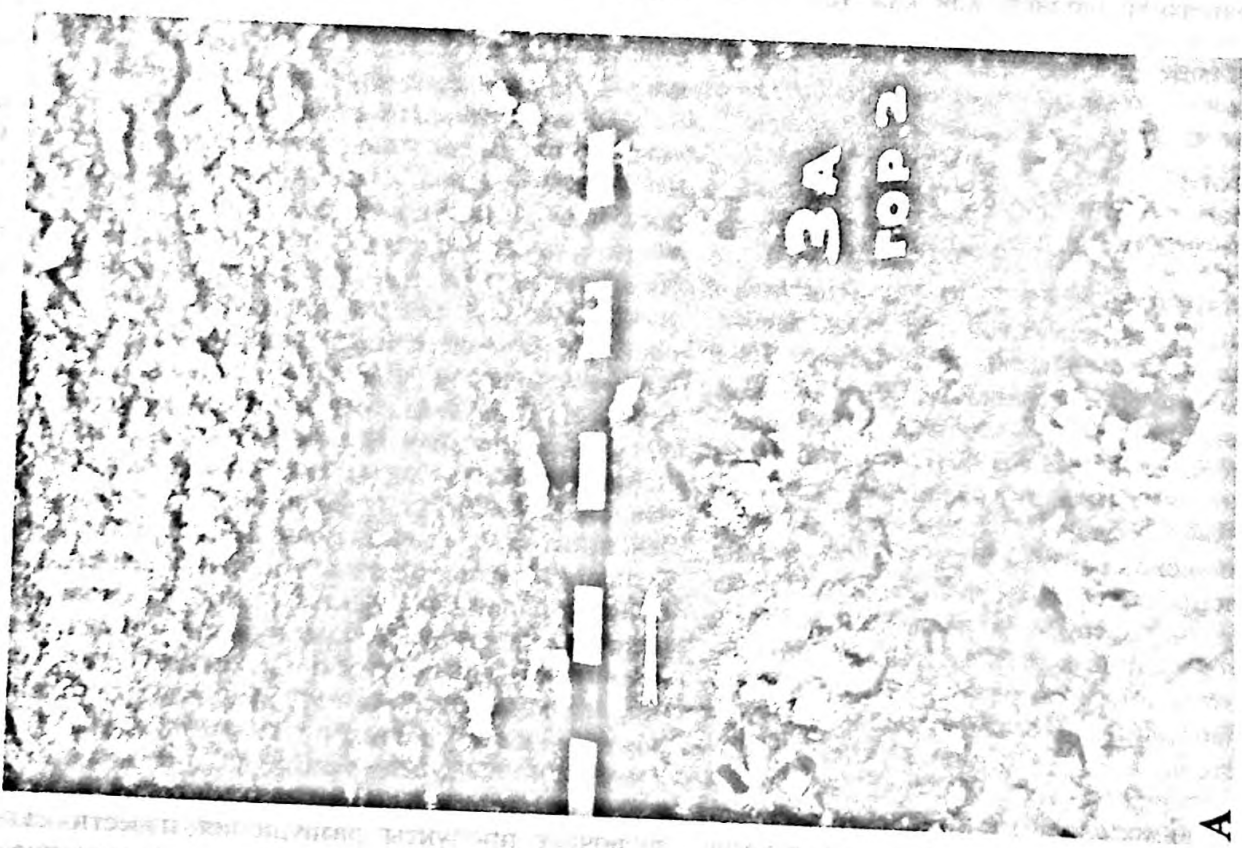
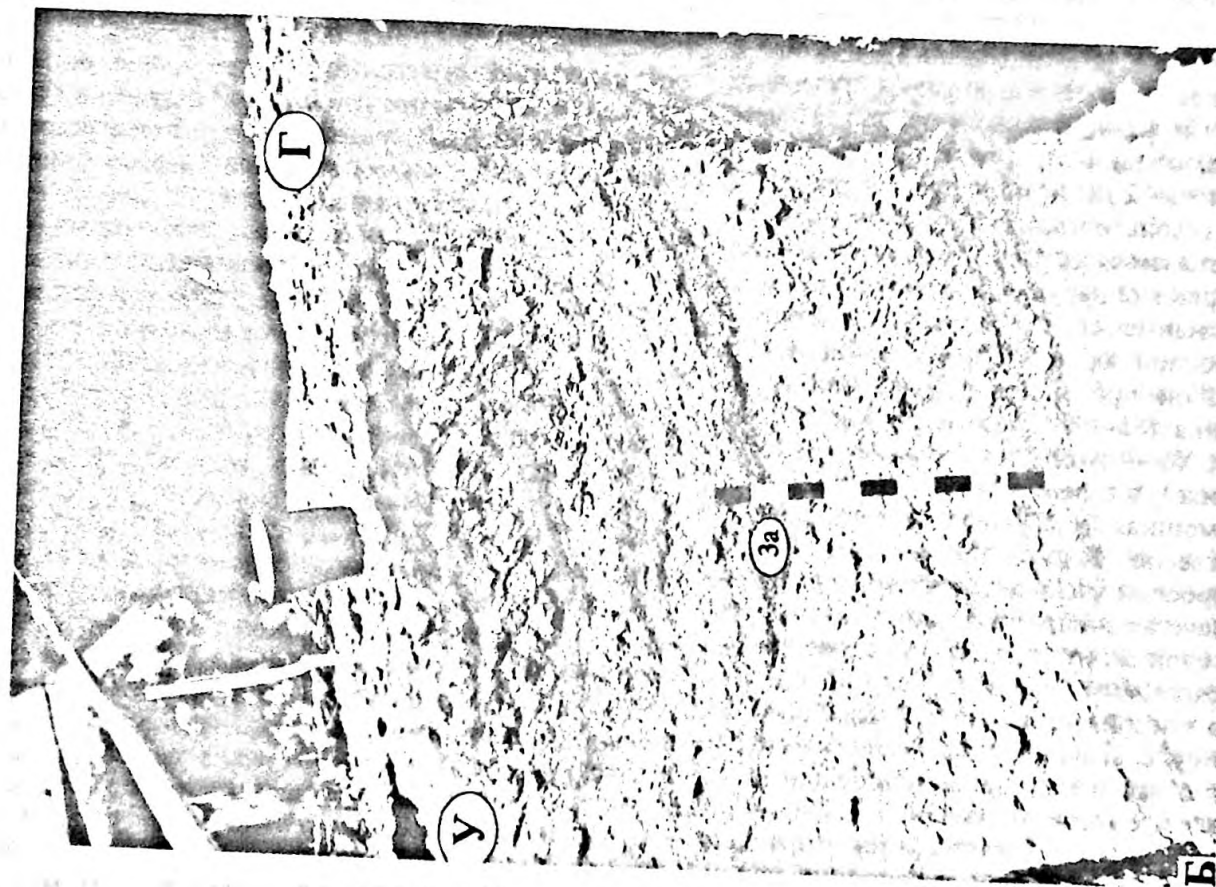

Рис. 19. Монашеская пещера:

А — находки in situ в горизонте 2 слоя 3А; Б — разрез У—Г

Fig. 19. Monasheskaya Cave:

А — flint finds in situ in the archaeological horizon 2 of the layer 3А; Б — longitudinal cross-section У—Г

решение которой требует продолжения раскопок этого участка стоянки. Еще сложнее обстоит дело с идентификацией отложений, перекрывающих слой 3А на разрезе У—Г. Они не имеют продолжения на разрезе Г—Д, круто поднимаясь вверх и срезаясь голоценовым слоем 1 (рис. 17). Сперва предполагалось, что вся эта пачка должна быть аналогом слоя 2, однако отсутствие ее контакта с «настоящим» слоем 2 и несколько своеобразные характеристики (слоистость, обилие крупного щебня) заставили отказаться от такого отождествления. Потому эта впервые обнаруженная пачка получила пока условное наименование «Х», а все составляющие ее прослои обозначены как Ха—г. Ха представляет собой практически сплошной горизонт обломочника (85—90 %) с размерностями от глыб до дресвы. Хб — это желто-бурая супесь (30—40 % обломочника), в северной оконечности разреза очень маломощная (0,03—0,04 м) и падающая практически отвесно. К югу, т. е. в направлении точки У, этот прослой утолщается и залегает субгоризонтально, налегая вблизи южной стенки непосредственно на слой 3А (прослой 3А-1). Прослой Хв и Хг залегают сходным образом, однако обрываются не доходя до южной стенки (рис. 19Б). Хв — это рыхлая светлая супесь, насыщенная обломочником (до 75 %), а Хг отчасти напоминает прослой 3А-1, но отличен более темной окраской. По мнению Н. Е. Поляковой (личное сообщение), прослой Ха—г могут представлять собой заполнение некой ложбины (вреза), стенки которой выполнялись прослоем 3А-1. Несколько сизоватый оттенок окраски последнего позволяет, как кажется, сделать допущение о значительной влажности и даже, возможно, застойном водном режиме при его формировании.

3.5. Общие итоги литолого-стратиграфических и планиграфических наблюдений

Итак, в результате планомерных шестилетних раскопок получены 3 поперечных и 2 продольных разреза отложений, которые в сумме дают нам картину, примерно представленную на рис. 10. Попытаюсь теперь кратко обобщить и прокомментировать все полученные за эти годы литолого-стратиграфические и планиграфические наблюдения.

1. Судя по вскрытому участку, мустьерские слои 3 и 4 распространяются только в пределах скального желоба. Слой 2 в настоящее время фиксируется тоже лишь в рамках желоба, но верхи его в значительной мере разрушены и, вероятно, срезаны заподлицо с бортом желоба. О последнем свидетельствует несогласие уклона верхней границы слоя 2 с нижней и с падением прочих нижележащих слоев на поперечных разрезах. Следовательно, допустимо, что этот слой мог распространяться ранее и вне границ желоба. Па-

дение всех мустьерских слоев в целом отвечает уклону скального дна желоба к югу. Определенное влияние на их конфигурацию в поперечном разрезе оказывает соответствующий профиль желоба, имеющего корытообразную форму: крутые борта и слабовыгнутое дно. К югу, т. е. к краю площадки, желоб постепенно расширяется, и по мере этого дно его становится все более ровным, а залегание слоев в поперечном разрезе приближается к субгоризонтальному.

2. За исключением верхней части разреза У—Г и горизонта 3а, литологические характеристики мустьерских слоев и общая стратиграфическая колонка не претерпели существенных изменений в сравнении с картиной, описанной ранее В. М. Муратовым. Как уже отмечалось, однако, упразднены такие подразделения, как 2А (слой 2 с повышенной насыщенностью жилыми остатками) и слой 5 — тонкий стерильный слой придонного элювия. Зато слой 3, напротив, был подразделен на две части — 3А (или собственно слой 3) и 3Б (подстилающий эту толщу обвальныи уровень). Таким образом, в Монашеской пещере выделяются три основных мустьерских слоя — 2, 3 (А и Б) и 4. Общая мощность их колеблется от 0,7 м у северной стенки раскопа до 1,7 м в юго-западной его оконечности, т. е. нарастает к краю площадки. Мощность верхнего и нижнего слоев близка и меняется незначительно — в пределах 0,20—0,35 м. Наиболее варьирует по толщине слой 3: 3А — от 0,20 м в глубине навеса до 0,80 м у его внешнего, южного края; 3Б — от 0,15 м до 0,40—0,60 м, соответственно. В последнем случае резкое нарастание мощности у края площадки объясняется наличием здесь крупных известняковых блоков — продуктов разрушения кровли навеса.

3. Литологические показатели каждого из слоев можно суммировать следующим образом. Заполнитель во всех случаях представляет собой супесь (или легкий суглинок), а в слое 4 даже близок к среднему суглинку. Слой 2 характеризуется серовато-палевой, порой буроватой окраской, местами имеющей слегка лиловатый оттенок. Этот слой очень сильно насыщен мелким и средним остроугольным щебнем, дресвой и хрящом, а также органикой (обломки костей, костная труха), отчего, видимо, обладает наиболее рыхлой и даже пористой текстурой. Слой 3А отличается более «холодной» желтовато-серой или, порой, палево-зеленоватой окраской, повышенной плотностью и большей отмученностью. Щебня в нем содержится несколько меньше, чем в слое 2, но зато здесь относительно больше средних и крупных обломков, которые иногда расположены в виде небольших цепочек или линз. Щебень здесь главным образом остроугольный, порой плитчатый, но по сравнению со слоем 2 он несколько более корродирован, иногда имеет желтоватый налет. 3Б включает продукты разрушения известняка — от хряща до крупных глыб. Щебень в нем преиму-

щественно остроугольный, плитчатый, глыбы же сильно выветрены и растрескиваются. Этот уровень 3Б указывает, видимо, на период достаточно сурового климата, когда происходило довольно быстрое разрушение стен и потолка пещеры в результате физического выветривания. Слой 4 — наиболее глинистый из всех (суглинок), включающий одновременно значительные доли хряща и песка (как в слое 3А). Окраска его желтовато-коричневая, причем в низах, на контакте с элювием, она имеет более светлый оттенок. Насыщенность щебнем здесь меньше, чем в слое 3А, преобладает средний и крупный щебень. Степень оглаженности граней обломков гораздо выше, отдельные разности их выветрены до такой степени, что растираются в известняковую «муку». Встречается ожелезнение, примазки марганца, а также отдельные марганцевые стяжения. Отмечено несколько мелких обломков сталактитовых трубочек.

4. Стратиграфия не дает явных свидетельств сколько-нибудь серьезной эрозии (исключая мнение Н. Е. Поляковой о верхней части разреза У—Г). Хотя границы между слоями 2 и 3А не всюду прослеживаются одинаково четко, в целом их видимые линии выглядят достаточно «спокойными», обычно слабоволнистыми или даже практически ровными. Об отсутствии заметных размывов говорит также повсеместное (исключая, пожалуй, участки у разреза У—Г) распространение кротовин, включая как голоценовые, так и древние (с явно плейстоценовым заполнением). Об этом же свидетельствует достаточно равномерное распределение обломочника, сохранение в слоях отдельных скоплений находок, мельчайших кремневых чешуек и костей грызунов. По мнению В. П. Любина, колонка шурфа 1961 г. (рис. 9) в целом говорит о достаточной сухости климата: супесчаный аспект заполнителя, наличие в нем хряща, практическое отсутствие карманов. Исключение делалось им для слоя 2, где в качестве признаков увлажнения указаны карманы на контакте 2 и 2А, а также уложенность щебня гирляндами [Любин, 1977, с. 147]. По моим данным, контакты слоя 2 и так называемого 2А отражают лишь распространение культурных остатков, а цепочки щебня гораздо более характерны для слоя 3А. Исключить возможность небольшого плоскостного смыва во влажные периоды (более теплый и влажный климат по различным данным сопровождал накопление отдельных уровней слоев 3А и 4 (см. гл. 4)), конечно, нельзя, но вряд ли можно говорить в этой связи о временных внутренних карстовых водотоках. В последнем случае скорее всего имела бы место русловая эрозия, приводящая обычно к образованию линз, чего в поперечных разрезах не наблюдается. Небольшие же неровности пола, дающие эффект волнистости границ слоев в профилях, существуют в пещере и сегодня, без какого-либо смыва, исключая влияние на краевую

зону площадки заносимых порой за пределы капельной линии осадков. Такое могло происходить и ранее, но отложения, находившиеся под козырьком навеса, как можно судить по продольному разрезу, размыву все-таки не подвергались. Не являются, видимо, достаточными свидетельствами его и случайные скопления щебня, дающие эффект «гирлянд» — скорее их можно рассматривать как маркеры определенных уровней, или «полов». Уклон слоев к югу согласуется с уклоном скального дна и существует поныне, не мешая использованию этой поверхности для жилья. Уклон слоев на всех поперечных разрезах не очень велик и может быть объясним более быстрым накоплением материала у стен желоба наряду с вытаптыванием средней части. Последнее, видимо, в условиях вероятного искусственного углубления может быть также объяснением уклона и провисания «темного» горизонта 3а.

5. Вернемся теперь к разрезу У—Г, вернее, к интерпретации его верхней половины. Предположение о существовании здесь эрозионной ложбины ставит вопрос об источнике размыва, на роль которого мог бы претендовать только расположенный в предполагаемом створе ее второй карстовый коридор-грот (рис. 7). Наличие в нем сейчас капли предполагает принципиальную возможность и более сильного водотока. Но этой гипотезе противоречит полное отсутствие каких-либо следов предполагаемой «ложбины» как на генеральном продольном разрезе, так и на южной стенке раскопа, куда должна была бы выйти предполагаемая промоина. Поэтому более вероятной кажется несколько иная версия — наличие искусственного углубления, впоследствии засыпанного (возможно, отчасти засыпанного, если обратить внимание на самый верхний обломочный горизонт Ха (кладка?)) и заплывшего. Последнее могло уже происходить под действием внешних осадков. Это вполне согласуется с мнением Н. Е. Поляковой о вероятном застойном водном режиме в данной «ложбине». Само предполагаемое искусственное углубление можно связать с «темным» горизонтом 3а. Линзовидный, а точнее «блюдецобразный» характер его залегания и крайне высокая концентрация жилых остатков, включая огромное количество изделий и следы огня, наводят на гипотезу об интенсивном обитании в пределах искусственно ограниченного пространства. Учитывая сделанные ранее в гл. 1 замечания об особенностях обитания в навесах и расположение этого участка у внешнего края навеса, можно пойти дальше и предположить дополнительную защиту жилого пространства каким-либо сооружением (?), углубленным в землю — т. е. подобие жилища. Плохая сохранность органики, к сожалению, практически не оставляет надежд на выявление материальных остатков предполагаемой конструкции, хотя исследования горизонта 3а еще далеко не закончены и могут преподнести

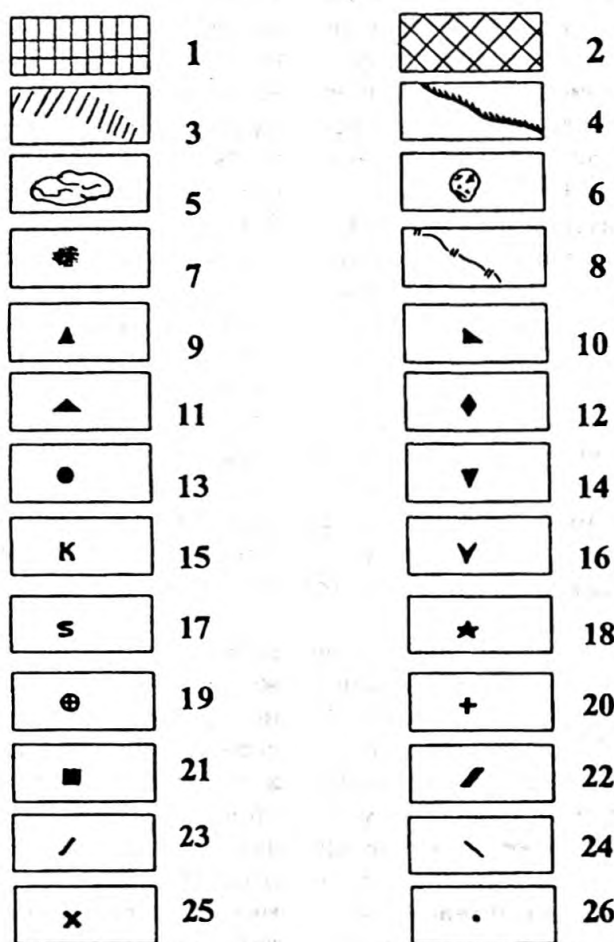

Рис. 20. Монашеская пещера. Условные обозначения к планам находок (рис. 21—30):

1 — шурф 1961 г.; 2 — впускная голоценовая яма; 3 — голоценовая кротовина; 4 — борт скального желоба; 5 — известняковая глыба; 6 — антропологическая находка в слое 2; 7 — очажные пятна; 8 — граница распространения горизонта — линзы 3а; 9 — остроконечник; 10 — угловатое скребло; 11 — конвергентное скребло; 12 — прочие скребла; 13 — скребок; 14 — резец; 15 — клювовидное орудие; 16 — выемчатое орудие; 17 — зубчатое орудие; 18 — комбинированное орудие; 19 — прочие (разные) орудия; 20 — неопределимые фрагменты орудий; 21 — нуклеусы; 22 — пластины; 23 — пластинки; 24 — микропластинки; 25 — отщепы — заготовки; 26 — мелкие отщепы и чешуйки

Fig. 20. Monasheskaya Cave. Conventional signs for the plans demonstrating distribution of flint finds in different levels (Fig. 21—30):

1 — 1961 test excavation; 2 — recent pit with Holocene fill; 3 — Holocene burrow; 4 — outline of the karstic channel; 5 — limestone block; 6 — anthropological find in the layer 2; 7 — hearth spots; 8 — outlines of the lens-like horizon 3a; 9 — point; 10 — déjeté scraper; 11 — convergent scraper; 12 — other various scrapers with a single working edge; 13 — end-scraper; 14 — burin; 15 — bec; 16 — notched tool; 17 — denticulate tool; 18 — combination tool; 19 — miscellaneous; 20 — fragments of undetermined tools; 21 — core; 22 — blade; 23 — small blade; 24 — bladelet; 25 — flake blank; 26 — small flakes and chips

сюрпризы. Вплоть до полного изучения этого участка вопрос о его происхождении остается, разумеется, открытым. Тем не менее все наличные данные свидетельствуют пока, на наш взгляд, именно в пользу изложенной выше версии.

Интересно в связи с этим сопоставить планиграфическое размещение находок в различных уровнях (рис. 20—30). В слое 4 (рис. 29, 30) находки были достаточно равномерно разбросаны почти по всей площади раскопа, исключая самый склон. Для горизонта 3 слоя 3А картина выглядит уже совсем иначе (рис. 27, 28). Число находок здесь заметно возрастает и наблюдается их концентрация в виде пятна, максимальная плотность которого приходится на квадраты 68—69 и 82—83. В вышележащих горизонтах 1 и 2 пятно концентрации становится наиболее компактным, а центр

его заметно смещается к западу (рис. 23—26). Основная масса находок сосредоточивается на участке раскопа 1990—1991 гг., где и выявлен горизонт 3а. Особенно четко видна связь с ним орудий, которые в горизонте 1 почти полностью, исключая единичные, находятся в пределах данной темноокрашенной линзы (рис. 23, 24). Следует упомянуть наличие в горизонте 1 трех очажных пятен, расположенных вдоль стены желоба в 2,0—2,5 м от границы линзы 3а. В слое 2 обитаемое пространство вновь смещается в восточном направлении и увеличивается (рис. 21, 22). Более подробный планиграфический анализ различных уровней стоянки станет возможен тогда, когда будет раскопана если не вся, то, по крайней мере, основная часть памятника.

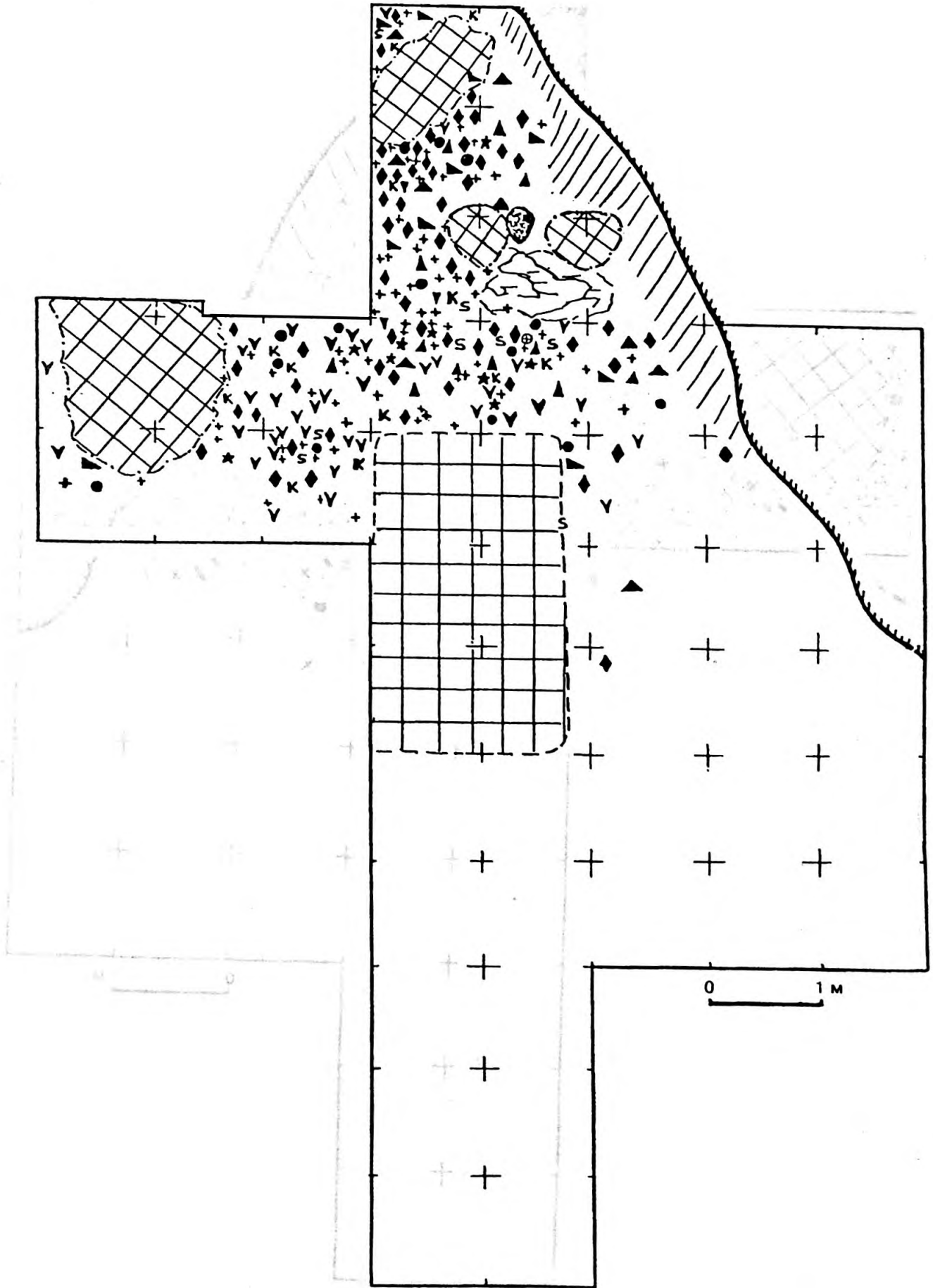

Рис. 21. Монашеская пещера. План расположения орудий в слое 2

Fig. 21. Monasheskaya Cave. Distribution of stone tools in the layer 2

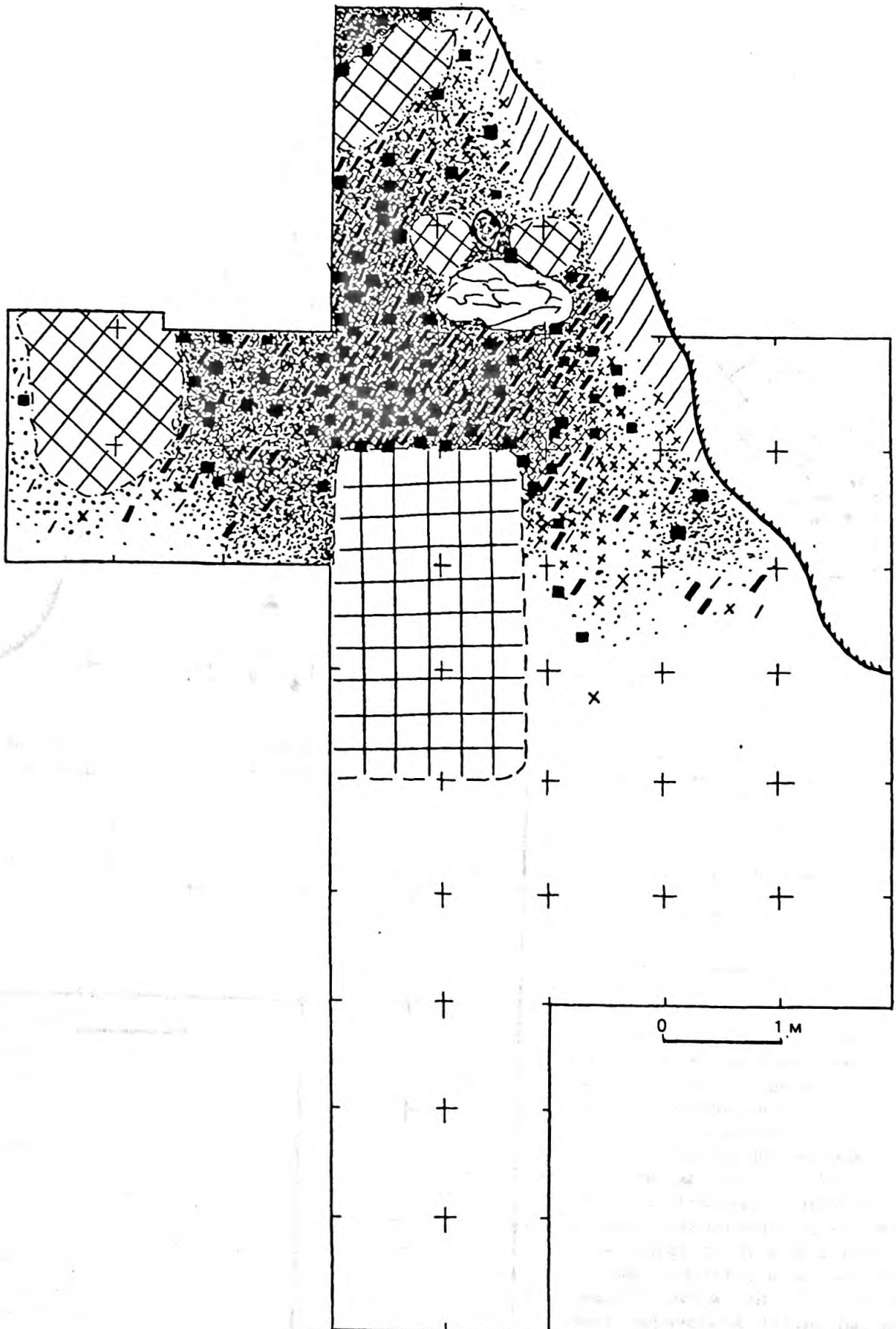

Рис. 22. Монашеская пещера. План распространения продуктов расщепления в слое 2

Fig. 22. Monasheskaya Cave. Distribution of cores, blanks and flaking debris in the layer 2

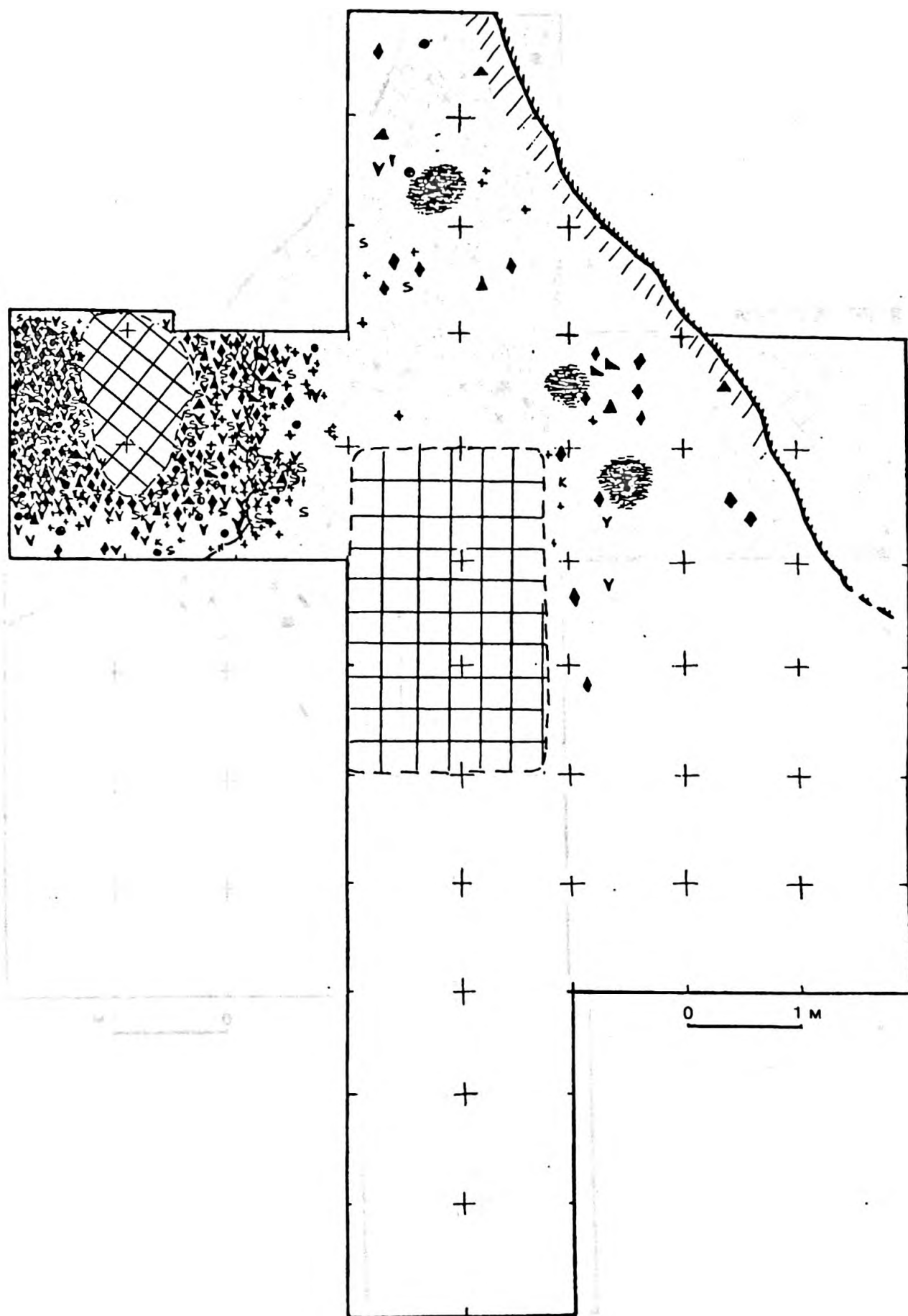

Рис. 23. Монашеская пещера. План расположения орудий в горизонте 1 слоя 3А

Fig. 23. Monasheskaya Cave. Distribution of stone tools in the layer 3A, horizon 1

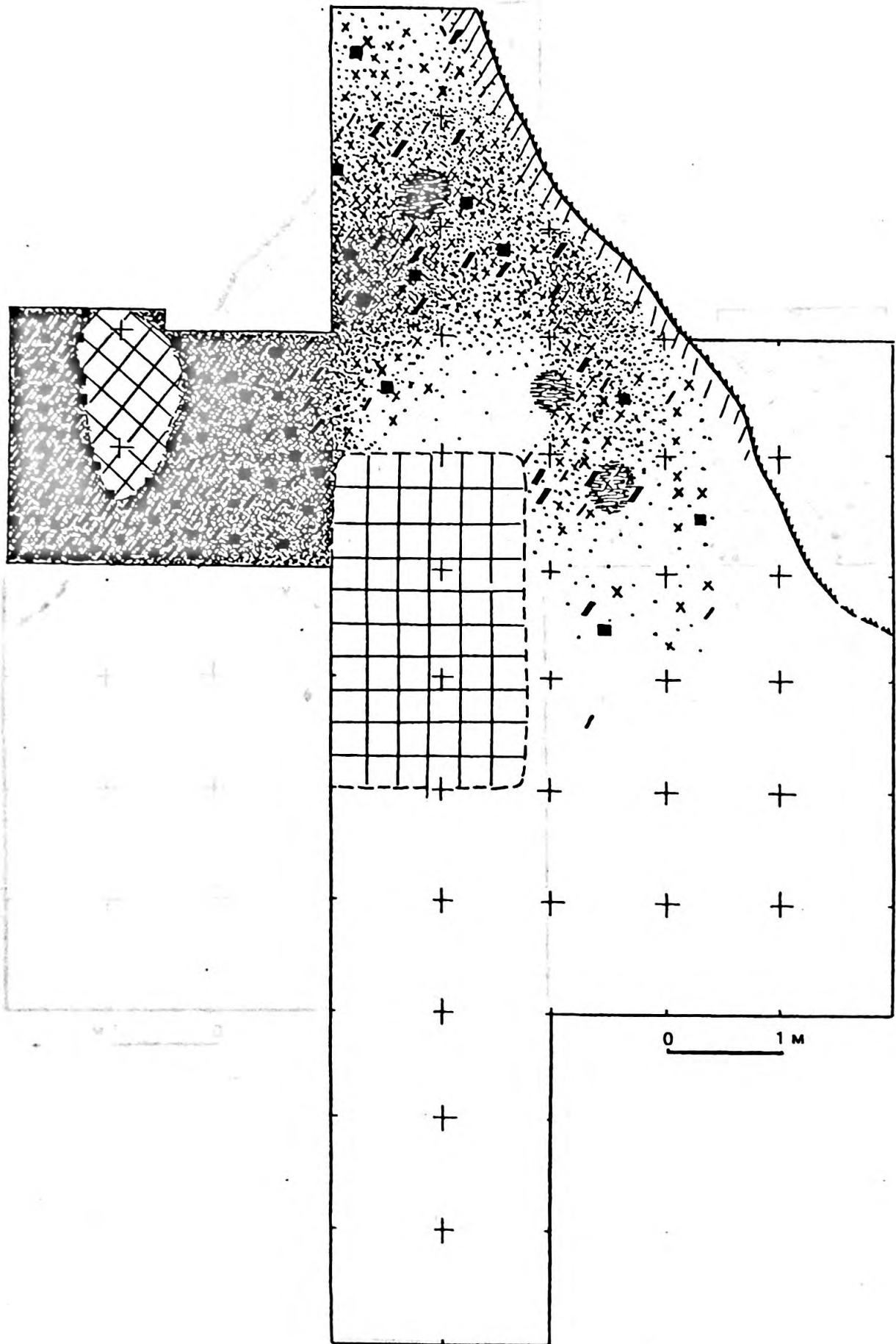

Рис. 24. Монашеская пещера. План распространения продуктов расщепления в горизонте 1 слоя 3А

Fig. 24. Monasheskaya Cave. Distribution of cores, blanks and flaking debris in the layer 3A, horizon 1

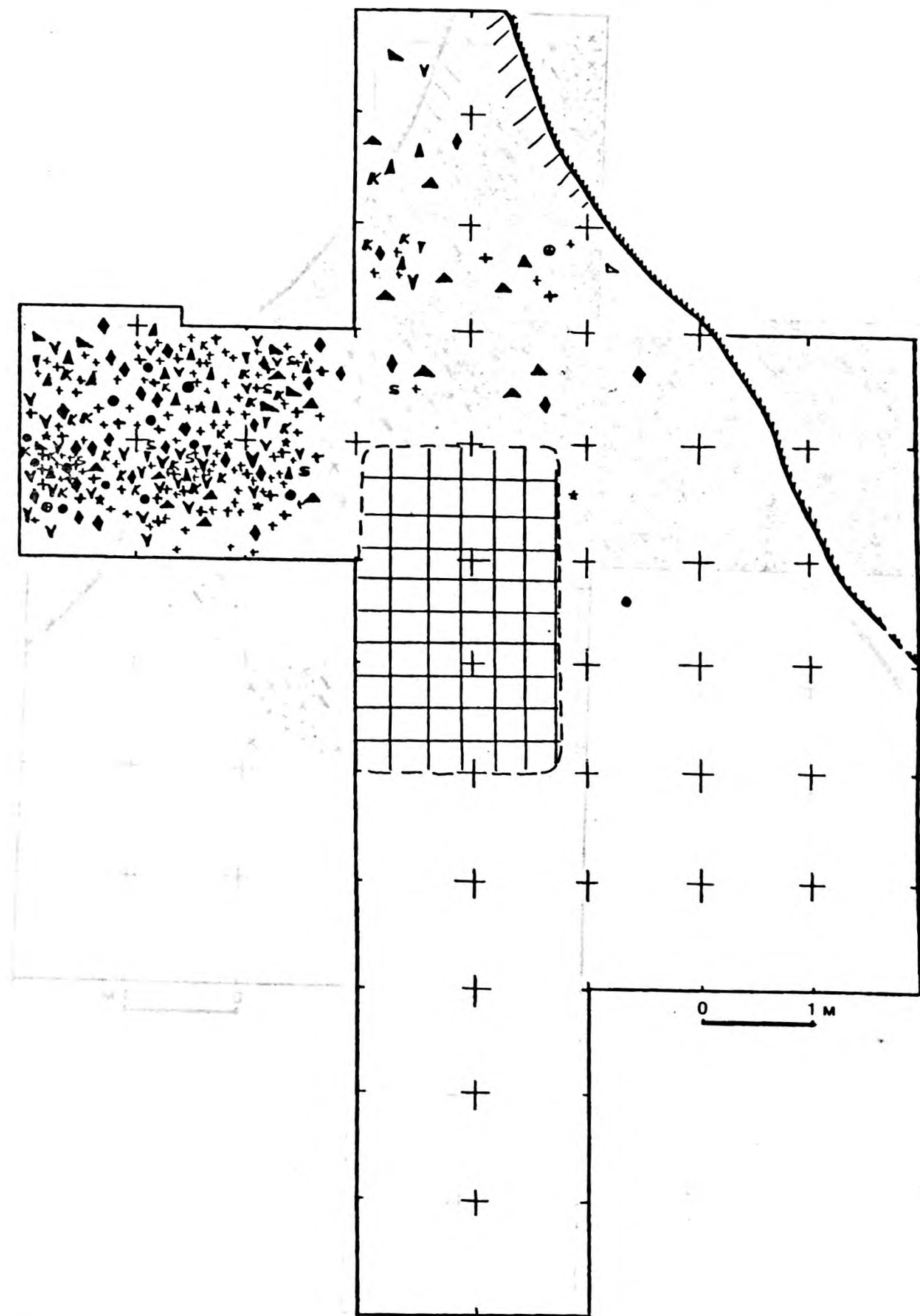

Рис. 25. Монашеская пещера. План расположения орудий в горизонте 2 слоя 3А

Fig. 25. Monasheskaya Cave. Distribution of stone tools in the layer 3A, horizon 2

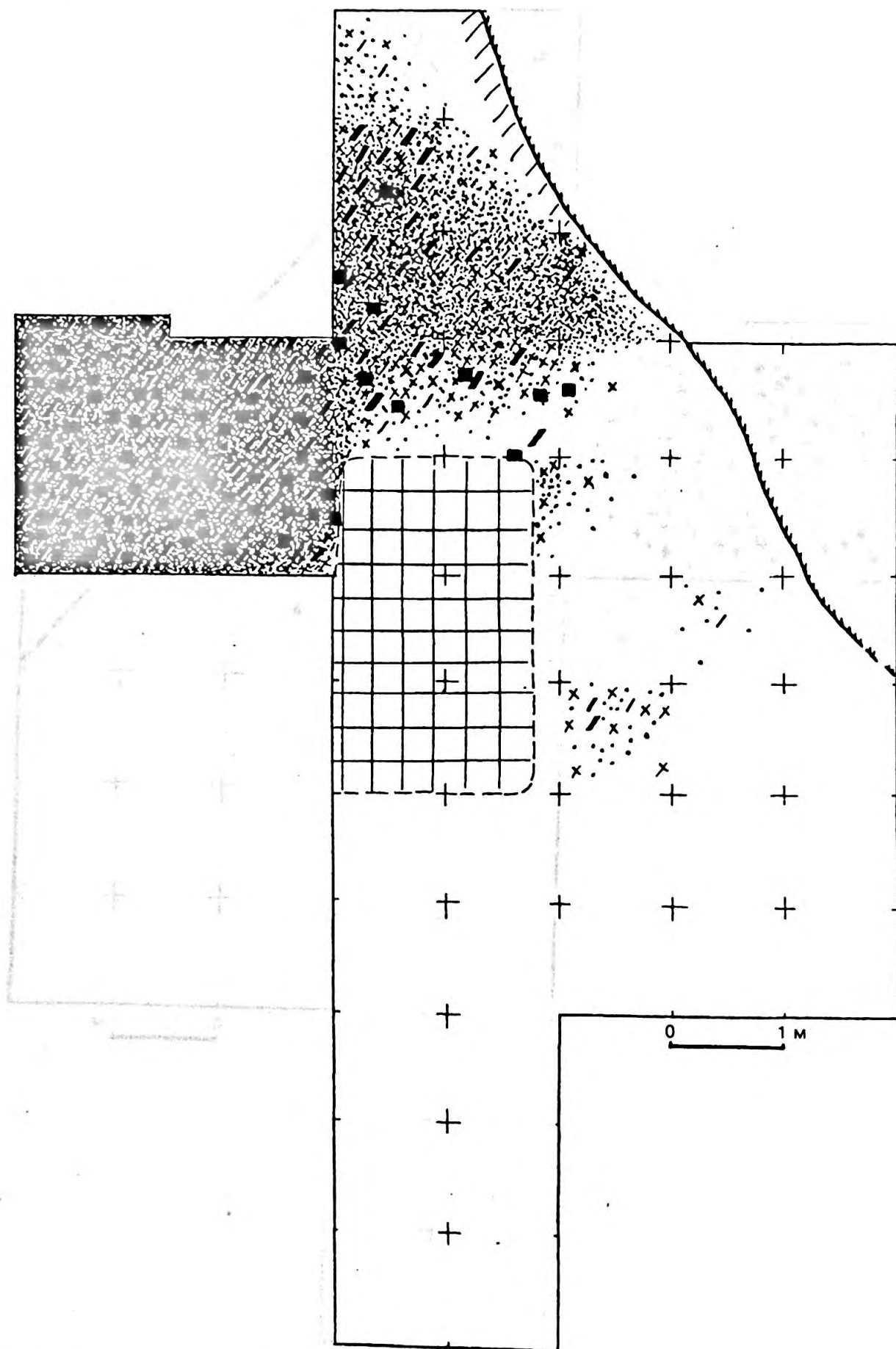

Рис. 26. Монашеская пещера. План распространения продуктов расщепления в горизонте 2 слоя 3А
Fig. 26. Monasheskaya Cave. Distribution of cores, blanks and flaking debris in the layer 3A, horizon 2

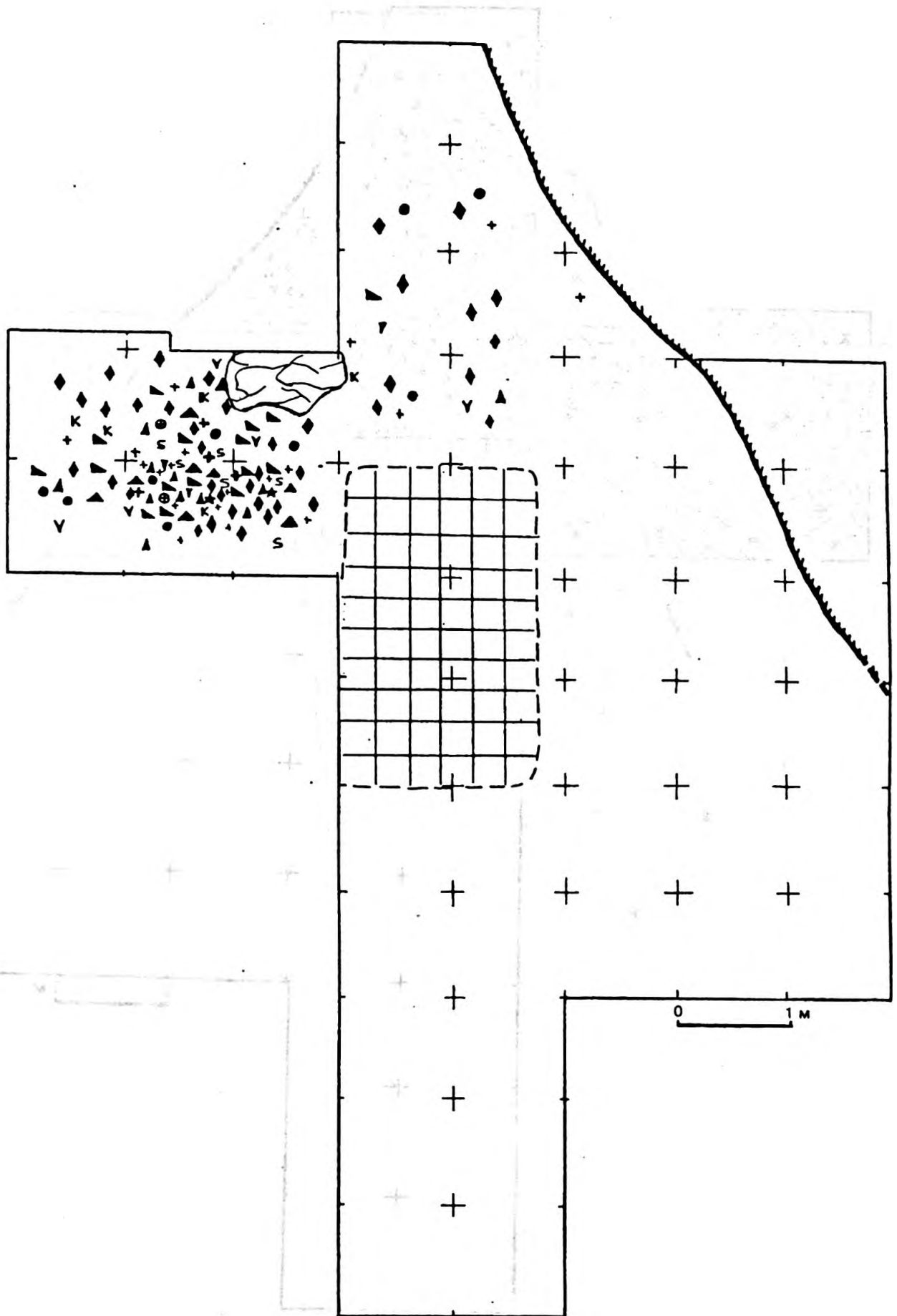

Рис. 27. Монашеская пещера. План расположения орудий в горизонте 3 слоя 3А
 Fig. 27. Monasheskaya Cave. Distribution of stone tools in the layer 3A, horizon 3

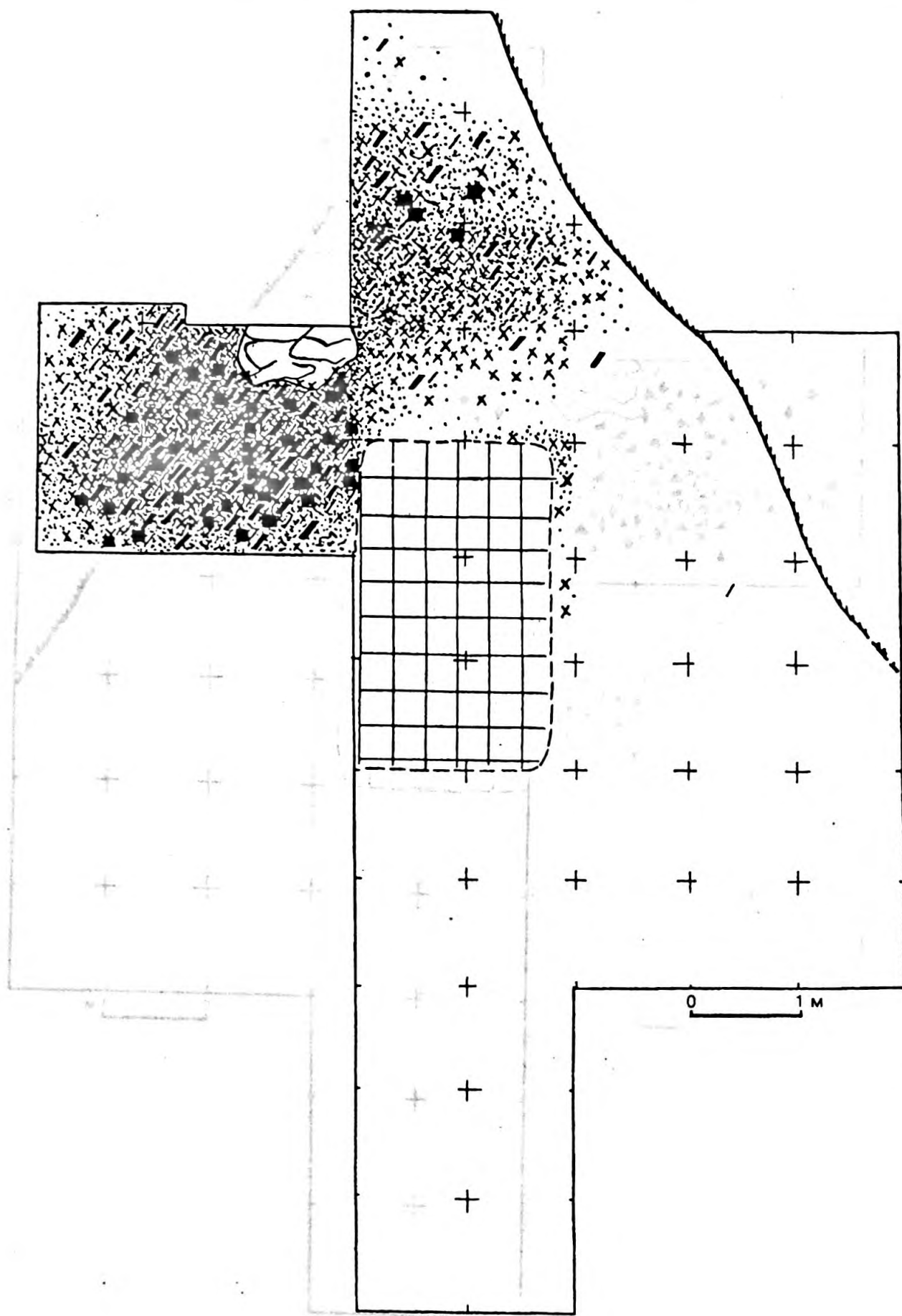

Рис. 28. Монашеская пещера. План распространения продуктов расщепления в горизонте 3 слоя 3А

Fig. 28. Monasheskaya Cave. Distribution of cores, blanks and flaking debris in the layer 3A, horizon 3

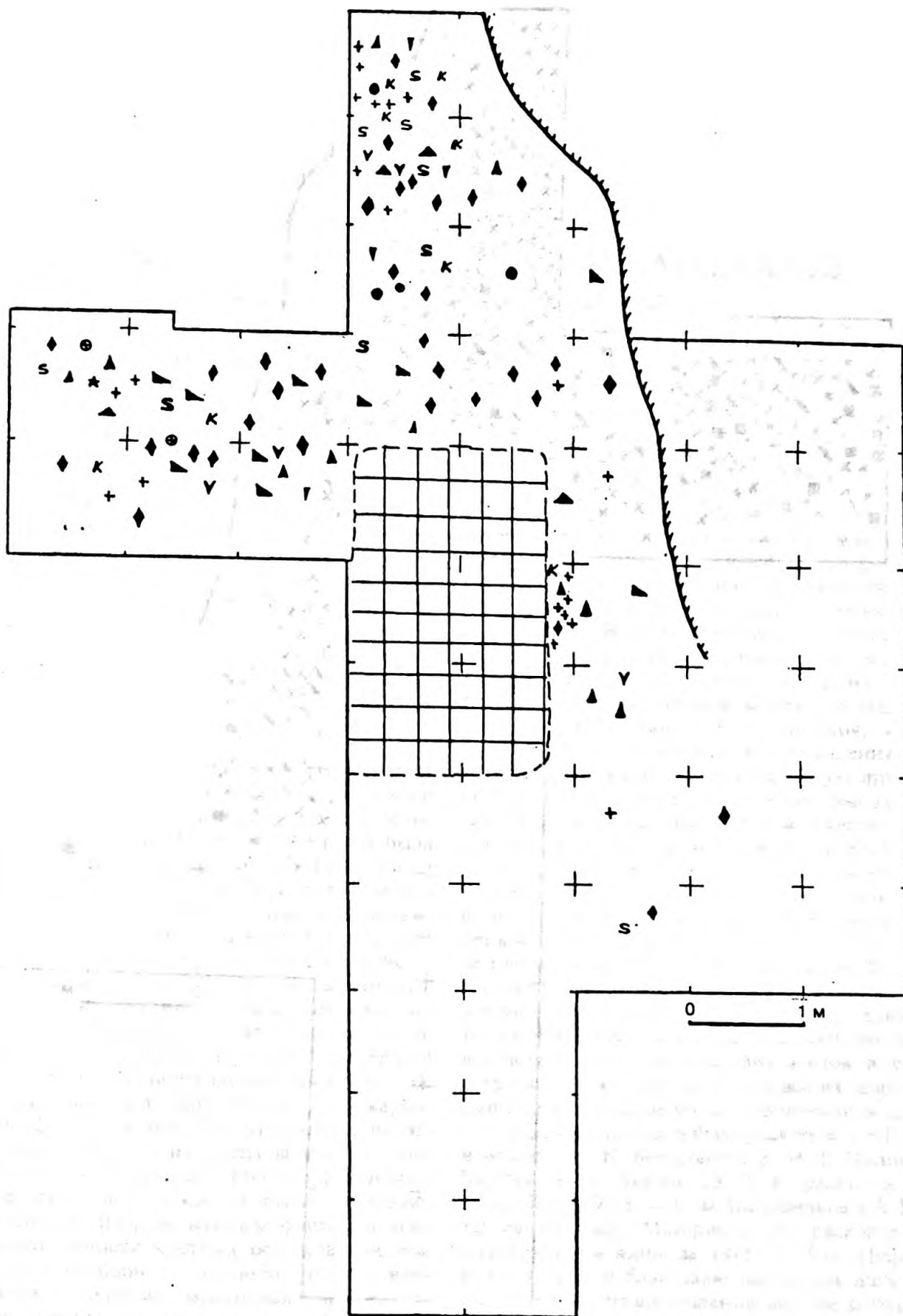

Рис. 29. Монашеская пещера. План расположения орудий в слое 4

Fig. 29. Monasheskaya Cave. Distribution of stone tools in the layer 4

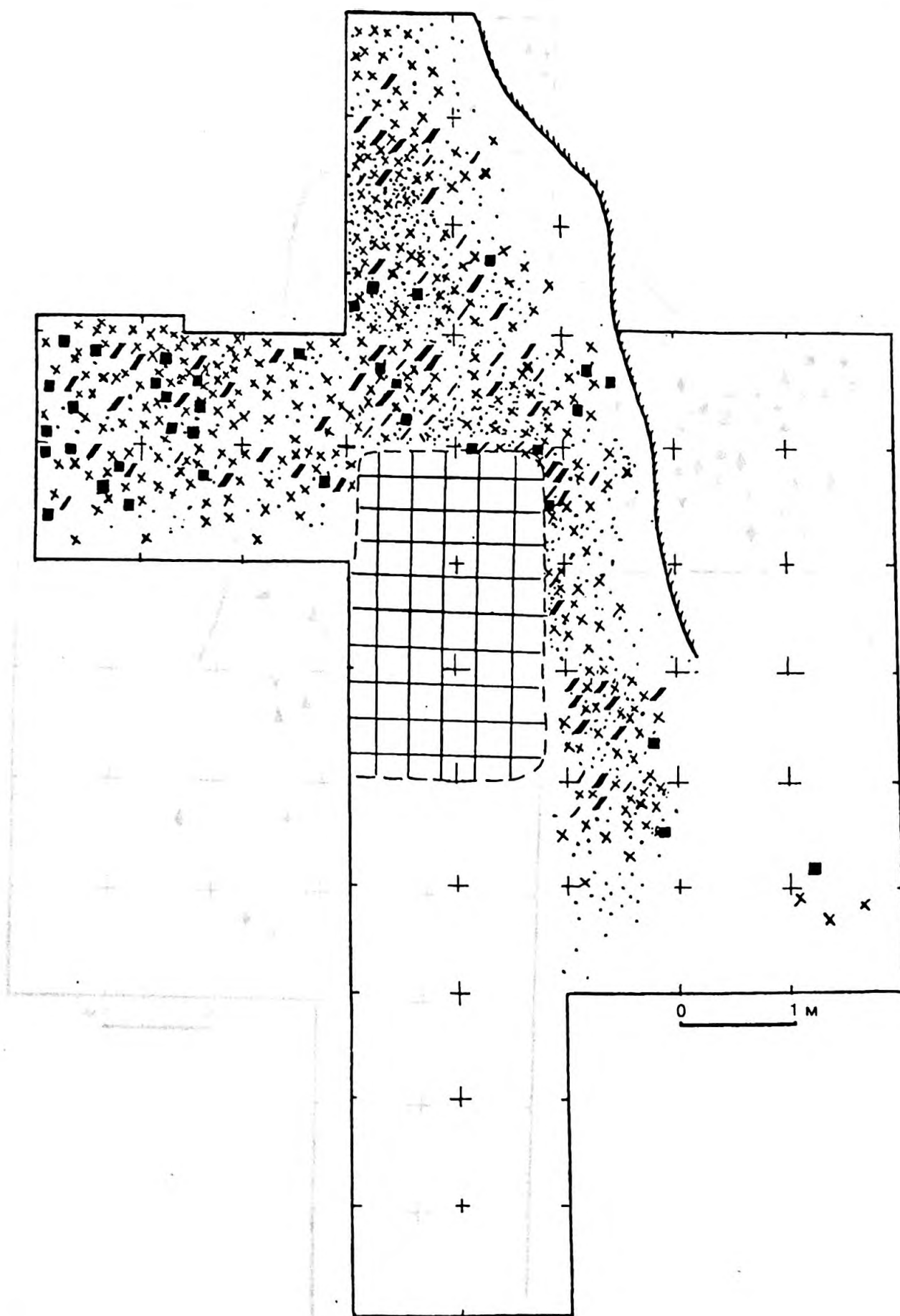

Рис. 30. Монашеская пещера. План распространения продуктов расщепления в слое 4
Fig. 30. Monasheskaya Cave. Distribution of cores, blanks and flaking debris in the layer 4

Глава 4

АНАЛИЗ БИОСТРАТИГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ МОНАШЕСКОЙ ПЕЩЕРЫ

4.1. Фаунистические остатки

Кости животных весьма обильны, но из-за сильной раздробленности, выборочности (главным образом обломки трубчатых и зубы), слабой фоссилизации и плохой сохранности они, в общем, оказались не очень информативными. Определимые кости единичны, среди многочисленных неопределимых фрагментов преобладают обломки размерами в 2—4 см, а обломки величиной в 6—8 см — редки. Основная же масса костного материала, что особенно наглядно показывает промывка, представлена костной крошкой. Помимо поверхностной компактной основы костей изредка сохранялись и примыкавшие к ней участки поверхностной внутренней губчатой части. Однако из-за особой хрупкости ее при выемке последняя, как правило, рассыпалась. Очень часто расслаивались на дуговидные — в соответствии со своей структурой — пластинки даже фрагменты компактной части костей. Неожиданно плохой была и сохранность зубов животных: коренные бизонов, лошадей, козлов и баранов растрескивались и распадались по своим продольным каннелюрам.

Столь плохая сохранность костного вещества предположительно может быть объяснена незавершенностью процесса его эпигенеза (вторичного преобразования): претерпев стадии дегидратации и выщелачивания, оно было фоссилизировано лишь в слабой степени. Причину последнего можно усмотреть в поступлении в пещеру не столько карстовых вод, сколько лишенной карбоната атмосферной влаги. При практическом отсутствии выпадающего из раствора цементирующего вещества — кальцита — степень фоссилизации (т. е. окаменения) костей была, очевидно, незначительной. Вторым важным фактором аномальной сохранности костных остатков явилось, возможно, субаэробное залегание толщи вмещающих их отложений: многочисленные разновременные кротовины, пронизывающие все слои, способствовали проникновению туда кислорода. Это могло быть дополнительной причиной дегидратации и истлевания костей.

Описанная тафономическая обстановка обусловила малое содержание в костях органического компонента (остаточного коллагена), что не позволило датировать эти кости радиоуглеродным методом (анализы были произведены в лабораториях Геологического института и Института эволюционных изменений, морфологии и экологии животных (Москва) и в Институте истории материальной культуры (Санкт-Петербург).

Количество и состояние сохранности костей от слоя к слою, а также распределение их в плане варьировали. В слое 2 сохранность костей была наихудшей: костный тлен, труха, множество мелких обгорелых обломков (до 150 г на 1 кв. м). В слое 3А число обломков заметно меньше. В то же время в горизонте 3а этого слоя, который представляет собой чрезвычайно насыщенную культурными остатками темноокрашенную линзу (см. гл. 3), обнаружилась исключительно высокая концентрация костных остатков — множество обломков трубчатых, зубов, жженой кости. Кости здесь были более увлажненными, но сохранность их, за редким исключением (отдельные обожженные фрагменты), также оказалась очень плохой. Степень концентрации костных остатков в этой линзе менялась от 180 до 250 г на 1 кв. м. В нижних горизонтах слоя 3А количество костных остатков убывает. В обвальном уровне 3Б они единичны. В слое 4 количество костей невелико, но заметно возрастает доля крупных фрагментов и степень сохранности костей, приобретающих коричневатый или даже порой черно-коричневатый цвет.

Определение костей из раскопок 1961 г. производили Н. К. Верещагин и И. Г. Пидопличко [Аутлев, 1964; Любин, 1977], из раскопок 1975—1976, 1987—1991 гг. — Г. Ф. Барышников и А. В. Пантелеев (птицы). Материалы из раскопок были опубликованы лишь за 1975—1976 гг. [Барышников, 1979], и я благодарю последних двух исследователей за предоставление еще не публиковавшихся ими определений.

Диагностические кости из коллекции 1961 г., по заключению Н. К. Верещагина, принадлежали крупному барану или козлу, бизону и лошади.

В другой коллекции того же года И. Г. Пидопличко также отметил остатки лошади и бизона.

В составе немногочисленных определимых костей из раскопок 1975—1976 гг. Г. Ф. Барышников [1979] зафиксировал наличие в слое 2 остатков благородного оленя (2 кости) и кавказского горного козла (2); в слое 3 — косули (1), благородного оленя (1) и бизона (7); в слое 4 — гигантского оленя (1) и кавказского горного козла (4). Среди немногих определимых костей крупных млекопитающих из раскопок 1987—1988 гг. им были

отмечены остатки бизона и муфлонообразного барана (личное сообщение). Полностью, однако, кости крупных животных из коллекций 1987—1991 гг. еще не изучены. Зато кости грызунов, найденные за все годы раскопок, Г. Ф. Барышниковым уже определены и их видовой состав представлен отдельным списком (табл. 1). Там отдельно показано число находок в мустьерских уровнях, в верхнем голоценовом слое 1 и в кротовинах с голоценовым заполнением, которые пронизывали местами мустьерские отложения.

Таблица 1

Видовой состав и количество костных остатков мелких млекопитающих из Монашеской пещеры (раскопки 1975—1976, 1987—1991 гг.; по Г. Ф. Барышникову)

Виды	Соврем. слой 1	Кротовины	Мустьерские слои						Всего
			2	3А			3Б	4	
				гор. 1	гор. 2	гор. 3			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Talpa caucasica</i> Sat. (крот)	4								4
<i>Lepus europeus</i> Pall. (заяц-русак)	2								2
<i>Marmota</i> sp. (сурок)		51 *							51
<i>Erinaceus</i> sp. (еж)							1		1
<i>Sorex</i> sp. (землеройка)				9			1		10
<i>Soricidae</i> indet.		1							1
<i>Ochotona pusilla lioubini</i> (пищуха)			3	10	3	2			18
<i>Spermophilus</i> sp. (суслик)				21	25	9	18	9	82
<i>Spalax micropthalmus</i> (обыкн. слепыш)			1	6	3	1		2	13
<i>Arodemus</i> sp. (лесная мышь)	4	1	1		1				7
<i>Ellobius talpinus</i> (обыкн. слепушонка)			1		1				2
<i>Cricetulus migratorius</i> (сер. хомячок)				3	5	1	16	4	29
<i>Cricetus cricetus</i> (обыкн. хомяк)	1			4	3	7	20	5	40
<i>Arvicola terrestris</i> (водян. полевка)	1			1	1	1	7	3	14
<i>Chionomys nivalis</i> (снеговая полевка)	1		2	2	12	3	2	1	23
<i>Chionomys gudini</i> (гудаур. полевка)						2			2
<i>Pitymys majori</i> (кустарн. полевка)			1				1		2
<i>Micritus arvicola</i> (серая полевка)							13		13
<i>Microtus arvalis</i> (обыкн. полевка)			5	5	9	8		8	35
<i>Arvicolidae</i> indet.	4		20	49	68	62	79	21	303
<i>Chiroptera</i> indet.				4	5		2		11
<i>Rodentia</i> indet.						1			
<i>Citellus</i> cf. <i>musicus</i> Men. (эльбрус. горн. кавк. суслик)					2			4	9
<i>Arodemus flavicollis</i> (желтогорлая мышь)		1							1

* Почти полный скелет сурка был обнаружен в его гнездовой камере. Согласно мнению Г. Ф. Барышникова [1979], «вымирание кавказского сурка обусловлено, вероятно, изменениями ландшафтной обстановки на рубеже плейстоцена и голоцена».

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Apodemus agrarius</i> Pall. (полевая мышь)		114							
Всего	17	168	34	114	138	97	160	60	788

Приведенные данные по мелким млекопитающим весьма репрезентативны как по видовому составу, так и количественно (788 костей, 603 из которых происходит из плейстоценовых слоев). Дробное расчленение находок по слоям и горизонтам позволяет проследить существенные изменения природной обстановки в районе пещеры с момента поселения в ней мустьерского человека до современности. В главных чертах изменения эти могут быть прослежены при сравнении находок из слоев 4—3Б, 3А-2 и современных отложений (включая находки из голоценовых кротовин). Особенно контрастно выглядят в этом отношении остатки грызунов из первого и третьего подразделений. Только в последнем из них (слой 1 + кротовины) явно доминируют лесные мыши (полевая, лесная, желтогорлая) и только в первом (в слое 4 и особенно в обвальном слое 3Б) отмечены такие холодолюбивые виды, как серая полевка и горный кавказский (эльбрусский) суслик, и наибольшее количество хомяков (обыкновенный хомяк, серый хомячок). Лесные мыши там не присутствуют вовсе.

Особенностью среднего хронологического подразделения (слои 2—3А) является наличие остатков пищи и обыкновенного слепыша, а также возросшее количество остатков суслика и снеговой полевки при заметном сокращении остатков хомяков и небольшой представленности лесных форм. В этих же уровнях, напомним, были встречены единичные кости таких крупных представителей лесной фауны, как благородный олень и козуля. В целом же здесь как будто преобладают остатки обитателей открытых пространств. Однако лес в самом Губском каньоне, по-видимому, сохранялся в той или иной степени при любых изменениях ландшафтов (см. ниже) и поэтому в составе мелких грызунов всегда представлены зверьки разных стаций — тем более что они часто могли попадать в пещеру с погадками хищных птиц.

Что же касается множества остатков во всех слоях водяных полевок и водяных крыс, то это можно объяснить соседством пещеры с ручьями и поймой р. Губс, где их на открытых местах также могли добывать хищные птицы. Впрочем, водяные крысы и другие крупные грызуны, имеющие длину тела более 15 см (водяные крысы и пищухи) и более 20 см (суслики и хомяки) могли пред-

ставлять пищевой интерес и для мустьерского человека и добываться им порой специально.

Были обнаружены в мустьерских слоях и кости птиц — 70, однако среди них оказалось только 27 определимых до вида, что, конечно, совершенно недостаточно для суждений о природной обстановке и — тем более — о ее изменениях. Представленными единичными костями оказались пернатые разных стаций: лесной (зарянка, обыкновенная пищуха, дубонос, клест-еловик, снегирь); лугово-степной (полевой жаворонок); скальной (черный стриж, сизый голубь, городская ласточка).

4.2. Палинологические данные

Анализы пыльцы из Монашеской пещеры и интерпретация их результатов были сделаны Г. М. Левковской, которую я искренне благодарю за любезное предоставление еще не опубликованных ею самой данных. Текст этого раздела основан именно на них.

В настоящее время Монашеская расположена в поясе полидоминантных, богатых по видовому составу широколиственных лесов Кавказа. Растительность прошлого, судя по спорово-пыльцевым показателям, заметно отличалась от современной. Для палинологического анализа мною было отобрано 13 образцов из разреза У—Г (слои 4, 3Б, 3А, пачка Ха—г), полученного в 1990—1991 гг. (рис. 17), и из разреза Д—Ф (для слоя 2, который не представлен, видимо, в разрезе У—Г, см. гл. 3) — рис. 15.

Нижний мустьерский слой 4 был охарактеризован двумя образцами.

Образец 1 (низы слоя). В общем составе спектра доминирует пыльца травяно-кустарничковых растений — 70 %. Содержание пыльцы древесных пород — 28 %, спор — 2 %. Среди древесных господствует пыльца ольхи. Определены единичные пыльцевые зерна ольховника (кустарниковая ольха), дуба и ивы. Среди травянистых преобладает пыльца водных растений: доминирует стрелолист, много пыльцы кувшинки, осок и лилейных. Определены также единичные зерна подорожника. Споры представлены единичными спорами плауна булавовидного, который в настоящее время характерен для верхних растительных поясов Кавказа (верхнегорного, частично субальпийского).

В целом палинологические данные говорят о существовании водотока в непосредственной близости от пещеры. На берегу его и могли располагаться заросли ольхи, ивы, осок и влажные разнотравные луга с лилейными. Климат был холоднее современного, на что указывает пыльца ольховника, споры плауна булавовидного и незначительное участие в спектре пыльцы широколиственных древесных пород. Ольховник в настоящее время не растет на Кавказе. Самое близкое современное местонахождение его — Карпаты, где он представлен ольхой зеленой, произрастающей в субальпийском поясе гор. Однако в рассматриваемый период Монашеская пещера располагалась в лесном поясе (среди древесных господствует пыльца ольхи), а пыльца ольховника была занесена скорее всего водой или ветром из субальпийского пояса, который, по-видимому, располагался тогда на более низких высотных отметках, нежели теперь.

Образец 2, взятый из верхов слоя 4 на разрезе У—Г, фиксирует дальнейшее ухудшение климатической обстановки. В общем составе спектра содержание пыльцы древесных пород близко к предыдущему (28 %), но несколько сократилось количество пыльцы травяно-кустарничковых растений (51 %) и возросло количество спор — 21 %. Среди древесных содоминируют пыльца ольхи и березы. Береза наиболее часто образует на Кавказе заросли в нижней части субальпийского пояса. Встречены также единичные пыльцевые зерна сосны и граба. Среди травянистых в это время господствует пыльца мезофильного разнотравья. Она представлена пылью лилейных, ситника, кровохлебки, губоцветных, вероники, грушанки, гравилата, цикориевых. Определены также единичные пыльцевые зерна осок и эризофилов-лебедовых. Среди споровых господствуют хвощ и гроздовник.

В рассматриваемый этап пещера была окружена, по-видимому, ценозами нижней части субальпийского пояса. Климат был по-прежнему холодным и влажным, несколько холоднее предыдущего. Отмечу, что уровню отбора образца 2 соответствует нижний максимум находок углистых частиц, причем ни одно пыльцевое зерно не обуглено — т. е. кострище существовало не в период цветения растений.

Образец 3 характеризует обвальный слой 3Б. Вся пыльца в образце мелка и коллоидирована. Сократилось количество пыльцы древесных пород в общем составе спектра — 14 % (против 28 % ранее), зато резко преобладают травяно-кустарничковые — 86 %. Пыльца древесных пород представлена ольхой, ольховником, березой, хмелеграбом и коллоидированными зернами березовых. Среди травянистых резко доминируют мелкие пыльцевые зерна осок. Состав разнотравья мезофилен — господствуют лилейные, обнаружены также бобовые и вересковые. Кроме того, встречена пыльца лебедовых, злаков и портулана (он харак-

теризуется как растение песчаных отложений рек и сорняк).

В период формирования слоя 3Б вокруг Монашеской пещеры были распространены осоковые луга. Реже встречались разнотравные луга и участки с деревьями и кустарниками. Пещера располагалась тогда вблизи границы субальпийского и альпийского поясов. Климат был очень холодным и влажным.

Слой 3А вместе с линзой 3а охарактеризован семью образцами — № 4—10. Палинологическая характеристика низов слоя 3А (образцы 4 и 5) резко отлична от данной выше для подстилающих их слоев 4 и 3Б. Отсутствие постепенности в изменениях этих данных при переходе от 3Б к 3А указывает на размыв кровли 3Б или на перерыв в осадконакоплении.

Главная специфика низов слоя 3А — это резкое доминирование среди древесных пыльцы широколиственных пород. Среди последних много пыльцы регионального экзота — ореха (*Juglans* sp.). Это говорит о том, что низы слоя 3А формировались в термомере. Оптимум потепления соответствует времени формирования самого нижнего горизонта слоя 3А (образец 4). В общем составе спектра этого образца господствует пыльца древесных пород — 63 %. Второе место принадлежит пыльце травяно-кустарничковых растений — 33 %, третье — спорам (4 %). Среди древесных содоминируют пыльца грецкого ореха (26 %), вяза (24 %) и ольхи (22 %). Найдено небольшое количество уродливых пыльцевых зерен лапины — 6 %, которая свидетельствует о наличии — хотя и в угнетенном состоянии, в качестве реликтов — колхидских элементов флоры. В небольшом количестве встречена пыльца граба, липы, ясеня, березы, орешника, лоха, дуба, а также ксерофитов — фисташки и каркаса, которые являются региональными экзотами. В составе пыльцы травяно-кустарничковых растений господствует пыльца разнотравья. В его составе доминирует пыльца сельдерейных (зонтичных). Найдены также орхидные, лилейные, мытник, подорожник и еще ряд неопределимых травяно-кустарничковых растений. Наряду с пылью разнотравья встречено много пыльцы осоки и единственное зерно другого водного растения — урути. Среди спор имеется папоротник и единичный образец плауна булавовидного. Отмечается коллоидированность части пыльцы в этом образце.

В рассматриваемый этап (начало формирования низов мустьерского слоя 3А), представленный образцом 4, в районе пещеры существовали условия нижней части лесного пояса. Климат был влажнее современного, о чем говорит присутствие — хотя и в угнетенном виде — лапины.

Спектр образца 5 соответствует фазе завершения оптимума термомера. В общем составе спектра резко преобладает мелкая неопределимая (из-за ее коллоидирования) пыльца травяно-кустар-

ничковых растений, что говорит о господстве в районе Монашеской открытых ценозов. Ценозы, образованные древесными породами, сходны с предшествовавшими. В лесах содоминантами были по-прежнему орех, ольха (ее количество несколько выросло) и вяз (его стало немного меньше). Однако в целом суммарное количество пыльцы широколиственных древесных пород, по сравнению с предыдущим этапом, сократилось с 68 % до 53 %. Несколько возрастает здесь количество пыльцы березы. Исчезли лапина (колхидский элемент) и ксерофиты фисташка и каркас; стал менее разнообразным состав региональных экзотов. В небольших количествах определена пыльца ивы, граба, дуба и кизила.

В составе пыльцы травяно-кустарничковых растений господствует разнотравье. Определена пыльца осок, лебедовых, василистника, мытника, полыни, а также водного растения урути. Встречена единственная спора плауна булавовидного.

Растительность этого периода представляет собой лесостепь: сочетание луговых степей и лесных ценозов, образованных широколиственными и мелколиственными древесными породами. Региональный экзот (орех — *Juglans* sp.) еще был содоминантом в лесных ценозах.

Спектр образца 6 соответствует, по-видимому, уже заключительной фазе термомера. Общий состав спектра сходен с предыдущим образцом 5. В составе древесных заметно сократилось количество пыльцы широколиственных пород (в образцах 4, 5 и 6 их имеется, соответственно, 68, 53 и 33 %). Господствует здесь пыльца мелколиственных древесных пород — содоминанты ольха и береза. Среди широколиственных пород резко сократилось участие вяза, однако все еще продолжает господствовать орех. Но общее участие последнего заметно сократилось по сравнению с предыдущими фазами термомера — 17 % против 26 % в образцах 4 и 5. В небольших количествах встречена пыльца фисташки и дуба, появляется пыльца ольховника.

Состав пыльцы травяно-кустарничковых растений сходен с предыдущим образцом — господствуют мелкие неопределимые (из-за коллоидирования) пыльцевые зерна, найдена пыльца лилейных, сельдерейных, бобовых, осок.

Растительность здесь представляла собой сочетание луговых степей и верхнегорных лесных ценозов среднеазиатского типа, орех поднимается порой до верхней границы леса.

Темноокрашенная линза 3а была охарактеризована по двум образцам — 7 и 8. Они выделяют, в первую очередь, присутствием массы углистых частиц. Пыльцевые зерна, однако, не обуглены, что свидетельствует о существовании кострищ не в сезоны цветения растений.

Палинологическая характеристика линзы 3а (рис. 16, 17) несколько похожа на характеристику оптимума термомера: в общем составе спектра

здесь господствует пыльца древесных пород, а среди древесных — широколиственные. В числе последних определены те же региональные экзоты — орех (доминант), колхидский элемент — лапина (единичные зерна) и ксерофит — грабинник (также единичен). Отличительной особенностью характеристики данного образца является появление в нем единичных зерен пыльцы можжевельника (ксерофит), самшита, ели, барбариса и присутствие в заметном количестве пыльцы березы (ее больше, чем вяза). Указанные отличия могут говорить о том, что линза 3а соответствует: а) иной фазе оптимума, который ранее охарактеризован образцом 4, или б) самостоятельному оптимуму, близкому по типу климата и времени к предшествующему, но несколько более прохладному (появилась ель). Возможно также, что такая специфика палинологической характеристики линзы 3а отчасти является результатом более активного антропогенного воздействия.

Образец 9, взятый из верхней части слоя 3А на разрезе У—Г, дал лишь единичные пыльцевые зерна ольхи, лебедовых, осок, грушанки, злаков, мелких пыльцевых зерен травяно-кустарничковых растений. Возможно, что это указывает на дальнейшее ухудшение климатической обстановки.

Образцы 12 и 13, отобранные из слоя Х, перекрывающего на данном разрезе (У—Г) отложения слоя 3А, содержали лишь единичные пыльцевые зерна и споры. Поскольку соотношение слоя или, точнее, пачки Х с основной стратиграфической колонкой неясно (см. гл. 3), то для характеристики слоя 2, перекрывающего слой 3А на остальных раскопанных площадях, были взяты два образца из ближайшего участка продольного разреза Д—Ф (рис. 15). Кроме этих образцов (№ 15 и 16), взятых в квадрате 8, имеется еще один образец слоя 2, отобранный из уровня с антропологической находкой в раскопе 1987—1988 гг. [Беляева и др., 1992] — разрез С—Т, кв. 7—21 (рис. 13). Палинологический облик всех указанных образцов однотипен: в общем составе спектра здесь резко превалирует пыльца ксерофильных травяно-кустарничковых растений. Встречено много пыльцы лебедовых, найдена пыльца степных растений — подорожника степного, эфедры, молочая.

Основное отличие образцов из кв. 8 от опубликованного ранее спектра (уровень с антропологической находкой) состоит в меньшем разнообразии видового состава. Из древесных в образцах 15 и 16 были определены лишь единичные зерна вяза, ольхи, березы, дуба, самшита, фисташки и грабинника. Среди травяно-кустарничковых растений резко преобладает (69 %) пыльца лебедовых. Имеются единичные зерна лютиковых, бобовых, лилейных и осок. В образце же с антропологической находкой доминирует разнотравье, второе место принадлежит осокам и лишь третье — лебедовым, причем в составе травянистых определено 20 таксонов, что, возможно, является

результатом антропогенного воздействия. Среди споровых там господствовали зеленые мхи, имелись также споры сфагновых мхов и папоротника.

Совокупность всех этих данных позволяет заключить, что в период формирования верхнего мустьерского слоя 2 основные площади в районе пещеры занимали открытые ценозы. Так, в образцах 15 и 16 древесные породы составляли 20 %, травяно-кустарничковые — 57 % и споры — 23 %. Древесная растительность, скорее всего, тяготела лишь к долине Губса. За ее пределами господствовала лесостепная или даже степная растительность с интерзональными лесами. Таким образом, для верхнего мустьерского слоя в целом реконструируется фаза сухого прохладного климата со степными и лесостепными ландшафтами.

Эта палинологическая характеристика отложений Монашеской пещеры, опирающейся в основном на разрез У—Г (рис. 17), может быть дополнена данными, полученными ранее для слоя 4. Образцы оттуда были взяты прямо в процессе разборки слоя 4 на кв. 7, на участке раскопа 1987 г. (рис. 7). Первый из них, взятый в 5—8 сантиметрах от скального пола, дал единичные зерна ольхи, березы (в том числе *Betula cf. verrucosa*), лиственницы, а также *Chenopodiaceae*, *Asteraceae*, *Caryophyllae*, *Lutaceae*. В общем составе спектра древесные ненамного превышают количество травяно-кустарничковых.

Образец 2, взятый на 10 см выше, показал существенное изменение спектра. Древесные здесь явно доминируют, причем среди них преобладают орешник и широколиственные — около 40 %. Последние представлены, главным образом, грабом. Встречены также липа, ольха, сосна. Среди травяно-кустарничковых отмечены *Asteraceae* и *Bobtichium*. Данный образец демонстрирует значительное улучшение природной обстановки в сравнении с предыдущим — условия широколиственных лесов.

Третий образец, взятый в верхах слоя 4 — почти на контакте его с обвальным уровнем ЗБ, показывает уже некоторое ухудшение климата. Древесные здесь все еще преобладают, среди них доминирует орешник (55 %), встречены дуб, граб, хмелеграб, береза, ольховник. Широколиственных становится меньше, зато появляется *Alnaster*. Такое сочетание обычно для межстадиальных флор вюрма. По мнению Г. М. Левковской, наиболее теплые климатические условия показывает тут образец 2. Можно даже говорить, видимо, о следах

здесь какого-то климатического оптимума — в полной мере, однако, не прослеженного.

Каким же образом можно совместить эти данные о периоде формирования нижнего мустьерского слоя 4 с другими, полученными на основании изучения колонки разреза У—Г и, напомню, указывающими на весьма холодный климат. Вероятно, их следует считать дополняющими друг друга. Поскольку в образцах из разреза У—Г фиксируемое похолодание плавно нарастает, хорошо стыкуясь с очень холодным климатом, реконструируемым по всем показателям (пыльца, фауна, усиление морозного выветривания) для обвального уровня ЗБ, то можно видеть здесь, очевидно, близкую к реальности картину природной обстановки на конечном этапе формирования слоя 4. Теплая фаза, видимо, предшествовала этому похолоданию и соответствует первому этапу накопления нижнего культурного слоя. Таким образом, допустимо, что слой 4 в раскопе 1987—1988 гг. представлен главным образом нижней частью, а в разрезе У—Г — преимущественно верхами. Вполне вероятным объяснением этого парадокса может быть небольшой плоскостной смыв в связи с уклоном дна скального желоба, заполненного мустьерскими отложениями, к внешнему краю площадки. Поскольку раскоп 1987—1988 гг. расположен в глубине навеса, а разрез У—Г получен в раскопе, приближенном к капельной линии (рис. 7), то могло иметь место «сползание» вниз верхней части слоя 4 и, в свою очередь, размыв — из-за дождей или снега — низов этого слоя у внешнего края площадки. Далее произошло интенсивное обрушение свода (уровень ЗБ), что сохранило эту часть слоя 4 от дальнейшего размывания. Явление плоскостного смыва не оказывало, как представляется, особенно сильного влияния на характер осадконакопления в Монашеской пещере (см. гл. 3), однако даже, может быть, нескольких «ушедших» в данном случае сантиметров оказалось достаточно для заметной стратиграфической лакуны. Требуется, конечно, и более тщательное изучение колонок с более частым отбором образцов. Однако уже сейчас очевидно наличие в этой относительно небольшой по мощности колонке по крайней мере трех теплых климатических фаз — в низах слоя 4 и в слое ЗА. Подобная, а в перспективе, возможно, и большая частота климатических осцилляций указывает, видимо, на кислородно-изотопную стадию 3, для которой эта картина особенно характерна [Mellars, 1995, p. 25].

Глава 5

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ МОНАШЕСКОЙ ПЕЩЕРЫ

5.1. Общие данные

За все годы раскопок коллекция кремневых изделий из Монашеской пещеры составила более 45 тысяч предметов (включая все мелкие сколы и чешуйки). Количество находок таким образом увеличилось примерно в 37,5 раза по сравнению с материалами из шурфа, бывшими в распоряжении В. П. Любина и составившими 1205 изделий [Любин, 1977]. Небольшая часть новой коллекции оказалась лишена стратиграфической привязки (1096 явно переотложенных предметов из голоценового слоя 1, 622 — из кротовин, осыпей и зачисток) и

потому должна быть исключена из послыонного описания и статистических подсчетов.

Таким образом, здесь будет подробно анализироваться только коллекция из непо потревоженных мустьерских слоев — всего 42 024 изделия. Находки из наиболее мощного слоя 3А распределены в соответствии с тремя раскопочными горизонтами, материал же из слоев 2 и 4 дополнительному разбиению не подвергался — поскольку, во-первых, их мощность невелика и, во-вторых, вскрытие в зависимости от ее колебаний велось на разных участках то одним, то двумя горизонтами. Общий состав коллекции и распределение находок по слоям приведены в табл. 2.

Таблица 2

Общий состав стратифицированной коллекции и распределение категорий находок по слоям и горизонтам

Категории находок	Всего	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
			гор. 1	гор. 2	гор. 3	
Общее количество	42 024 100 %	6760 100 %	14 023 100 %	13 198 100 %	5477 100 %	2566 100 %
Все орудия	1296 3,3 %	245 3,6 %	513 3,7 %	305 2,3 %	126 2,3 %	107 4,2 %
Определимые орудия	888 2,2 %	171 2,5 %	348 2,5 %	180 1,4 %	103 1,9 %	86 3,4 %
Нуклеусы	313 0,8 %	93 1,4 %	71 0,5 %	70 0,5 %	47 0,9 %	32 1,2 %
Пластины	566 1,4 %	146 2,2 %	114 0,8 %	179 1,4 %	96 1,8 %	48 1,9 %
Пластинки	605 1,5 %	97 1,4 %	184 1,3 %	193 1,5 %	118 2,2 %	33 1,3 %
Микропластинки	514 1,3 %	53 0,8 %	147 1,1 %	200 1,5 %	111 2,0 %	6 0,2 %
Отщепы-заготовки	3343 8,5 %	708 10,5 %	952 6,8 %	985 7,5 %	457 8,3 %	302 11,8 %
Мелкие отщепы	25 868 65,4 %	4908 72,6 %	10 483 74,8 %	7871 60,0 %	3374 61,5 %	1501 58,5 %
Чешуйки	5847 14,8 %	436 6,4 %	1290 9,2 %	2966 22,5 %	915 16,7 %	348 13,1 %
Необработанные обломки кремня	1194 3,0 %	74 1,1 %	269 1,9 %	429 3,3 %	233 4,3 %	189 7,1 %

Примечание. За 100 % в каждом столбце принято общее количество изделий данного слоя (горизонта).

На мой взгляд, эта таблица приводит к следующим выводам:

1. Низкий в целом процент орудий и нуклеусов, особенно в слое 3А.

2. Абсолютное преобладание среди сколов мелких отщепов ($L < 3$ см), доля которых увеличивается, начиная с верхов слоя 3А, что указывает, видимо, на возрастание интенсивности расщепления.

3. Отщепы-заготовки и пластины, пригодные для оформления орудий, в свою очередь, наибольшую роль играют в нижнем слое 4 (суммарный процент — 13,1), выше их общая доля падает до 7,6 % (горизонт 1 слоя 3А) и затем вновь возрастает до 12,7 % (слой 2).

4. Пластинки ($0,7 < d < 1,2$ см) распространены по всей толще, но несколько более заметны в низах слоя 3А.

5. Микропластинки ($d < 0,7$ см) также несколько чаще встречаются в горизонте 3 слоя 3А, к слою 2 их процент падает (до 0,8 %), в слое же 4 они почти отсутствуют.

6. Чешуйки демонстрируют вначале плавный рост (слой 4 — горизонт 2 слоя 3А), который сменяется почему-то резким падением процента в горизонте 1 слоя 3А и в слое 2. Возможно, это объясняется нарушением данных уровней поздними голоценовыми врезами (рис. 21—24).

В целом состав коллекции и его послонная динамика свидетельствуют о полном цикле расщепления, нарастании его интенсивности в верхах (пик в горизонтах 1 и 2 слоя 3А) и доминировании отщепов.

Помимо подробно рассматриваемых ниже продуктов расщепления и орудий в коллекции имеются также отбойник из крупной кварцевой гальки (рис. 65, 9) еще несколько мелких обломков подобных галек, найденные в горизонте 1 слоя 3А.

5.2. Сырье

Как уже говорилось, индустрии Губского ущелья базировались главным образом на местном темно-сером, часто почти черном кремне, который в виде мелких, как правило, желваков вкраплен в известняковые стены каньона. Это сырье помимо мелких размеров часто характеризуется также довольно толстой желвачной коркой, трещиноватостью, кавернами, т. е. является в массе не очень качественным. Однако в индустрии имеется и некоторое количество «цветного» импортного кремня значительно более высокого качества. Прежде чем перейти к детальному анализу техники расщепления, коснусь роли этого импортного сырья несколько подробнее (табл. 3).

Таблица 3

Использование импортного сырья в разных категориях изделий (%)

Категории изделий	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
Нуклеусы	6,5 %	8,5 %	4,3 %	4,3 %	3,1 %
Отщепы-заготовки	4,2 %	10,3 %	9,0 %	6,6 %	11,5 %
Пластины	6,2 %	10,5 %	8,4 %	1,0 %	2,1 %
Пластинки	9,3 %	7,6 %	4,1 %	2,5 %	—
Микропластинки	5,7 %	7,5 %	3,5 %	2,7 %	—
Мелкие отщепы	8,8 %	8,5 %	8,0 %	5,8 %	7,3 %
Чешуйки	14,7 %	10,4 %	10,3 %	6,8 %	2,9 %
Орудия	20,4 %	24,4 %	24,6 %	25,4 %	32,7 %

Примечание. За 100 % принималось общее количество изделий данной категории в каждом слое или горизонте.

Обращает на себя внимание прежде всего сокращение к верхам процента «цветного» сырья среди орудий и отщепов-заготовок наряду с некоторым параллельным ростом его доли среди нуклеусов, пластин, пластинок и чешуек. Особенно заметны различия при сравнении показателей слоя 4 с данными по слою 2 и горизонту 1 слоя 3А. К этому следует добавить, что большая часть нуклеусов из приносного сырья очень невелика по размерам и сделана из отщепов, а орудия из такого кремня порой оформлялись на более древних сколах или же орудиях. Разумеется, нераскопанная часть стоянки способна, если учесть не-

равномерность в распределении материалов, внести определенные изменения в сегодняшние выводы о характере расщепления импортного кремня.

Тем не менее позволю себе попытку интерпретации наличных данных (табл. 3). Их возможно трактовать как первоначальный (слой 4) довольно активный импорт «цветного» внеущельного сырья преимущественно в виде готовых орудий и сколов-заготовок, которые производились, вероятно, где-то поблизости от источников кремня. Нуклеус из приносного кремня в нижнем слое единичен, но кроме него фиксируется еще расщепление импортного желвака — судя по группе

сколов, в том числе краевых и полукраевых, которые сделаны из идентичного коричневатого-серого валунного кремня. Этот валун, кстати, дал почти половину мелких отщепов из импортного кремня, найденных в слое 4, что и обеспечило их относительно высокий процент. В вышележащих уровнях (слой 3А) импортный кремень продолжает встречаться почти столь же часто, причем он все более начинает использоваться и для получения пластин и пластинок. В то же время доля его среди орудий несколько сокращается, а в слое 2 резко падает и процент подобных отщепов-заготовок — наряду с возрастающим присутствием «цветных» чешуек и стабильной долей мелких сколов. Если учесть данную ниже характеристику нуклеусов, общую миниатюризацию габаритов изделий в верхах и распространение случаев реутилизации предметов из приносного кремня, то для периода формирования слоя 2 можно предположить уже определенный дефицит импортного сырья. Это выразилось в сокращении его доставки в виде готовых изделий или, может быть, полуфабрикатов при одновременно более интенсивной переработке на стоянке, что возможно, было связано с какими-либо затруднениями в доступе к источникам сырья, расположенным в основном, видимо, в низовьях Губса (см. гл. 1).

5.3. Техника расщепления

5.3.1. Нуклеусы

Обратимся вначале к нуклеусам. Общее число их невелико по сравнению со сколами — всего 313 экземпляров. По размерам можно подразделить их на три группы: крупные (поперечник рабочей стороны более 5 см); средние (от 3 до 5 см) и миниатюрные (менее 3 см). Системы скалывания были определены в зависимости от числа и расположения основных ударных площадок и ха-

рактера рабочей поверхности (направление и взаиморасположение основных граней-негативов). Предполагаемые сколы подправки поверхностей скалывания и вспомогательные площадки для них оговариваются особо. По системам скалывания были выделены 10 основных типов нуклеусов (табл. 4). Наиболее распространен первый тип — одноплощадочные ядрища с уплощенной поверхностью скалывания, включающие два подтипа: а) — с единственным или, очень редко, с двумя тремя наложенными друг на друга негативами и б) — с двумя или — реже — тремя соседствующими негативами. Тип 2 — это также одноплощадочные нуклеусы, но имеющие заметно более выпуклую поверхность скалывания — углы между гранями негативов составляют 140—120 градусов. Ядрища, у которых эти углы приближаются к 100—90 градусам, отнесены к типу подпризматических (тип 3). Критерием выделения призматических была соответствующая форма и пластинчатые негативы (тип 4). Помимо простых одноплощадочных уплощенные нуклеусы демонстрируют еще ряд вариантов. Тип 5 включает в себя нуклеусы с «веерным» скалыванием, т. е. с выпуклой — подправленной, как правило, площадкой и негативами, имеющими тенденцию к конвергентности. К типу 6 отнесены нуклеусы с двухплощадочным скалыванием с противоположащих площадок. В тип 7 входят ядрища поперечно-продольного скалывания с перпендикулярным расположением площадок. Тип 8 охватывает трехплощадочные ядрища с перекрестным скалыванием; тип 9 — радиальные (подрадиальные). В тип 10 включены несколько сложных нуклеусов, имеющих две рабочие поверхности скалывания, которые сами по себе могут быть отнесены к одному из вышеописанных или иных типов. Наконец, имеются 8 ядрищ, оригинальность которых не позволила приписать их ни к одному из выделенных типов.

Таблица 4

Основные типы нуклеусов и их распределение по слоям

Нуклеусы	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
1	2	3	4	5	6
Общее количество	93/100	71/100	70/100	47/100	32/100
Крупные нуклеусы (> 5 см)	8/8,6	4/5,6	9/12,6	6/12,8	14/43,8
Средние нуклеусы (3—5 см)	81/87,1	37/52,1	55/78,6	35/76,6	17/53,1
Миниатюрные нуклеусы (< 3 см)	4/4,3	30/42,3	6/8,6	5/10,6	1/3,1
Типы:					
Одноплощадочные плоские	46/49,5	50/70,4	34/48,6	26/55,3	17/53,1
В том числе: подтип «а»	30	42	26	23	11
подтип «б»	16	8	8	3	6
Одноплощадочные выпуклые	14/15,1	4/5,6	10/14,3	3/6,4	1/3,1
Подпризматические	8/8,6	1/1,4	2/2,9	2/6,4	3/9,4
Призматические	2/2,1	—	1/1,4	1/2,1	—
С «веерным» скалыванием	3/3,2	—	3/4,3	—	3/9,4

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6
Двухплощадочные встречные	5/5,4	8/11,3	4/5,7	1/2,1	3/9,4
Поперечно-продольные	8/8,6	5/7,0	6/8,6	6/12,8	2/6,2
Трехплощадочные перекрестные	—	—	4/5,7	1/2,1	—
Радиальные	5/5,4	1/1,4	1/1,4	—	—
Двусторонние	3/3,2	2/2,8	2/2,6	5/10,6	1/3,1
Прочие	1	—	3	2	2
Случаи подправки площадок	28/30,1	17/23,9	15/21,4	12/25,5	14/43,6

Примечание. После косой черты указаны проценты от общего количества нуклеусов в каждом слое или горизонте.

Рассмотрим нуклеусы каждого из уровней более подробно.

Нуклеусы слоя 2 — 93 (включая 13 обломков). Подавляющее большинство их не превышает 5 см, к крупным отнесены только 8 ядрищ. Соответственные размеры имеют и негативы: максимальный — 4,0×3,9 см, но в среднем негативы довольно редко превышают 3 см в любом из измерений. Максимальная толщина — 4,5 см, но большинство нуклеусов имеет толщину в пределах 1—2 см, что как будто говорит об их сработанности.

Простые одноплощадочные нуклеусы (тип 1а) составляют почти треть — 30 (30,2 %). Подправка поверхности была отмечена только у семи нуклеусов: три случая боковой подправки (рис. 32, 1), один — противоположной (рис. 31, 3) и три — смешанной (сбоку и с противоположного конца) (рис. 31, 1, 2). Один из этих нуклеусов выделяется оформлением на его левом крае зубчатого лезвия (рис. 31, 3). Четыре ядрища с подправкой поверхности имеют и фасетированные площадки. Кроме них здесь есть еще четыре подправленные площадки — три двугранные и одна оформленная боковым сколом, т. е. так называемого «бессергеновского» типа [Праслов, 1968]. Шесть простых одноплощадочных нуклеусов сделаны на отщепках, прочие, судя по значительным участкам корки, — из желваков или конкреций. Негативы, превышающие 3 см, имеются только у двух нуклеусов, а два экземпляра отнесены к миниатюрным (рис. 32, 1, 7). Импортное сырье использовалось для нуклеусов этого типа лишь дважды.

Одноплощадочные нуклеусы типа 1б (т. е. с более широкой поверхностью скалывания) в слое 2 составляют 16 (6 — обломки). Подправка поверхности отмечена 6 раз. Фасетированную площадку имеют три нуклеуса, отмечены два случая двугранных площадок, у всех остальных площадки гладкие. Абсолютное большинство нуклеусов, кроме двух на массивных сколах (рис. 31, 4), невелики.

Среди нуклеусов с выпуклой поверхностью скалывания (14) крупное ядрище встречено лишь однажды (рис. 31, б). Подправка площадок, вклю-

чая этот предмет, отмечена трижды. Все подобные нуклеусы сделаны из местного сырья, распространена корка. Из местных же желваков изготовлены и все выделенные в слое 2 подпризматические ядрища (8), среди которых имеется лишь одно крупное (т. е. более 5 см). К подлинно призматическим нуклеусам отнесены два изделия (рис. 32, 4).

Нуклеусы со скалыванием «веерного» типа редки — 3 предмета, среди которых лишь один крупный экземпляр (рис. 31, 5). Для всех них использован местный кремь.

Нуклеусы с подперпендикулярным расположением площадок (тип 7) — 6 (1 обломок). Размеры всех их находятся в пределах 3—4 см, сделаны они из местных желваков. Характерна грубая подправка площадок — 5 случаев. Двухплощадочные нуклеусы со встречным скалыванием встречаются редко — 5 (1 обломок). Все они сделаны из местного кремня и, за исключением двух миниатюрных, сохраняют корку. Грубое оформление площадки сделано только однажды (рис. 32, б). Как радиальные и подрадиальные (тип 9) определены 5 ядрищ (рис. 32, 2, 3), причем одно из них двустороннее. Самое маленькое из этих ядрищ имеет размеры 3,3×2,4 см (рис. 32, 3), что сближает его с группой миниатюрных. Три ядрища являются двусторонними с поперечно-продольным скалыванием, в том числе один обломок довольно крупного, видимо, нуклеуса (рис. 32, 5). Наконец, одно ядрище — сильно сработанное, забитое — не было отнесено ни к одному из типов и помещено в графу «Прочие».

В слое 3А найдено всего 188 нуклеусов.

Нуклеусы горизонта 1 — 71 экз. Очень обширна группа простых одноплощадочных ядрищ (тип 1) — 42 (59 %). 17 из них относятся к группе миниатюрных, ряд которых сделаны на отщепках (рис. 32, 9). Размеры в 5 см превышают только три ядрища (рис. 32, 14). Любопытен нуклеус со сколами на брышковой поверхности массивного отщепа. Боковой край его оформлен как лезвие скребла, что в принципе допускает и иную атрибуцию: боковое скребло с брышковым утончением

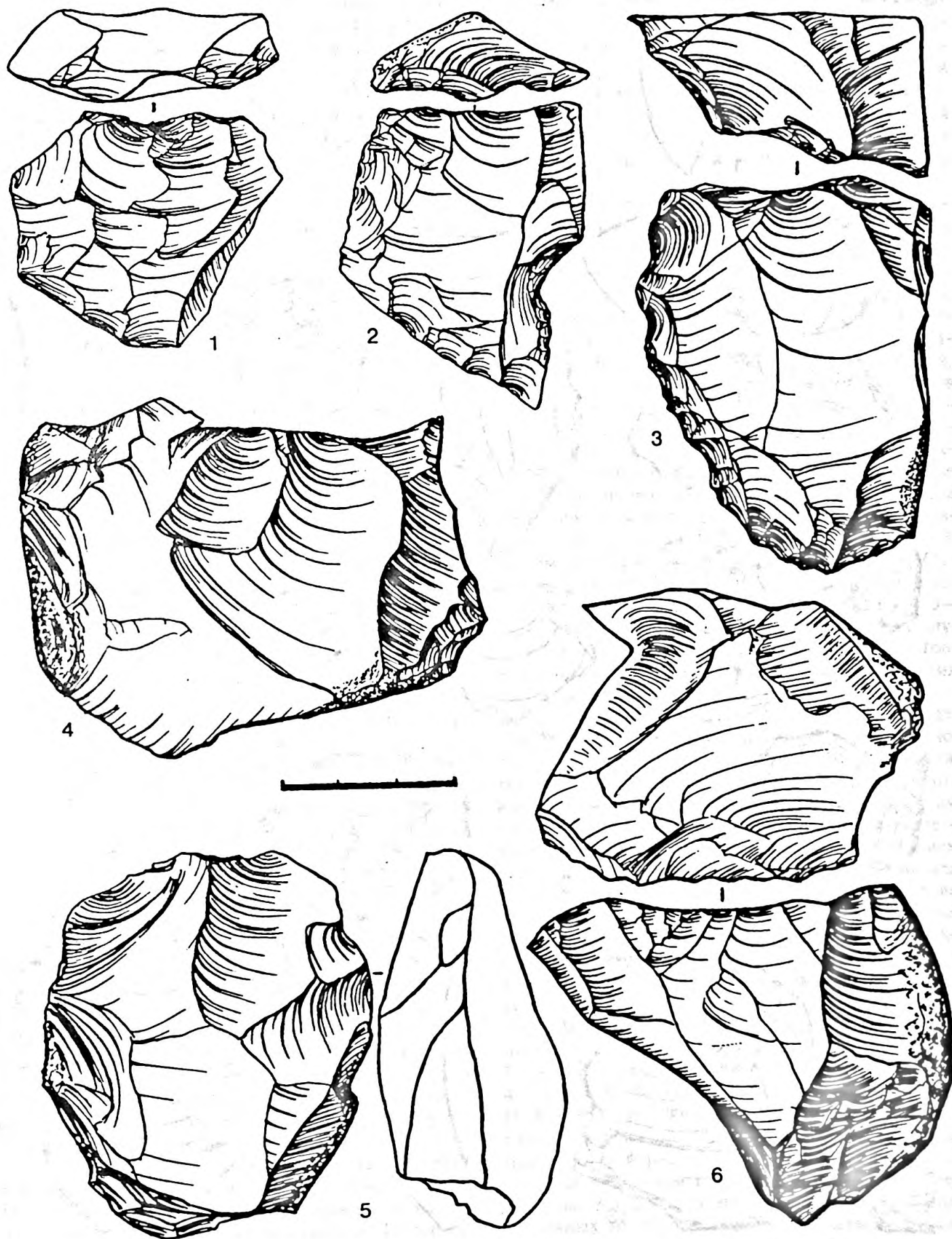

Рис. 31. Монашеская пещера. Нуклеусы слоя 2

Fig. 31. Monasheskaya Cave. Cores from the layer 2

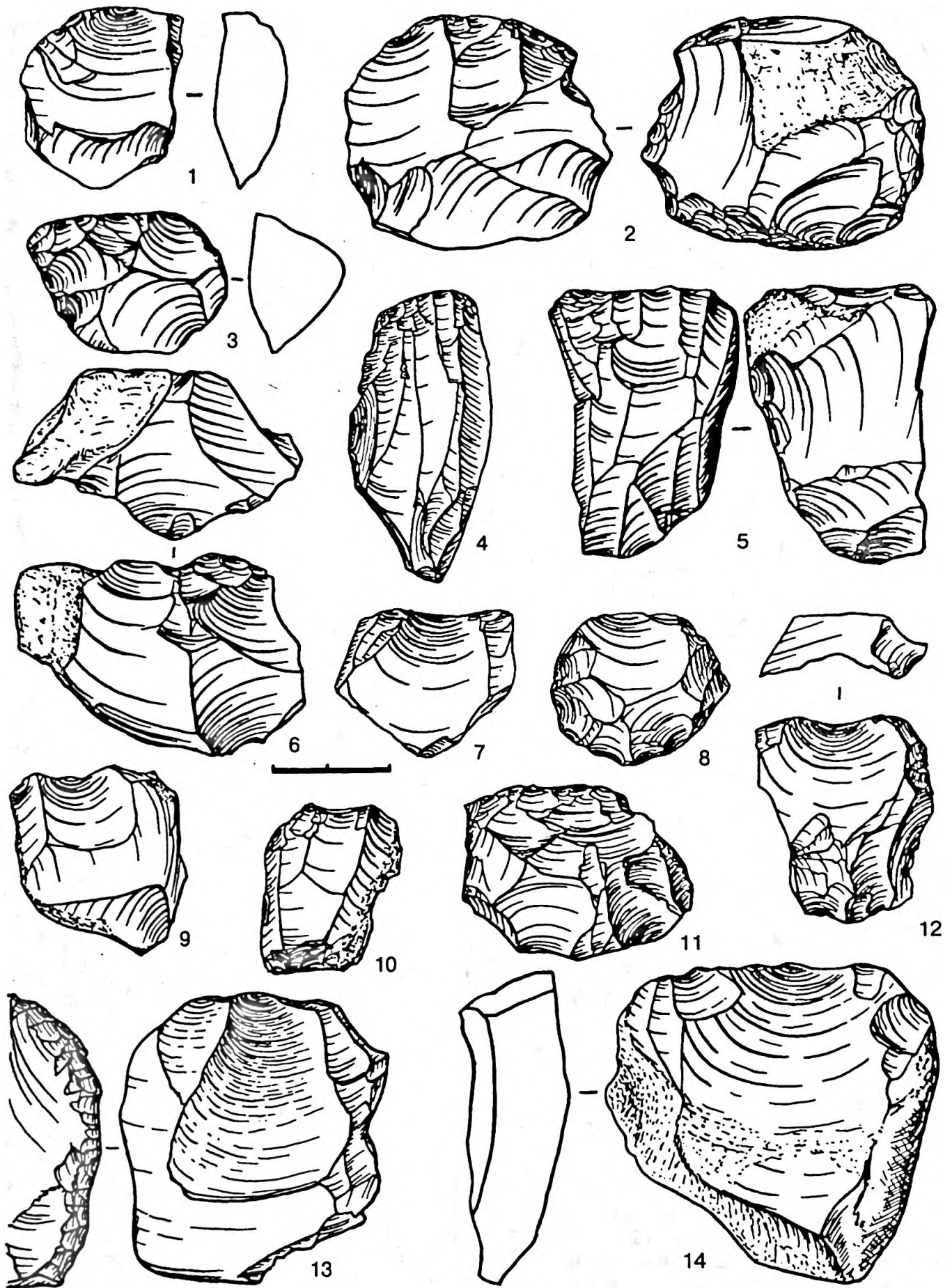

Рис. 32. Монашеская пещера. Нуклеусы слоя 2 (1-7) и горизонта 1 слоя 3А (8-14)

Fig. 32. Monasheskaya Cave. Cores from the layer 2 (1-7) and layer 3A, horizon 1 (8-14)

базальной части (рис. 32, 13). Подправка площадок зафиксирована лишь у 8 ядрищ. Импортное сырье здесь отмечено в 4 случаях (все — отщепы). Плоские одноплощадочные нуклеусы подтипа «б» встречены 8 раз, 4 из них миниатюрные, прочие колеблются в размерах от 4,6×3,6 см до 6,0×4,7 см. Одно из наиболее мелких ядрищ сделано из светлого приносного кремня и имеет обработанную тыльную сторону. К типу 3, т. е. ядрищ с выпуклой рабочей поверхностью, отнесено лишь одно миниатюрное (рис. 32, 10). Еще один подобный нуклеус определен как подпризматический.

Среди прочих типов имеются двухплощадочные встречного скалывания — 8 (4 средних, включая одно из импортного кремня (рис. 32, 11), и 4 из группы миниатюрных (рис. 32, 12)), 5 поперечно-продольных (в том числе 3 миниатюрных) и миниатюрное радиальное (рис. 32, 8). Последнее, впрочем, правильнее было бы, наверное, охарактеризовать как микролеваллуазское черепаховидное. Наконец, выделены два двусторонних нуклеуса средних габаритов: один напоминающий тип «джрабер» и поперечно-продольный.

Обратим внимание на огромное количество в этом горизонте миниатюрных нуклеусов, которые встречаются, но значительно реже, и в других уровнях, — 30, или 42,3 %. Озадачивают размеры их рабочих поверхностей — не более 2,5 см в любом измерении. Необходимость особого выделения подобных ядрищ связана не только с их своеобразием, но и с наличием подобных «карликов» в инвентаре Баракаевской пещеры и, в наибольшей степени, в Борисовском местонахождении.

Нуклеусы горизонта 2 слоя 3А насчитывают 70 экземпляров. Практически все сырье здесь (кроме трех случаев) — местное. Преобладают простые одноплощадочные ядрища — 26. Из них 6 отнесены к миниатюрным (рис. 33, 1, 4) (все таковые в данном горизонте), 3 — колеблются от 3 до 4 см, 14 — от 4 до 5 см (рис. 33, 2), а 3 являются более крупными. Доминируют здесь гладкие площадки. Импортный светлый кремень был использован однажды — для одного из миниатюрных нуклеусов. Одноплощадочные ядрища типа 2 — 8, включая два крупных, один из которых сделан на отщепе (рис. 33, 9). Прочие имеют размеры около 4 см в поперечнике, все площадки у этих ядрищ гладкие. Одноплощадочных нуклеусов с выпуклой поверхностью насчитывается 10 экз., размеры их колеблются в пределах 4—5 см. Пять таких нуклеусов имеют грубую подправку площадки.

Здесь найдено 2 подпризматических нуклеуса и один призматический — из светлого приносного кремня. Нуклеусы с «веерным» скалыванием (3) включают два крупных экземпляра. Интересна серия продольно-поперечных ядрищ — 6 экз. (рис. 33, 3, 10) и как бы продолжающая ее группа нуклеусов с тремя площадками и перекрестным скалыванием — 4 (рис. 33, 7). Выделены также

4 двухплощадочных ядрища со встречным скалыванием (рис. 33, 6). Один нуклеус отнесен к радикальным, два являются двусторонними: двусторонний поперечно-продольный из светлого кремня и ядрище типа «джрабер». Три изделия, наконец, представляют собой два неопределимых обломка нуклеусов и один нуклевидный обломок с единичным сколом. Все они учтены в графе «Прочие».

Нуклеусы горизонта 3 слоя 3А — 47 (3 обломка). Преобладают вновь простые одноплощадочные — 23 экз. Среди них 4 миниатюрных (один — из светлого кремня), еще 4 ядрища лежат в пределах 3—4 см (один на отщепе из светлого кремня), прочие же колеблются от 4 до 5 см. Единственный крупный нуклеус примечателен подправкой поверхности с противоположного конца, хотя в данном случае вспомогательная площадка в принципе может быть расценена как самостоятельная и ядрище, следовательно, допустимо отнести и к двухплощадочным. Подправка поверхностей скалывания отмечена в этой группе еще дважды, а подправка площадок — пять раз (одна фасетированная и четыре случая грубой подправки). Одноплощадочные ядрища подтипа «б» — 3, причем только одно из них превышает 4 см. Одноплощадочных нуклеусов с выпуклой поверхностью скалывания найдено также 3 (одно — 3—4 см, два — 4—5 см), площадки во всех этих случаях гладкие. Подпризматические ядрища — 2 (одно крупное (рис. 33, 5) и обломок). Имеется один призматический нуклеус (рис. 33, 8).

Двухплощадочное встречное скалывание демонстрирует лишь один нуклеус, к продольно-поперечным отнесены 6 изделий (одно миниатюрное, 4 — от 3 до 4 см). Два таких ядрища имеют подправку площадок, причем в одном случае — «бессергеновского» типа. Одно ядрище — трехплощадочное с перекрестным скалыванием. Набирается целая группа двусторонних продольно-поперечных нуклеусов — 5. Четыре из них лежат в пределах 3—4 см, один достигает 4,8 см. В этой группе подправка площадок отмечена четырежды, включая один «бессергеновский» вариант. Два неопределимых обломка нуклеусов, наконец, отнесены к «прочим».

Нуклеусы слоя 4 — 32. Все они, за исключением одного, изготовлены из местного кремня. Простые одноплощадочные — 11 экз. Габариты: 4—5 см — 8, 3—4 см — 2 и один миниатюрный (< 3 см). Подправка поверхности отмечена четыре раза, подправка площадок — 8 (фасетированные — 3, 3—4 фасетки — 3, двугранные — 2). Заготовками служили обломки желваков и краевые отщепы. Ко второму подтипу плоских одноплощадочных нуклеусов отнесены 6 изделий, включая 3 обломка. Два целых таких ядрища — крупные (5,7—5,8×4,6 см), а третье имеет размеры лишь 3,4×3,6 см. Одноплощадочный нуклеус с выпуклой поверхностью скалывания единствен.

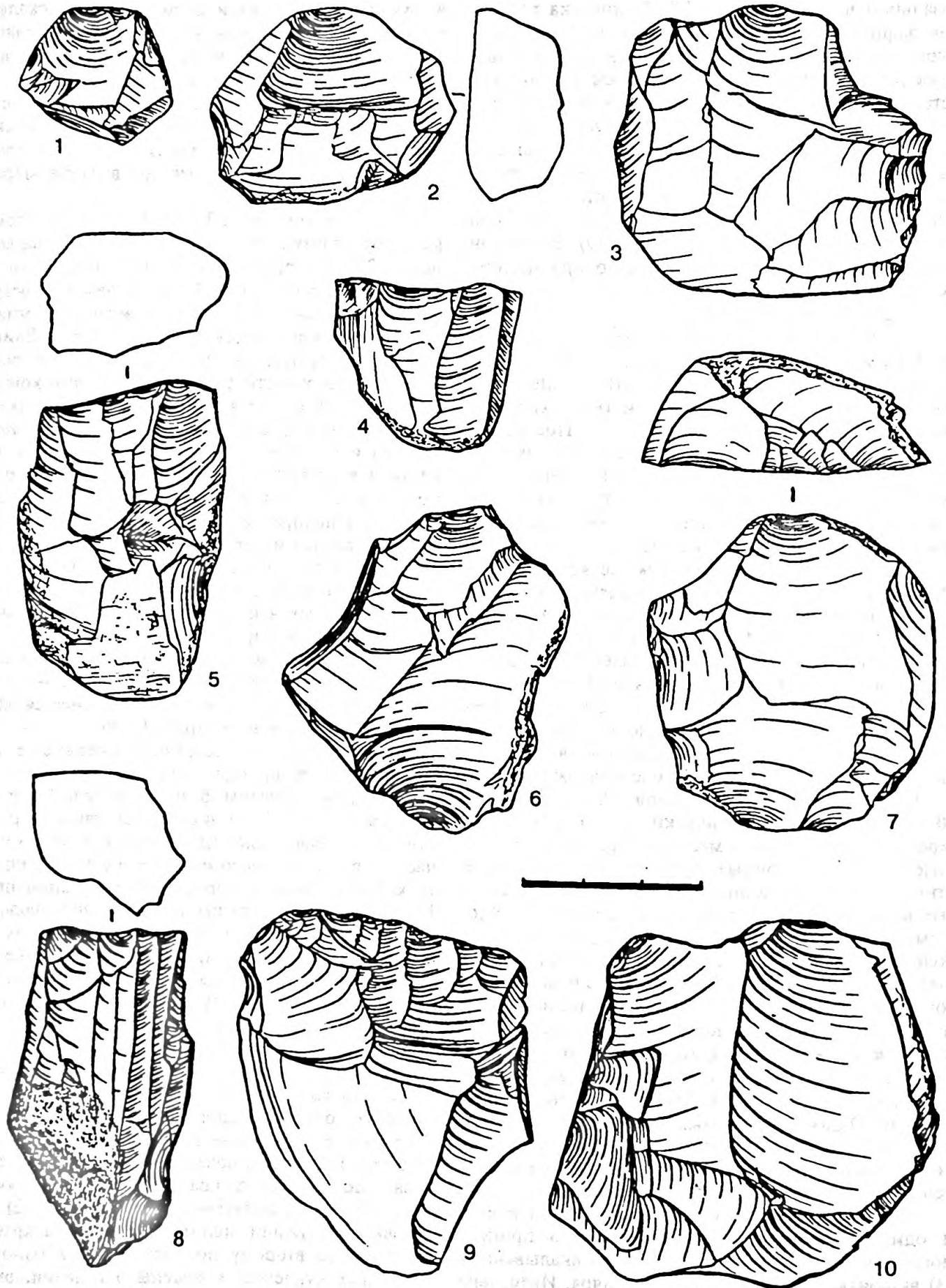

Рис. 33. Монашеская пещера. Нуклеусы горизонта 2 слоя 3А (1—4, 6, 7, 9, 10) и горизонта 3А (5, 8)

Fig. 33. Monasheskaya Cave. Cores from the layer 3A, horizon 2 (1—4, 7, 9, 10) and horizon 3 (5, 8)

К подпризматическим отнесены 3 ядрища, два из которых крупные, а третье, по-видимому, остаточное — $2,6 \times 2,5 \times 3,5$ см. «Веерное» скалывание представлено тремя нуклеусами: двумя крупными и средним (4—5 см). Последний, изготовленный из приносного кремня, имеет фасетированную площадку и небольшую подправку поверхности (рис. 34, 14). У крупных экземпляров подправка площадок сделана более грубо.

Двухплощадочные встречные отмечены трижды. Габариты всех трех ядрищ — средние. Подправка площадки (грубая) есть лишь у одного изделия. В одном случае скалывание велось поперек длинной оси заготовки, в двух — вдоль нее (рис. 34, 15). Поперечно-продольные нуклеусы — 2 (один обломок). Размеры не более 5 см, подправка площадок — грубая. Отмечена подправка поверхности (рис. 34, 13). Имеется один двусторонний нуклеус с продольно-поперечным скалыванием (рис. 34, 12). К «прочим» отнесены нуклеидный обломок и нуклеус, представляющий собой, вероятно, начальный этап расщепления по радиальному принципу, что не удалось вследствие заломов.

Основные выводы, которые можно сделать на основании анализа всех нуклеусов, следующие. Во-первых, общее их количество увеличивается к верхам, во-вторых, абсолютно преобладают разные варианты одноплощадочных нуклеусов (табл. 4). Стабильно присутствует всюду небольшое количество поперечно-продольных и двухплощадочных ядрищ, что представляет собой естественное развитие одноплощадочных нуклеусов.

Радиальное скалывание и более сложные многоплощадочные формы, включая двусторонние нуклеусы, здесь малохарактерны. Причину этого можно видеть в невысоком качестве и некрупных размерах использовавшегося местного кремня. Тем же, видимо, обусловлены отчасти и небольшие габариты большинства ядрищ, хотя в некоторых случаях играет роль и степень их срабатывания.

Удалось также проследить динамику изменений некоторых характеристик ядрищ от нижних уровней к верхним (табл. 4). Слой 4 выделяется самыми крупными размерами нуклеусов, а также наибольшим распространением подправки площадок (43,6 %). Выше последний показатель колеблется от 21 до 30 %. В горизонтах 3 и 2 слоя 3А количество крупных нуклеусов уменьшается более чем в 3 раза, зато возрастает процент миниатюрных форм. Присутствие импортного кремня во всех этих уровнях минимально. Самый «выдающийся» по всем показателям — горизонт 1 слоя 3А. Наряду с продолжающимся уменьшением числа крупных ядрищ, поражает неожиданный «всплеск» здесь миниатюрных нуклеусов и самое значительное присутствие ядрищ, сделанных из приносного кремня. В слое 2 эти показатели как бы возвращаются в «норму». Подправка поверхностей более всего распространена в нижнем слое 4 (около 20 %). Выше этот показатель колеблется от 5 до 14 %.

5.3.2. Отщепы-заготовки

Теперь более подробно рассмотрим характеристики отщепов-заготовок (табл. 5).

Таблица 5

Основные характеристики отщепов-заготовок

Характеристики	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
1	2	3	4	5	6
Общее количество	708/100	953/100	985/100	457/100	302/100
В том числе:					
целые сколы	274/38,7	241/25,3	389/39,5	188/41,1	157/52,0
базальные фрагменты	143/20,2	239/25,1	229/23,2	86/18,8	50/16,5
медиальные фрагменты	79/11,2	113/11,9	139/14,1	65/14,0	18/6,0
дистальные фрагменты	212/29,9	359/37,7	228/23,1	118/25,8	77/25,5
краевые и полукраевые сколы	261/36,9	379/39,8	388/39,4	285/62,4	158/52,3
Тип скалывания по ограничению спинки:					
краевое (корка)	27/9,6	16/6,6	50/12,6	24/12,8	12/7,6
одноплощадочное	78/28,5	66/27,4	110/28,3	46/24,5	58/36,9
«веерное»	103/37,6	77/32,0	124/31,9	58/30,8	38/24,2
перекрестное	32/11,7	39/16,2	62/15,7	35/18,6	28/17,8
двухплощадочное встречное	15/5,5	28/11,6	19/4,9	12/7,4	3/1,9
радиальное	17/6,2	4/1,7	17/4,4	9/5,9	11/7,0
Реберчатые сколы	2/0,7	11/4,6	8/2,1	8/4,3	2/1,3
Пластинчатые (удлиненные) отщепы ($L/d > 2$)	20/7,3	21/8,7	21/5,4	17/9,0	18/11,5
Крупные отщепы ($L > 5$ см)	16/5,8	14/5,8	22/5,7	12/7,4	20/12,7

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6
Средние размеры (см):					
длина (L)	3,9	3,7	4,0	4,2	4,4
ширина (d)	2,9	3,1	3,3	3,2	3,3
толщина (e)	0,7	0,7	0,8	0,9	1,0
Средний показатель удлиненности (L/d)	1,3	1,2	1,2	1,3	1,4
Средний показатель уплощенности (d/e)	4,1	4,4	4,1	3,7	3,3
Типы площадок (%):					
гладкие	49	57,8	52,5	47,1	44,7
в том числе:					
покрытые коркой	13	12,1	13,3	15,6	5,3
подправленные	47,9	37,5	42,9	47,7	51,0
в том числе:					
фасетированные выпуклые	25,7	26,3	27,7	28,2	34,0
фасетированные прямые	12,7	5,7	7,2	10,6	7,4
тонкофасетированные	5,9	2,5	4,6	6,7	3,2
«бессергеновские»	3,6	3,0	3,4	2,2	6,4
редуцированные	3,2	4,8	4,6	5,3	4,3

Примечание. После косой черты указаны проценты; в графах 1—6 за 100 % принято общее количество отщепов-заготовок в каждом слое (горизонте); в последующих графах (начиная с типов скалывания по ограничению спинки) за 100 % принималось количество целых сколов в соответствующих уровнях; для площадок за 100 % принято количество определяемых площадок среди целых сколов и их базальных фрагментов.

Обратим внимание прежде всего на динамику соотношения целых сколов и их фрагментов. Если в слое 4 обломки составляют половину от общего количества отщепов, то выше фрагментированность материала составляет уже около 60 %, а в горизонте 1 слоя 3А достигает 75 %. Последнее можно оценить как результат особенно интенсивной утилизации сколов, а также, что вероятно, вытаптывания. Соотношение долей различных видов фрагментов достаточно стабильно, причем базальные, как правило, численно уступают дистальным, что объяснимо их более крупными размерами, позволяющими использовать для оформления орудий. Наименее часто встречаются медиальные фрагменты, т. е. как минимум с двумя обломами. Краевые и полукраевые сколы более заметны в низах: 52 % в слое 4 и около 62 % в горизонте 3 слоя 3А. В вышележащих уровнях эти отщепы составляют около 40 %. Любопытно, однако, что если оценить долю только краевых сколов (по целым отщепам), то она оказывается в слое 4 одной из самых низких (7,6 %). Минимальна в этом слое и доля полукраевых и краевых мелких сколов — 9,5 %, в то время как в верхних уровнях процент их колеблется от 25,5 до 33. Возможно, это еще одно, пусть и слабое свидетельство в пользу несколько большего использования полуфабрикатов на раннем этапе заселения стоянки.

Анализ характера скалывания, вычисление средних размеров сколов и т. п. делались только для целых отщепов. В целом очевидно доминиро-

вание одноплощадочного скалывания, в наибольшей мере проявляющего себя в слое 4 (около 39 %), а также «веера», роль которого, напротив, более заметна в верхах (до 38 % целых сколов в слое 2). Стабильно, с некоторым падением к верхним уровням (от 18 до 12 %), присутствуют сколы, которые отражают поперечно-продольное (перекрестное) скалывание. Наиболее же редко здесь фиксируется встречное двухплощадочное скалывание, а также радиальное или близкое к таковому. Доля этих типов ограничения спинок варьирует довольно хаотично. Так называемые «технические» сколы — реберчатые и связанные с подправкой площадки — в небольших количествах имеются во всех уровнях. Ниже я еще вернусь к ограничению сколов при сопоставлении их с типами нуклеусов.

Изменчивость средних метрических показателей и доли крупных отщепов наглядно показывает миниатюризацию заготовок снизу вверх с максимальным проявлением ее в горизонте 1 слоя 3А. Удлиненные отщепы ($L/d > 2$) представлены в небольшом количестве и несколько более распространены в слое 4 (11,5 %). Леваллуазские сколы из-за отсутствия однозначной их дефиниции здесь не выделяются (см. гл. 2). Однако же, если ориентироваться на такие их характеристики, как правильность формы (т. е. симметричность в плане относительно оси скалывания), лезвийный край по всему периметру (кроме площадки) и сильная уплощенность (порядка $d/e > 6-7$), то подобные сколы составят в слое 4 около 10 %, в горизонте 3

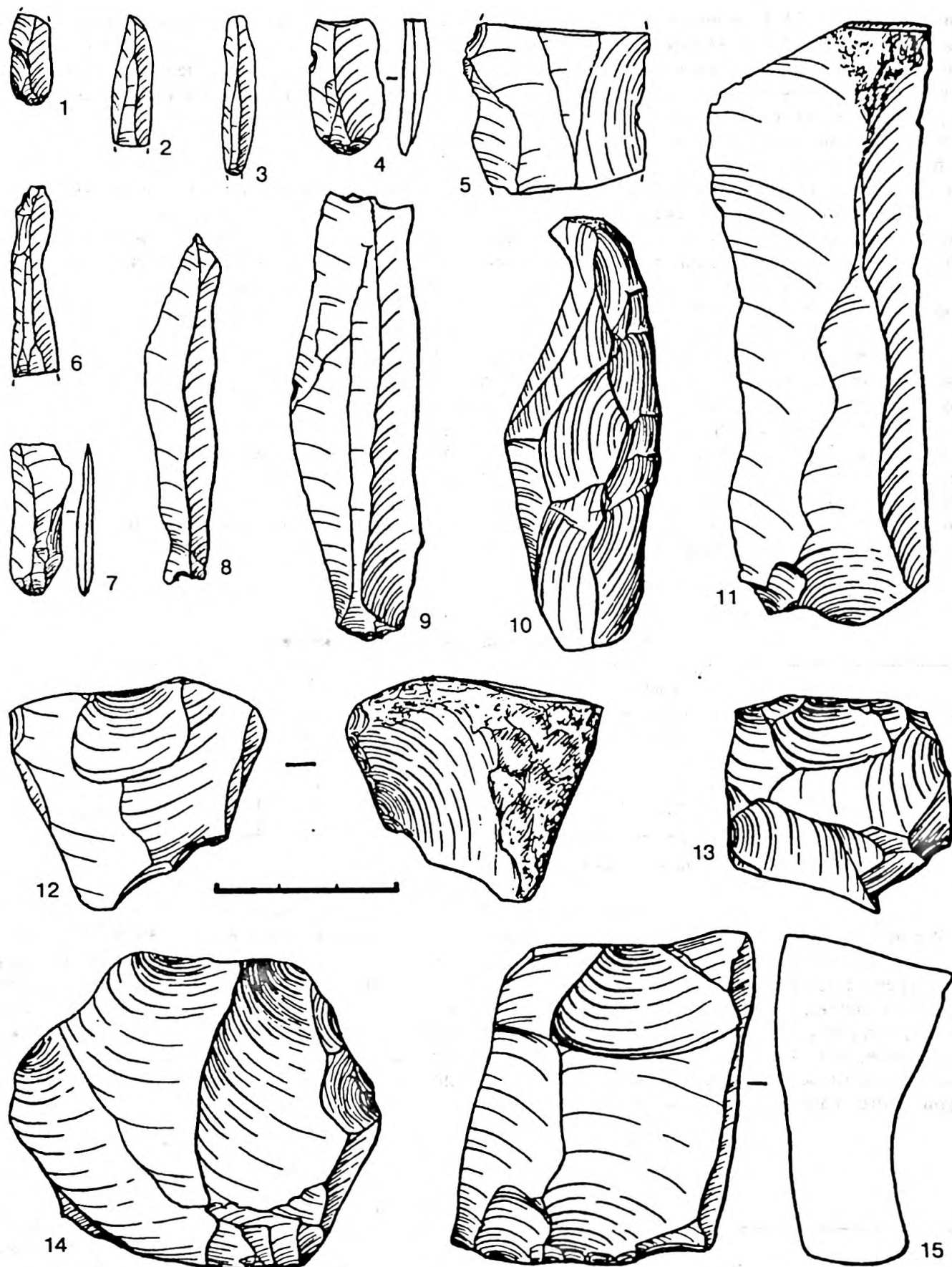

Рис. 34. Монашеская пещера:
 1—11 — пластины (1, 4 — слой 3А, горизонт 1; 2, 8 — слой 3А, горизонт 3; 3, 5 — слой 2; 6—10 — слой 3А, горизонт 2; 11 — слой 4);
 12—15 — нуклеусы слоя 4

Fig. 34. Monasheskaya Cave:
 1—11 — blades (1, 4 — layer 3A, horizon 1; 2, 8 — layer 3A, horizon 3; 3, 5 — layer 2; 6—10 — layer 3A, horizon 2; 11 — layer 4); 12—15 —
 cores from the layer 4

слоя 3А — более 13 %, а выше их доля резко сокращается до 4,5–2,5 %. Ограничение этих сколов в основном ближе к типу «веера», очень редко — двухплощадочное встречное (3 случая) или же подрадиальное (4). От 40 до 55 % таких отщепов сделаны из приносного сырья, имеют, как правило, подправленные выпуклые площадки, хотя есть и исключения. Таким образом, обитатели стоянки, несомненно, умели получать высококачественные (= леваллуазские?) заготовки, но тенденция эта не получила развития. Если позволительно воспользоваться здесь современным языком, то качеству, видимо, предпочли «вал»: не случайно горизонты 1 и 2 слоя 3А, давшие более всего сколов-заготовок, показывают наихудшие показатели подправки площадок. Очень возможно, что в этом отразились трудности с добычей качественного импортного кремня и вынужденная опора на мелкое и трещиноватое местное сырье. Последнее, видимо, не поощряло к «изыскам» в технике расщепления, а слабая стандартизация заготовок и недостатки их формы преодолевались благодаря распространению модифицирующей вторичной об-

работки (усечения, различные виды утончений, модифицирующая ретушь). Потребность в тонких сколах с протяженными лезвиями могла, вероятно, отчасти восполняться и пластинами.

5.3.3. Пластины

Пластины (удлиненные ($L/d > 2$) сколы с параллельным и субпараллельным ограничением спинки (см. гл. 2)) по размерам были подразделены на три группы: собственно пластины, пластинки и микропластинки. Поскольку значительная часть этих изделий представлена лишь фрагментами, основным критерием разбиения является ширина (d). Для пластин принято $d > 1,2$ см [Brézillon, 1968, p. 100], что отражает и реальное деление этого материала (рис. 35). К пластинкам на этих же основаниях отнесены изделия шириной от 0,7 до 1,2 см, а наиболее мелкие ($d < 0,7$ см, $e < 0,3$ см) образовали группу микропластинок. Различная представленность этих групп в общем массиве пластинчатых сколов каждого из уровней показана в табл. 6.

Таблица 6

Количество и состав пластинчатых сколов

Типы сколов	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
Пластинчатые сколы:	296/100	445/100	572/100	325/100	87/100
пластины	146/49,3	114/25,6	179/31,3	96/29,5	48/55,2
пластинки	97/32,8	185/41,4	193/33,7	118/32,6	33/37,9
микропластинки	53/17,9	147/33	200/35	111/34,1	6/6,7

Примечание. После косой черты указаны проценты.

Эта таблица показывает, что микропластинки совершенно нехарактерны для слоя 4, составляют около трети пластин во всех уровнях слоя 3А и несколько теряют свое значение в слое 2. Последнее, впрочем, допустимо объяснять также и тафономией, т. е. уже упоминавшейся в связи с малым здесь числом чешуек плохой сохранностью верхов этого слоя. Собственно пластины более

всего преобладают в слое 4 (55 %), уступают мелким сколам в слое 3А и вновь «набирают вес» в слое 2 (около 50 %). Доля пластинок наиболее стабильна — 33–38 % и лишь в горизонте 1 слоя 3А они составляют чуть более 40 %, опережая две другие группы. Более подробные данные по каждой из групп даны в табл. 7, 8 и 9.

Таблица 7

Основные характеристики пластин

Характеристики	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
1	2	3	4	5	6
Общее количество	146/100	114/100	179/100	96/100	48/100
В том числе:	32/21,9	23/20,2	63/34,6	33/34,4	15/31,9
базальные фрагменты	62/42,5	51/44,7	63/35,2	29/30,2	19/39,6
медиальные фрагменты	19/13,0	15/13,2	20/11,2	14/14,6	4/8,5
дистальные фрагменты	33/22,6	25/21,9	34/19,0	20/16,7	10/21,3

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6
Количество полукраевых сколов и фрагментов	42/28,8	40/35,1	62/34,1	33/34,4	25/53,2
Средние размеры (см):					
длина (L)	4,6	4,4	4,6	5,2	5,1
ширина (d)	1,8	1,6	1,8	2,2	2,1
толщина (e)	0,6	0,5	0,55	0,7	0,6
Тип скола по форме и ограничению спинки:					
правильные пластины	90/61,6	71/62,3	119/66,5	56/58,3	24/50,0
неправильные пластины	40/2,47	38/33,3	55/30,7	39/40,6	24/50,0
реберчатые пластины	16/11,0	5/4,4	5/2,8	2/2,1	—
Количество определенных площадок	90/100	58/100	109/100	59/100	33/100
Типы площадок:					
точечные	6/6,7	7/12,1	12/11,0	1/1,7	—
гладкие	24/26,7	29/50,0	43/39,4	28/47,5	11/33,3
подправленные	50/55,6	22/37,9	54/49,5	30/52,9	22/66,7
в том числе:					
фасетированные выпукл.	22/24,4	14/24,1	23/21,1	18/30,5	12/36,4
фасетированные прямые	5/5,6	3/5,2	12/11,0	2/3,4	5/15,0
тонкофасетированные	15/16,7	3/5,2	12/11,0	3/5,1	3/9,1
«бессергеновские»	8/8,9	2/3,4	7/6,4	5/8,5	2/6,1
Редуцированные площадки	4/4,4	2/3,4	1/0,9	—	—

Примечание. После косой черты указаны проценты; средняя длина (L) рассчитывалась только для целых сколов.

Отмечу прежде всего повышенное в сравнении с отщепами количество фрагментированных пластин, количество которых, однако, тоже возрастает в верхах — до 80 %. Любопытно, что в отличие от отщепов-заготовок среди фрагментов пластин преобладают базальные, а не дистальные обломки. В качестве объяснения можно предположить использование части пластин вне стоянки или, во всяком случае, вне исследованного участка ее. Анализ различий по форме пластин и количеству полукраевых сколов позволяет как будто говорить о некотором совершенствовании техники расщепления в верхах. Так, начиная с низов слоя 3А (горизонт 3) процент полукраевых сколов резко сокращается, к горизонту 2 правильные пластины начинают более чем в два раза преобладать над неправильными, а в слое 2 заметно возрастает и число реберчатых пластин. Практическое отсутствие соответствующих нуклеусов делает затруднительной более подробную и определенную характеристику техники расщепления. Отмечу, однако, значительную долю подправленных площадок, особенно в слое 4, в низах слоя 3А и в слое 2 (более 50 %). Наихудшие показатели подправки площадок, как и случае с отщепами, дает горизонт 1 слоя 3А (38 %). Точечные площадки доста-

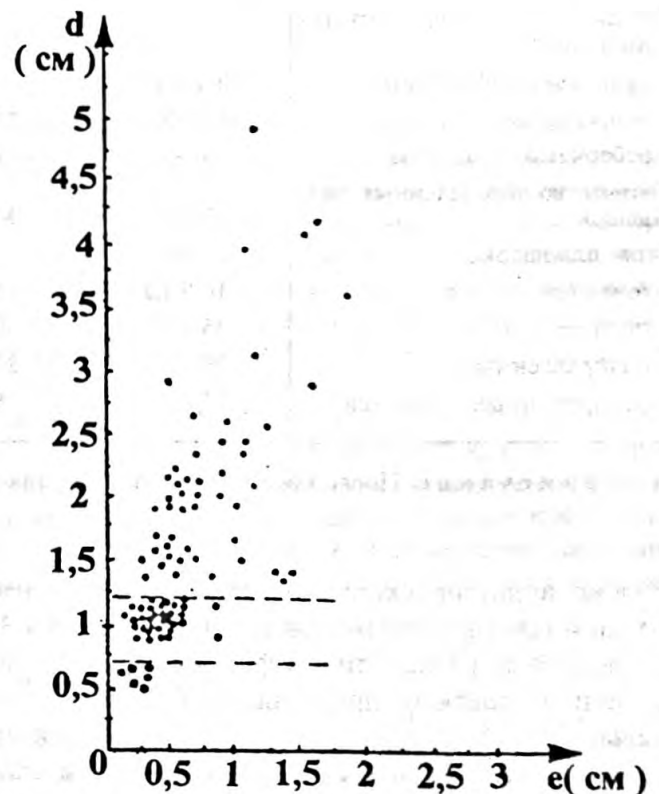

Рис. 35. Монашеская пещера. График соотношения ширины (d) и толщины (e) пластин в слое 4

Fig. 35. Monasheskaya Cave. Width (d)/thickness (e) ratio for blades from the layer 4

точно редки, но заметно все же их большее распространение в верхах слоя 3А (горизонты 1 и 2) и, отчасти, в слое 2, в то время как в низах этот тип площадок практически отсутствует (один случай в горизонте 3 слоя 3А). Данные по средним размерам пластин из таблицы 7 и другие наблюдения по изменениям их габаритов и пропорций говорят о явной миниатюризации пластин — начиная с горизонта 2 слоя 3А. Помимо уменьшения средних размеров снизу вверх фиксируется уменьшение процента крупных ($L > 7$ см) и средних ($4 \text{ см} < L < 7$ см), а также широких пластин ($d > 2$ см). Такая динамика размеров пластин со-

гласуется с изложенными выше данными по отщепам-заготовкам. Несколько образцов пластин представлены на рис. 34, 5, 9—11.

Обратимся теперь к пластинкам (рис. 34, 4, 8) и микропластинкам (рис. 34, 1—3, 6, 7) Анализ их был очень затруднен из-за большей по сравнению с пластинами степени фрагментации: от 13 до 24 % целых сколов у пластинок и лишь 8—11 % — у микропластинок. По этой причине, а также из-за заданности ширины в узких пределах ($0,7 < d < 1,2$ см и $d < 0,7$ см, соответственно) средние размеры для этих групп не вычислялись. Прочие данные сведены в табл. 8 и 9.

Таблица 8

Основные характеристики пластинок

Характеристики	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
Общее количество	97/100	184/100	193/100	118/100	33/100
В том числе:					
целые сколы	16/16,5	24/13,0	43/22,3	26/22,0	8/24,2
базальные фрагменты	42/43,3	74/40,2	60/31,2	44/37,3	8/24,2
медиальные фрагменты	20/20,6	46/25,0	52/26,9	19/16,1	6/18,2
дистальные фрагменты	19/19,6	40/21,7	38/19,7	29/24,6	11/33,3
полукраевые сколы и фрагменты	16/16,5	27/14,7	26/13,5	26/22,0	11/33,3
Тип скола по форме и ограничению спинки:					
правильные пластины	60/61,9	122/66,3	149/77,2	88/74,6	15/45,5
неправильные пластины	34/35,0	55/29,9	36/18,7	28/23,7	16/48,5
реберчатые пластины	3/3,1	7/3,8	8/4,1	2/1,7	2/6,0
Количество определенных площадок	55/100	83/100	84/100	60/100	14/100
Типы площадок:					
точечные	10/18,2	14/16,7	20/23,8	9/15,0	1/7,1
гладкие	25/45,5	49/59,0	35/41,7	37/61,7	9/64,3
подправленные	20/36,4	20/24,1	29/34,5	14/23,3	4/28,6
Редуцированные площадки	5/9,1	6/7,2	8/8,5	2/3,3	—

Примечание. После косой черты указаны проценты.

Как и другие сколы, пластинки имеют наибольший процент фрагментов в горизонте 1 слоя 3А. Соотношение разных типов фрагментов довольно устойчиво: повсюду преобладают базальные, исключая слой 4, где больше дистальных. Статистическая представительность коллекции этого слоя, однако, может быть поставлена под сомнение — всего 33 изделия. Полукраевые сколы среди пластинок встречаются реже, нежели среди пластин, причем в низах (горизонт 3 слоя 3А, слой 4) их

доля несколько больше. Правильные пластины почти везде (кроме слоя 4) доминируют над неправильными, что особенно заметно в слое 3А (горизонты 2 и 3). Присутствие реберчатых невелико, но достаточно стабильно. Среди площадок заметна большая по сравнению с пластинами роль точечных, хотя одновременно сохраняют свое значение и подправленные. О какой-либо четкой тенденции в изменении характеристик техники расщепления говорить здесь, пожалуй, трудно.

Таблица 9

Основные характеристики микропластинок

Характеристики	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
1	2	3	4	5	6
Общее количество	53/100	147/100	200/100	111/100	6
В том числе:					
целые сколы	6/11,3	17/11,6	21/10,5	9/8,1	1
базальные фрагменты	12/22,6	39/26,5	63/32,5	34/30,6	1
медиальные фрагменты	16/30,2	44/29,9	55/27,5	32/28,8	2
дистальные фрагменты	19/35,9	47/32,0	61/30,5	36/32,4	2
полукраевые сколы и фрагменты	3/5,7	14/9,5	12/6,0	18/16,2	—
Тип скола по форме и ограничению спинки:					
правильные пластины	49/92,5	112/76,2	160/80,0	92/82,9	3
неправильные пластины	4/7,5	24/16,3	36/18,0	15/13,5	3
реберчатые пластины	—	11/7,5	4/2,0	4/3,6	—
Количество определяемых площадок	16/100	30/100	63/100	27/100	1
Типы площадок:					
точечные	6/37,5	12/40,0	34/54,0	12/44,4	—
гладкие	8/50,0	15/50,0	25/39,7	13/48,2	1
подправленные	2/12,5	3/10,0	4/6,3	2/7,4	—

Примечание. После косой черты указаны проценты.

Микропластинки в подавляющем большинстве своем оказались представлены обломками (примерно от 88 до 92 %), отчего о способах получения их судить уверенно трудно. Характерны крайняя редкость полукраевых сколов, несколько более заметных только в низах слоя 3А (горизонт 3) и абсолютное преобладание правильных микропластинок — особенно в слое 2 (92 %). Также господствуют точечные и гладкие площадки, оставляя на долю редких здесь подправленных от 6 до 12 %. Очень многие площадки разбиты ударом и неопределимы. Судя по ограничению и форме микропластинок, создается такое впечатление, что хотя значительная часть из них может быть аналогом чешуек (отходами при снятии крупных пластин), некоторые все же, скорее всего, связаны с подлинными призматическими нуклеусами малых размеров, которые изредка встречаются в коллекции. «Расцвет» микропластинок, как уже отмечалось, наблюдается в слое 3А.

Получение же пластинок, как представляется, имело преимущественно самостоятельное значение — тем более что пластины, уменьшаясь в размерах к верхам, практически смыкаются там с пластинками в единый массив. В целом производство пластинчатых сколов можно оценить как постоянный, хотя и отнюдь не ведущий компонент индустрии Монашеской. Их достаточно скромная роль согласуется с отсутствием серьезного прогресса в технике их получения, хотя и обращает на себя внимание некоторое улучшение

отдельных показателей от нижних уровней к верхним.

5.3.4. О проявлениях верхнепалеолитической техники

Что касается вопроса о присутствии-отсутствии в Монашеской элементов верхнепалеолитической техники, то решение его зависит, видимо, от выбора критериев. Так, недавно было высказано мнение, что верхнепалеолитическая техника производства пластин характеризуется прежде всего применением особой «техники скола», признаком которой является точечная площадка, полученная путем интенсивной (с «перебором») обработки края нуклеуса. В результате этого спинка скола имеет «следы... в виде фасеток ретуши, направленных с ударной площадки...» [Гиря, Нехорошев, 1993, с. 11]. Такие следы были отмечены и на некоторых пластинчатых сколах Монашеской (табл. 7, 8), хотя по мнению П. Е. Нехорошева, большинство из них не производит впечатления намеренной подправки (личное сообщение). С другой стороны, возникает вопрос о самой правомерности и универсальности этого критерия — иначе говоря, является ли этот прием столь уж непременно атрибутом верхнепалеолитической техники расщепления. В верхнем палеолите пустыни Негев (Израиль) подобная технология, например, была описана К. Феррингом лишь как один из вариантов получения пластин, отражающий культурную или же техническую традицию, но отнюдь

не имеющий сколько-нибудь эпохального значения [Fering, 1988].

Другие исследователи считают показателем верхнепалеолитической техники прежде всего наличие призматических ядрищ, способ расщепления которых принципиально отличается от снятия пластин с плоских или слабовыпуклых нуклеусов, относимых к *Levallois à lames* [Voëda, 1988]. Такие призматические и близкие к ним подпризматические нуклеусы в коллекции имеются, хотя количество их весьма невелико (табл. 4). Однако общее относительно малое здесь число ядрищ делает оценки, основанные на анализе их состава, малопоказательными. Характеристики ряда пластин и, особенно, пластинок, наличие во всех группах пластинчатых сколов реберчатых пластин предполагают, по-видимому, несколько более широкое распространение этой техники. Часть пластин — прежде всего относительно широкие, с выпуклыми фасетированными площадками — снималась, видимо, с одно- и двухплощадочных нуклеусов с выпуклой поверхностью скалывания. Однако среди ядрищ, которые были отнесены к этим типам, нет образцов с соответствующими негативами.

Прежде чем привести данные об индексах пластинчатости, необходимо остановиться на способах их вычисления. Как уже отмечалось в гл. 2, я склонна отделять пластинчатые, т. е. удлиненные отщепы от собственно пластин. Между тем традиционный индекс пластинчатости — *I lam* [Bordes, 1953; Bordes et Bourgon, 1955] — учитывает все удлиненные сколы-заготовки без различия их по способу скалывания. Солидаризуясь с В. П. Любиным в критике «смешанной» природы данного индекса [Любин, 1965], я согласна и с его предложением все же сохранить этот индекс наряду с параллельным вычислением индекса подлинных пластин. Первый из них позволяет проводить сопоставления с другими индустриями, где применялся лишь такой подход к оценке заготовок, а второй дает представление о распространении приемов получения пластин. Во избежание путаницы представляется целесообразным упорядочить названия этих индексов. Первый было бы

правильнее называть индексом удлиненных (пластинчатых) снятий или индексом удлиненности — *Indice d'enlevements laminaires ou allongées*, сокращенно *I en lam*. Но возможен и, быть может, более удобен иной путь: именовать первый индекс *I lam réel*, а индекс подлинных пластин обозначить как *I lam ess* — по аналогии с типологическими индексами.

Остается, однако, еще проблема учета мелких пластин, поскольку в индексе подлинных пластин участвуют лишь собственно пластины ($d > 1,2$ см), относимые к сколам-заготовкам. Простое присоединение к ним более мелких пластин, увеличивающее *I lam ess* до 35 % [Любин, 1977], а в нашей новой коллекции — в среднем до 32 %, кажется, пожалуй, не вполне корректным решением. Объединение мелких пластин со сколами-заготовками наряду с игнорированием мелких отщепов нуждается в аргументации. Можно, конечно, сослаться на намеренность получения большинства мелких пластин и высокую вероятность использования многих из них, как и крупных пластин, в качестве орудий. Но такую возможность нельзя в принципе исключать и для некоторых мелких отщепов, а критерий намеренности-ненамеренности можно было бы предложить лишь при развернутом анализе всего технологического контекста. Последний же, несмотря на огромную величину коллекции, явно представлен здесь не полностью. Об этом говорит ряд несоответствий между нуклеусами и сколами, о которых будет сказано ниже. Таким образом, было бы интересно оценить суммарную долю пластинчатого компонента (т. е. пластин, пластинок и микропластинок) среди всех сколов, исключая только чешуйки. Этот индекс можно обозначить как *I lam ess 2* — тогда индекс пластин-заготовок будет иметь полное наименование *I lam ess 1*.

Итак, я рассматриваю три варианта *I lam*, а также отношение *I lam ess 1* к *I lam réel*, что позволит оценить изменения в составе удлиненных сколов, т. е. динамику процента подлинных пластин среди всех заготовок с $L/d > 2$ (табл. 10).

Таблица 10

Индексы пластинчатости (%)

Индексы	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
<i>I lam réel</i>	19,4	12,7	17,2	20,4	18,9
<i>I lam ess 1</i>	17,1	10,7	15,4	17,4	13,7
<i>I lam ess 1/I lam réel</i>	0,88	0,84	0,89	0,85	0,72
<i>I lam ess 2</i>	5,0	3,7	6,1	7,8	4,4

Наиболее очевиден «провал» всех вариантов индекса пластинчатости в горизонте 1 слоя 3А.

Динамика доли удлиненных сколов (*I lam réel*) и подлинных пластин-заготовок (*I lam ess 1*) доста-

точно сходна: рост индекса от слоя 4 к горизонту 3 слоя 3А, затем падение к минимальному значению в горизонте 1 и вновь подъем в слое 2. По сравнению с данными В. П. Любина, полученными им при анализе коллекций 1961—1964 гг., — 21,4 [Любин, 1977], моя оценка процента подлинных пластин несколько скромнее — от 10,7 до 17,4 %, она составляет в среднем около 15 %. Несомненно, что первоначальная завышенная оценка этого индекса, как и доли леваллуазских сколов, была вызвана отсортированностью первых коллекций (см. гл. 2). В третьей строке хорошо видно некоторое обособление слоя 4 по составу удлинённых сколов: здесь больше удлинённых отщепов, а пластины играют несколько менее заметную роль, чем в уровнях, лежащих выше, где получение сколов вытянутых пропорций, видимо, более тесно связано со специализированными технологиями. Последний индекс еще раз заставляет обратить внимание на другую тенденцию: общее возрастание производства сколов (табл. 2) не сопровождается ростом пластинчатого производства. Это вновь подтверждает, что, несмотря на возвращение в слое 2 прежней роли пластин среди заготовок, улучшение их качественных характеристик, а также появление отдельных продуктов призматического скалывания (табл. 7—9), перестройки техники расщепления в целом отнюдь не происходит.

Более интенсивная в верхах утилизация нуклеусов происходила, главным образом, в рамках господствующих здесь мустьерских приемов расщепления, отчего довольно многочисленные пластинки и микропластинки (табл. 8, 9) погоды все же не делают и постепенно тонут в «море» отще-

пов (табл. 2). В основном мустьерской, несмотря на отмеченный выше некоторый рост в верхах прогрессивных признаков (реберчатые пластины, редукция площадок, процент правильных пластин и т. п.) остается и техника получения пластин: преобладание подправленных площадок и невысокие в массе показатели длины. Итак, заметного развития в целом производство пластин в Монашеской пещере не получило, хотя приемы их получения, включая и технику, приближенную к верхнепалеолитической, были в принципе достаточно хорошо известны. Такая неостребованность и/или неосознанность данных технических достижений, что удачно названо Л. Б. Вишняцким «рецессивным состоянием» изобретения [Вишняцкий, 1993], подобно случаю с леваллуазскими отщепами, может быть объяснена как спецификой орудийного производства, не ориентированного на стандартизацию заготовок, так и дефицитом качественного и достаточно крупно-размерного сырья. В качестве заготовок орудий пластины встречаются преимущественно среди боковых скребел (табл. 12), но тенденции к росту такого использования пластин к верхам не прослеживается — скорее наоборот. Среди прочих типов орудий пластинчатые заготовки редки — даже среди остроконечников, где они отмечены лишь в слое 4.

5.3.5. Подправка ударных площадок сколов

Другая важная характеристика индустрии — индексы подправки площадок. Данные по всем сколам-заготовкам (отщепы + пластины) отражены в табл. 11.

Таблица 11

Индексы подправки площадок сколов-заготовок

Индексы	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
IF large	49,3	37,5	43,9	48,5	53
IF strict	36,1	23,4	31,3	37,4	40,3
IF fin	7,9	2,8	5,5	6,6	4,2

Первый индекс фиксирует долю всех подправленных площадок и позволяет в общем считать индустрию фасетированной, хотя показатели горизонтов 1 и 2 слоя 3А находятся уже за пределами условной грани в 45 % [Bordes, 1950a]. Наихудшие показатели у этих уровней и по проценту фасетированных площадок, т. е. подправленных, исключая двугранные, — IF strict. В слое 2 подправка площадок вновь несколько возрастает, но наиболее высокие показатели все же отмечены в слое 4. Третий индекс (IF fin) введен здесь, чтобы

учесть распространение тонкофасетированных площадок с особенно тщательной и мелкоретушной отделкой. Для IF fin картина выглядит немного иначе: наряду с перманентным «упадком» в горизонтах 1 и 2 слоя 3А наблюдается и небольшой рост доли тонкофасетированных площадок от слоя 4 к слою 2. Другими словами, если общие показатели подправки площадок в слое 2 лишь вновь приближаются к таковым для нижнего слоя, то качество их подправки в верхах возрастает.

Послойное распределение показателей подправленных ударных площадок среди орудий можно проследить на примере наиболее многочисленной группы боковых скребел (см. табл. 12), у которых динамика этих индексов вполне согласуется в целом с данными по сколам-заготовкам (табл. 11), но абсолютные значения намного выше. Это указывает, очевидно, на отбор более качественных заготовок. Явное исключение — горизонты 1 и 2 слоя 3А, где IF large боковых скребел и неиспользованных сколов-заготовок почти не отличаются, т. е. отбор, вероятно, был там менее жестким. Среди конвергентнолезвийных форм IF large является более стабильным, лишь незначительно варьируя в пределах весьма высоких показателей — 69,2—73,0 %. Требования к заготовкам для этих орудий (остроконечники, угловатые и конвергентные скребла) были, видимо, наиболее высокими и практически не снижались.

5.3.6. Сравнительный анализ данных по нуклеусам и сколам

Теперь я предлагаю сопоставить все данные по сколам с приведенными выше характеристиками нуклеусов. Сравнение ядрищ по типам скалывания с ограничением спинок сколов в общем не показывает серьезных расхождений. Одноплощадочное скалывание среди нуклеусов доминирует еще более, нежели среди сколов. Зато слабее в сравнении с отщепами представлены у ядрищ «веер» и перекрестное скалывание. В почти равной мере незначительно присутствие двухплощадочного встречного и радиального приемов расщепления. Хорошо согласуется с данными по сколам несколько повышенная в слоях 4 и 2 доля подпризматических ядрищ, дающих как пластинчатые сколы, так и «бессергеновские» площадки, подправка которых производится с плоскостей, расположенных под углом около 90 градусов к рабочей поверхности и потому образует фасетки, практически параллельные последней [Праслов, 1968]. В целом же подправка площадок у нуклеусов уступает таковой у сколов и в количественном и в качественном отношении. Это неудивительно, учитывая возможность попадания нуклеусов в слой в различном состоянии — в том числе и непосредственно после снятия скола, срезавшего краевую подправку площадки ядрища.

Наиболее серьезные расхождения существуют между ядрищами и сколами по составу сырья (табл. 3), по количественному соотношению — на каждый нуклеус в горизонтах слоя 3А, например, приходится от 63 до 167 различных снятий, а также по размерам. Здесь имеются в виду как размеры нуклеусов, так и размеры негативов на них. Негативы, превышающие 4 см, на нуклеусах почти не встречаются, в то время как некоторые отщепы достигают длины 6—7 см, а пластины — даже 8—10 см. Дело тут, видимо, не только в вероятности

значительного срабатывания части нуклеусов. Возможно, что в виде сколов на стоянку приносилось не только импортное, но и местное сырье — во всяком случае, это допустимо для наиболее крупных отщепов и особенно пластин. Последние, как уже отмечалось, почти не находят соответствия среди ядрищ. Более уверенные суждения о размере и характере импорта требуют, конечно, раскопок всей площади памятника, что позволило бы убедиться в отсутствии искомым пунктов расщепления в пределах самой стоянки.

5.4. Типолого-морфологический анализ

5.4.1. Вводные замечания

Общее количество орудий составляет 1296 экз., в том числе определяемые до типа целые изделия и фрагменты — 888 экз. Последняя цифра и является базовой при составлении тип-листа.

Типолого-морфологическая характеристика орудий дается, за некоторыми исключениями, в порядке, принятом в тип-листе Ф. Борда с учетом дополнений В. П. Любина [1977; 1994а]. Исключения таковы: во-первых, вовсе исключены леваллуазские типы (см. гл. 2), во-вторых, в группе простых скребел описаны и близкие к ним скреблышки (raclettes), в-третьих, чтобы не повторяться, анализ всех конвергентнолезвийных форм (остроконечники, угловатые и конвергентные скребла) дан после других типов — и морфолого-типологическая характеристика, и результаты их статистической обработки и кластер-анализа.

5.4.2. Простые боковые скребла

5.4.2.1. Общая характеристика

Подобные скребла насчитывают 167 экз. (учитывая 12 скреблышек). Их анализ в большой мере затруднен малым количеством целых орудий — 78, т. е. менее половины от общего количества. Фрагменты определялись в качестве таких скребел при наличии на них ретуши, занимающей весь сохранившийся продольный край, и достаточно крупных относительных (т. е. по сравнению с предполагаемыми габаритами целого изделия) размерах. Конечно, возможно попадание сюда обломков более сложных орудий, так же как и принадлежность к боковым скреблам значительной части мелких фрагментов с ретушью одного края, которые не были отнесены к конкретным группам орудий. Тем не менее я остановилась на цифре 167, полученной в результате довольно жесткого отбора и одновременно вполне достаточной для некоторых статистических выкладок.

В слое 2 найдены 43 таких орудия; в слое 3А — 108 (горизонт 1 — 46, горизонт 2 — 27, горизонт 3 — 35); слой 4 дал только 16 образцов. Абсолютно преобладают выпуклые простые скреб-

ла — от 56 до 78 %. Данные о количестве выпуклых, прямых и вогнутых скребел приведены в табл. 12, но они, как кажется, не очень показательны и единственное, что можно проследить, это некоторое увеличение доли выпуклых скребел к верхним уровням. Впрочем, на мой взгляд, и не нужно заострять внимание на этих показателях без учета других характеристик рабочего края. Следует также принять во внимание, что грань «выпуклое-прямое» или «прямое-вогнутое» порой иллюзорна и легко может быть преодолена через интенсивную утилизацию края. Думается, что не только форма рабочего края в плане, но и прочие его признаки должны быть обязательно использованы при попытке более дробного подразделения этой группы орудий. Разумеется, следует учитывать и характер заготовки, но, судя по разнообразию их параметров в нашем случае, как и во многих иных, более-менее стандартизованных, формы заготовок, связанные с оформлением различных боковых скребел, не выделяются. Использовались преимущественно отщепы (74—88 %) разных размеров и конфигурации, довольно часто имевшие крутую грань, становившуюся обушком орудия (табл. 12).

5.4.2.2. Обсуждение подходов к классификации рабочих краев простых скребел

Простые боковые скребла часто играют заметную, если не ведущую роль в орудийном наборе мустерских индустрий. Между тем, несмотря на их морфологическое разнообразие, они обычно мало привлекают внимание типологов. Причиной тому, очевидно, простота модели этих орудий: протяженное рабочее лезвие вдоль продольного края. Если отвлечься от возможных дополнительных аккомодационных элементов (обушок, утончение и т. п.), то всякая попытка более подробной, чем принято в традиционном тип-листе, типологии этих изделий неизбежно подводит к проблеме классификации рабочих краев. Как уже было подчеркнуто выше (гл. 2), создание методики объективного и всестороннего описания ретушированного рабочего края требует специальных исследований в сотрудничестве с трасологами и экспериментаторами. Поэтому на этом этапе оказалось возможным предложить лишь один из предварительных и основанных только на рассматриваемых материалах вариантов типологии ретушированных рабочих краев. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о ретушированном рабочем крае, а не только о ретуши, если, конечно, не использовать эти понятия как синонимы. Под ретушью следует, по-видимому, понимать только следы (негативы мелких сколов или фасетки) от обработки, утилизации или случайных внешних воздействий, видоизменяющих форму края заготовки. Такой подход соответствует определению

ретуши А. Леруа-Гураном, где говорится о «снятиях», которые «...имеют целью придать форму либо краям, либо спинке, либо брюшку предмета» [Leroi-Gourhan, 1964, p. 15]. В таком случае ретуширование как процесс является способом модификации исходного края в искомый, а тип ретуши отражает этот способ.

Сходную мысль кладет в основу рассуждений о значении морфологического типа ретуши при описании и классификации орудий Л. В. Голованова [1984; 1986; 1992]. Но классификация ее носит иерархический характер, где тип ретуши (точнее, тип ретушных фасеток по форме их в плане) используется как отправная точка, как признак первого уровня. Далее по сочетанию его с другими выделяется тип вторичной обработки (характер рабочего края), а затем из комбинации последнего со «схемой орудия» выводится уже сам тип орудия. Возражения по поводу использования иерархической классификации в целом уже были высказаны выше (гл. 2), а здесь я остановлюсь только на соотношении типа ретуши и типа рабочего края. Под первым я также понимаю форму фасеток, но не только, а в сочетании с определенной глубиной, размерами, количеством рядов, расположением относительно друг друга и плоскостей заготовки. Иначе говоря, это совокупность ретушных снятий с одинаковым или очень близким комплексом данных характеристик. Под типом ретушированного рабочего края понимается устойчивый комплекс иных характеристик: форма как в плане (степень вогнутости-выпуклости, линия кромки лезвия (ровная, волнистая, зубчатая)), так и в поперечном сечении (угол заострения, контуры профиля). Представляется, что тип рабочего края не может прямо выводиться из типа ретуши, как это предлагает Л. В. Голованова [1984; 1986; 1992]. Между формой ретуши и формой края нет абсолютно жесткой связи и необходимо всегда учитывать исходные параметры заготовки и, прежде всего, подвергшегося обработке края, а также, видимо, тип сырья. Крутой рабочий край может быть получен, например, многорядной пространственной ретушью (рис. 39, 9) или крупной плоской субпараллельной (рис. 39, 12), а может представлять собой крутую грань скола или скат брюшка, лишь слегка подправленные плоской ретушью (рис. 37, 3). Угол края в принципе совпадает с углом ретуши, т. е. ориентацией плоскостей фасеток относительно поверхности брюшка или (для брюшковой ретуши) спинки. Однако в случае многорядной ретуши угол края фактически определяется лишь последним кромочным рядом фасеток, в то время как предыдущие ряды могут иметь иной наклон, отражая последовательность модификации.

Здесь следует коснуться вопроса о модифицирующей роли ретуши, что обычно отражается в терминах типа *e'raise* (глубоко врезанная, крутая) или *mince* (легкая, краевая). Так, притупление

края может действительно сопровождаться сильной его редукцией или отступанием, что при большой толщине заготовки отразится в ретуши крупной, часто многорядной (рис. 39, 10). Однако такое же по крутизне лезвие можно получить и при минимальном отступании (например, ретушь типа Ouchtata или Dufour (marginal court — крайняя короткая) [Brézillon, 1968, fig. 20]. С другой стороны, хотя распространенная ретушь и связана чаще всего с сильной модификацией скола, но она может быть иногда и плоской (неглубокой), «стелющейся» по поверхности и почти не меняющей очертаний заготовки.

Вопрос об оценке роли ретуши в модификации заготовок и орудий в последнее время стал особенно актуальным в связи с идеей так называемой «reduction sequence» (редукционная последовательность). В современной зарубежной литературе (главным образом американской) появился целый ряд работ, где редукция, понимаемая как периодическое подживление края, затем переходящее в его модификацию и в конечном счете видоизменяющее форму орудия, рассматривается в качестве главной причины многообразия типов мустьерских скребел и одной из основных причин вариативности мустьерских индустрий [Barton, 1988; 1990; Dibble, 1983; 1984a, b; 1987a, b, c; 1988a, b; 1991a; 1995; Dibble, Holdaway, 1990; Dibble, Rolland, 1992; Jelinek, 1976; 1988; Kuhn, 1990; Rolland, 1977; 1981; Rolland, Dibble, 1990]. Наиболее активен в пропаганде этой идеи, пожалуй, Х. Диббл. Он пытается, обращаясь к конкретным материалам (Табун, Биситун, Варвази, Ла Кина, Комб-Греналь, Пеш де л'Азе и др.), доказать правомерность выделяемых им двух основных последовательностей редукции (простое боковое скребло — двойное боковое скребло — конвергентное скребло (остроконечник); простое боковое скребло — диагональное скребло — поперечное (угловатое) скребло). Им предлагаются критерии оценки степени редукции. Первый — это сравнение различных типов скребел по размерам и пропорциям, а также по отношению площади поверхности орудия к площади ударной площадки. По мнению Х. Диббла, для конвергентных форм и поперечных скребел (как конечных результатов редукции) характерны меньшие размеры, более укороченные пропорции и более низкий показатель соотношения названных площадей. Другая мера интенсивности редукции — это интенсивность ретуши, для которой Х. Диббл вводит четыре градации: от легкой до ступенчатой [Dibble, 1984a; 1987b].

В аргументации Х. Диббла немало слабых мест, среди которых, например, использование в качестве отправной точки гипотетических первоначальных размеров заготовки, восстанавливаемых через корреляцию их с размерами ударной площадки [Dibble, Whittaker, 1981]. О неоднозначности подобной корреляции и шаткости опоры на

нее убедительно пишет Ст. Кун [Kuhn, 1990]. Этот автор совершенно справедливо указывает также на крайне субъективный подход Х. Диббла к установлению градаций интенсивности ретуши. Способ, придуманный самим Ст. Куном, — индекс, вычисляемый через отношение толщины изделия в точках максимального распространения концов ретушных фасеток к максимальной толщине орудия в средней части (рис. 36А) [Kuhn, 1990], также не решает, однако, проблему. Помимо ошибочности самого этого метода вычисления (более корректным оказывается учет изменения углов края (рис. 36Б)), выведение индекса редукции через распространенность вторичной обработки возможно лишь в случае краевой ретуши. Только в этом варианте, когда сохранились основные морфологические характеристики заготовки, возможно попытаться реконструировать первоначальную линию края. Однако процедура эта столь громоздка, а точность результата столь сомнительна, что подобные индексы вряд ли будут когда-либо широко использоваться.

Итак, приемлемого объективного показателя редукции, на наш взгляд, выработать пока не удастся. Что же касается редукции как таковой, то следовало бы различать два аспекта. Первый из них — это принципиальная возможность видоизменения орудий в процессе утилизации, включая и полное преобразование одной формы в другую, а также наличие явных случаев такого переформления в конкретных коллекциях. Как справедливо, очевидно, пишут тот же Х. Диббл и Ник. Роллан [Rolland, 1981; Dibble, Rolland, 1992], а также ряд других авторов (например: [Семенов, 1972, с. 20; Geneste, 1985; Marks, 1988; Любин, 1989, с. 81]) интенсивная редукция (вплоть до переформления) может в первую очередь быть связанной с такими факторами, как степень доступности сырья и интенсивности обитания на стоянке, что отражается на интенсивности утилизации орудий. С другой стороны, однако, нет никаких оснований утверждать, что переформление одних типов в другие повсюду носило массовый, а главное, обязательный характер. Конечно, в принципе любой остроконечник в начальной стадии своего изготовления (обработка одного из лезвий, невыделенное острие) может восприниматься как аналог простого бокового скребла. Но значит ли это, что между этой стадией и оформлением второго лезвия непременно был разрыв во времени или что любое дошедшее до нас простое боковое скребло представляет собой всего лишь этап на пути превращения его в остроконечник (конвергентное скребло) или, по другой схеме Х. Диббла, в поперечное скребло? Кстати говоря, судя по приведенным им замерам [Dibble, 1987b], толщина поперечных скребел, как правило, больше, нежели у других форм, что указывает на специальный тип заготовок и невозможность получения их из боковых скребел. Множество подобных фактов,

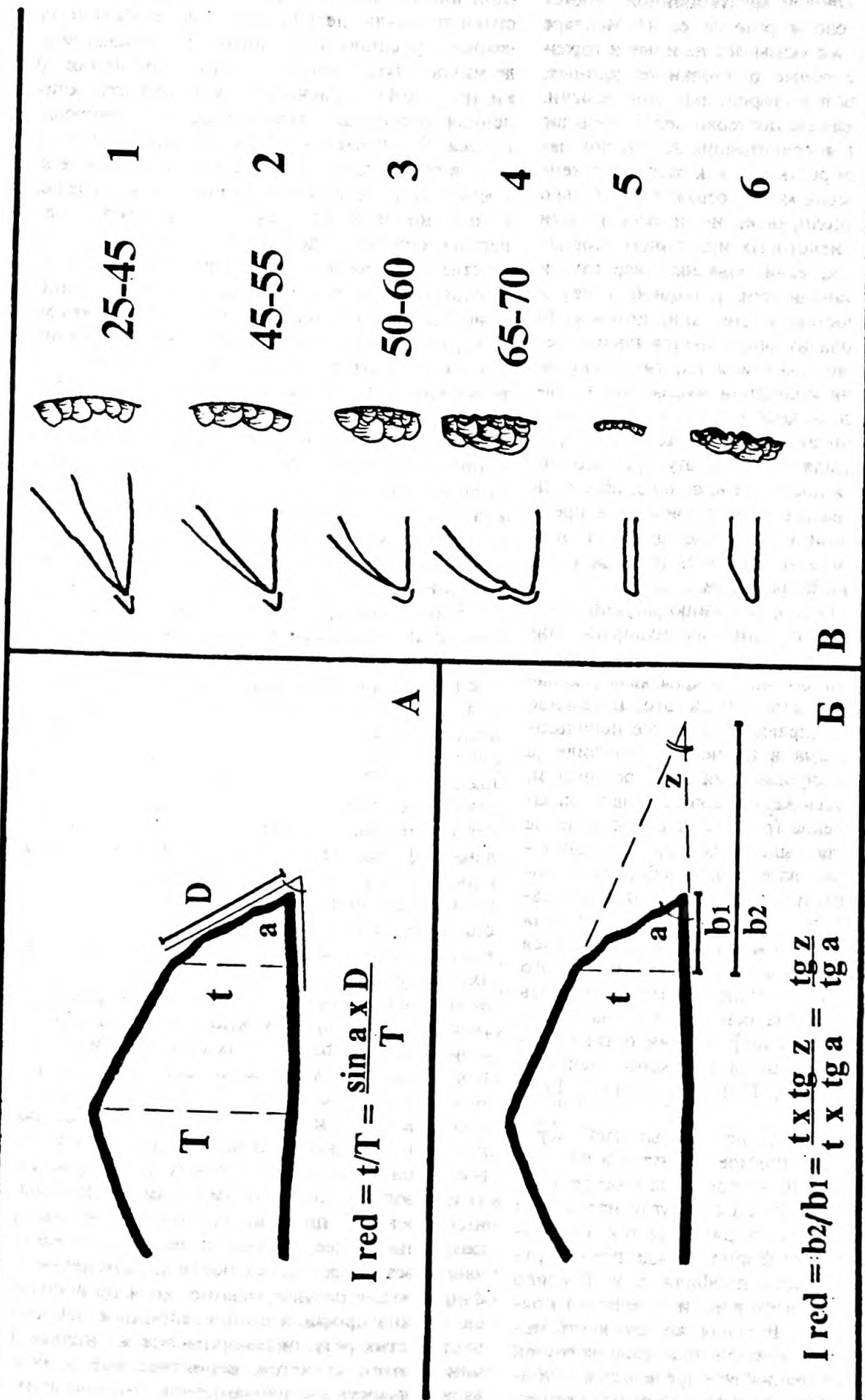

Рис. 36. А — вычисление индекса редукции по Ст. Куну [Kuhn, 1990]; Б — авторский вариант вычисления индекса редукции; В — типы ретурированных рабочих краев простых скребел Монашеской пещеры

Fig. 36. А — measurements and calculation of the reduction index after St. Kuhn [1990]; Б — the author's variant of calculation of the reduction index; В — types of retouched edges of side-scrapers from Monasheskaya Cave

противоречащих выводам «редукционной гипотезы», приводит в своем разборе ее П. Мелларс [Mellars, 1995]. Он же указывает на иные и гораздо более правдоподобные трактовки тех данных, на которые ссылаются сторонники этой версии. Совершенно справедливо подчеркивает П. Мелларс и неправомерность абсолютизации такого показателя интенсивности редукции, как распространенность ретуши, которая может отражать не только множественность подправок, но и особенности применявшейся в некоторых индустриях вторичной обработки. Так, если объяснять все случаи повышенной интенсивности ретушной отделки только интенсивностью утилизации, которая по Х. Дибблу и Н. Роллану определяется преимущественно интенсивностью обитания, то интенсивность обитания для индустрий мустье Кина оказалась бы в несколько десятков раз выше таковой на памятниках с зубчатым мустье [Mellars, 1995].

Итак, не приемля в целом эту «редукционную» концепцию, я постараюсь, однако, обращать особое внимание на все случаи явной или предполагаемой редукции или переоформления орудий, а также использую эти наблюдения для общей характеристики памятников.

Возвращаясь теперь к описанию ретушированных лезвий и их типологии, сформулирую свой подход более подробно. Основной характеристикой рабочего ретушированного края является намеренно приданная ему — будь это начальное оформление или подправка в процессе использования — общая форма в плане и в профиле, а также сам способ оформления (тип ретуши) и, наконец, в случае наложения макроследов утилизации — тип этих следов (ретушь) и видоизменение кромки лезвия. Для выделения типов ретушированного края, следовательно, необходимо, во-первых, описать его по соответствующим признакам и, во-вторых, искать устойчивые сочетания различных состояний этих признаков. Не имея достаточных данных для создания оптимального списка (см. гл. 2), я все-таки попыталась сделать первую «прикидку». Она основывается на собственных наблюдениях и информации о типах ретуши и макроследах износа по экспериментальным данным [Семенов, 1968; Щелинский, 1983; 1992].

Форма лезвия в плане описывалась через 4 варианта: выпуклое, прямое, вогнутое и извилистое. Форма в профиль — через угол заострения и обводы. Первый определялся по углу наложения крайнего, или кромочного, ряда фасеток. Под обводом подразумевается форма прежде всего верхней обработанной части профиля, т. к. брюшко выступает как плоская сторона и передается прямой линией (рис. 36). Верхняя же плоскость может быть выпуклой, ровной или слабовогнутой (рис. 36В). Конфигурация ее определяется глубиной фасеток и их ориентацией (углом наложения) относительно плоскостей предмета и друг друга

(при многорядности). Дополнительные характеристики профилю лезвия придают заломы (ступенчатость профиля) и макроследы утилизации в виде микроретуши, карнизов или закругления кромки (рис. 36В). Отмечается, как кажется, определенная корреляция угла профиля и макроследов износа. Что касается общей формы края в плане, то она слабо коррелирует с прочими признаками: преобладание выпуклых лезвий, как отмечалось, абсолютно. В то же время есть и некоторые «зацепки»: снижение доли выпуклых наряду с соответствующим ростом процента прямых и вогнутых лезвий у скребел с крутым краем и у наиболее приостренных орудий. В первом случае это может быть, однако, связано скорее с сильной утилизацией края и его редукцией, а во втором причина, возможно, лежит глубже: для режущего края форма в плане менее значима, чем для скобящего. Макроследы износа фиксируются не только в профиле, но и в плане, где отражаются в состоянии нити лезвия: мелкая зазубренность, мелкая иррегулярная зубчатость, наличие выщербин и отдельных фасеток на брюшке, слабая волнистость наряду с заглаженностью кромки и т. д. [Щелинский, 1992].

Что касается ретуши, то различные ее характеристики проявляют себя по-разному. Очевидно, например, что форма и размеры ретушных фасеток в плане почти не отражаются на профиле лезвия. В данной коллекции абсолютно господствует средняя и мелкая чешуйчатая ретушь, которой оформлялись при этом достаточно различные типы лезвий. В связи с этим я не нахожу нужным делать многочисленные измерения параметров фасеток [Голованова, 1984], тем более что определенная форма их не была самоцелью, а отражает способ ретуширования, порой широко варьируя в рамках той или иной техники. Более детальное описание пропорций фасеток будет иметь смысл, когда удастся уловить строгую зависимость между их параметрами и параметрами конкретной техники ретуширования. Влияние многорядности ретуши на абрис края можно оценить только вкупе с ориентацией фасеток, их глубиной и профилем, т. к. одним и тем же количеством рядов ретуши можно получить и крутой выпукло-ступенчатый профиль края, и ровный и т. д. Играет роль и профиль исходного края. Так, судя по уплощенности большинства заготовок ($d/e > 3$) (см. табл. 5, 7) и довольно-таки острыми углами их первоначальных краев (как правило, редко более 40—45 град.), получение более крутых лезвий в Монашеской чаще достигалось через более интенсивное модифицирующее ретуширование, хотя об абсолютной связи типа профиля с определенным набором характеристик ретуши говорить все же нельзя. Причиной этого является, вероятнее всего, большая варибельность сколов-заготовок, требовавших «индивидуального» подхода к их вторичной обработке.

Учитывая сказанное, я избегаю при характеристике лезвий говорить сразу о типах ретуши, поскольку понятие «тип» предполагает устойчивость сочетания разнородных признаков. Несмотря на явное преобладание в данной коллекции краевой чешуйчатой ретуши, наблюдается большой разброс вариаций по углу наклона, размерам, глубине фасеток и т. п. Поэтому при описании ретушированных краев использовались отдельные признаки — форма фасеток в плане (чешуйчатая и, в единичных случаях, близкая к лямиллярной), их размеры, глубина (плоская ретушь или выемчатая (*creuse* [Leroi-Gourhan, 1964]), наличие заломов, количество рядов, регулярность, расположение относительно плоскостей предмета (лицевая, брюшковая, реже бифасиальная и чередующаяся), расположение в плане (левый или правый край, базальная медиальная или дистальные участки края), распространение на плоскости (краевая узкая и широкая, распространенная), угол наложения. Градации последнего отличаются от наиболее принятых подразделений угла ретуши по А. Леруа-Гурану, где выделяется приостряющая (до 10 град.), пологая (10—30 град.), полукрутая (30—50 град.), крутая, или обрывистая, (50—75—80 град.) и отвесная, или вертикальная (*abrupte*), ретушь (до 90 град.) [Leroi-Gourhan, 1964, p. 527]. Среди скребел Монашеской нет орудий с очень острым углом лезвия (до 30 град.), как нет здесь (если не учитывать явную утилизационную ретушь кромки) и вертикальной ретуши. Определенная корреляция углов кромочной ретуши и других характеристик профиля побудила выделить следующие градации: 25—45 град., 45—60 град., 65—75 град.

Несмотря на использование традиционной номенклатуры [Leroi-Gourhan, 1964; Brézillon, 1968, p. 106—112; de Lumley, Bourelly, 1971], я все же стремилась избежать бытующей там многозначности и смешения понятий. Под термином «*mince*» («тонкая»), например, понимают ретушь краевую, неглубокую и немодифицирующую, т. е. смешивают три характеристики, сочетание которых встречается хотя и часто, но отнюдь не всегда. Трудно признать корректным и выделение на одном уровне следующих «типов» ретуши: *écailléeuse*, *abrupte* и *envahissante*, т. е. чешуйчатой, крутой и распространенной [de Lumley, Bourelly, 1971]. И эти «типы», фактически представляющие собой отдельные и порой сочетающиеся характеристики разных аспектов ретуши, данные авторы предполагали использовать для компьютерной обработки! Тот же нестрогий, никак не обоснованный подход к описанию ретуши встречается и у других авторов. Так, например, при характеристике ретуши «по ориентации» можно встретить следующие градации: ступенчатая, чешуйчатая, параллельная и непараллельная (!) [Холюшкин и др., 1979]. Не очень удачным мне представляется и

следующий список типов ретуши (лишь отдельные примеры): 1 — мелкая, округлая; 3 — чешуйчатая, субпараллельная (!); 4 — ступенчатая с заломами; 8 — несколько чешуек; 9 — один скол; 10 — мелкие чешуйки и т. п. [Гинзбург и др., 1980]. Думается, что такие базы данных явно преждевременно использовать для компьютерной обработки.

Итак, используя прежде всего характеристики профиля лезвия, а также способ его оформления (ретушь) и макроследы износа, я попыталась выделить или, точнее, наметить следующие шесть типов ретушированных рабочих краев простых боковых скребел (рис. 36В):

1 — угол рабочего края от 25 до 45 градусов, профиль прямой или же слабоогнутый, ретушь краевая, плоская, порой с неглубокими заломами, чешуйчатая, реже приближающаяся к субпараллельной, однорядная или — местами — двухрядная, часто нерегулярная. Кромка лезвия острая, часто мелкозубчатая, распространены мелкие выщербины и мелкие разрозненные фасетки на брюшке. Иногда кромка лезвия бывает слегка заглажена поверх зубчатости. Заготовки, как правило, довольно уплощенные, тонкие, с очень острым углом исходного края. Общая форма лезвий в плане вариабельна, но преобладают все же выпуклые лезвия (62 % всех скребел этого типа). Условное название группы — «ножевидные скребла» или «ретушированные ножи» (рис. 36В, 1).

2 — угол края 45—55 градусов, профиль прямой или слабовыпуклый. Ретушь краевая, однорядная, более регулярная, плоская, чешуйчатая; субпараллельные фасетки единичны. Заломы встречаются реже, кромка лезвия близка предыдущему типу, но более ровная и очень часто слегка заглаженная. Заготовки орудий в целом более массивные и крупные. Условное название — «скребла-ножи» (рис. 36В, 2).

3 — угол края от 50 до 60 градусов, т. е. отчасти перекрывается с типом 2. Однако есть отличия в оформлении лезвий и характере их кромок. Профиль лезвий — слабовыпуклый и выпуклый, преобладает регулярная чешуйчатая ретушь. Глубина фасеток в целом несколько больше, но благодаря частичному перекрыванию их друг другом край, как правило, ровный или лишь слегка волнистый. Ретушь располагается обычно ровной полосой — примерно 0,6—1,0 см от края. Заломов практически нет, кромка лезвия и даже прикромочные ребра фасеток заглажены, закруглены, даже заполированы. Изредка на мелких прикромочных фасетках отмечены легкие карнизы, указывающие, видимо, на их происхождение в ходе утилизации. Ретушь также однорядно-двухрядная. Заготовки — более массивные, больше обушковых форм (56 % против 30—35 % у групп 1 и 2). Условное название этой группы — «типичные скребла» (рис. 36В, 3).

4 — угол края от 65 до 75—80 градусов, ретушь чешуйчатая, двух- и трехрядная, редко — четырехрядная, с наложением более мелких фасеток на более крупные (0,8—1,4 см). Фасетки довольно глубокие, но на характере кромки лезвия это отражается слабо, т. к. она сильно замята и выкрошена из-за утилизации. Краевые фасетки (порой два ряда) образуют глубокие заломы в виде карнизов. Профиль края — выпуклый, обрывистый (рис. 36В, 4). Название типа — «высокие, или крутолезвийные, скребла».

5 — крутая мелкая притупляющая ретушь по тонкому краю уплощенных отщепов. Ретушь регулярная и исключительно однорядная. Форма фасеток ближе к субпараллельной. Кромка лезвия мелкозазубренная, с последующей заглаженностью. Этот тип можно определить как «gaclettes» (скреблышки), которые хотя и близки скреблам, но в тип-листе обычно выделяются особой строкой (что и было сделано) (рис. 36В, 5).

6 — эта группа состоит лишь из пяти скребел, лезвия которых очень сильно выкрошены, смяты или приобрели зубчатый характер вследствие износа, что скрадывает характер первоначального оформления края. Группа определена как «скребла с интенсивной утилизацией края». Иначе говоря, это «divers» («разные») нашей классификации, более подробное определение которых дать затруднительно (рис. 36В, 6).

Можно возразить против довольно прозрачного намека на предполагаемую функцию, кото-

рый проглядывает в определениях и названиях данных групп. Однако, во-первых, функциональный аспект явно присутствует и в термине «скребло», и в его определении. Во-вторых, подчеркивая условность всех названий наподобие «скребла-ножа», я полагаю все же, что основное или преимущественное назначение не могло не отражаться в морфологии изделий. Конечно, при необходимости можно резать любым лезвием, но инструмент с достаточно острым углом края был, вероятно, все-таки предпочтительнее. Не случайно, видимо, и наличие в группе 1 характерных следов, свойственных режущим лезвиям [Шеллинский, 1992]. Группа 2 демонстрирует скорее некий «переходный» характер сочетания признаков, указывая, вероятно, на большую полифункциональность этих орудий («скребла-ножи»). Группа 3, судя по углу края и состоянию кромки лезвия, включает в себя изделия с предположительным преобладанием их поперечной кинематики, т. е. именно «скребущей» функции. Наиболее же ярко последняя отражена, как кажется, в характеристиках группы 4.

5.4.2.3. Распределение характеристик простых боковых скребел по слоям

Рассмотрим теперь простые боковые скребла Монашеской более подробно. Все основные данные о них были сведены в табл. 12.

Таблица 12

Основные характеристики простых боковых скребел

Характеристики	Слой 2	Слой 3А			Слой 4
		гор. 1	гор. 2	гор. 3	
1	2	3	4	5	6
Общее количество	43/100	46/100	27/100	35/100	16/100
Количество целых орудий	20/46,5	18/39,1	11/40,7	18/51,4	11/68,8
Лезвия в плане:					
выпуклые	33/76,7	36/78,3	20/74,1	19/54,3	9/56,3
вогнутые	4/9,3	3/6,5	4/14,8	9/25,7	1/6,25
прямые	6/13,9	7/15,3	3/11,1	7/20,0	6/35,5
Тип рабочего края:					
«ножевидные скребла»	14/32,6	20/43,5	8/29,6	11/31,4	5/31,25
«скребла-ножи»	12/27,9	14/30,4	9/33,3	11/31,4	2/12,5
«типичные скребла»	9/20,9	7/15,2	8/29,6	6/17,1	2/12,5
«высокие скребла»	—	3/6,5	1/3,7	3/8,6	5/31,25
gaclettes	7/16,3	1/2,2	1/3,7	2/5,7	1/6,25
divers	1/2,3	1/2,2	—	2/5,7	1/6,25
L (длина) средн. (см)	4,6	4,6	5,4	6,1	5,3
Скребла с L > 5 см	5/25,0	3/16,7	6/54,5	11/61,1	5/45,6
L (длина)/d (ширина) средн. (см)	1,9	1,9	1,9	1,9	1,7
Скребла с L/d > 2	4/20,0	2/11,1	3/27,3	5/27,8	3/27,3
e (толщина) средн. (см)	0,88	0,86	0,94	1,0	0,9
d (ширина)/e (толщина) средн. (см)	3,6	3,3	3,4	3,45	3,6

Окончание табл. 12

1	2	3	4	5	6
Тип заготовки:					
отщеп	35/81,4	36/78,3	20/74,1	31/88,6	12/75,5
пластина	7/16,2	10/21,7	7/25,9	4/11,4	4/25,0
Тип ударной площадки:					
фасетированная (%)	62,0	24,2	30,1	58,1	54,2
гладкая (%)	31,7	60,0	42,0	29,4	23,0
Количество обушков	13/30,2	21/45,7	6/22,2	18/51,4	8/50,0
Количество полукраевых сколов-заготовок	11/25,6	18/39,1	8/29,6	9/25,7	4/25,0
Изделия из импортного сырья	6/13,9	7/15,2	3/11,1	5/11,4	6/37,5

Примечание. После косой черты указаны проценты; в графах L, L > 5, L/d средн., L/d > 2 за 100 % принимались только целые скребла, в графе «Тип ударной площадки» расчет делался от числа целых и базальных обломков.

Конечно, количество предметов в каждом из уровней недостаточно для настоящей статистики. Тем не менее я использую процентные показатели, чтобы количественные соотношения были более наглядными и сопоставимыми.

Общим для всех уровней является преобладание отщеповых заготовок (74—89 %), близость показателей индекса сечения (d/e) — 3,4—3,6 и индекса удлиненности (L/d) — 1,7—1,9, преобладание выпуклых лезвий. Обязательно присутствие обушков — 22—51 %. Базальные или дистальные обломки составляют около или более половины скребел — 49—61 % (кроме слоя 4, где их лишь треть от общего количества). Значительная часть обломов (около 54 % от всех случаев фрагментации), как кажется, имеют следы намеренного рассекающего удара, что, возможно, преследовало цели аккомодации.

В нижнем слое 4 наименьшее количество простых боковых скребел — 16. Размеры половины целых (11) превышают 5 см. Характерно преобладание тут так называемых «скребущих» типов лезвий. Отмечу также, что 5 из 12, т. е. почти половина крутолезвийных, или «высоких», скребел найдены именно в этом слое. Выделяется слой 4 и повышенным содержанием изделий из приносного кремня — 37,5 %. Привожу образцы изделий из слоя 4: обушковые скребла с крутым рабочим краем (тип 4) — рис. 39, 9, 10 и скребла из группы «типичных» — рис. 39, 3; 37, 8. Первое из «типичных» выделяется дистальным лицевым утончением с облома и утилизационной ретушью по левому краю. Последнее же имеет один почти совершенный аналог по типу лезвия и заготовки, но примерно в 1,5 раза меньше в длину. Имеется в слое 4 и одно скреблышко (raclette) — рис. 38, 1, и одно брюшковое скребло (группа 4). Брюшковые скребла были описаны среди обычных скребел, т. к. у них могут, на мой взгляд, быть выделены те же типы лезвий. Интересно одно орудие со сходящимися краями и сильной утилизацией

второго, неретушированного лезвия. Ретушированный край его мог, по-видимому, иногда играть роль обушка (рис. 37, 2). Два очень похожих орудия найдены в слое 2 и в горизонте 2 слоя 3А (скребла + ножи?).

В нижнем, третьем горизонте слоя 3А найдено 35 простых скребел. Здесь уже начинают преобладать скребла с лезвиями типов 1 и 2 (62,8 %). Для этого горизонта характерны наиболее крупные (средняя длина — 6,1 см) и массивные (средняя толщина — 1,0 см) заготовки, а 11 из 18 скребел имеют длину более 5 см (61 %). Примерно половина орудий, как и в слое 4, имеют обушки. Привожу образцы скребел из группы 1 («ножи») — рис. 38, 13, из группы 2 («скребла-ножи») — рис. 37, 9; 38, 12, «типичных» скребел — рис. 37, 5, 7; 39, 8 и «высокого» скребла — рис. 39, 6. Интересны способы создания обушков: два косых облома (рис. 38, 12) или аналог в виде косого дистального торца (противоположная площадка нуклеуса) + косой облом базальной части. В этом горизонте найдены два скреблышка (рис. 38, 4). Начиная с данного горизонта и выше начинается резкое преобладание простых боковых скребел из местного кремня (горизонт 3 — около 80 %).

Второй горизонт слоя 3А содержит 27 изделий. Отличия от нижележащего заключаются в некотором уменьшении средней длины, а также в неожиданном изменении соотношения фасетированных и гладких площадок. Если в нижних уровнях фасетированные площадки составляли 54—58 %, то здесь их доля падает до 30 %. Трудно объяснить и минимальное количество обушков в этом уровне — всего 22 %. Соотношение типов лезвий скребел здесь примерно такое же, как в горизонте 3. Отмечено лишь одно «высокое» скребло с обушком (рис. 39, 11), напоминающее изделие из слоя 4 (рис. 39, 10). Среди «ножей» (рис. 38, 6, 11) есть изделие с двумя противоположными анкошами в базальной части и попыткой утончения спинки с созданной усечением дистального конца площадки

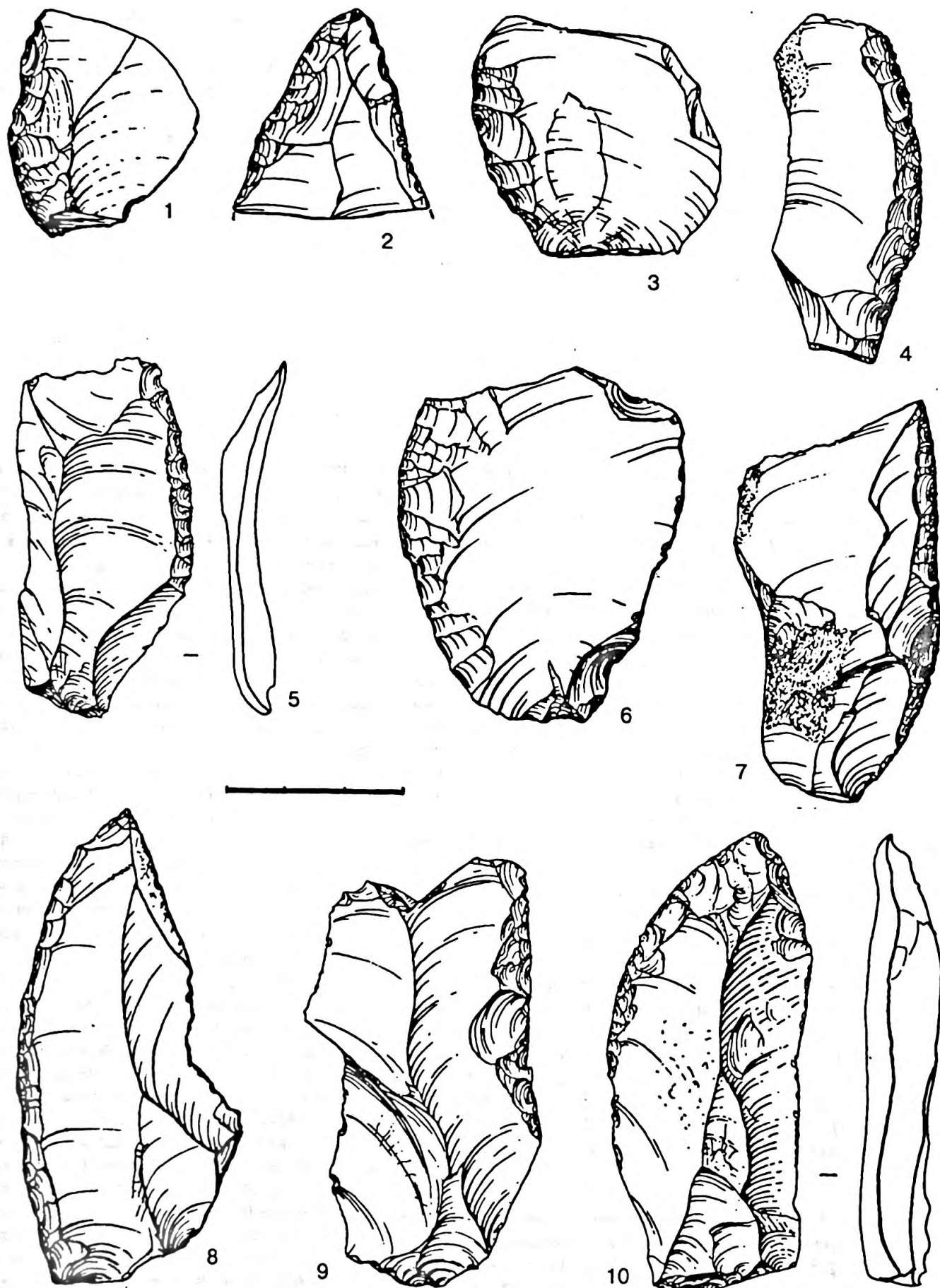

Рис. 37. Монашеская пещера. Простые боковые скребла

Fig. 37. Monasheskaya Cave. Single side-scrapers

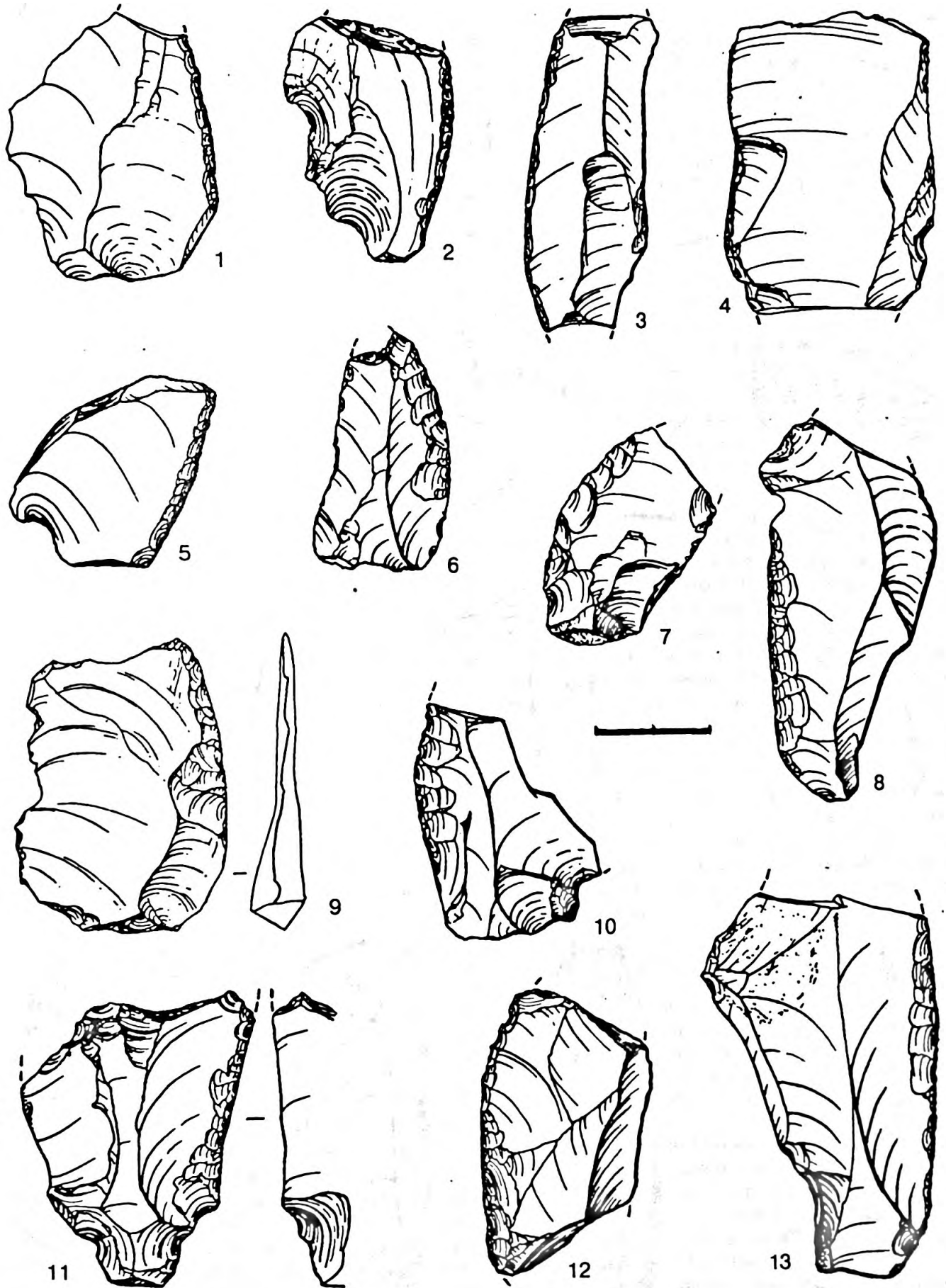

Рис. 38. Монашеская пещера. Простые боковые скребла
 Fig. 38. Monasheskaya Cave. Single side-scrapers

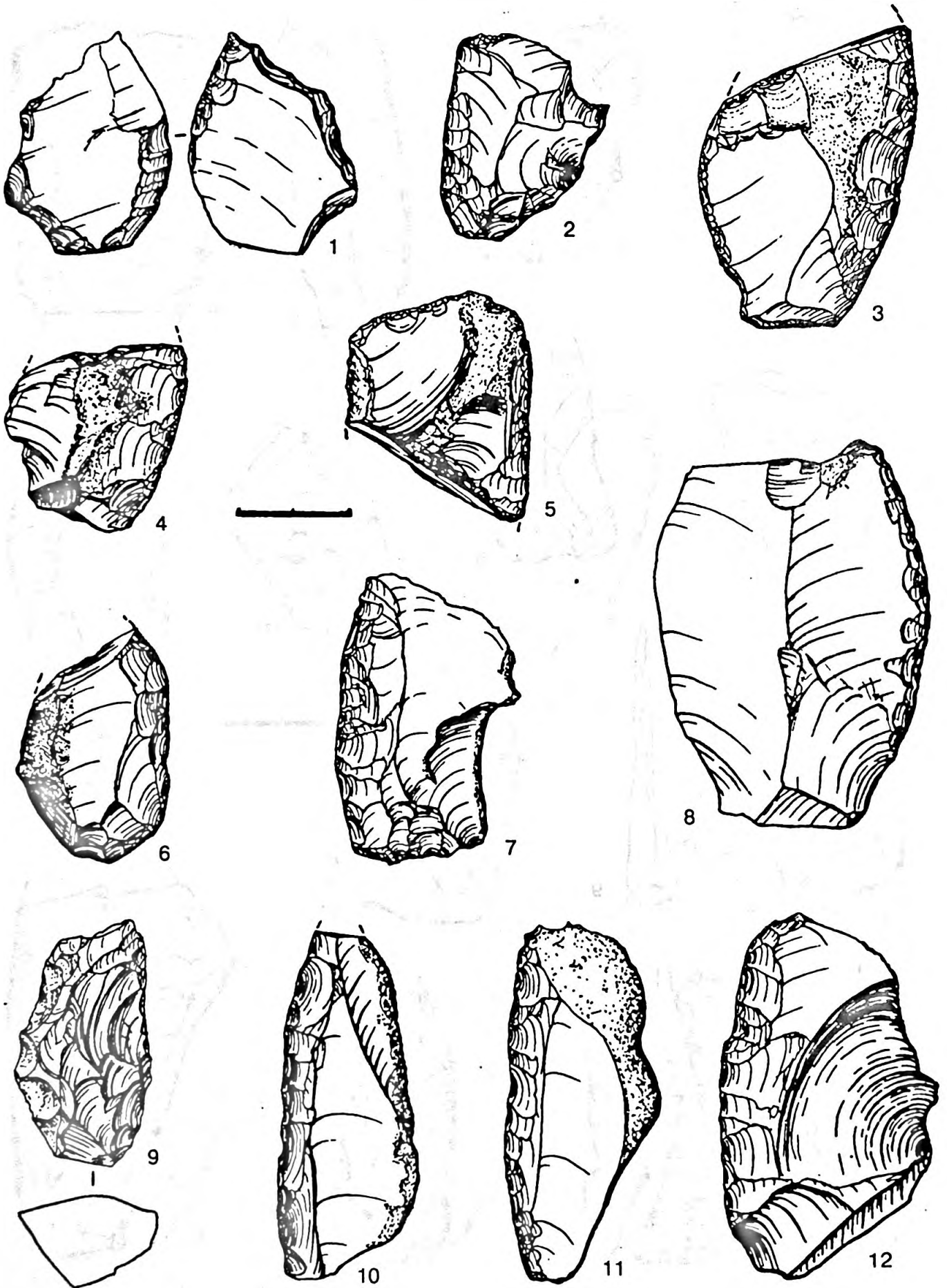

Рис. 39. Монашеская пещера. Простые боковые скребла
 Fig. 39. Monasheskaya Cave. Single side-scrapers

(рис. 38, 11). «Черешок» в базальной части вряд ли является таковым, поскольку он явно короток (на нем сохранился участок площадки), а один из анкошей имеет очень пологое режущее лезвие. Подобное расположение выемок отмечено у одного из скребел слоя 2. «Скребло-нож» из второго горизонта слоя 3А представлен на рис. 37, 10, «типичные» скребла приведены на рис. 39, 4; 37, 3. Последнее из них (рис. 37, 3) — брюшковое, наряду с которым здесь имеется еще одно подобное, но с вогнутым рабочим краем.

Начиная с горизонта 1 слоя 3А (46 экз.) резко уменьшаются средние размеры изделий (длина — 4,6, толщина — 0,86 см). В этом уровне только 3 предмета из 18 целых превышают длину в 5 см. Минимально здесь и число удлиненных, пластинчатых изделий (11 %), в то время как в нижних уровнях этот показатель колеблется от 27,2 до 27,8 %. Продолжает оставаться здесь очень низким и процент фасетированных площадок (24 %), зато количество обушковых форм вновь возрастает. Горизонт 1 выделяется и максимальным количеством «ножей» и «скребел-ножей» (73,9 % в сумме, причем группа 1 превышает 40 % (рис. 38, 7)). Образец «скребел-ножей» (группа 2) приведен на рис. 39, 7. «Высокие» скребла тут редки — 3 экз. (рис. 39, 12), немногочисленны и «типичные» скребла (рис. 37, 1). Среди них имеется три брюшковых скребла (рис. 37, 4).

Наконец, рассмотрим верхний слой 2. Его простые боковые скребла (43) по размерам и пропорциям близки изделиям из горизонта 1 слоя 3А. Процент орудий, длина которых превышает 5 см, здесь вновь несколько возрастает, но далеко не достигает показателей нижних уровней — 25 %. Зато процент фасетированных площадок возвращается в «норму» — 62 %. Как в горизонте 1 слоя 3А, тут абсолютно доминирует местное сырье (83,7 %). К группам 1 (рис. 38, 9) и 2 (рис. 38, 8; 39, 5) относится 60,5 % скребел, к группе «типичных» скребел — 9 экз., или 20,9 % (рис. 37, 6; 38, 10; 39, 2). Массивные «высокие» скребла здесь не были встречены. Отмечу наличие двух брюшковых скребел (рис. 37, 6) и скребла с лицевым утончением с облома-обушка (рис. 39, 5). Приведу также три из семи найденных скреблышек (gaclettes) — рис. 38, 2, 3, 5.

Итак, помимо общих признаков, отмеченных выше, наблюдаются и различия между простыми скреблами разных уровней. Основные тенденции изменчивости, которые удалось уловить, на мой взгляд, следующие: 1 — уменьшение габаритов изделий в горизонте 1 слоя 3А и в слое 2; 2 — уменьшение снизу вверх процента массивных «высоких» скребел — вплоть до полного исчезновения; 3 — резкий рост, наоборот, начиная с горизонта 3 слоя 3А доли «ножей» и «скребел-ножей» (от 44 до 60—70 %) и стабильное их присутствие в верхних горизонтах с некоторым пиком в горизонте 1 слоя 3А; 4 — резкая грань между

слоем 4 и другими вышележащими уровнями по доле импортного сырья — падение от почти 40 % до 11—15 %. Как кажется, в этих изменениях в некотором преломлении видны те же тенденции, что уже отмечались при анализе техники расщепления: дефицит качественного приносного сырья и миниатюризация заготовок. О каком-либо «стилевом» дрейфе говорить трудно, т. к. принципиальных изменений в общих формах этих орудий незаметно, а изменения габаритов и характера рабочего края скорее всего обусловлены влиянием технологических сдвигов и, видимо, некоторыми различиями уровней в направлении хозяйственной деятельности и ее интенсивности. На определенную специфику слоя 4, например, указывает не только характер скребел, но и общая малочисленность инвентаря.

В этом же разделе отмечу наличие двух скребел с выпуклыми боковыми лезвиями, оформленными чередующейся ретушью (тип края 1), в слоях 2 и 4. У последнего ретушь частично лямельлярная, базальный конец обломан и немного срезан ретушью, дистальный косо усечен крутыми крупными сколами, которые образуют подобие обушка. Косой облом в базальной части использован как площадка для серии плоских снятий, расположенных на лицевой стороне, но на краю, противоположном лезвийному (рис. 39, 1). Возможно, что это имело целью создание дополнительной режущей кромки. В слое 2 было найдено также единственное боковое скребло с бифасиальной ретушью (тип 2), полученное в результате переоформления — судя по патине — более древнего брюшкового. Ретушь отчасти заходит и на дистальный край, что позволяет определять его и как форму, переходную к угловатому скреблу. Более свежий скол фиксирует позднейшее брюшковое утончение данного орудия с его бокового торца-обушка (рис. 41, 11).

5.4.3. Двойные боковые скребла

К бесспорным орудиям этого типа были отнесены только 8 целых изделий, которые оформлены в основном на крупных уплощенных сколах из приносного кремня, и один дистальный обломок. Формы их разнообразятся, но типы лезвий варьируют в пределах выделенных ранее групп 2—3, т. е. нет здесь ни тонких ножевидных, ни очень крутых рабочих краев (за исключением, может быть, одного близкого к последнему типу орудия — рис. 40, 10). В слое 2 найдены 3 двойных скребла, в горизонте 2 слоя 3А — 2 образца, в прочих уровнях — по одному.

Выделяется один подтип, обозначенный В. П. Любиным как *gacloir double à tranchant transversal*, т. е. двойные скребла с поперечным неретушированным лезвием [Любин, 1977, с. 162, рис. 46, 15], — 5 изделий (2 — слой 2, 2 — горизонт 1 и 2 слоя 3А и обломок, упомянутый

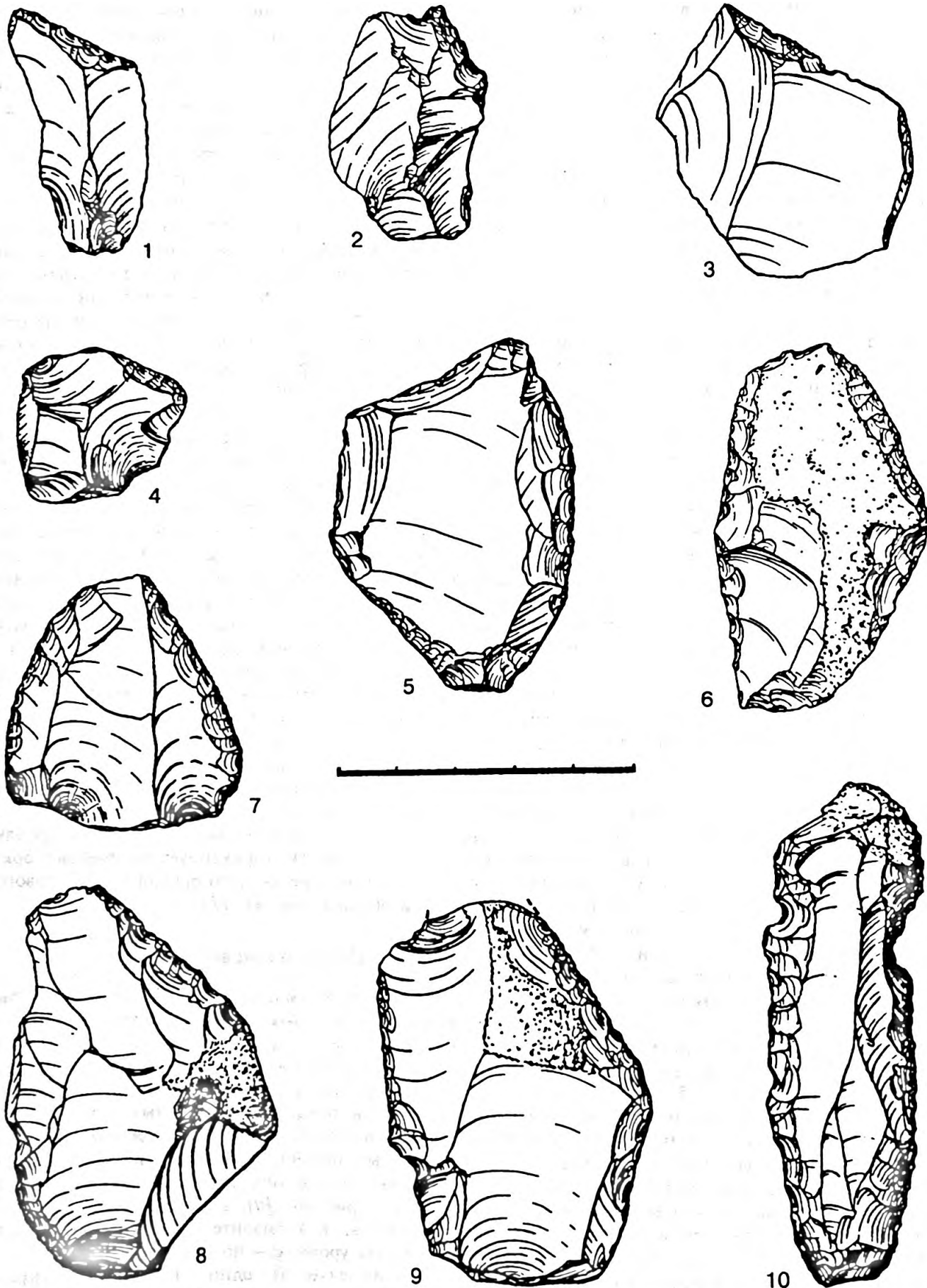

Рис. 40. Монашеская пещера:
1-4 — угловые скребла; 5-10 — двойные боковые скребла

Fig. 40. Monasheskaya Cave:
1-4 — angle side-scrapers; 5-10 — double side-scrapers

выше, — из слоя 4). В двух случаях (слой 2 и горизонт 2 слоя 3А) это небольшие (местный кремь) изделия с выпуклыми конвергентными краями, оформленными краевой разновеликой ретушью (рис. 40, 7). Для другого предмета характерна выпуклость одного лезвия наряду с угловатым выступом другого — наподобие скребел типа хайлодж (рис. 40, 6). Крупное изделие из горизонта 1 слоя 3А имеет небольшой участок субпараллельной краевой полукрутой ретуши в базальной трети левого лезвия и диагонально расположенный участок рабочего края с распространенной разновеликой ретушью (рис. 40, 8). Изделие из слоя 4 представляет собой фрагмент светлокремневого скребла с почти параллельными полукрутыми краями, левый из которых оформлен разновеликой чешуйчатой ретушью, а правый — ретушью, приближающейся к субпараллельной. Все эти орудия, как отмечено, объединяет наличие лезвия на дистальном конце предмета. Данный признак заставляет упомянуть здесь еще два изделия, которые не относятся к двойным скреблам. Во-первых, это крупный обломок пластины из слоя 2 ($L = 6,7$ см, $d = 3,6$ см) со следами интенсивной утилизации на обоих краях и с утилизационной же ретушью на скошенном дистальном лезвии. Другой предмет (горизонт 1 слоя 3А) отнесен к двойным скреблам условно, т. к. намеренную ретушь имеет, видимо, лишь правый его край, а небольшой (2 см) участок очень плоской чешуйчатой ретуши на левом крае напоминает ретушь утилизации (рис. 40, 5). Тем не менее это изделие близко к двойным скреблам благодаря явному использованию обоих лезвий и другим чертам, характерным для подобных орудий Монашеской, — дистальному лезвию и угловатому выступу на левом крае, подправленному парой мелких снятий и также имеющему следы утилизации.

Угловатый выступ на одном из краев (правом) отмечен также у орудия из слоя 2, которое не имеет, однако, дистального лезвия. Этот конец его слегка обломан, а боковые лезвия оформлены краевой чешуйчатой полукрутой ретушью — несколько более крупной и менее крутой на правом крае (рис. 40, 9). Последние три двойных скребла достаточно своеобразны. Это крупное ($8,1 \times 4,0$ см) светлокремневое орудие (слой 2) с прямым или слабовыпуклым крутым левым краем и синусоидальным левым, отличающимся прерывистостью и различной крутизной ретуши. Два двойных скребла из слоя 3А представлены орудием на крупном сколе ($8,5 \times 5,5$ см) из светло-коричневого кремня с обоими выпуклыми полукрутыми лезвиями (горизонт 3) и очень оригинальным скреблом из коричневого кремня на пластинчатой (?) заготовке ($8,4 \times 2,3$ см) из горизонта 2. Угол обоих лезвий его около 60 градусов, оформлены они ретушью чешуйчатой, краевой, разновеликой. Утилизация лезвий, особенно правого, была весьма интенсивной (выкрошенность, микрокарнизы кро-

мочных фасеток). Особенность этого орудия — две противолежащие выемки в дистальной части (рис. 40, 10). Возможно, что нехарактерные для прочих двойных боковых скребел пропорции этого орудия наряду с довольно крутой ретушью, заметно врезающейся в грани изделия, и следами сильной утилизации указывают на значительное сокращение ширины первоначальной заготовки — т. е. проявление редукции.

Имеется также 13 небольших базальных фрагментов с ретушью по обоим краям. У шести из них края конвергентно сходятся, и это заставляет видеть в них скорее возможные обломки остроконечников или конвергентных скребел, более характерных для индустрии. Еще семь обломков имеют параллельные (4) или даже расходящиеся края (3 экз.). Два из них происходят из слоя 2, пять — из слоя 3А (горизонты 1 и 3). Принадлежность этих семи к двойным боковым скреблам более вероятна, но очень смущают их явно небольшие (ширина не более 2,1 см) размеры, сильно уступающие большинству описанных выше целых двойных скребел. В то же время подобные небольшие и узкие двойные скребла известны, напомним, забегая вперед, в Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994].

5.4.4. Угловые скребла

К этому типу отнесены изделия с небольшим участком ретушированного лезвия на скошенном дистальном крае — 15 орудий (слой 2 — 2 (рис. 40, 1); слой 3А, горизонт 1 — 8; горизонт 2 — 2 (рис. 40, 3); горизонт 3 — 1 (рис. 40, 4); слой 4 — 2 (рис. 40, 2)). Все заготовки небольшие (от $3,0 \times 2,4$ см до $4,6 \times 3,7$ см) и уплощенные, края относятся к типу 1 («ножевидные») и — реже — к типу 2 («скребла-ножи»). Из импортного кремня изготовлено только три подобных орудия (горизонт 1 слоя 3А — 1 и горизонт 2 — 2).

5.4.5. Диагональные скребла

Диагональные скребла насчитывают 15 экз. Часть из них переключается с поперечными, многие из которых имеют скошенный край, а часть более близка боковым скреблам. В то же время угол наклона их лезвий относительно оси скалывания от 45 до 60 градусов не позволяет попросту разнести эти орудия по данным типам (поступить так пришлось все же при составлении тип-листа по Ф. Борду, где данный вариант скребел не учтен). В слое 4 подобное скребло одно, в слое 3А — 12 экз. (горизонт 1 — 1, горизонт 2 — 8, горизонт 3 — 3). Два орудия найдены в слое 2.

Лезвия у большинства изделий прямые или слабовыпуклые. Два скребла, близкие по форме и размерам, имеют довольно выпуклый край. Одно из них (слой 2) по выпуклости и крутизне левой оконечности края приближается к скребкам

(рис. 41, 12). Выделяется скребло с крутым выпукло-вогнутым краем из горизонта 2 слоя 3А (рис. 41, 9). Более крупное орудие с выпукло-вогнутым краем из горизонта 3 слоя 3А отличается вытянутым и узким дистальным концом, который, возможно, заканчивался острием (облом) (рис. 41, 6). Поскольку же другой его край имеет следы утилизации, это орудие переключается с *pointes déjetées*. Отмечу еще одно изделие из слоя 3А (горизонт 2) — скребло, лезвие которого, оформленное крутой и распространенной крупной чешуйчатой ретушью, частично срезано плоским резцовым сколом с дистального облома. У четырех скребел имеются натуральные обушки (рис. 41, 9). Размеры орудий колеблются от 4,3×5,8 см до 3,0×2,8 см, т. е. заготовки были некрупными.

Во всех случаях применялась ретушь краевая, чешуйчатая, более-менее регулярная. Если оценивать эти скребла по типам лезвийного края, то тип 1 («ножевидные») отсутствует, к типу 2 («скребла-ножи») отнесены 5 экз. Все они происходят из слоя 3А, где имеется еще 4 «типичных» скребла и 3 крутолезвийных. В слое 2 оба диагональных скребла отнесены к «типичным». Скребло из слоя 4 вызывает некоторые сомнения по поводу его атрибуции, т. к. помимо крутого ретушированного края оно имеет второй необработанный лезвийный край со следами использования (рис. 41, 5). Лезвие это, видимо, работало в качестве ножа, но отнести орудие к ножам с ретушированным обушком мешают явные, как кажется, следы утилизации и на ретушированном крае. Возможно допустить полифункциональное использование таких орудий, как и в случае с одним из описанных выше боковых скребел (рис. 37, 2).

5.4.6. Поперечные скребла

Найдено 20 поперечных скребел (слой 2 — 4; слой 3А, горизонт 1 — 6; горизонт 2 — 3; горизонт 3 — 2 и слой 4 — 5). Размеры всех орудий невелики — не более 3,6×5,2 см. Сырье в основном местное, но встречается и импортный кремь — 7 изделий (3 из слоя 4, 2 из слоя 3А и 2 из слоя 2). Явно преобладают выпуклые лезвия, но есть и 4 прямых (3 — из слоя 2, 1 — из слоя 3А), а также 3 вогнутых (2 — из слоя 4 и 1 — из слоя 3А). По типам рабочих краев поперечные скребла разнообразятся, но малочисленность изделий не позволяет уверенно говорить о тенденциях. Преобладают «скребла-ножи» — 10 экз. (слой 2 — 1 (рис. 41, 7); слой 3А, горизонт 1 — 3 (рис. 41, 10); горизонты 2, 3 и слой 4 — по 2 экз.), 4 изделия определены как «типичные» скребла (два орудия — из слоя 2 и по одному из горизонта 2 слоя 3А (рис. 41, 3) и слоя 4). «Ножевидные» встречаются лишь в верхах (горизонт 1 слоя 3А — 2 и в слое 2 — 1 (рис. 41, 1)). Из трех «высоких» скребел только одно найдено в слое 3 (горизонт 2) —

рис. 41, 4, а два найдены в слое 4 (рис. 41, 2), причем все они сделаны из приносного кремня.

Что касается этих скребел из слоя 4, то сильно укороченные пропорции, массивность (толщина (е) = 0,8 и 1,4 см), крутой край (в первом случае крупная сколовая ретушь, а во втором — субпараллельная), высота которого совпадает с максимальной толщиной предметов, дают основания предполагать значительную модификацию их исходных заготовок. О более крупных размерах первоначального скола можно говорить, видимо, и для скребла с продольным лицевым утончением корпуса из горизонта 2 слоя 3 (рис. 41, 4). Заготовкой для него послужил, судя по патине, более древний скол, который затем «потерял» и дистальную часть, и срезанную ретушью ударную площадку, на месте которой и на левом крае была оформлена новая площадка для лицевого утончения. В связи с этим обращает на себя внимание еще одно близкое по «конструкции», но более сложное изделие из слоя 2. Оно является скреблом с продольным лицевым утончением корпуса с площадки, оформленной на левом крае, менее удавшейся попыткой встречного лицевого утончения от правого края плюс лицевым же утончением базальной части с площадки, которая была создана на месте ударной площадки скола (рис. 41, 7). Оба эти скребла изготовлены из импортного кремня.

5.4.7. Скребки

Как и в коллекции, описанной В. П. Любиным [1977], в новой коллекции Монашеской скребки довольно многочисленны (64 экз.) и весьма вариabельны. Благодаря послойным раскопкам и соответствующему анализу удалось, однако, установить, что количество этих орудий от слоя к слою меняется. Так, в слое 4 найдено лишь 3 скребка, а точнее, даже два с «половиной», поскольку на дистальном конце последнего — небольшого полукраевого отщепы — видны буквально только 3—4 фасетки и мельчайшие следы утилизации. Два других скребка также достаточно атипичны: скребок на площадке (рис. 42, 7) и скребок высокой формы, напоминающий кареноидные (рис. 42, 10). У последнего отмечу прием выделения лезвия намеренным обломом или рассекающим ударом, что характерно и для вышележащих уровней. В слое 3А найдены 42 скребка, включая сломанные, и 7 небольших обломков или сколов с лезвий (горизонт 3 — 6 изделий, горизонт 2 — 16, горизонт 1 — 27). Из слоя 2 происходит 11 скребков и один скол с лезвием.

Несмотря на большую вариabельность скребков Монашеской, подчеркнутую еще В. П. Любиным [1977, с. 164], большинство изделий из этой новой коллекции можно все же разделить на ряд групп. Скребки на пластинах и пластинчатых сколах составляют 11 экз. Шесть из них представляют собой

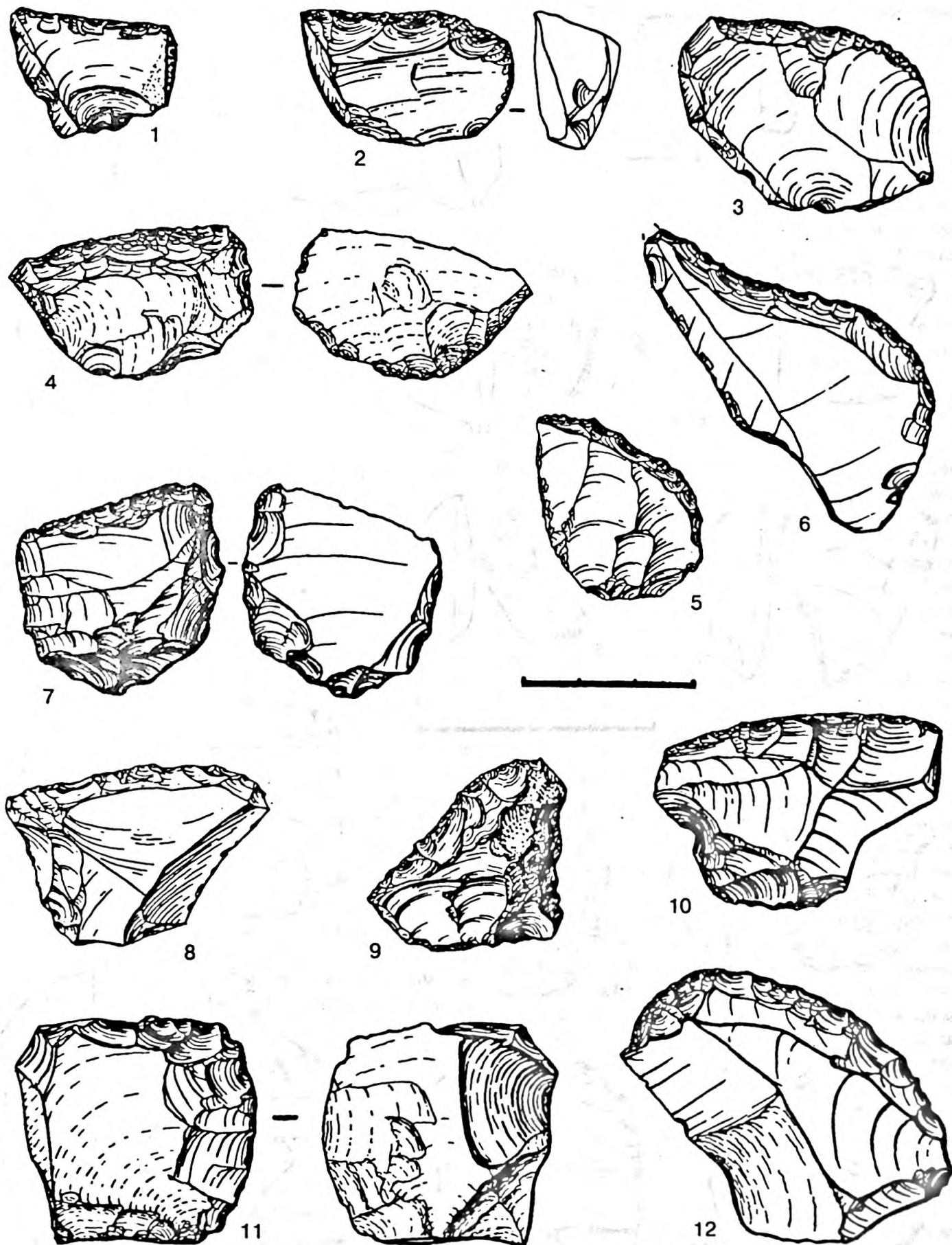

Рис. 41. Монашеская пещера:

1-4, 7, 8, 10 — поперечные скребла; 5, 6, 9, 12 — диагональные скребла; 11 — скребло с бифасальной ретушью

Fig. 41. Monasheskaya Cave:

1-4, 7, 8, 10 — transverse side-scrapers; 5, 6, 9, 12 — side-scrapers with oblique retouched edge; 11 — side-scrapers with bifacial retouch

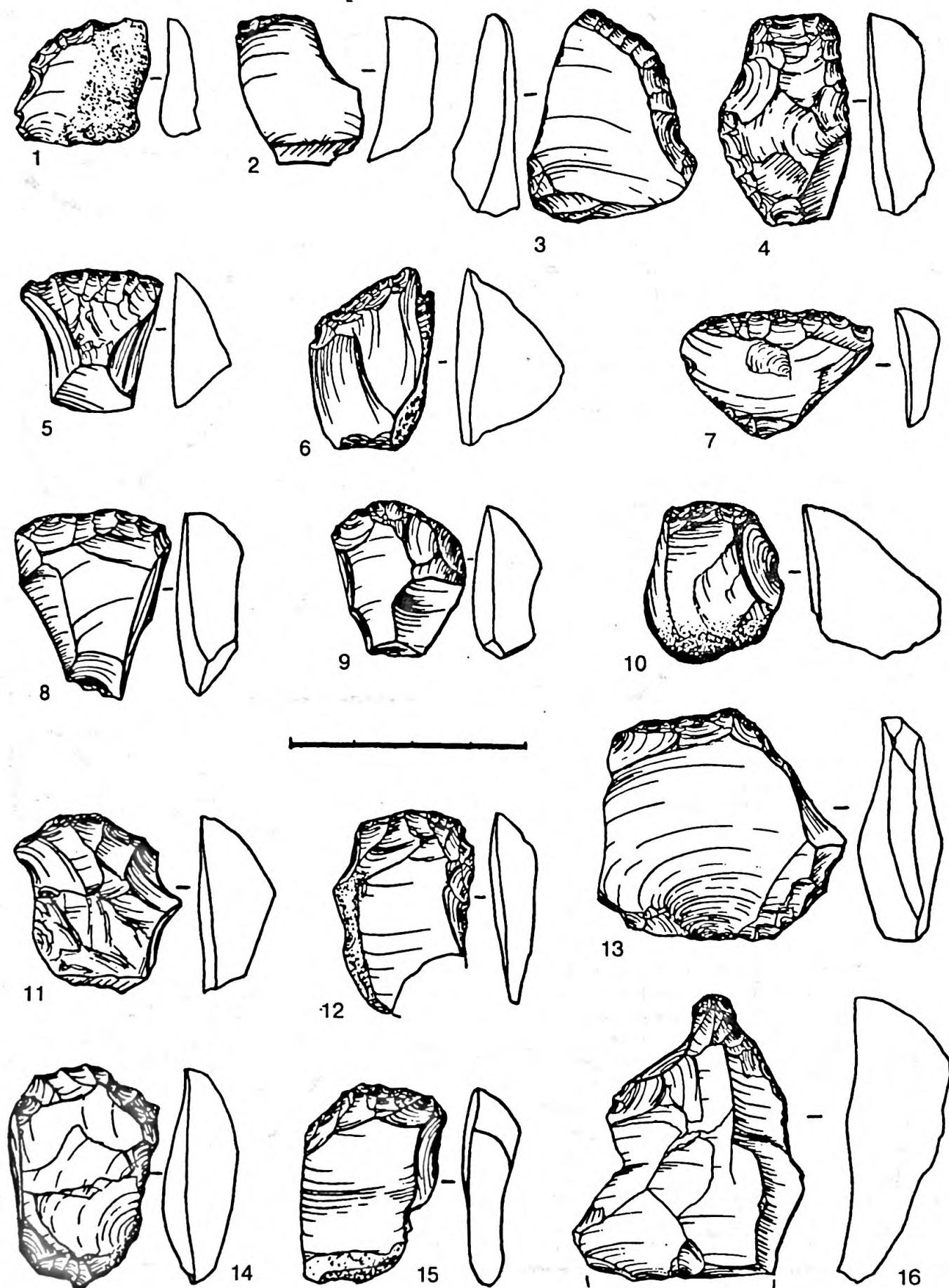

Рис. 42. Монашеская пещера. Скребки
Fig. 42. Monasheskaya Cave. End-scrapers

типичные концевые скребки — с полукрутым и крутым узкими лезвиями. Два (оба — дистальные обломки) найдены в слое 2 (рис. 43, 1). Четыре других скребка на пластинах происходят из горизонта 1 слоя 3А. Сырье в двух случаях однотипное — окремненный известняк сероватого цвета. Один из этих скребков был оформлен на сломе уклонившегося скола (*lame outrepassé*) (рис. 43, 2). У всех названных скребков выпуклое лезвие. Скребки на пластинчатых отщепах встречены по одному во всех уровнях. Два орудия (горизонты 1 и 2 слоя 3А) имеют прямое лезвие, прочие — слабовыпуклое. Наиболее массивный скребок выделяется ретушью, заходящей на продольный край (рис. 42, 4). К этой же группе относится и упомянутый первым атипичный скребок из слоя 4. Не вполне ясен характер заготовок трех дистальных фрагментов скребков с широким и прямым (в одном случае даже, пожалуй, вогнутым) слегка скошенным лезвием из горизонта 3 слоя 3А (рис. 43, 3). Скорее всего это были также пластины или пластинчатые отщепы.

Скребки на отщепах и обломках отщепов с прямым или слабовыпуклым лезвием составляют вторую группу (10 предметов). По характеру оформления можно выделить подгруппы: а) скребки с лезвием, заходящим на один из краев и покрытым коркой вторым краем (три орудия из горизонтов 1 и 2 слоя 3А (рис. 42, 12)); б) скребки с лезвием, выделенным одним или двумя обломами. Эта подгруппа включает один скребок из слоя 2 (рис. 42, 13) и четыре из слоя 3А (горизонт 1 — 2, горизонт 2 — 1 (рис. 42, 5) и горизонт 3 — 1 (рис. 42, 8)). В большинстве случаев их скребковые лезвия расположены на продольном крае заготовки и можно было бы заподозрить в них дистальные и медиальные обломки простых боковых скребел, если бы не серийность этих изделий и наличие подобного же приема (выделение лезвия обломами) на ряде «правильных» скребков с поперечным относительно заготовки лезвием (рис. 42, 13).

Третья группа скребков сочетает выпуклые полукрутые и крутые лезвия с тем же способом их выделения — 8 изделий. Три из них найдены в горизонте 2 слоя 3А (рис. 42, 15), четыре — в горизонте 1 этого слоя (рис. 42, 9, 11) и два — в слое 2 (рис. 42, 14).

Имеется также пара скребков с лезвием, расположенным на выпуклом боковом крае маленьких отщепов (примерно 2×2 см) (рис. 42, 1). Найдены эти скребки, или микроскребла (?), в горизонте 1 слоя 3А и в слое 2. Еще одна пара скребков из верхнего горизонта слоя 3А имеет в качестве рабочего лезвия круто загнувшийся к спинке дистальный конец брюшковой поверхности, лишь слегка подправленный несколькими фасетками (рис. 42, 2).

Прочие скребки, пожалуй, являются единичными оригинальными формами. В слое 3А отмечу

небольшой очень массивный скол из серого прозрачного кремня с косым прямым лезвием на дистальном конце (горизонт 2) — рис. 42, 6. Здесь же найден необычный по оформлению двойной скребок с выпуклыми полукрутыми брюшковыми лезвиями, расположенными под углом друг к другу (рис. 42, 3). Одно из лезвий этого «феномена», как и у скребка из слоя 4, оформлено на месте площадки отщепа. Упомяну в слое 3А еще две более банальные формы: выпуклый скребок на дистальном обломке уклонившегося скола и обломок скребка с массивным крутым лезвием, заходящим на боковой край. Прочие орудия — это атипичные скребки, представляющие собой мелкие отщепы и обломки с небольшими участками поразному расположенных крутых лезвий.

В слое 2 следует обратить внимание на два очень массивных скребка с крутым узким лезвием на обломке крупного скола (рис. 42, 16) и нуклеидном обломке. Усечение левой части дистального конца первого из них выделило очень узкое скребковое лезвие, благодаря чему можно назвать это орудие *grattoir-museau* или даже *grattoir-bes*. Лезвие второго скребка выделено крутой клетонской выемкой, и он относится к подлинным *grattoir à museau*. Отмечу еще в этом слое небольшой скребок с брюшковым лезвием и скребок на примыкающем к площадке выпуклом крае. Типичные для Монашеской боковые торцы видны и здесь: облом части левого края и остаток площадки нуклеуса справа.

Имеется, как сказано, семь лезвийных фрагментов скребков, которые получились в результате продольного облома лезвия (5), уклонения скола при ретушировании или подправке (1) и уклонения скола при утончении (1). Абсолютно преобладает местное сырье, импортное отмечено лишь в 6 случаях (два — слой 2, три — горизонт 1 слоя 3А и один — из горизонта 2 того же слоя). Надо отметить, что помимо «чистых» скребков, скребковые лезвия отмечены также у 15 описанных ниже комбинированных орудий: скребок + скребло — 4 (слой 2, горизонт 2 слоя 3А (рис. 60, 12) и слой 4 (рис. 60, 5)); скребок + анкош — 5 (три из слоя 2 и два из слоя 3А — горизонт 1 (рис. 60, 7) и горизонт 2 (рис. 60, 6)); скребок + клюв, или бес, — 1 (слой 3А, горизонт 1); скребок + резец (слой 3А, горизонт 1); скребок + анкош + клюв — 3 (слой 3А, горизонт 1 — 1 (рис. 60, 9), горизонт 2 — 2); скребок + скребло + анкош + резец — 1 (слой 3А, горизонт 2 (рис. 60, 10)).

Резюмируя, отмечу мизерное количество и атипичность скребков в слое 4, возрастание их количества в верхах (особенно в горизонте 1 слоя 3А), где появляется уже определенная серийность, и наибольшую развитость форм также в верхних уровнях (концевые скребки на пластинах).

5.4.8. Резцы

Изделия с резцовыми сколами составляют 26 экз. Имеются еще резцовые сколы в комбинации с другими орудийными элементами — резец + поперечное скребло, резец + анкош (4), резец + скребок + скребло + анкош (рис. 60, 10), резец + скребок (все — слой 3А); резец + анкош — слой 2. Эти изделия были учтены в группе комбинированных орудий. Достаточно плоские резцовые сколы от острия конвекгентнолезвийных орудий отмечены у девяти остроконечников и угловатых скребел и одного диагонального скребла. Согласно П. Кэллоу, эти сколы есть результат ударного воздействия острием [Callow, 1986], однако, по моему мнению, возможно объяснять некоторые из них и подживлением острейшего участка лезвий. Имеются в коллекции и резцовые отщепы, снятые с лезвий орудий, — 7 экз.

Основное количество резцов найдено в слое 3А — 19 (горизонт 1 — 9, горизонт 2 — 6, горизонт 3 — 4). В слое 2 выделено только 3 резца, в слое 4 — 4. Больше всего в коллекции простых угловых резцов — 16 экз. В слое 4 найдено два таких резца (широкий скол с торцевой грани отщепы и скол с косога облома базальной части пластины (рис. 43, 4)). В горизонте 3 слоя 3А имеется также два угловых резца (на углу сломанных пластин (рис. 43, 11)); в горизонте 2 — 5 (с облома — 2 (рис. 43, 15)), с торцевой грани — 2 (поперек или под углом к оси скалывания (рис. 43, 7)); в горизонте 1 — 6 (с облома — 3, в том числе два на пластинах, один — на дистальном обломке полукраевого отщепы со скосом на брюшко (рис. 43, 6), один — с петлеобразного окончания отщепы и два — с торцевой грани). Слой 2 дал лишь один угловой резец на пластине (с облома). Встречены также и двугранные угловые резцы — 6 (слой 2 — 2, слой 3А, горизонт 1 — 2, горизонт 2 — 1, слой 4 — 1). Особенно интересен многофасеточный угловой резец на пластине из горизонта 1 слоя 3А (рис. 43, 10), имеющий очень развитый облик. Пять резцов можно назвать атипичными, поскольку резцовые сколы положены с завалом на спинку или брюшко, соответственно, образуя и скошенные кромки (рис. 43, 8, 13).

Единственный срединный резец найден в нижнем горизонте слоя 3А (рис. 43, 5). Единичен и обнаруженный там же боковой резец (рис. 43, 14), который является, возможно, переоформлением скребла. Наиболее же оригинальными из резцов представляются, однако, изделия, которые ближе всего, как кажется, к орудиям типа *burin saigné* [Brézillon, 1968, p. 178, fig. 51] — 2 предмета. Наиболее выразительным и бесспорным является резец из слоя 4 (рис. 43, 14), а орудие из горизонта 1 слоя 3А сходно с первым лишь отчасти. Площадкой служит здесь не резцовый скол, как в первом случае, а боковая торцевая грань отщепы,

кромка является более широкой и неровной (рис. 43, 9). Присутствие столь сложной разновидности резца в нижнем мустьерском слое несколько смущает, хотя инфильтрация в него более поздних материалов, учитывая перекрывание его мощным обвальным горизонтом, кажется не слишком вероятной.

В целом же, как показано, абсолютно доминируют различные варианты простых угловых резцов. Часть из них, особенно атипичные, были, возможно, случайным результатом утилизации или других повреждений. Однако имеются и бесспорные, морфологически достаточно выразительные и даже сложные орудия. Импортное сырье отмечено лишь однажды — в горизонте 2 слоя 3А (желтокремневое, или «медовое», сырье) — рис. 43, 15. Изделие это было переоформлено из какого-то орудия: резцовый скол был нанесен с облома и срезает ретушированное лезвие.

5.4.9. Ножи

Как уже говорилось выше (гл. 2), мне кажутся весьма резонными определенные сомнения Г. П. Казаряна [1990] в правомерности выделения ножей с натуральным обушком как особого типа орудий. Дело в том, что отсутствие вторичной обработки ставит под вопрос намеренность получения этих форм, представляющих собой всего лишь естественно-обушковые сколы. Г. П. Казарян полагает, что для получения сколов такого типа вовсе не так уж обязательна особая, «предназначенная» для этого технология и они могут быть обычным побочным продуктом леваллуазского или иного способа расщепления [Казарян, 1990]. Для коллекции Монашеской это представляется очевидным — подобные сколы составляют здесь около 10—15 % всех сколов-заготовок. Наличие на некоторых из них соответствующих следов утилизации также не может быть, строго говоря, критерием «орудийности», т. к. указывает на использование, а не на предназначение. В этом смысле ножами является значительное число самых разных сколов и орудий, обладающих режущим лезвием. Кажется поэтому, что в случае недоказанности наличия специально ориентированной технологии корректнее было бы говорить не об особом типе орудий, а лишь о проценте обушковых сколов, использовавшихся в данной функции.

Из-за отсутствия трасологического анализа данной коллекции установить подлинный процент естественно-обушковых сколов-ножей невозможно. Остается лишь указать на ряд изделий с натуральным обушком и достаточно характерными для режущих орудий [Шелинский, 1992] макроследами на необработанных лезвиях — 11 экз. В слое 4 отмечено 2 изделия (рис. 44, 4), в слое 3А, горизонт 1 — 7 (рис. 44, 1, 5); в слое 2 — 2 (рис. 44, 6). Большинство этих сколов несут на обушках-торцах желвачную корку, т. е. являются

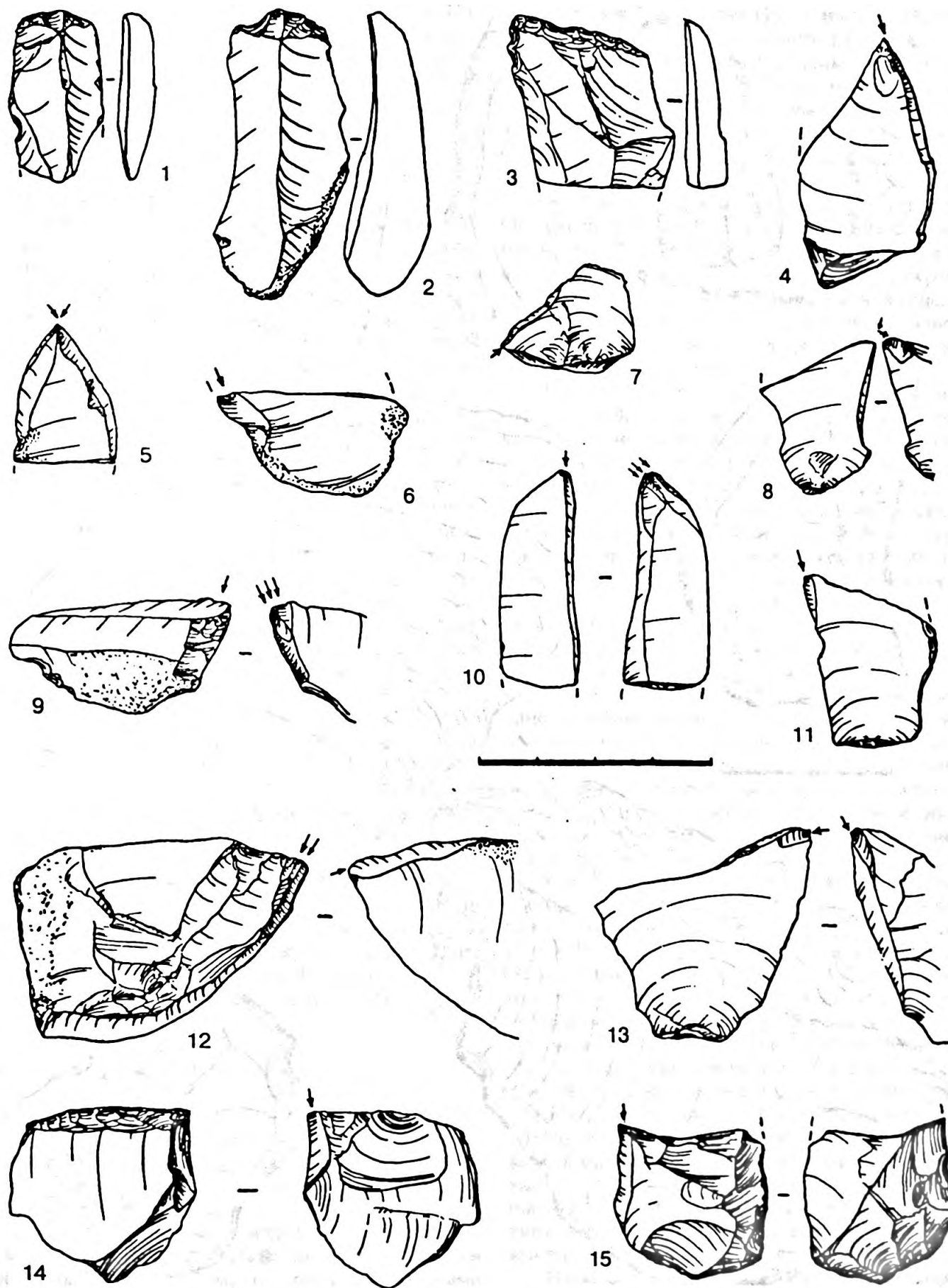

Рис. 43. Монашеская пещера:

1-3 — скребки; 4-15 — резцы

Fig. 43. Monasheskaya Cave:

1-3 — end-scrapers; 4-15 — burins

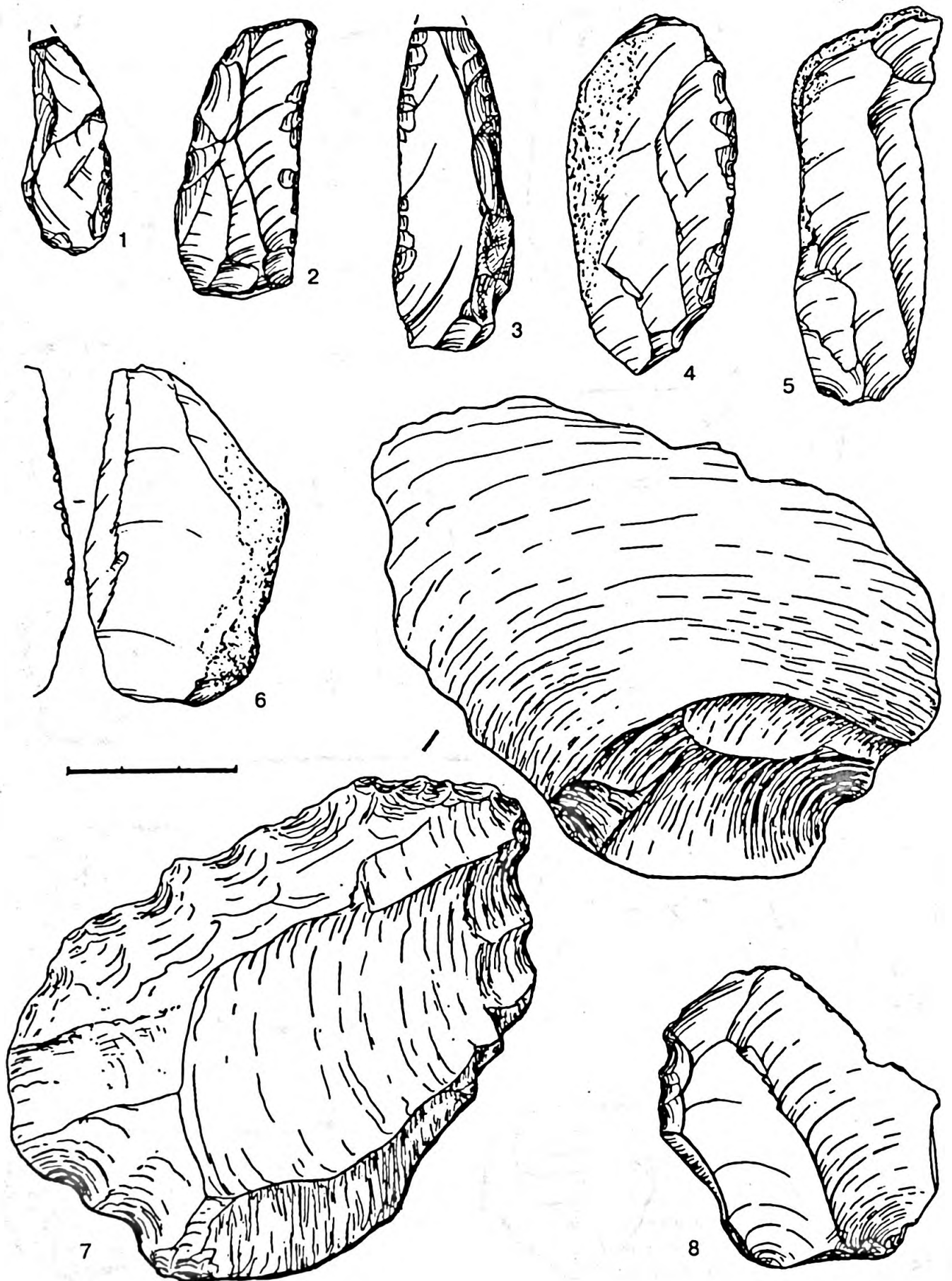

Рис. 44. Монашеская пещера:

1-6, 8 — ножи; 7 — зубчатое орудие

Fig. 44. Monasheskaya Cave:

1-6, 8 — backed knives; 7 — denticulated tool

полукраевыми, но у двух (горизонт 1 слоя 3А) обушки представляют собой срезанную грань ядрища (рис. 44, 1). Есть еще три предмета с такими обушками, но они дополняются ретушью и поэтому будут рассмотрены особо. Два орудия из описанных здесь, видимо, имели острый конец, который был обломан (рис. 44, 1).

Вопрос о ножах с ретушированными обушками кажется не менее сложным. Если вынести «за скобки» макроследы утилизации, единственным признаком их является ретушированный обушок. Однако доказать именно аккомодационную, а не орудийную функцию ретушированного края не просто, тем более что реально он скорее всего мог использоваться и так и этак. Впрочем, последнее слово относительно функции остается, разумеется, за трасологами. Что же остается в таком случае типологам — по-видимому, попытаться выяснить, есть ли среди орудий с одним ретушированным краем изделия со специфическим комплексом признаков, позволяющих обособить их от прочих и интерпретировать как ножи. Это могут быть изделия с выделением острого конца или с сочетанием крутой ретуши и участка естественного торцового края и т. п. У меня пока нет достаточного материала для проработки этого вопроса. Можно указать лишь на три изделия, которые наиболее, как кажется, подходят для отнесения их к ножам с ретушированным обушком. Точнее, правда, называть их ножами с частично ретушированным обушком, т. к. крутая ретушь в верхней части обушка сочетается с естественным торцом в нижней (желвачная корка — слой 3А, горизонты 1 и 3 (рис. 44, 2, 3)) или с краем ядрища с площадкой (слой 2) — рис. 44, 8. Однозначная интерпретация еще четырех изделий, отчасти близких к данному типу, затруднительна. Три из них (слой 4, горизонт 2 слоя 3А и слой 2) с соответствующей оговоркой о близости к ножам с ретушированным обушком, были все-таки отнесены к группе простых боковых скребел (рис. 37, 2). Третье, происходящее из слоя 4, было описано в группе диагональных скребел (рис. 41, 5).

5.4.10. Зубчатые орудия

К зубчатым, как отмечено выше (гл. 2), отнесены только те изделия, намеренная обработка которых вызывает наименьшие сомнения. Таких орудий насчитывается 91 экз. Среди них можно выделить несколько групп.

Первая группа — это изделия с одним прямым или вогнутым в плане лезвием, вогнутым или прямым профилем, оформлены крупными (0,8—1,2 см) и средними (0,4—0,7 см) сопряженными выемками. Извилистость и угол края варьируют — в зависимости от размеров и угла наклона фасеток. В этой группе 23 изделия: два с очень крутым и сильно сработанным лезвием из слоя 4,

два — из слоя 2, остальные (19) — из слоя 3А, причем 16 из них найдены в горизонте 1 (рис. 45, 3, 8).

Вторая группа включает сходные предметы с более мелкими и, как правило, менее регулярными выемками и более пологим в целом профилем — 18 изделий. 13 из них найдены в слое 3А (горизонт 1 — 10 (рис. 45, 2), горизонт 2 — 2, горизонт 3 — 1); четыре — в слое 2 и одно — в слое 4.

К третьей группе отнесены 9 предметов с выпуклым полукруглым или крутым зубчатым краем (слой 3А — 7 (горизонты 1 и 2), одно из слоя 2 и одно из слоя 4). Особо отмечу среди них скребло с лицевым утончением дистального конца (рис. 45, 10) и массивное орудие, оформленное крутой сколовой (т. е. крупной — до 1,4 см и глубокой — до 0,3 см) ретушью (рис. 45, 15).

Четвертую группу составили шесть изделий с разновеликой ретушью и рваным извилистым краем (интенсивная утилизация?). Все они происходят из верхов слоя 3А (рис. 45, 4, 5). Наконец, имеется еще одна небольшая группа скребел, сближающихся с простыми скреблами благодаря более интенсивной ретуши с отчасти перекрывающимися друг друга фасетками, что местами придает лезвию скорее волнистый, нежели зубчатый характер. Таких орудий (4 экз.) найдено по 2 в слоях 4 и 2. Приведу здесь два образца с утончениями: лицевым базальным (рис. 45, 9) и двойным (встречным) продольным лицевым (рис. 45, 6). Среди прочих укажу на пару оригинальных однолезвийных зубчатых с выделением концевого острия (рис. 45, 1) — горизонт 1 слоя 3А. Два изделия из низов слоя 3А (горизонты 2 и 3) могут быть формально отнесены к крупнозубчатым угловатым скреблам. Последнее, сделанное из серого известняка, отличается частично удаленным ударным бугорком (рис. 44, 7).

К крупнозубчатым без дальнейшего уточнения можно отнести также 7 фрагментов (5 — из горизонта 1 слоя 3А, 2 — из горизонта 2 этого слоя). Есть еще 19 обломков с единственной или же двумя крупными выемками, соседствующими с обломом (16 — горизонт 1 слоя 3А, 3 — горизонт 2), которые могут быть определены и как фрагменты крупнозубчатых, и как выемчатые изделия. Первое, однако, кажется более предпочтительным, т. к. выемки эти непосредственно примыкают к облому. Отмечу здесь обломок крупнозубчатого светлокремневого изделия из слоя 4 (рис. 45, 7), выделяющегося крупными размерами, величиной выемок и подтеской лезвия с брющка. При ином подходе возможно отнести это орудие к разряду смежных анкошей, образующих при пересечении выступ-зубец (см. ниже).

Итак, около половины всех зубчатых (прежде всего из групп 1 и 2) относятся к горизонту 1 слоя 3А — 57 экз. Во втором горизонте найдено лишь 14 таких орудий, а в прочих уровнях — менее десятка (слой 4 — 7; горизонт 3 слоя 3А — 4 и слой 2 — 9). Импортное сырье отмечено только в

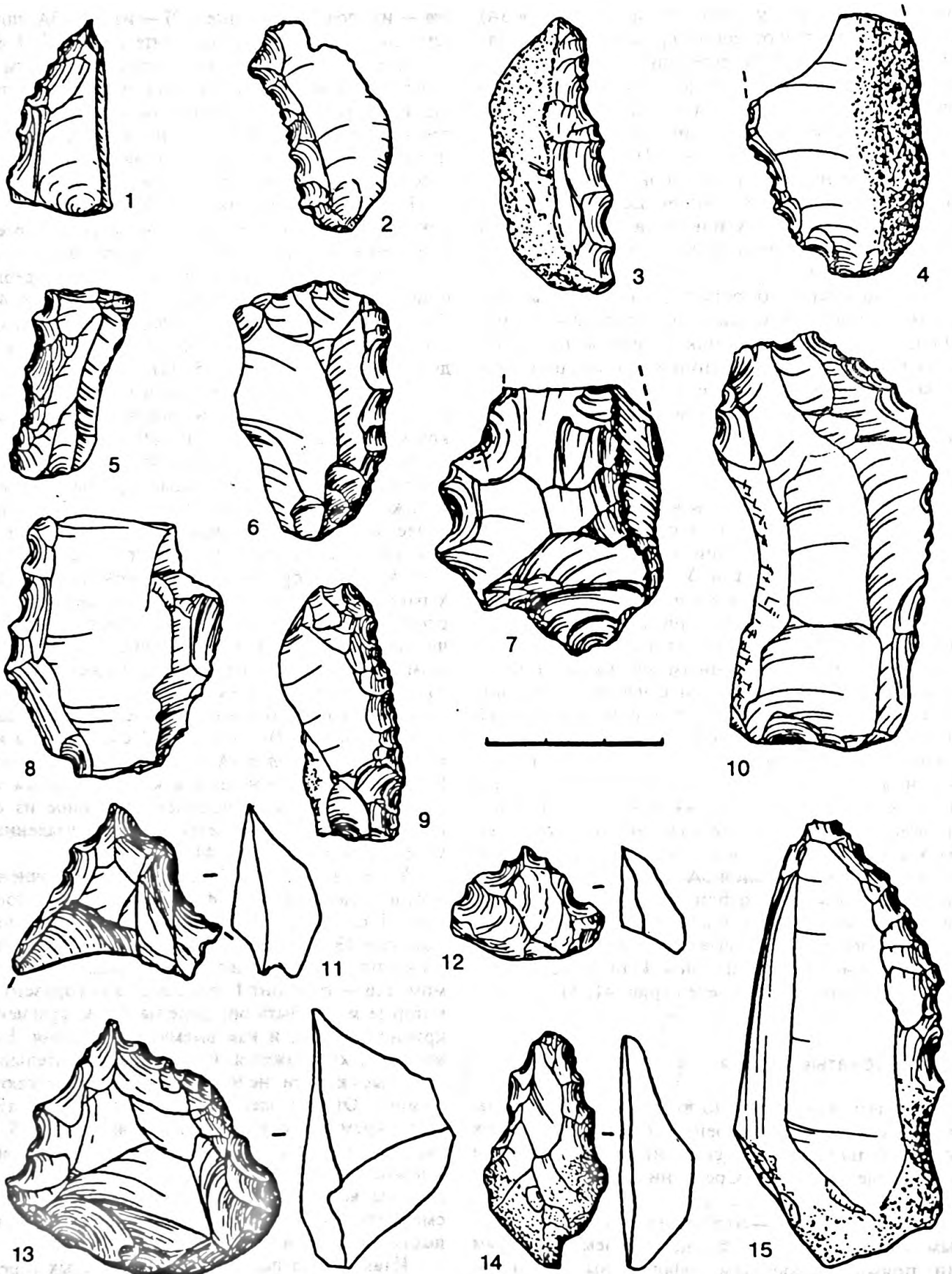

Рис. 45. Монашеская пещера. Зубчатые орудия
 Fig. 45. Monasheskaya Cave. Denticulated tools

13 случаях (7 — горизонт 1 слоя 3А, 2 — горизонт 2 этого слоя и 4 — слой 4).

Наконец, имеются конвергентнолезвийные зубчатые орудия, которые можно сопоставлять с тейжскими остроконечниками — 5 экз. Два наиболее крупных, массивных и очень близких друг другу изделия (одно — дистальный фрагмент) найдены в слое 4 (рис. 45, 11, 13). Третий предмет — это обломок, напоминающий первые два, но менее массивный (слой 3А, горизонт 2). В горизонте 1 слоя 3А найдено два предмета. Один из них кажется уменьшенной раза в три копией первых двух изделий (рис. 45, 12). Последнее конвергентнолезвийное орудие оформлено на удлиненном полукраевом сколе. Оно помещено в данную группу условно, т. к. имеет совсем иные, вытянутые пропорции и вместо острия завершается скребковым элементом (рис. 45, 14). Нельзя исключить, однако, вторичный характер такого оформления конца.

Прочие предметы с зубчатым лезвием являются результатом утилизации или повреждений их при захоронении в слое. Как показатель утилизации характерна мелкозубчатая нерегулярная ретушь *grignotée*, уже отмеченная ранее для коллекций Монашеской и Баракаевской В. П. Любиным [Любин, 1977; 1994]. Такая ретушь чаще встречалась в верхних уровнях — 35 предметов из слоя 2 и 38 из горизонта 1 слоя 3А. В нижних горизонтах они присутствуют много реже — от 5 до 12 изделий. Другие же зубчатые псевдоорудия с более крупной разнофасеточной ретушью и явными выломами (32 экз.) были скорее продуктом вытапывания. Об этом говорит и то, что половина их найдена в пределах горизонта 3а, где была прослежена наивысшая среди всех уровней Монашеской интенсивность обитания (см. гл. 3).

5.4.11. Выемчатые орудия

Эта группа орудий наиболее многочисленна — 189 экз. Более половины их найдено в горизонте 1 слоя 3А — 107 экз., в подстилающем горизонте 2 и в вышележащем слое 2 — соответственно, 33 и 36 изделий. Низы слоя 3А (горизонт 3) доставили всего лишь 3 анкоша, а слой 4 — 10 экз.

Выделяется несколько групп выемчатых орудий. Во-первых, это единичные выемки (анкоши) — как клектонские (125), так и ретушированные (17). Малочисленность последних усугубляется сомнительностью части этих орудий (мелкие выемки на очень тонком крае (рис. 46, 1, 2)) и близостью некоторых других изделий к вогнутым поперечным скреблам (рис. 46, 3, 4, 5). Мелкие ретушированные выемки на небольших тонких заготовках отмечены в 9 случаях: слой 2 — 1; слой 3А, горизонт 1 — 6 (рис. 46, 1, 2, 4), горизонт 2 — 2. Изделия с более крутыми и крупными ретушированными выемками на более массивных сколах — 6 предметов (слой 2 — один брюшковый анкош на уклонившемся сколе (рис. 46, 10);

слой 3А, горизонт 1 — 3 (два боковых и дистальный — рис. 46, 3), горизонт 2 — 2 (дистальный анкош (рис. 46, 5) и обломок выемчатого орудия). Все сырье — исключительно местное.

Одинарные клектонские анкоши распределяются следующим образом: слой 2 — 23; слой 3А, горизонт 1 — 78, горизонт 2 — 15, горизонт 3 — 2; слой 4 — 7. Среди них довольно много (46, или 38,4 %) крупных (с диаметром более 1 см) и пологих снятий, образующих острый слабовогнутый край (рис. 46, 8, 9, 12, 13, 15—18). Полукрутые и крутые анкоши (угол лезвия больше 50 град.) довольно редки — 20 экз., притом они либо мелкие (диаметр менее 0,5 см) (рис. 46, 11), либо связаны с тонким краем, что заставляет сохранять некоторую долю сомнений в отношении намеренности выемки. Мелкие и средние (1 см > d > 0,5 см) пологие анкоши особенно многочисленны — 59 экз. (рис. 46, 6, 7, 14, 20, 22). Некоторые из «средних» по размеру приближаются к крупным, т. е. граница эта проведена условно и размеры выемок меняются достаточно плавно. Нет, на мой взгляд, и заметной стандартизации в подборе заготовок и расположении выемок. Преобладают, правда, боковые выемки (рис. 46, 6—9, 11, 14, 17, 22), но какой-либо системы в их оформлении не прослеживается. Среди заготовок доминируют небольшие отщепы и обломки отщепов, особенно многочисленные в горизонте 1 слоя 3А (66 %). Крупные заготовки (более 5 см в любом измерении) использовались крайне редко — 7—8 случаев (почти все — обломки, т. е. реконструкция габаритов гипотетическая). Абсолютно господство местного сырья, импортный отмечен лишь у 19 орудий, 14 из которых найдены в горизонте 1 слоя 3А (13 — обломки отщепов и один фрагмент более древнего орудия). Имеются также 19 орудий с двумя выемками, расположенными изолированно друг от друга. Они в небольшом количестве (от 3 до 6 изделий) имеются во всех уровнях, исключая нижний горизонт слоя 3А. Среди них встречаются противоположащие боковые выемки (рис. 46, 19), сочетания лицевой и брюшковой выемок (рис. 46, 21).

Помимо единичных клектонских анкошей имеется довольно большая группа изделий с двумя смежными выемками, образующими на пересечении небольшие, различные по размерам и форме выступы — 31 предмет (слой 2 — 7; слой 3А, горизонт 1 — 15; горизонт 2 — 8; горизонт 3 — 1). Можно, хотя и с определенной долей условности, выделить среди них несколько подгрупп. Первую образуют изделия с плоским подтреугольным (трапезиевидным) зубцом, величина которого зависит от глубины анкошей и прямой или выпуклой формы исходного лезвия, — 19 орудий: слой 2 — 3 (рис. 47, 6); слой 3А, горизонт 1 — 11 (рис. 47, 2, 4, 7, 8); горизонт 2 — 4 (рис. 47, 3); горизонт 3 — 1 (рис. 47, 1). Заготовки разнообразны, но преобладают мелкие сколы (9) или их обломки. Несколько особняком стоят три орудия на массивных

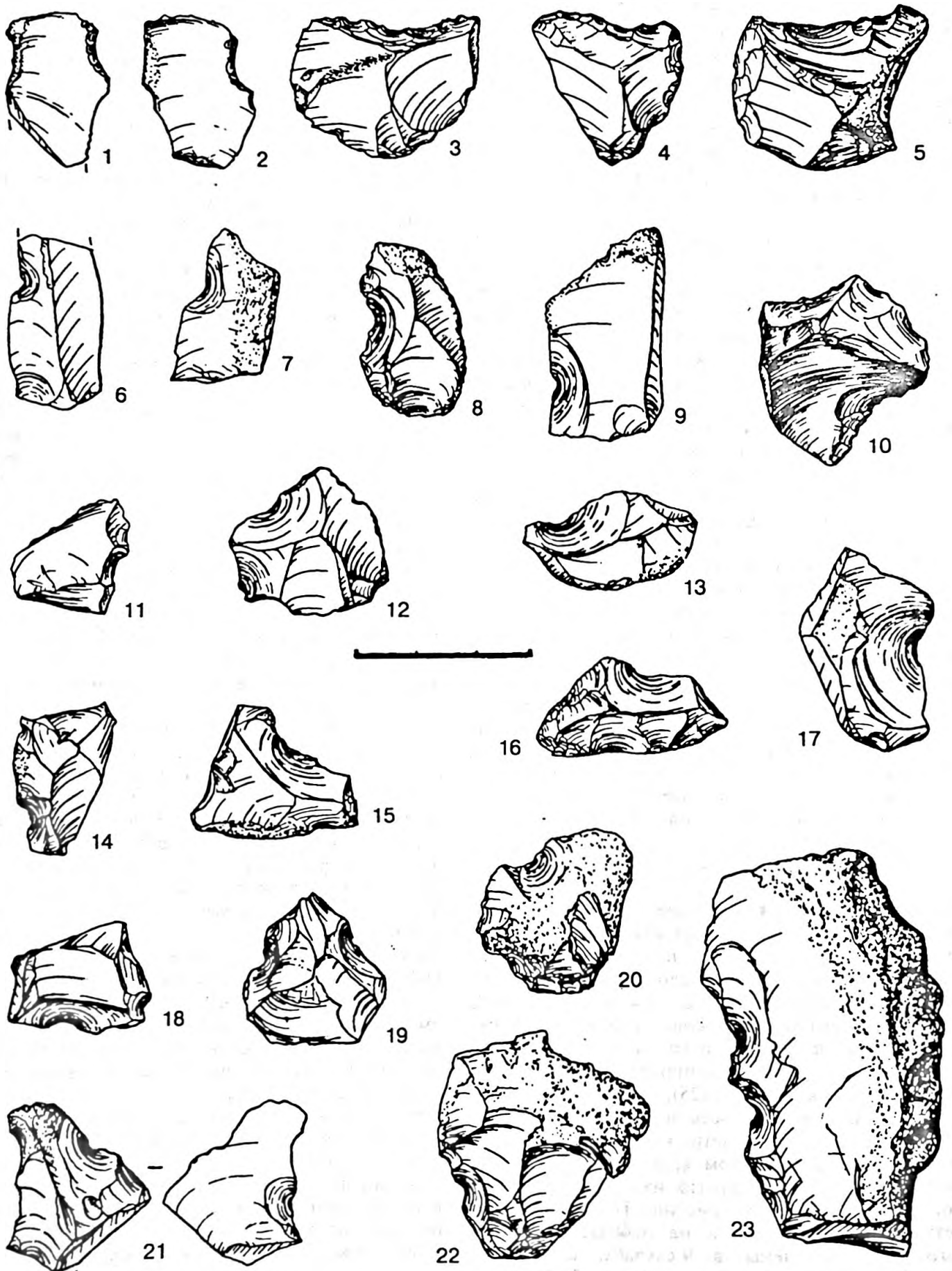

Рис. 46. Монашеская пещера. Выемчатые орудия
 Fig. 46. Monasheskaya Cave. Notched tools

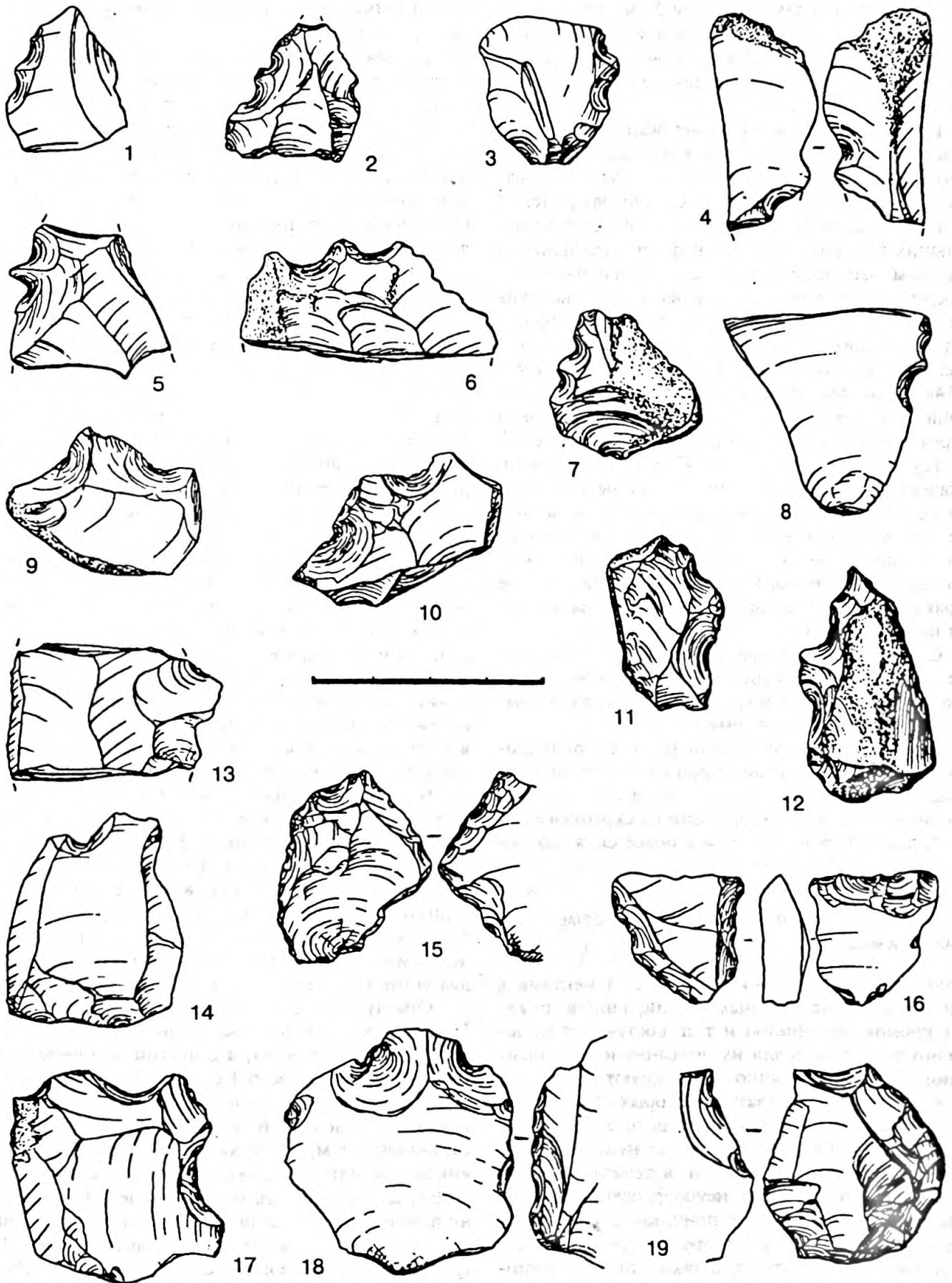

Рис. 47. Монашеская пещера:

1-12 — выемчатые орудия; 13-19 — орудия с выделенными режущими кромками

Fig. 47. Monasheskaya Cave:

1-12 — notched tools; 13-19 — tools with isolated cutting edges

полукраевых сколах из слоя 2 и горизонта 1 слоя 3А (рис. 46, 23). Расположены подобные выступы преимущественно на боковых краях заготовок, есть случаи альтернативного расположения анкошей (рис. 47, 4).

Вторая подгруппа включает изделия, которые являются пограничными между смежными или сдвоенными анкошами и клювовидными формами. С первыми их сближает способ оформления орудийного элемента и плавность перехода от небольших плоских выступов к более массивным и крупным. Сопоставлять их с клювовидными заставляет явная намеренность выделения выступа и его подтреугольная форма в плане и в профиль. У французских типологов такие формы описываются под названием *bec mousse* [Brézillon, 1968, p. 148] или *bec par encoches clactoniennes* [de Lumley, 1971, p. 241, fig. 152, б]. Эти орудия (6 экз.) встречены только в слое 3А (горизонт 1 — 3 (рис. 47, 11, 12), горизонт 2 — 3 (рис. 47, 9, 10)). Наконец, в качестве условной третьей подгруппы выделены три орудия с маленьким и узким зубцом, а точнее — шипом (слой 2 — 2 (рис. 47, 5) и горизонт 2 слоя 3А — 1). Сдвоенные анкоши Монашеской находят ближайšie аналогии в инвентаре Баракаевской, где ассортимент последних выглядит более богатым.

Среди описанных сдвоенных анкошей импортное сырье встречено лишь однажды (рис. 47, 9), заготовками выступали мелкие отщепы, их обломки и неопределимые обломки.

Помимо самостоятельной роли, анкоши широко использовались также при оформлении клювовидных орудий, а как один из орудийных элементов встречены в комбинации со скребками (5), скреблами (5), резцами (5) и в более сложных сочетаниях нескольких рабочих элементов (6).

5.4.12. Клювовидные орудия и иные формы, близкие к ним

Орудия с выступающими рабочими элементами в виде самых разнообразных острий, шипов, режущих кромок («резчики») и т. п. составляют существенную трудность для их описания и классификации. Все они обычно фигурируют в разделе клювовидных, номенклатура которых очень фрагментарна, неустойчива, противоречива (см.: [Brézillon, 1968, p. 146—148]) и весьма нуждается в ее подробной разработке [Любин, в печати]. В то же время эта типологическая неупорядоченность имеет, видимо, и объективные причины, отражая слабую стандартизацию этих орудий, многообразие способов их оформления, а также полифункциональность большинства из таких форм. Действительно, при первом же взгляде на подобные изделия из коллекции Монашеской, а их насчитывается здесь 84 экз., бросается в глаза как разнообразие, так и «текучесть» форм. Тем не менее некоторые, по-видимому, более специализирован-

ные и четкие их разновидности можно попытаться выделить.

Первая группа включает небольшие, широкие в основании треугольные выступы, оформленные ретушью, — острия (6). Четыре изделия встречены в горизонте 1 слоя 3А, включая два боковых (рис. 48, 17), одно брюшковое на обломке и одно дистально-угловое в сочетании с другим выступом, который оформлен анкошами (рис. 48, 15). Одно изделие с ретушированным выступом подобного типа найдено в слое 2. Последнее (слой 4) отнесено к этой группе с известной долей условности, т. к. отличающая его от прочих мелкая краевая ретушь может отчасти иметь утилизационное происхождение (рис. 48, 12). Как кажется, подобные изделия близки тем, которые Н. К. Анисюткин выделяет как «боковые острия» [Анисюткин, 1978, с. 12, рис. 4, 5]. Упомяну еще одно орудие, примыкающее к данной группе, но несколько отличное по способу оформления острия — ретушь + анкош (рис. 48, 11).

Другая достаточно четко вычлняющаяся группа — это изделия с хорошо выделенной узкой режущей кромкой, с выпуклым или прямым лезвием (13). В шести случаях кромка представляет собой обособленный участок лезвия, выделенный одним или двумя анкошами (слой 2 — 2 (рис. 47, 13); слой 3А, горизонт 2 — 2 (рис. 47, 14); горизонт 3 — 2 (рис. 47, 17, 18)). В последнем изделии налицо и прием выделения другого участка противоположной обработкой (ретушью), что характерно в полной мере для второй половины этой группы (*becs burinants alternes*). Варианты их оформления: противоположные анкоши — 3 (по одному в слое 4 (рис. 47, 19), горизонте 1 слоя 3А (рис. 48, 1) и в слое 2); анкош + ретушь — 3 (уже упомянутое изделие (рис. 47, 18) и еще одно орудие из горизонта 2 слоя 3А (рис. 47, 15), а также предмет с ретушной подправкой облома (рис. 48, 2)); противоположная ретушь — 1 (горизонт 2 слоя 3А), причем этим приемом на данном предмете получены два угловых «резчика» (рис. 47, 16).

Отмечу еще два изделия с режущей кромкой (участком края скола), выделенной с одной стороны ретушью или анкошем, а с другой обломом (слой 4 (рис. 48, 14) и горизонт 1 слоя 3А (рис. 48, 9)).

Уплощенные в поперечном сечении выступы имеются у еще одной группы орудий (8 экз.). Они отличаются тем, что узкая кромка их, выделяемая анкошами или ретушью, имеет более крутой угол лезвия и микроретушь на его конце (очевидно, утилизационную), что заставляет предполагать в них вероятные микроскребки или стамески (слой 2 — 2 (рис. 48, 5); горизонт 1 слоя 3А — 3 (рис. 48, 4, 7); горизонт 2 — 1; горизонт 3 — 1; слой 4 — 2 (рис. 48, 3, 8)). Последний предмет очень напоминает классический вариант *grattoir-bec'a* [Delague, Vignard, 1959].

Прочие разновидности, исключая узкие шиповидные острия, которые ниже рассматриваются

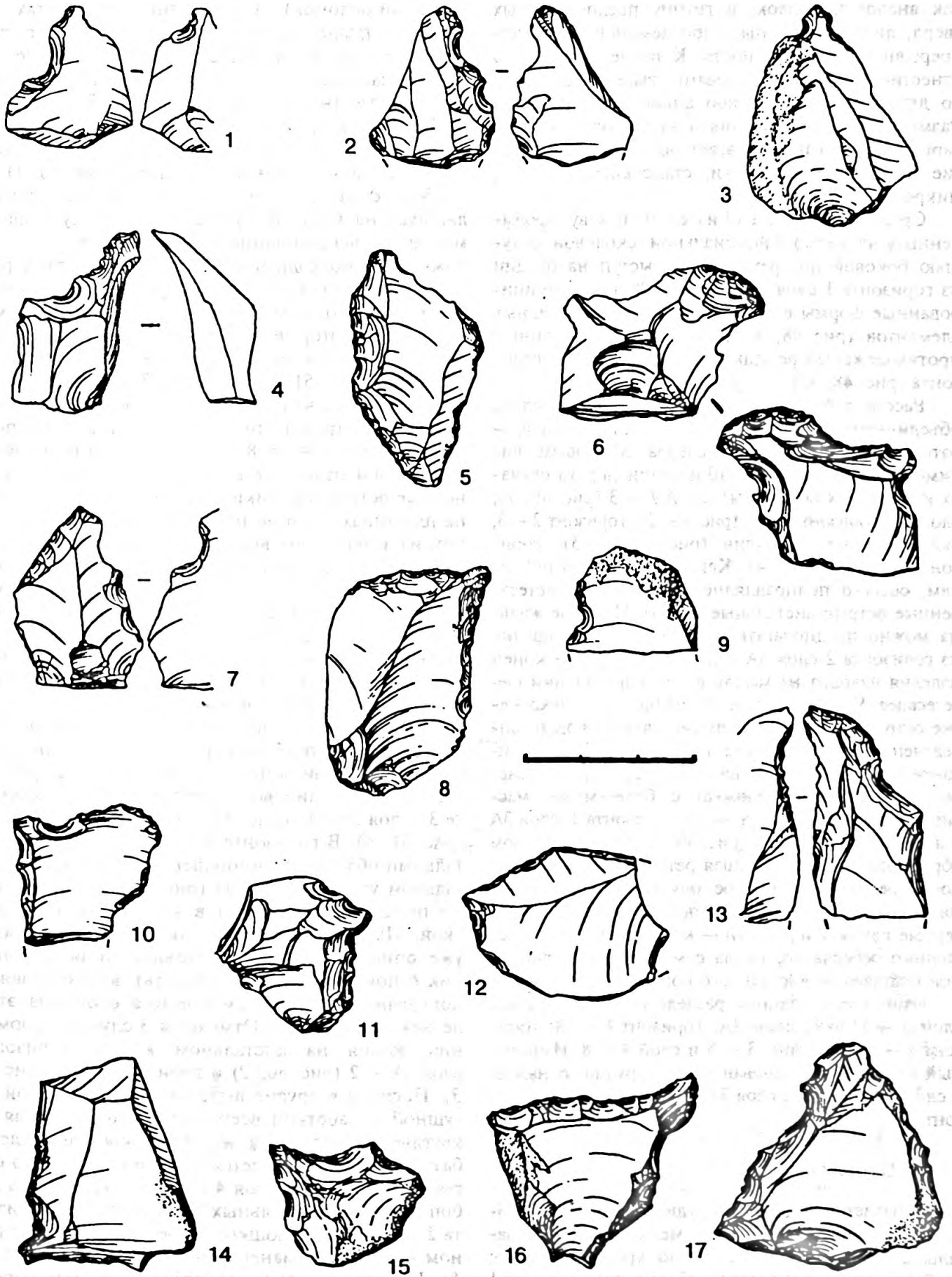

Рис. 48. Монашеская пещера. Клювовидные орудия
 Fig. 48. Monasheskaya Cave. Bees and bee-like tools

как аналог проколоч, и группу предполагаемых сверл, либо уникальны, либо демонстрируют непрерывную вариабельность. К последним можно отнести 31 предмет с клювами, выделенными либо двумя анкошами, либо анкошем и ретушью. Размеры, абрис и сечения этих выступов плавно варьируют, что предполагает, видимо, разнообразие их функций (резчики, стамески, провертки, микроскрепки и т. п.).

Среди уникальных (7 изделий) назову оформленный частично бифасиальной сколовой ретушью боковой подтреугольный выступ на орудии из горизонта 1 слоя 3А (рис. 49, 9), три комбинированные формы с сочетанием двух клювовидных элементов (рис. 48, 6) и «клюв», образованный противоположащей ретушью, — все из того же горизонта (рис. 48, 13).

Рассмотрим, наконец, две группы изделий, объединяемых под условным названием «перфораторы», т. е. проколки и сверла. К первым, видимо, можно отнести 8—10 изделий (в двух случаях кончики их обломаны): слой 2 — 3 (рис. 49, 1); слой 3А, горизонт 1 — 2 (рис. 49, 2); горизонт 2 — 3, включая скол с орудия (рис. 49, 3, 5); горизонт 3 — 2 (рис. 49, 4). Как это видно по рисункам, обычно подправлялись обломы или естественные острые дистальные концы. Наличие жальца можно предполагать и у обломанного орудия из горизонта 2 слоя 3А (рис. 49, 6). Другой конец изделия наводит на мысль о переоформлении *pièce esaiée*. Четыре орудия, имеющие несколько менее острый подправленный дистальный конец, определены как атипичные проколки — 3 из горизонта 2 слоя 3А и одна из слоя 4. К сверлам отнесено 7 изделий (3 обломка) с более-менее массивными концами: пять — из горизонта 1 слоя 3А и два — из горизонта 2 (рис. 49, 7). Совершенством обработки (противолежащая ретушь) поражает двуконечное светлокремневое орудие из горизонта 1 (рис. 49, 8). О назначении прочих говорят характерные следы утилизации — как, например, у массивного реберчатого скола с минимальной ретушной подправкой дистального конца.

Итак, всего в данном разделе учтено 84 орудия: слой 2 — 11 экз.; слой 3А, горизонт 1 — 38; горизонт 2 — 22; горизонт 3 — 5 и слой 4 — 8. Импортный кремний использован для 15 орудий: однажды в слое 4 и в верхах слоя 3А (горизонт 1 — 6, горизонт 2 — 8).

5.4.13. Остроконечники

Насчитывается 62 таких орудия (включая 33 обломка: 30 дистальных, один медиальный и 2 базальных). Распределение их по уровням таково: слой 2 — 11 (5 дистальных обломков); горизонт 1 слоя 3А — 11 (6 дистальных обломков + 1 базальный); горизонт 2 — 16 (13 дистальных обломков + 1 базальный); горизонт 3 — 12 (1 дистальный обломок); слой 4 — 12 (4 дистальных обломка + 1 ме-

диальный обломок). Об сновных вариантах их формы в плане, включающих единичные подтреугольные (рис. 50, 4; 51, 2), стрельчатые (рис. 50, 2, 6) и наиболее многочисленные и разнообразные листовидные (например, рис. 50, 3, 5, 9—11; 51, 4—7, 10—11), дают представление рис. 50, 51, а также график на рис. 58. Единственный леваллуазский остроконечник найден в слое 2 (рис. 50, 1).

Малое количество остроконечников, приходящихся на каждый из уровней, наряду с фрагментарностью половины из них заставляет с осторожностью подходить к распределению этих разновидностей по вертикали. Обращаю все же внимание на отсутствие в слое 4 изделий длиной менее 4,5 см, которые встречаются в верхних уровнях: слой 2 — 1 (рис. 51, 5), горизонт 1 слоя 3А — 3 (рис. 50, 2, 5; 51, 2), горизонт 3 — 2 (рис. 50, 3). Отмечу также, что в нижнем слое найдена зато половина остроконечников удлинённых пропорций ($L > 2d$) — 4 из 8 экземпляров. Таким образом, слой 4 отличают наиболее крупные и удлинённые остроконечники, причем они изготовлены на пластинах, чего не наблюдается более ни в одном из залегающих выше уровней. Другие четыре удлинённых остроконечника распределены между слоем 2 — 1 (рис. 50, 6) и горизонтом 3 слоя 3А — 3, включая предмет с извилистыми, приближающимися уже к зубчатым лезвиями (рис. 51, 4), весьма небрежно отделанное орудие на крупном пластинчатом отщепе ($L = 8,3$ см) — рис. 51, 11 и изделие лавролистной формы (рис. 51, 10).

Среди приемов вторичной обработки обращу внимание на утончения: базальное брюшковое с облома — мелкий остроконечник из слоя 2 (рис. 51, 5), базальное лицевое — четырежды: в горизонте 3 слоя 3 — 3 (рис. 51, 7) и в слое 4 — 1 (рис. 51, 6). В горизонте 2 слоя 3А найден и дистальный обломок уклонившегося при лицевом базальном утончении скола (рис. 51, 9). Подобный, но целый скол известен в коллекции Баракаевской. Имеется еще один любопытный образец: уже описанный выше листовидный остроконечник с повреждением (побитость) левого лезвия и поперечным утончением корпуса с облома этого лезвия (рис. 51, 10). Отмечены 3 случая оформления лезвия на дистальном конце: горизонт 1 слоя 3А — 2 (рис. 50, 2) и горизонт 3 — 1 (рис. 50, 3). Последнее орудие выделяется и сплошной ретушной обработкой всего периметра, которая закругляет его нижний конец. Такое оформление базального конца имеется еще лишь у одного остроконечника — из слоя 4 (рис. 50, 11). Очень любопытны два дистальных фрагмента из горизонта 2 слоя 3А с брюшковой ретушью на дистальном конце — на манер *pointe de Quinson* (рис. 51, 8). Полная аналогия кажется очень маловероятной, т. к. этому противоречит общий характер заготовок и достаточно скупое, как правило, использование ретуши. В пяти случаях отмечены плоские резцовые сколы от острия (рис. 51, 1, 2, 11).

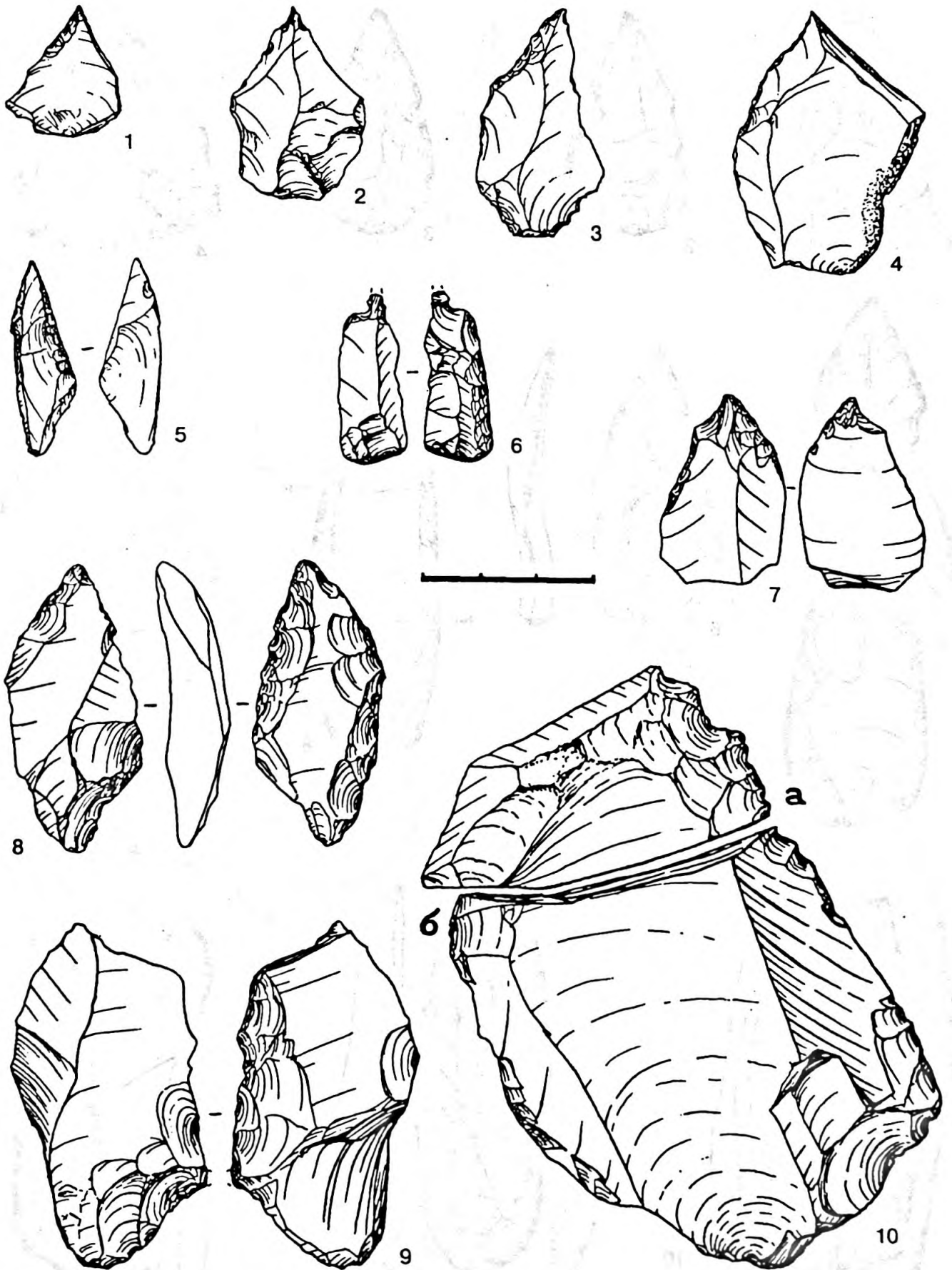

Рис. 49. Монашеская пещера:

1-6 — проколки; 7, 8 — сверла; 9 — клювовидное орудие; 10 — переформленное орудие с искусственным обломом-обушком (а) и приострением дистального угла (б)

Fig. 49. Monasheskaya Cave:

1-6 — borers; 7, 8 — thick borers; 9 — bec-like tool; 10 — reshaped tool with backed edge resulted from intentional breakage (a) and resharpened distal part of working edge (б)

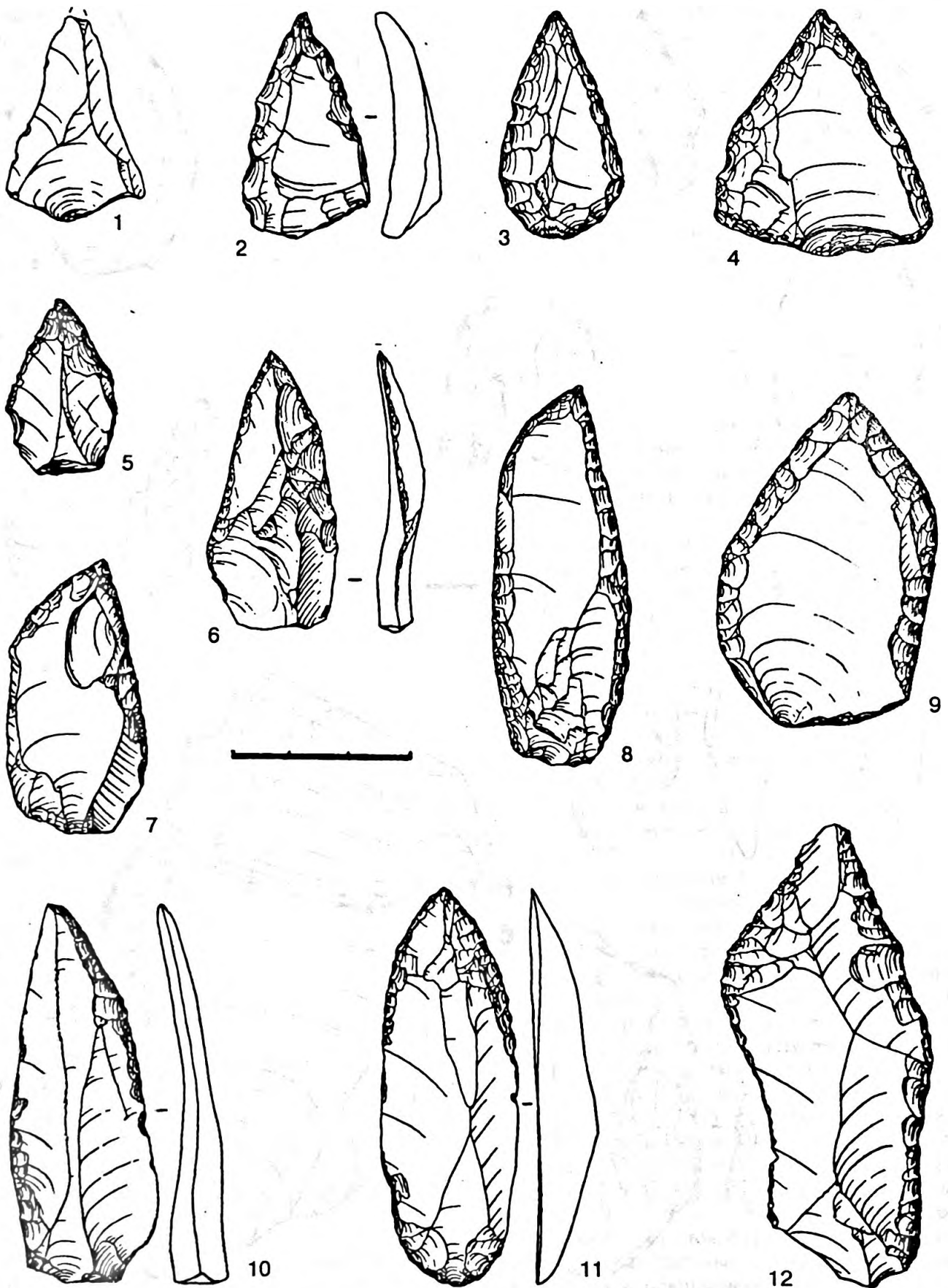

Рис. 50. Монашеская пещера:
1-11 — остроконечники; 12 — конвергентное скребло

Fig. 50. Monasheskaya Cave:
1-11 — points; 12 — convergent scraper

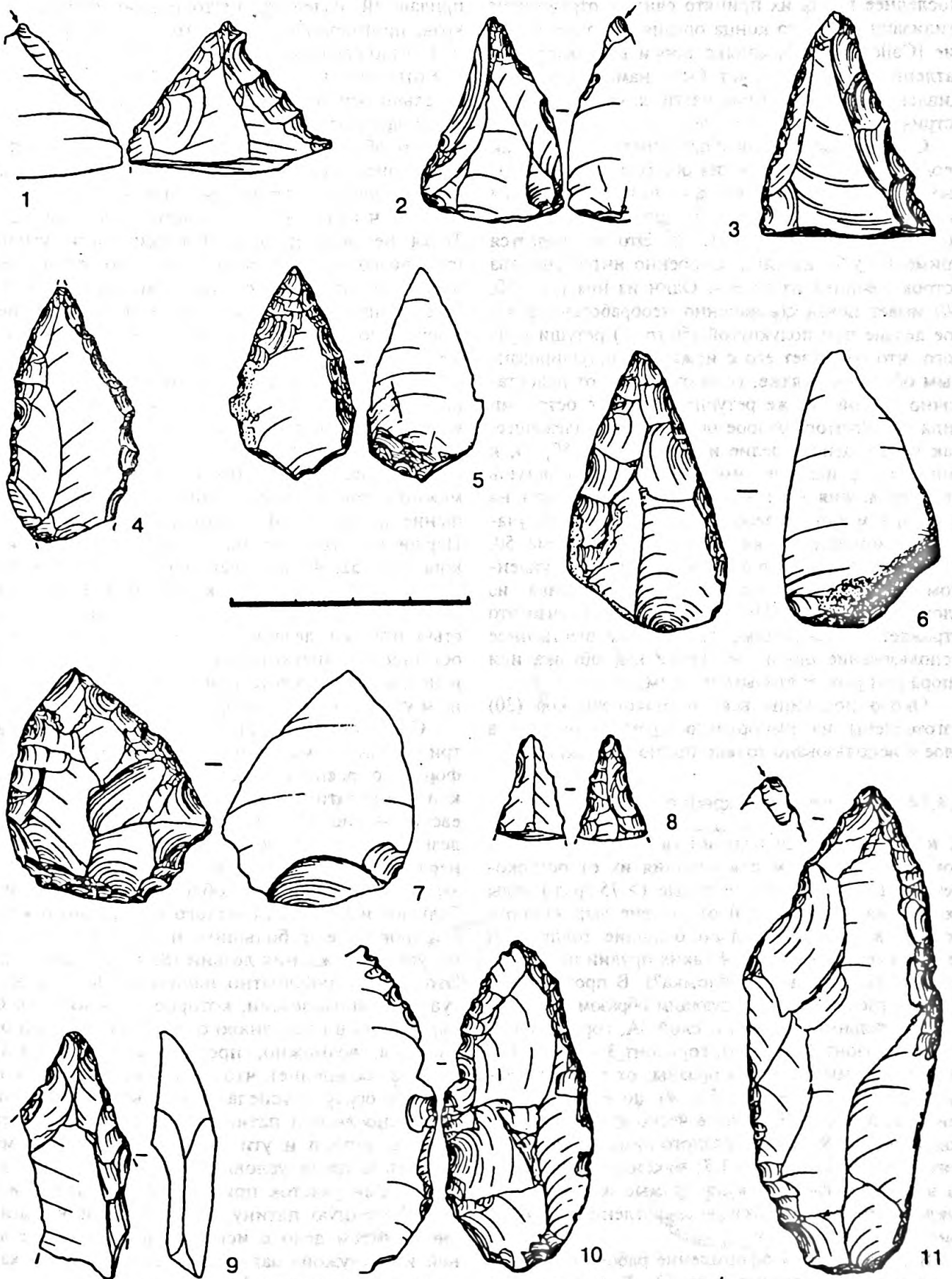

Рис. 51. Монашеская пещера. Остроконечники
 Fig. 51. Monasheskaya Cave. Points

Последнее время их принято считать отражением утилизации острого конца орудия (ударное действие [Callow, 1986]), однако порой возникает впечатление, что это может быть намеренное подживление приострийной части лезвия и самого острия.

Следует обратить особое внимание на случаи неодинакового оформления обоих лезвий некоторых остроконечников, когда одно из них является более крутым, а другое — напротив — более пологим (рис. 50, 8, 10; 51, 3). Это наблюдается примерно у 10 изделий. Особенно интересны два остроконечника из слоя 4. Один из них (рис. 50, 10) имеет почти совершенно необработанное левое лезвие при полукрутой (50 град.) ретуши правого, что сближает его с ножами с ретушированным обушком и даже, если отвлечься от недостаточно крутой все же ретуши обушка, с остриями типа *châtelreppon*. Второе орудие, принадлежащее, как и еще одно изделие из слоя 4 (рис. 50, 7), к типу *pointe incurvée*, имеет полукрутую ретушь правого лезвия (55 град.) и крутую (70 град.) на дистальном конце левого края. Последний участок демонстрирует явную заполировку (рис. 50, 8). Такая же заполировка имеется на притупленном левом крае обломка остроконечника из слоя 4 (рис. 51, 3). Можно предполагать, что это отражает аккомодацию, т. е. преимущественное использование одного из краев как обушка или упора при работе вторым лезвием.

Около половины всех остроконечников (30) изготовлены из импортного кремня, причем в слое 4 использовано только приносное сырье.

5.4.14. Конвергентные скребла

К ним отнесено 29 изделий (в том числе 11 обломков). Критерием для отличия их от остроконечников служили более тупые (> 75 град.) углы схождения лезвий или/и отсутствие выраженного острия, а также несколько большие толщина и ширина сечения. В слое 4 таких орудий практически нет (2 дистальных обломка?). В прочих уровнях они распределены следующим образом: слой 2 — 6 (1 дистальный обломок); слой 3А, горизонт 1 — 6 (1); горизонт 2 — 11 (6); горизонт 3 — 4 (1). Варианты формы их разнообразны: от подтреугольных (рис. 52, 6, 9, 11; 53, 4) до листовидных (рис. 52, 5; 53, 1). Наиболее четко выделяющийся подтип — это 9 скребел разного размера, но сходного абриса ($L/d = 1,5-1,7$; максимальная ширина в нижней трети, откуда прямые или слабовыпуклые лезвия сходятся к закругленному концу (рис. 52, 1, 2, 3, 10)).

В слое 2 отмечу оформление рабочего конца в базальной части орудия (рис. 52, 3) и изделие на сколе со срезанной ретушью ударной площадкой и рабочим концом, оформленным на дистальном углу (рис. 53, 1). Его ударный бугорок был удален плоскими снятиями еще до ретушной отделки,

придавшей изделию листовидную форму, а от края, противоположного тому, где оформлен конец, было сделано лицевое утончение — поперечное относительно оси скола, но продольное относительно оси орудия. Из редких или уникальных форм здесь найдено, во-первых, орудие с приострением обоих концов, причем если его дистальный конец сильно «обезобразен» интенсивной утилизацией, то ретушь, выделяющая острие в базальной части, почти не пострадала (рис. 52, 7). Такая неравномерность интенсивности утилизации позволяет предположить, что оформление обоих концов не было одновременным, т. е. простое конвергентное скребло могло быть переформлено в двуконечное. Другой предмет из этого уровня выделяется своеобразной «ступенькой» на правом, более крутом лезвии (рис. 53, 3) (аккомодация?). Одно из трех «обычных» скребел упомянутого выше подтипа изображено на рис. 52, 1.

В горизонте 1 слоя 3А имеется 2 подобных орудия (рис. 52, 2). Два скребла из этого слоя можно условно назвать «широкими», т. к. соотношение их длины и ширины близко к единице. Первое из них имеет на левом крутом лезвии анкош (рис. 52, 4), который, возможно, служил для выделения дистального конца и/или для упора пальца. Второй предмет выделяется тщательностью отделки лезвий, особенно правого, и необычностью «негативной» заготовки — сработанный плоский нуклеус или отщеп с предварительным утончением всего брюшка (рис. 52, 11).

Среди скребел горизонта 2 этого слоя выделю три изделия — массивное скребло подтреугольной формы с распространенной ретушной отделкой корпуса (почти полный аналог орудия из Баракаевской — рис. 77, 13) и повреждениями правого лезвия и дистального конца (рис. 52, 9), скребло с неравномерной отделкой лезвий и лицевым базальным утончением с облома (рис. 53, 4) и небольшое изделие из светлого прозрачного кремня с широким, еще большим, нежели у предыдущего, углом схождения лезвий (85 град.) (рис. 52, 8). Это орудие любопытно наличием патины на ретушированном лезвии, которое должно было быть обработано в последнюю очередь. Разгадкой этого является, возможно, предположение Е. Ю. Гири (устное сообщение), что заготовка была использована не сразу и успела покрыться неразличимой визуальной легкой патиной. После срезания ее на участке ретуши и утилизации орудия оно могло попасть в такие условия захоронения, что незащищенный участок приобрел более интенсивную бело-молочную патину. В свете этой версии мы вновь имеем дело с использованием более древней или «чужой» заготовки, что довольно характерно для индустрии Монашеской.

В горизонте 3 слоя 3А, помимо отмеченного подтипа (2 экз.) и одного подтреугольного «широкого» скребла, найдено также орудие с асимметричными лезвиями, оформленными на крупном

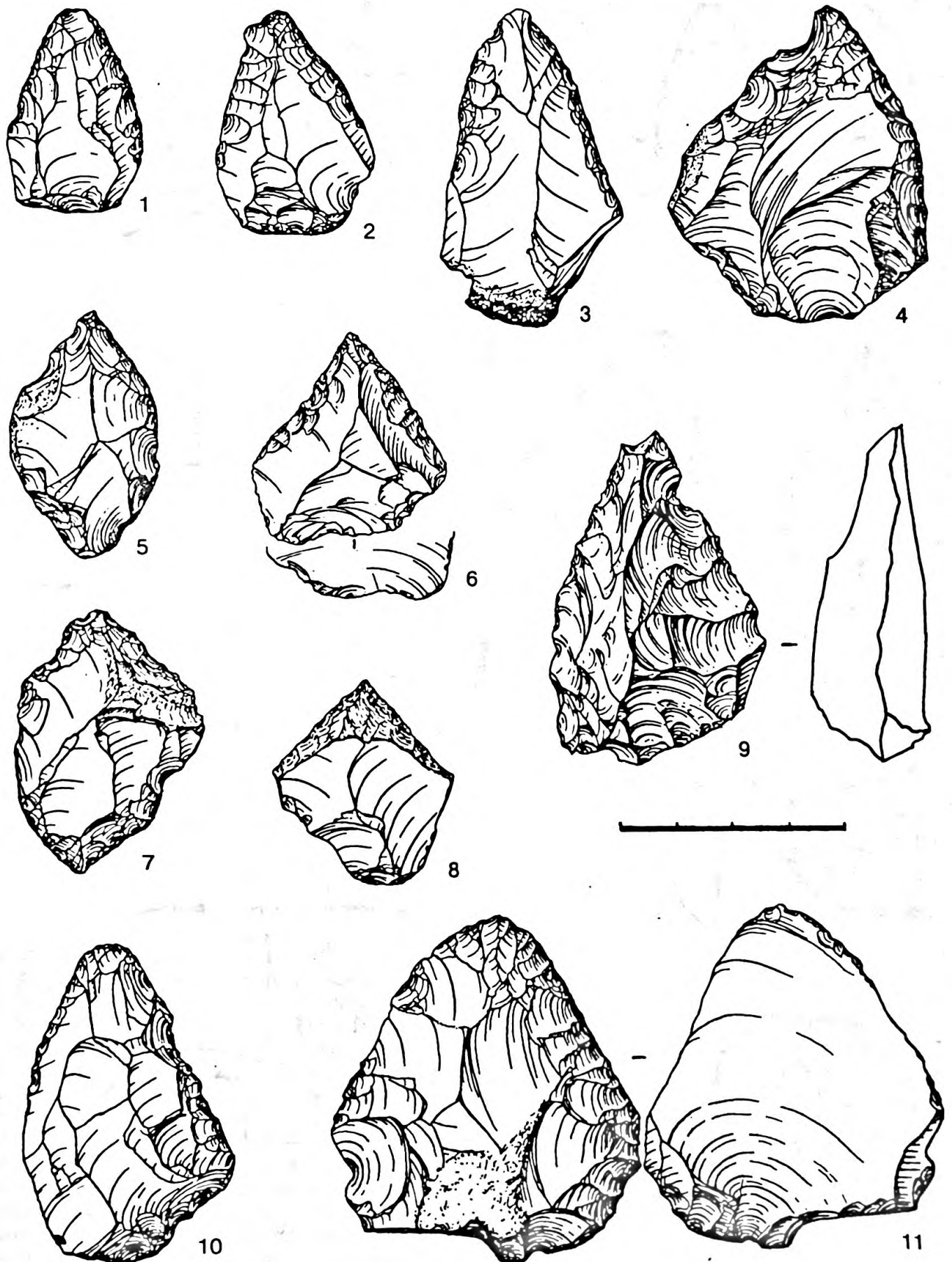

Рис. 52. Монашеская пещера. Конвергентные скребла
 Fig. 52. Monasheskaya Cave. Convergent scrapers

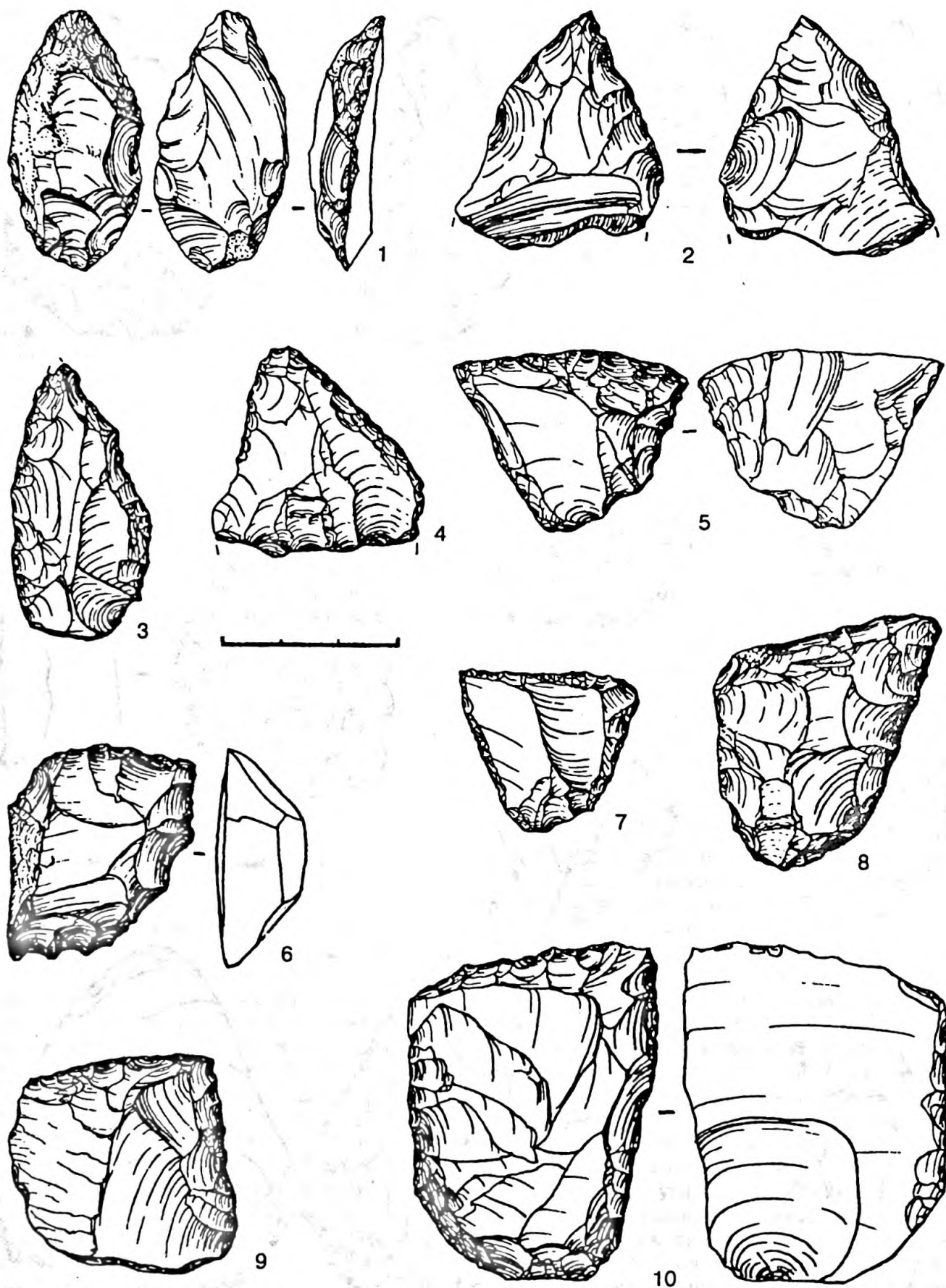

Рис. 53. Монашеская пещера:

1-4 — конвергентные скребла; 5-10 — угловатые скребла

Fig. 53. Monasheskaya Cave:

1-4 — convergent scrapers; 5-10 — déjeté scrapers

(7,9 см) пластинчатом отщепе (рис. 50, 12), и двуконечное светлокремневое скребло (рис. 52, 5), напоминающее вышеописанное изделие из слоя 2 (рис. 52, 7).

Из двух обломков из слоя 4, отнесенных к конвергентным скреблам, надо обратить внимание на фрагмент орудия со сплошной плосковыпуклой отделкой (рис. 53, 2). Имеется здесь и еще одно орудие со сходящимися лезвиями, но они несут на себе очень мелкую крутую ретушь, что позволяет определить изделие как *gaclette convergent*.

Следует отметить, что конвергентные скребла делались из приносного кремня значительно реже, нежели остроконечники, — только 5 случаев (все из слоя 3А), или 17,2 % против 48 % у остроконечников.

5.4.15. Угловатые скребла

Эта группа изделий более многочисленна — 55 экз. (слой 2 — 11; слой 3А, горизонт 1 — 10; горизонт 2 — 8; горизонт 3 — 16; слой 4 — 10). Все они, в зависимости от расположения лезвий относительно оси скалывания и угла их схождения, могут быть разделены на 8 подтипов. Подтипы 1 и 2 включают угловатые скребла так называемого «ябрудского» типа [Heinzelin de Braucourt, 1962] с двумя лезвиями, из которых одно — поперечное, второе расположено на боковом крае либо параллельно оси скалывания, образуя с первым угол около 90 град. (подтип 1 — 5 экз.), либо скошенно, образуя более острый угол — до 50 град. (подтип 2 — 6 экз.). Подтип 3 (17 экз.) образуют те скребла, у которых одно лезвие также приурочено к дистальному краю, но расположено диагонально, второе же оформлено на боковом крае параллельно оси скола. Угол схождения таких лезвий естественно оказывается острым. Подтип 4 отличается тем, что диагональное его лезвие имеет очень выпуклую, или «горбовидную», форму, т. е. это так называемые скребла *incurvés* (3 экз.). Подтип 5 (5 экз.) наиболее напоминает низкий прямоугольный треугольник: дистального края как такового нет, одно лезвие — боковое, короткое, а второе — диагональное и более длинное. Наконец, подтипы 6 и 7 включают угловатые скребла с обоими диагональными лезвиями — *pointes déjetées*. Подтип 6 — это стрелчатые изделия с обоими выпуклыми лезвиями (6 экз.), а подтип 7 — подтреугольные с прямыми или почти прямыми (10 экз.). К подтипу 8 отнесены скребла хай-лодж с угловатым изломом лезвия по одному боковому краю (3 экз.). Выделенные подтипы находят соответствие в тех разновидностях, которые были описаны ранее в коллекции 1961—1964 гг. В. П. Любиным [1977]: подтип 1 отвечает его прямоугольным скреблам, 6—7 — его первой группе (*pointes déjetées*) и т. п. Отмеченный же им подтип трехлезвийных скребел [Любин, 1977, с. 162, рис. 47, 5], характерный

и для Баракаевской, в данной коллекции встречен лишь дважды — в горизонте 1 слоя 3А (рис. 53, 7). Очень близко соответствуют выделенные здесь подтипы и тем, что описаны в коллекции Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994, с. 115—122].

При небольшом количестве изделий, приходящихся на каждый уровень, трудно говорить о закономерностях в распределении подтипов. Обращает на себя внимание, однако, отсутствие в верхах (слой 2 и горизонт 1 слоя 3А) горбовидных форм и «низких треугольников». В слое 2 преобладает подтип 3, включая обломок со встречным поперечным утончением брюшка (рис. 54, 4, 5) и различные варианты *pointes déjetées* (рис. 55, 1, 11). У первого из них стесан бугорок и — частично — ребро на спинке. Имеется также одно орудие подтипа 1 — подпрямоугольное и одна разновидность хай-лодж.

В горизонте 1 слоя 3А *pointe déjetée* представлен в единственном числе, причем изделие атипично: ретушью отделано только одно из лезвий, а второе (косой край скола) имеет лишь ретушь утилизации (рис. 55, 5). Достаточно многочисленны здесь изделия подтипа 3 — 6 (рис. 54, 1). У трех из них второй боковой край обушковый (край ядрища, облом), одно изделие имеет плоский резцовый скол от острия, отмеченный выше у ряда остроконечников. К подтипу 2 отнесены два своеобразных орудия, весьма близких по своей «конструкции» и даже найденных рядом на одном квадрате (рис. 56, 1, 2). Помимо сходства по пропорциям, контуру, углам схождения и заострения лезвий (рис. 56), в обоих случаях имеется крупный скол, утончающий корпус орудия (с облома на левом дистальном углу и с площадки, оформленной на месте ударной, оба утончения лицевые). Можно думать, что это обеспечивало удобство захвата (упор для пальца). К этому же подтипу 2 формально относится трезлезвийное скребло (рис. 53, 7).

В горизонте 2 слоя 3А выделено меньше всего угловатых скребел — 8, но зато здесь имеется по одному экземпляру каждого подтипа (за исключением треугольного *pointe déjetée*) и два стрелчатых *pointes* (рис. 55, 3). Приведу рисунки других изделий: массивного подпрямоугольного скребла со срезанной ретушью площадкой (рис. 53, 6), «прямоугольного треугольника» (подтип 5) на более древнем сколе из светло-желтого кремня (рис. 54, 9) и, наконец, орудия подтипа 3 с диагональным лезвием, частично срезанным резцовыми сколами от острия (рис. 64, 7).

Горизонт 3 дал наиболее многочисленную коллекцию угловатых — 16 экз. Здесь представлены все варианты: подтип 1 (подпрямоугольные) — 2 (рис. 53, 9); подтип 2 — 1 серокремневое с лицевым утончением корпуса и сплошным утончением брюшка, предшествовавшим оформлению лезвий (плосковыпуклая отделка) (рис. 53, 5); подтип 3 — 3 изделия, включая обломок (рис. 54, 3); форма,

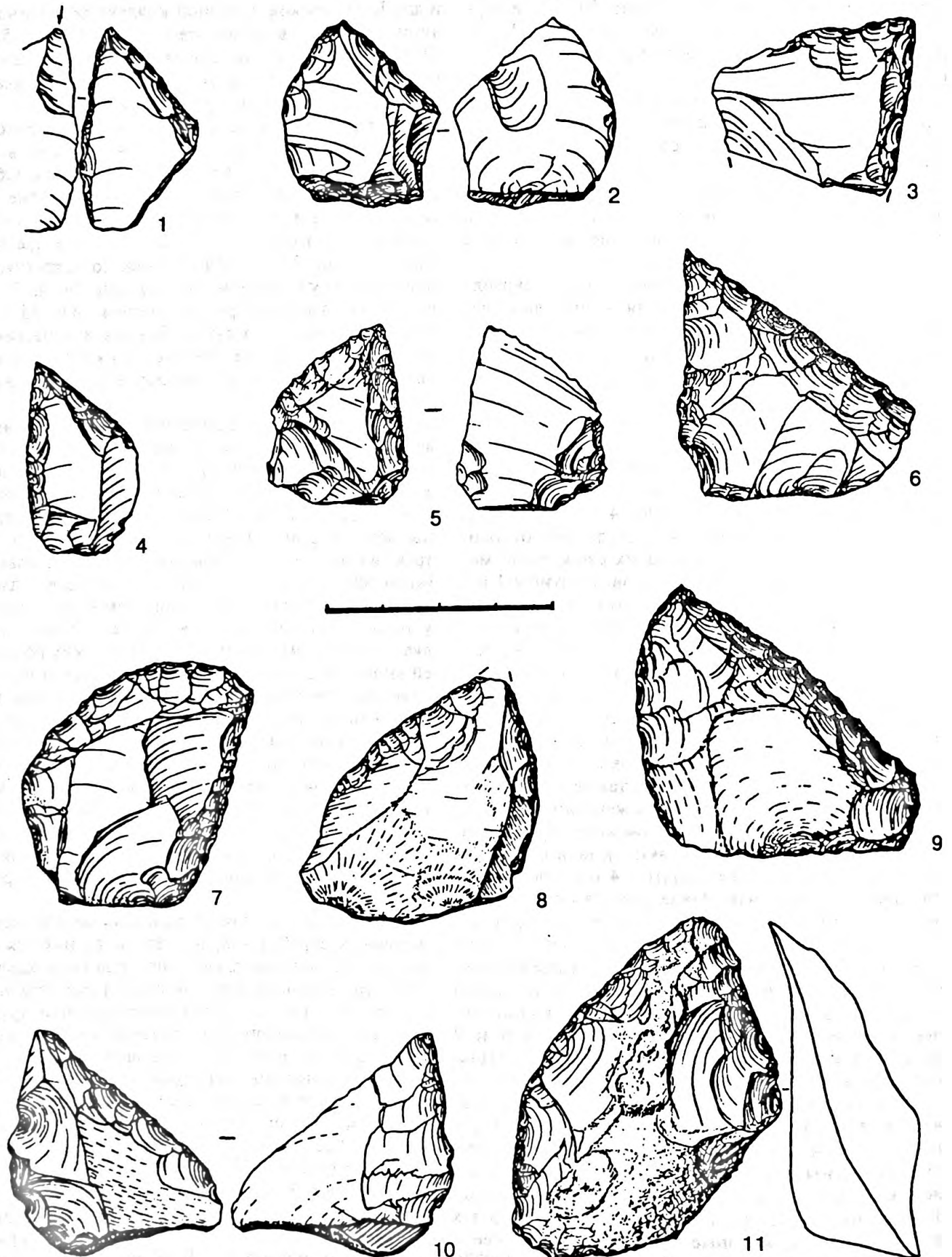

Рис. 54. Монашеская пещера. Угловатые скребла
 Fig. 54. Monasheskaya Cave. Déjeté scrapers

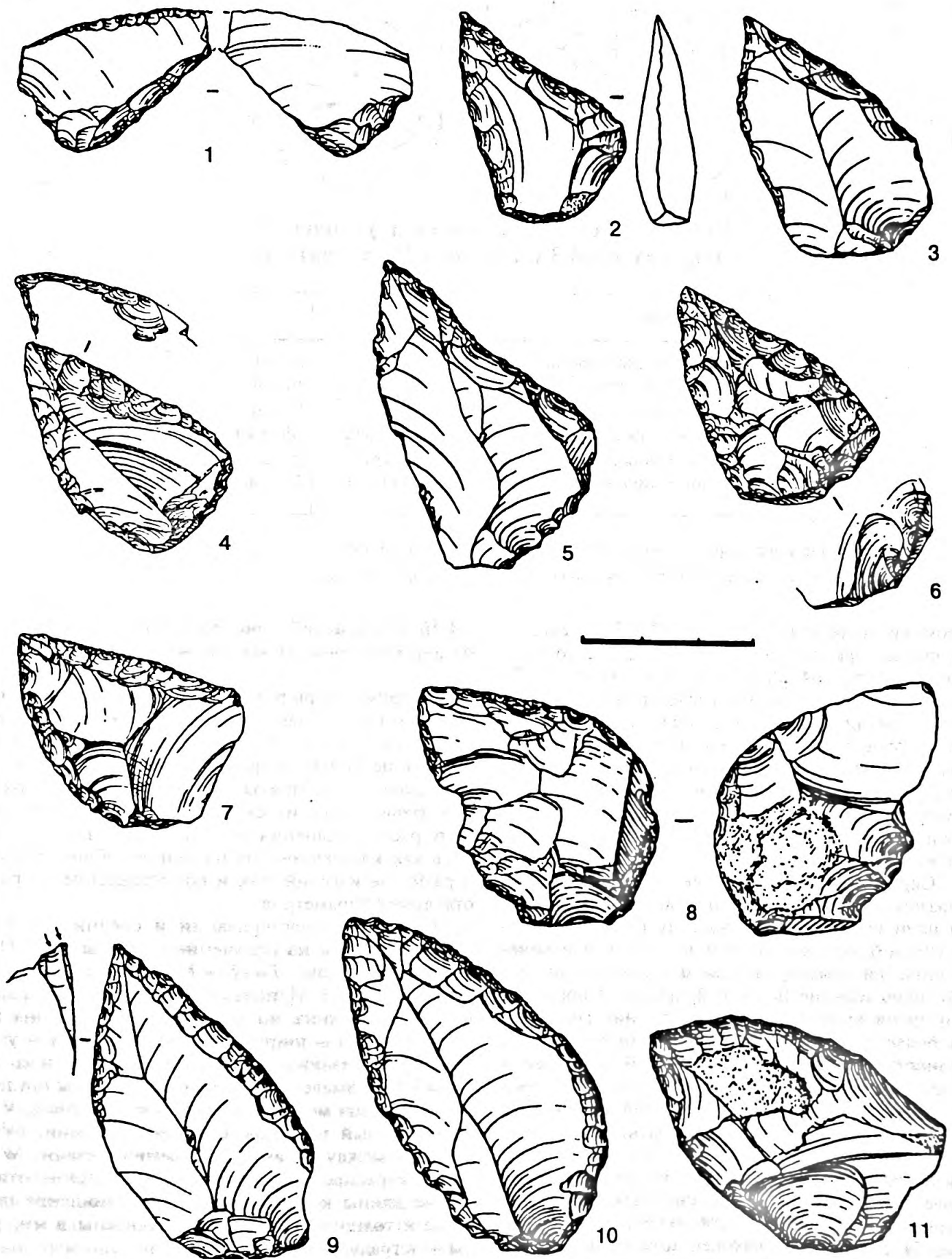
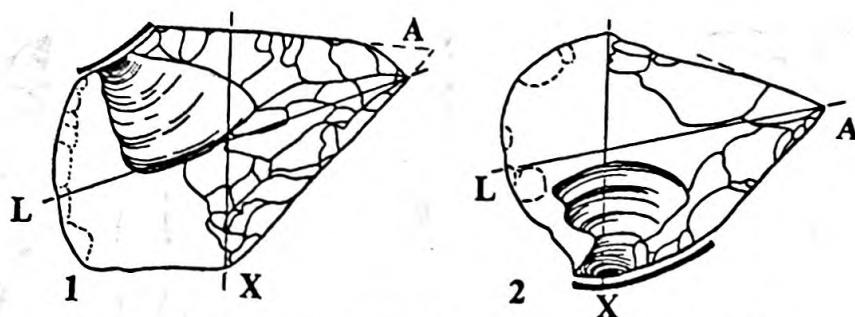

Рис. 55. Монашеская пещера. Угловатые скребла (подтип — pointes déjetées)

Fig. 55. Monasheskaya Cave. Déjeté scrapers (subtype — pointes déjetées)

Угловатые скребла с лицевым утончением корпуса (слой 3А, горизонт 1, квадрат 34)

Параметры	1	2
Длина по оси скалывания (X)	4,5 см	4,7 см
Максимальная длина (L)	7,5 см	6,2 см
Максимальная толщина (E)	1,3 см	1,3 см
Угол схождения лезвий (A)	55 град.	65 град.
Угол заострения правого лезвия	40 град.	35 град.
Угол заострения левого лезвия	40 град.	45 град.

Рис. 56. Монашеская пещера. Угловатые скребла с лицевым утончением корпуса

Fig. 56. Monasheskaya Cave. Déjeté scrapers with exterior thinning of their bodies

промежуточная между группами 3 и 5, со сколом утончения брюшка от левого лезвия (аккомодация?) — 1 (рис. 54, 2); подтип 4 — 2 (рис. 54, 7); подтип 5 — 2 (с прямыми лезвиями (рис. 54, б) и с выпуклыми (рис. 54, 8)); подтип 6 (широкие стрелчатые pointes) — 3 (в том числе один с частичной обработкой брюшка на дистальном обломке уклонившегося скола) (рис. 55, 8); подтип 7 — 1 удлиненный листовидный pointe из светло-коричневого кремня (рис. 55, 10); подтип 8 (хайлодж) — 1.

Скребла слоя 4 (10) также достаточно разнообразны — нет здесь только горбовидных. Имеется один образец прямоугольных скребел с продольным базальным утончением брюшка и поперечным лицевым утончением корпуса (рис. 53, 10); одно изделие подтипа 2; подтип 3 представлен тремя предметами — один из них оформлен на более древнем сколе, спинка которого была полностью перекрыта позднейшей обработкой (рис. 53, 8), а другой является изделием с продольным лицевым утончением базального конца, выходящим за рамки этого подтипа благодаря сильно вытянутому острию (рис. 64, 3); подтип 5 также представлен образцом, оформленным на более древнем сколе из приносного кремня и обладающим двусторонней обработкой левого лезвия (рис. 54, 10); имеется, наконец, пара pointes déjetées подтипов 1 (рис. 55, 2) и 2 (рис. 55, 9). Последнее интересно резцовыми сколами от острия.

Импортовое сырье встречено в 25 случаях (48 %), т. е. использовалось для угловатых скребел так же часто, как и для остроконечников.

5.4.16. Итоги атрибутивного анализа конвергентнолезвийных орудий

Рассмотрим теперь результаты атрибутивного анализа. Он был сделан по 92 изделиям из Монашеской и 88 из Баракаевской, которые позволяли их описать по большой группе признаков (см. гл. 2), учитывающих габариты, пропорции, расположение лезвий, углы их схождения, заострения, глубину распространения ретуши и т. п. Производились как кластер-анализ на основе общей формы и размеров изделий, так и сопоставление по ряду отдельных параметров.

Параметры кластеризации и средние их значения в каждом из полученных 12 кластеров (1—6 — Баракаевская, 7—12 — Монашеская) приведены в табл. 13. Используются следующие параметры: X — длина по оси скола, L — длина по оси орудия, D — ширина, E — толщина, A — угол схождения лезвий, G — угол наклона одного из лезвий (минимальный) относительно базы орудия, δG — разница между углами наклона лезвий, V — минимальный из углов заострения лезвий, δV — разница между углами заострения лезвий, W — глубина распространения ретуши, L/D — отношение длины к ширине, D/E — отношение ширины к толщине. Все размеры указаны в мм, углы — в градусах.

Полученные кластеры (табл. 13), средние значения которых я также попыталась представить графически (рис. 57), оказались довольно-таки огрубленным отражением наблюдаемых разновидностей. Это является, видимо, следствием недо-

статочно адекватной системы отбора и описания признаков, о чем уже говорилось в гл. 2. Необходимо сделать последний более чутким к вариациям формы (изгибы лезвий, степень их выпук-

лости и т. п.), не увеличивая при этом количества признаков. Несмотря на трудность данной задачи, она не кажется неразрешимой.

Таблица 13

Средние значения кластеризуемых параметров

Параметры	Коллекция пещеры Баракаевская (кластеры 1—6)					
	1	2	3	4	5	6
X	47,28	36,14	42,25	34,65	31,47	29,69
L	48,33	36,29	46,63	34,78	36,37	35,69
D	28,67	20,14	39,63	23,96	25,79	30,54
E	10,11	7,00	9,63	8,43	9,05	7,92
A	59,72	52,14	75,00	68,26	62,63	74,23
G	71,39	66,43	39,38	70,00	20,79	12,31
δG	16,67	5,71	44,38	10,87	80,79	98,85
V	44,44	39,29	40,63	42,39	46,32	43,85
δV	7,50	16,43	7,50	4,78	4,47	12,31
W	10,72	6,00	8,38	7,78	8,42	7,92
L/D	1,73	1,79	1,19	1,48	1,44	1,21
D/E	3,07	2,94	4,51	2,93	3,19	4,03
Параметры	Коллекция пещеры Монашеская (кластеры 7—12)					
	7	8	9	10	11	12
X	33,68	44,58	52,58	40,30	48,63	50,93
L	36,11	47,58	59,50	45,00	49,17	52,20
D	26,32	39,25	36,92	29,70	25,79	31,13
E	7,63	10,50	11,08	10,30	7,88	11,40
A	71,58	96,25	70,83	72,50	72,92	58,67
G	32,63	27,92	40,83	46,00	72,92	66,00
δG	60,00	63,33	57,08	48,00	14,17	13,00
V	42,37	45,00	43,33	61,00	38,75	45,00
δV	9,74	10,83	8,33	5,50	11,67	11,00
W	6,68	9,00	10,08	9,90	6,00	8,87
L/D	1,40	1,22	1,65	1,53	1,95	1,73
D/E	3,64	4,11	3,39	3,05	3,43	2,86

К положительным результатам следует отнести подтверждение близкого сходства ряда кластеров Монашеской (кластеры 7—12) и Баракаевской (кластеры 1—6), что показано в табл. 14.

Судя по этой таблице, очевидна, например, большая близость кластеров 1 и 11—12, 3 и 9—10, 4 и 11, 5 и 7. Это позволяет сделать вывод об общности архетипов конвергентнолезвийных форм в обеих индустриях.

Интересные наблюдения порой дает корреляция отдельных параметров. Так, например, при сопоставлении ряда характеристик с симметричностью или асимметричностью изделия относительно оси орудия выясняется, что симметричные изделия по сравнению с прочими имеют меньшую ширину, более удлиненные пропорции, более острый угол схождения лезвий, чуть большую массивность (D/E) и более острые углы самих лезвий (рис. 59—60). Эта скоррелированность ука-

зывает, очевидно, на объективные признаки орудий, выделяемых как остроконечники. Важно, что в этом наборе признаков нет обязательного совпадения оси орудия с осью скола, т. е. *pointes déjetées*, симметричные относительно длинной оси орудия, вполне вписываются в группу остроконечников. При таком подходе эта группа составляет 75 экз., т. е. почти половину (48,1 %) конвергентнолезвийных орудий Монашеской пещеры. Вариативность их форм отражена в графике на рис. 58, где использованы индексы, применяемые при описании бифасов, — степень удлиненности (L/d) и отношение длины (L) к расстоянию от базы до сечения с максимальной шириной (a).

Рассматривалось и распределение отдельных параметров. Часть из них оказалась малопоказательной либо из-за очень широкого разброса их значений (например, характер кромки лезвия или огранка площадки), либо из-за резкого преобладания

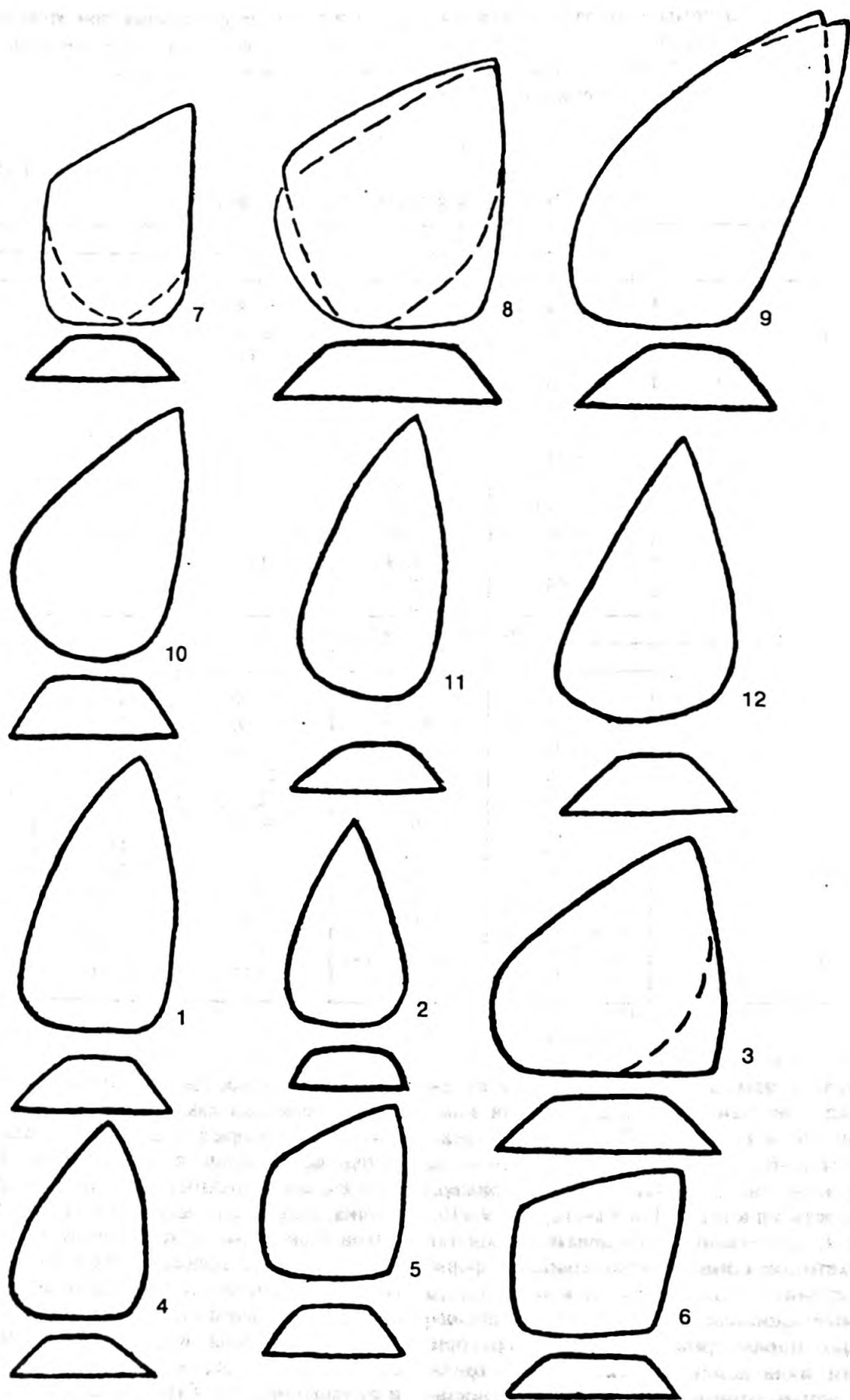

Рис. 57. Основные варианты формы конвергентнолезвийных орудий (по данным кластер-анализа, см. табл. 13):

1-6 — Баракаевская пещера; 7-12 — Монашеская пещера

Fig. 57. Principal varieties of convergent tools (points + déjeté and convergnt scrapers) according to the the cluster-analysis results (see tabl. 13):

1-6 — the Barakaevskaya Cave clusters; 7-12 — the Monasheskaya Cave clusters

некоторых значений. Так, угол заострения лезвий (V) и глубина распространения ретуши (W), например, демонстрируют распределение, близкое к нормальному со средними значениями $V = 48,3$ град. и $W = 7,0$ мм, причем 95 % значений углов ретуши лежат в интервале 40—55 град., а 95 % значений ширины ретуши — в пределах 5—9 мм. Отмечу, однако, что около 30 % изделий имеют разницу в углах заострения лезвий в 15 град., а у почти 18 % она превышает 20 град. Это наиболее характерно для конвергентнолезвийных орудий из слоя 4 (24 %) и наименее — для таковых из слоя 3А.

Очень интересно проследить распределение этих параметров по уровням (рис. 61—62). Слой 3А на этих графиках не разделен на горизонты, т. к.

в них оказалось бы слишком малое число изделий. В качестве условного пятого уровня включены данные по Баракаевской. Отчетливо видно уменьшение размеров изделий от слоя 4 к слою 2 Монашеской, но орудия из Баракаевской оказываются даже чуть мельче последних. Уменьшается к верхам и степень удлиненности. Верхний слой 2 по большинству параметров сближается с Баракаевской. Исключения — углы схождения лезвий (в слое 2 — наименее острые, в Баракаевской — наиболее острые) и ширина ретуши, которая в слое 2 достаточно резко уменьшается по сравнению с показателями других уровней Монашеской и с Баракаевской.

Таблица 14

Расстояния между центрами тяжести кластеров в пространстве кластеризуемых параметров (значения критерия хи-квадрат с 11 степенями свободы)

№ кластера	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1		44	52	18	189	374	93	121	58	44	10	4
2			85	36	208	340	96	146	100	89	21	24
3				136	53	103	19	17	9	13	92	98
4					178	357	86	131	82	52	15	19
5						17	17	34	44	46	369	402
6							40	45	75	98	570	631
7								19	23	21	180	203
8									19	33	217	245
9										19	157	165
10											113	116
11												9

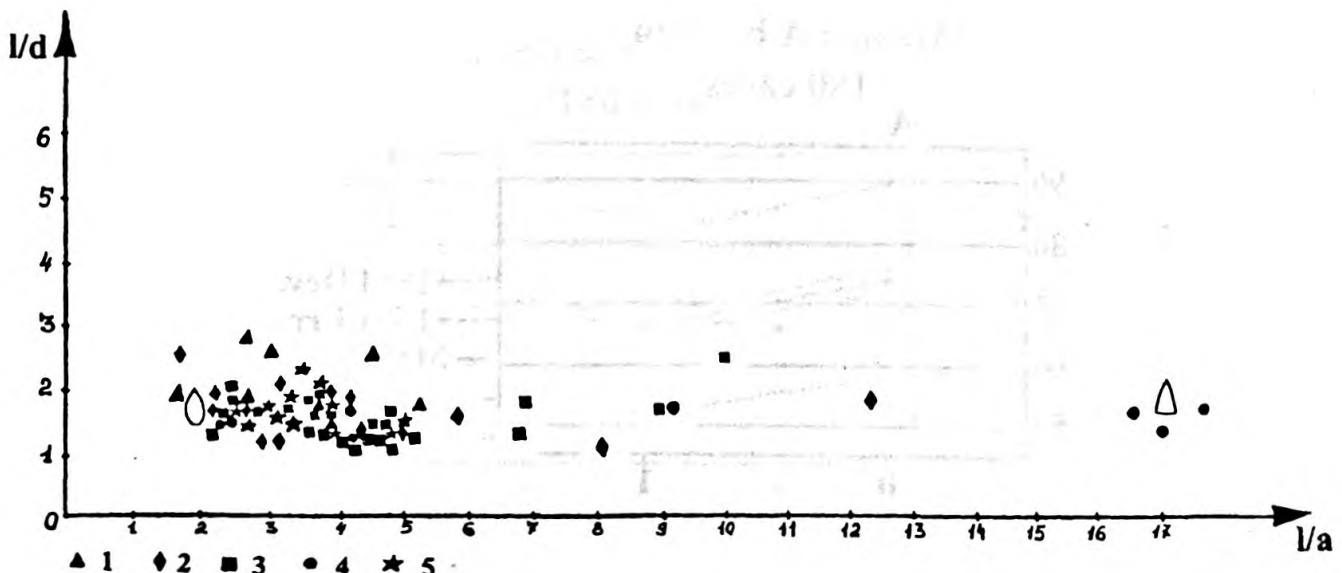

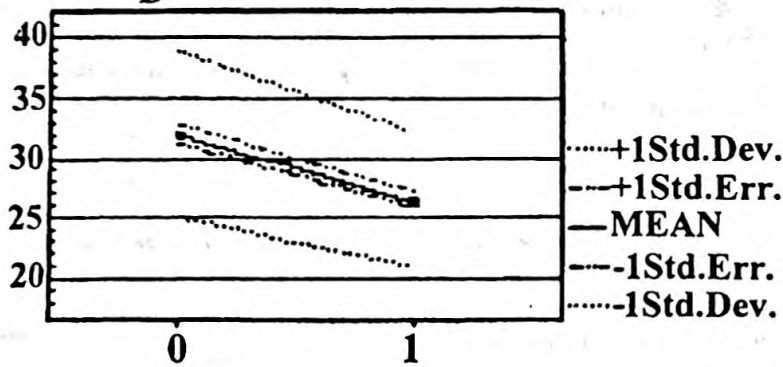
Рис. 58. Монашеская пещера. Вариабельность остроконечников по степени удлиненности (l/d , где l — длина по оси орудия, d — максимальная ширина) и общей форме в плане (l/a , где l — длина по оси орудия, a — расстояние по этой оси от базы до сечения с максимальной шириной)

Fig. 58. Monasheskaya Cave. Variability of points according to the elongation index (l/d , where l — maximum length measured parallel to the long axis of symmetry of the tool, d — maximum width) and to the general shape index (l/a , where l — maximum length, a — distance from the tool base to the maximum width section measured along the length axis)

Means: D by Sym

180 cases

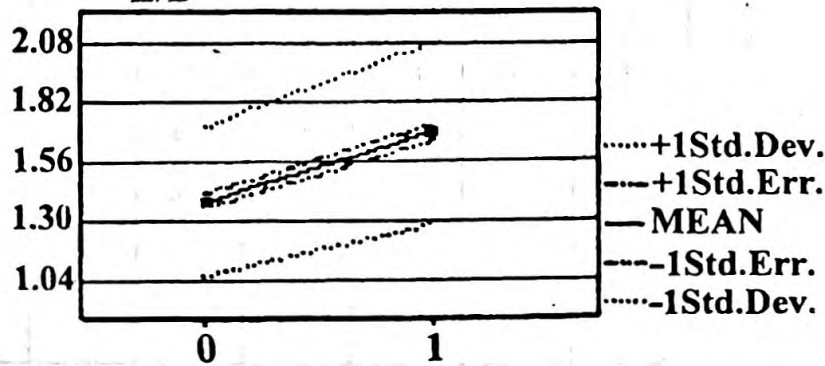
D

Means: L/D by Sym

180 cases

L/D

Means: A by Sym

180 cases

A

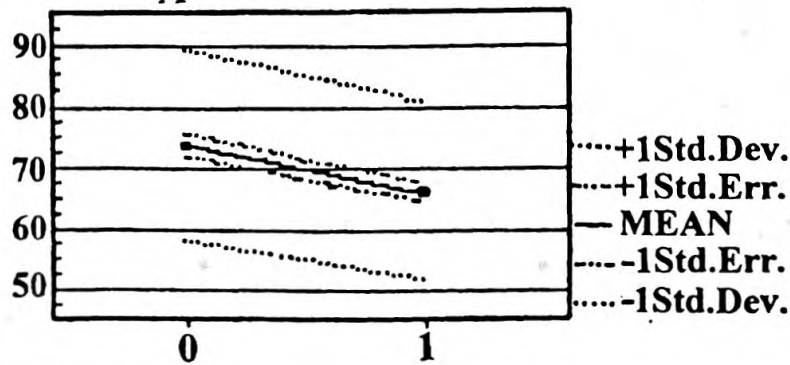

Рис. 59. Графики корреляции между шириной (D), удлинённостью (L/D), углом схождения лезвий (A) и симметричностью (1) — асимметричностью (0) относительно длинной оси орудия у конвергентнолезвийных орудий из Монашеской и Баракаевской пещер

Fig. 59. Graphs demonstrating correlation between symmetry (1) or asymmetry (0) relative to the long axis in shapes of the convergent tools from the Monasheskaya and Barakaevskaya caves, from the one hand, and their width (D), elongation (L/D) and angle between working edges (A), from the other hand

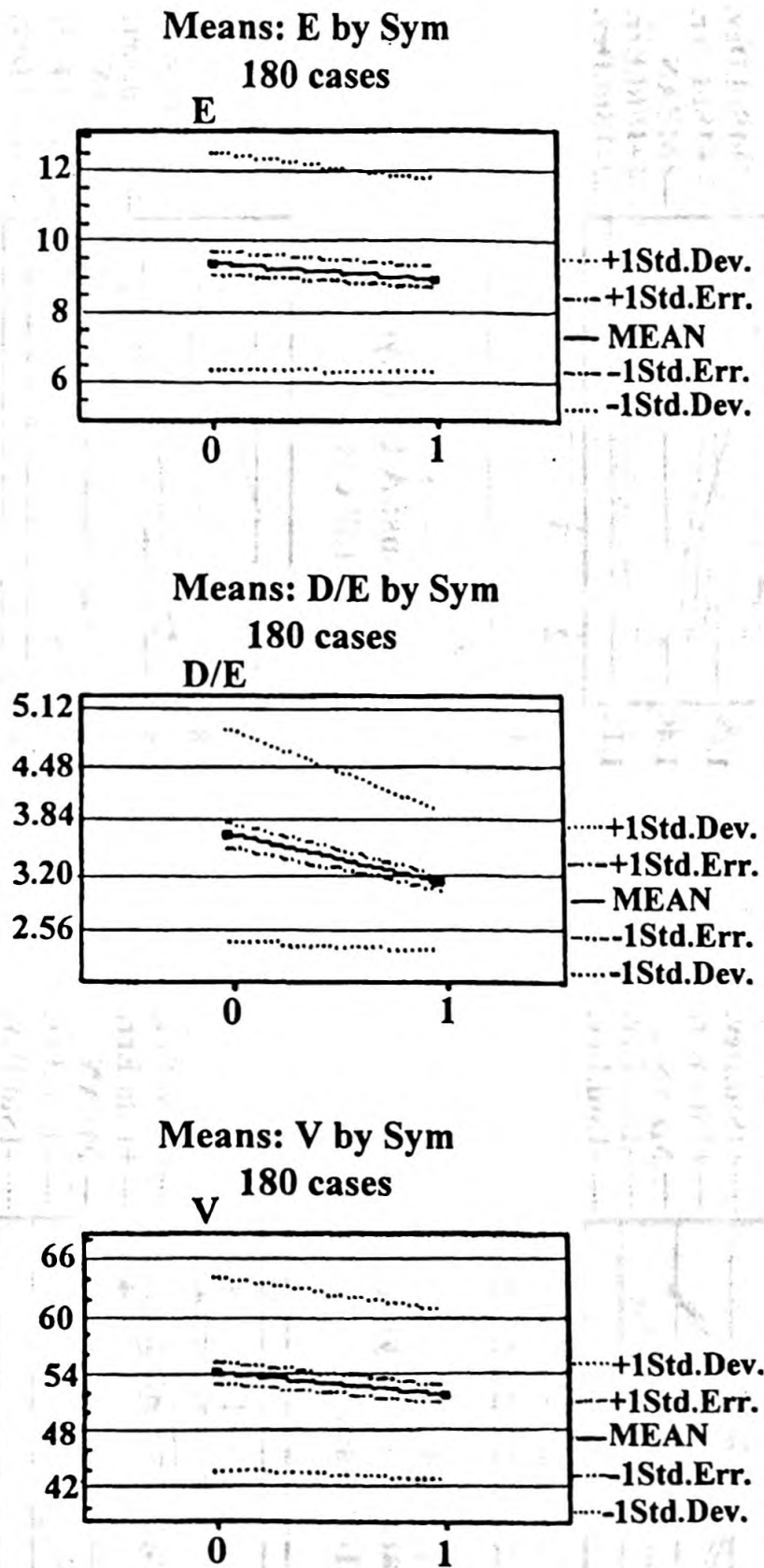

Рис. 60. Графики корреляции между толщиной (E), уплощенностью (D/E), углами заострения лезвий (V) и симметричностью (1) — асимметричностью (0) относительно длинной оси орудия у конвергентнолезвийных орудий из Монашеской и Баракаевской пещер

Fig. 60. Graphs demonstrating correlation between symmetry (1) or asymmetry (0) relative to the long axis in shapes of the convergent tools from the Monasheskaya and Barakaevskaya caves, from the one hand, and their thickness (E), flatness (D/E) and edge angles (V), from the other hand

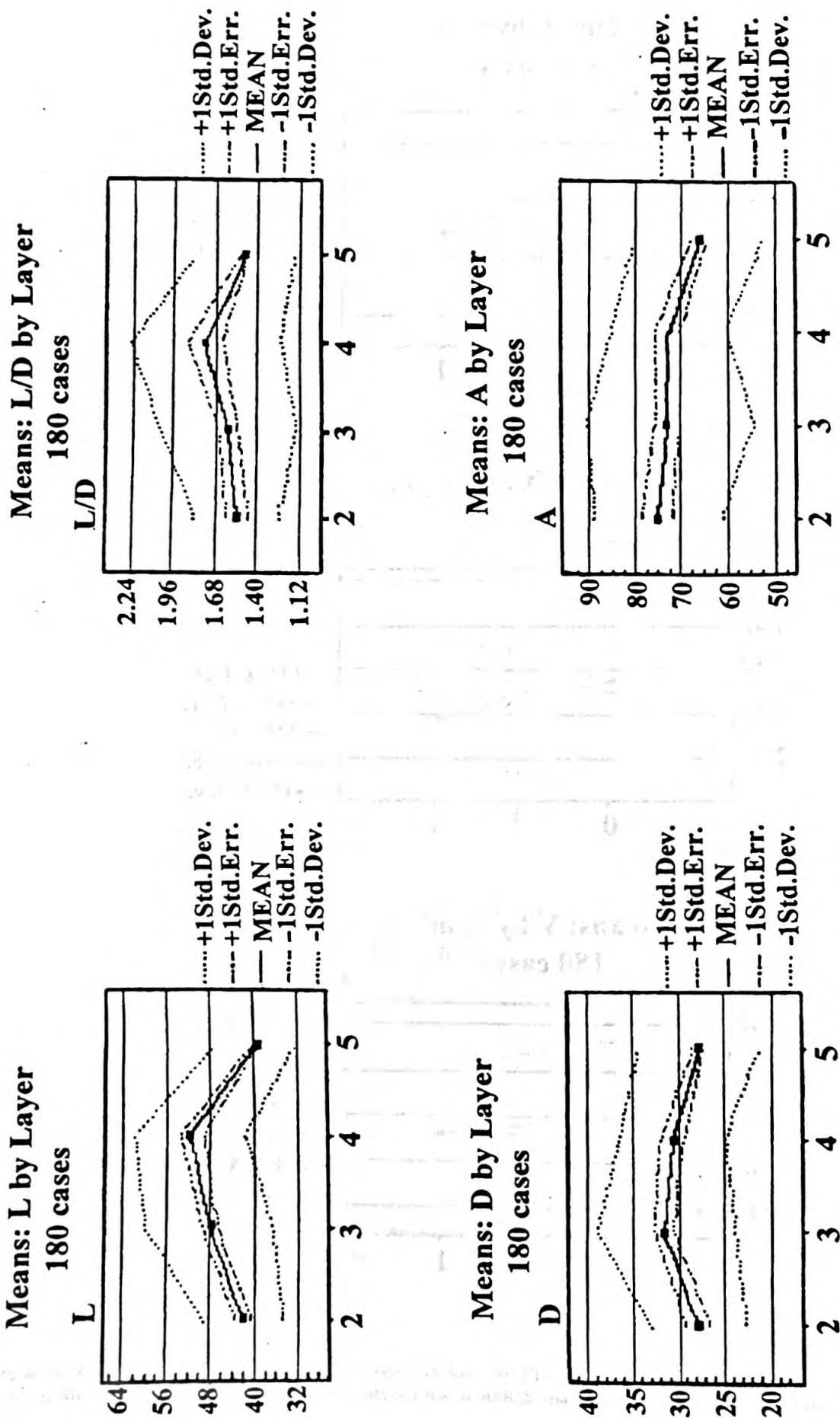
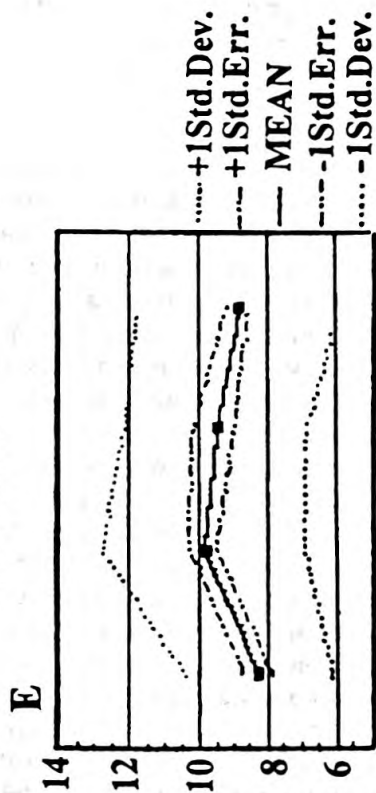

Рис. 61. Средние значения длины (L), ширины (D), удлиненности (L/D) и угла схождения лезвий (A) у конвергентнолезвийных орудий из Монашеской и Баракаевской пещер
 Fig. 61. Mean values of length (L), width (D), elongation (L/D) and angle between working edges (A) among the convergent tools from the Monasheskaya and Barakaevskaya caves

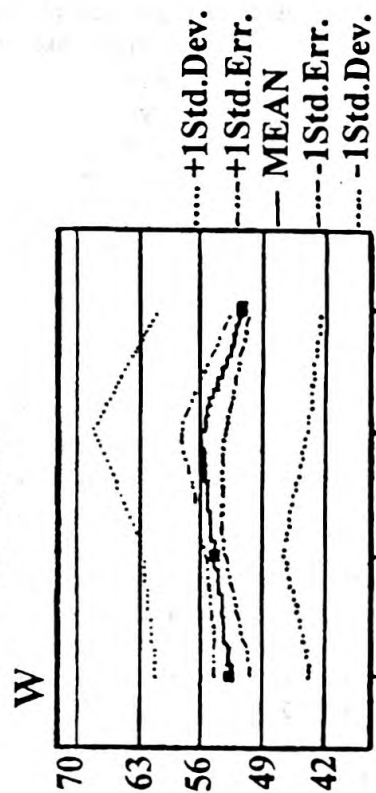
Means: E by Layer

180 cases

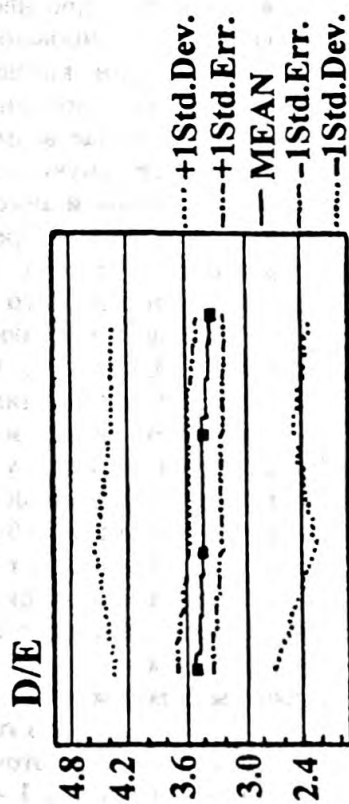
Means: W by Layer

180 cases

Means: D/E by Layer

180 cases

Means: V by Layer

180 cases

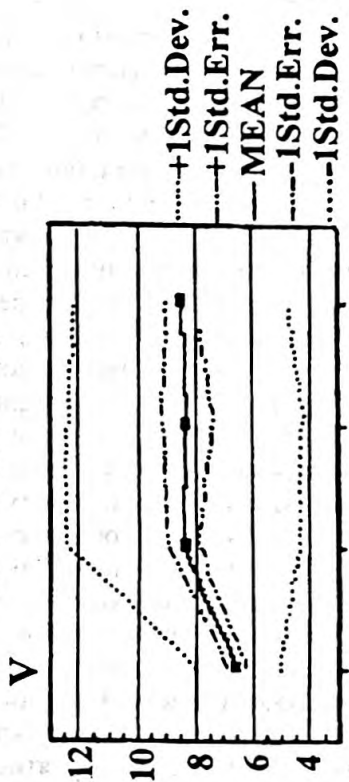

Рис. 62. Средние значения толщины (E), уплощенности (D/E), угла заострения лезвий (V) и ширины захвата ретуши (W) у конвергентнолезвийных орудий из Монашеской и Баракаевской пещер

Fig. 62. Mean values of thickness (E), flatness (D/E), edge angles (V) and depth of the retouch spreading (W) among the convergent tools from the Monasheskaya and Barakaevskaya caves

5.4.17. Комбинированные орудия

К комбинированным орудиям отнесено 30 изделий, уже отчасти упомянутых в разделах, посвященных соответствующим простым орудиям. Наиболее активно участвуют в комбинациях скребки, резцы и анкоши. Скребки в сочетании с боковыми анкошами зафиксированы 5 раз — в слое 2 (3) и в горизонтах 1 и 2 слоя 3А (рис. 63, 6, 7), скребки + скребла — 4 случая: на массивных сколах, где скребковое лезвие продолжает край скребла (слой 2 и горизонты 2 и 3 слоя 3А) (рис. 63, 12), и — однажды — не связанные явно между собой скребковое лезвие и прямое скребло — слой 4 (рис. 63, 5). В одном случае (слой 3А, горизонт 1) угловой узкий скребок типа à museau сочетался, видимо, с боковым клювовидным выступом (рис. 63, 2). Сочетание скребка с резцом отмечено в горизонте 2 этого же слоя. В данном уровне имеются еще три более сложные комбинации: брюшковый скребок à museau + анкош + боковое острие (рис. 63, 3); боковой скребок + анкош + grattoir-bec; а также скребок + скребло + анкош + резец (рис. 63, 10). Прямое скребковое лезвие в сочетании с анкошем и вероятными «клювами» (обломы) имеет орудие из горизонта 1 слоя 3А (рис. 63, 9).

Резцы, помимо двух отмеченных вариантов, сочетаются с анкошами, — 5 (по одному в слое 2 и в горизонте 2 слоя 3А и 3 экз. в горизонте 1). В горизонте 2 слоя 3А найдено орудие с резцовым сколом от лезвия поперечного скребла (рис. 63, 11). Анкоши помимо резцов и скребков сочетаются порой с лезвиями скребел: 4 боковых с противоположащим (3) или с сопредельным ретушированным краем из слоя 2 (рис. 63, 8) и один концевой брюшковый + вогнутое лезвие из горизонта 1 слоя 3А (рис. 63, 4). В последнем случае возможно видеть и третий элемент — дистальную резцевидную кромку на пересечении ретуши и анкоша. Дистальный плоский «клюв» и высокое скребло имеются на орудии из горизонта 3 слоя 3А. Три орудия с сочетанием бокового клетонского анкоша, бокового скребла и дистального массивного острия происходят из горизонта 1 слоя 3А. Они близки, пожалуй, тейякским остроконечникам, хотя отличны противопоставлением лезвия и анкоша. Одно из орудий выделяется лицевым утончением базальной части (рис. 64, 5). Другой подобный прием отмечен у описанного скребка с анкошем (рис. 63, 7). У скребла-скребка из горизонта 2 слоя 3 (рис. 63, 12) плоская брюшковая подтепка от лезвия была, вероятно, призвана подживить затупленную кромку лезвия.

Комбинированные формы нехарактерны для нижних уровней (одна — в слое 4 и две — в горизонте 3 слоя 3А). Большинство их сосредоточено в верхах (горизонт 2 слоя 3А — 8, горизонт 1 — 10 и слой 2 — 9). Импортное сырье использовано в 30 % случаев, что является довольно высоким по-

казателем. Вполне вероятно, что само усложнение орудий путем оформления дополнительных элементов порой было связано со стремлением максимально использовать изделия из наиболее качественного сырья. Наиболее крупные размеры (5,0—5,5×3,2—3,9 см) имеют четыре орудия из горизонта 2 и 3 — из слоя 3А, два из них — из приносного кремня. Один раз отмечается использование более древнего скола — скребло + анкош из слоя 2.

5.4.18. Разные (divers)

К разным отнесено 35 изделий, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на четыре подгруппы: 1 — единичные своеобразные формы; 2 — незаконченные или находящиеся в стадии переоформления орудия; 3 — изделия, которые кажутся чужеродными, и 4 — *pieces ecaillées*.

Начну с последней группы. К *pièces ecaillées* отнесено 7 изделий (по одному из слоя 2, горизонта 2 слоя 3А и слоя 4, четыре из горизонта 1 слоя 3А) (рис. 65, 2, 3, 4). Для двух орудий использовано неместное сырье (горизонт 1 слоя 3А и слой 4). На первом из них оформлен угловой резец (рис. 65, 3). Очень любопытен характерный продольный фрагмент *pièce ecaillée* из горизонта 1 слоя 3А (рис. 65, 2), аналогичный образцам, приводимым Ж. Тиксье [Tixier, 1968]. Следует отметить, что ранее такие орудия в губских мустьерских стоянках еще не встречались.

Наиболее интересными среди единичных форм (13 экз.) кажутся семь изделий. В слое 4 найден маленький светлокремневый двояковыпуклый бифасик (рис. 65, 8) — 4,6×2,9×1,6 см. Аналогично другому подобному орудью из Губского навеса № 1 [Любин, 1977, с. 186, рис. 52, 29], он изготовлен на отщепе: сохранился участок брюшка и часть спинки скола. Оба орудия имеют практически одинаковые размеры в поперечном сечении, но бифас Монашеской почти на сантиметр длиннее. Различны и очертания в плане: бифас Губского близок к сердцевидным, а бифас Монашеской — к миндалевидным. Этот же слой доставил орудие на древнем сколе из светло-коричневого кремня с поперечным лезвием, оформленным сбоку острием и брюшковой подтепкой основания (рис. 65, 5), а также скребло с диагональным правым лезвием, выделенным острием и естественной полоторцовой гранью слева (обушок?) — рис. 64, 9. Довольно сходное изделие, но с боковым лезвием, а также с дополнительным продольным лицевым утончением основания было обнаружено в горизонте 2 слоя 3А (рис. 64, 10). В горизонте 3 слоя 3А найдено орудие, формально относящееся к угловатым скреблам (подтип 3), но резко выделяющееся отвесной ретушью правого, диагонального края (обушок?) (рис. 64, 8). В этом же уровне обнаружены два собирающихся фрагмента, наглядно демонстрирующие переоформление

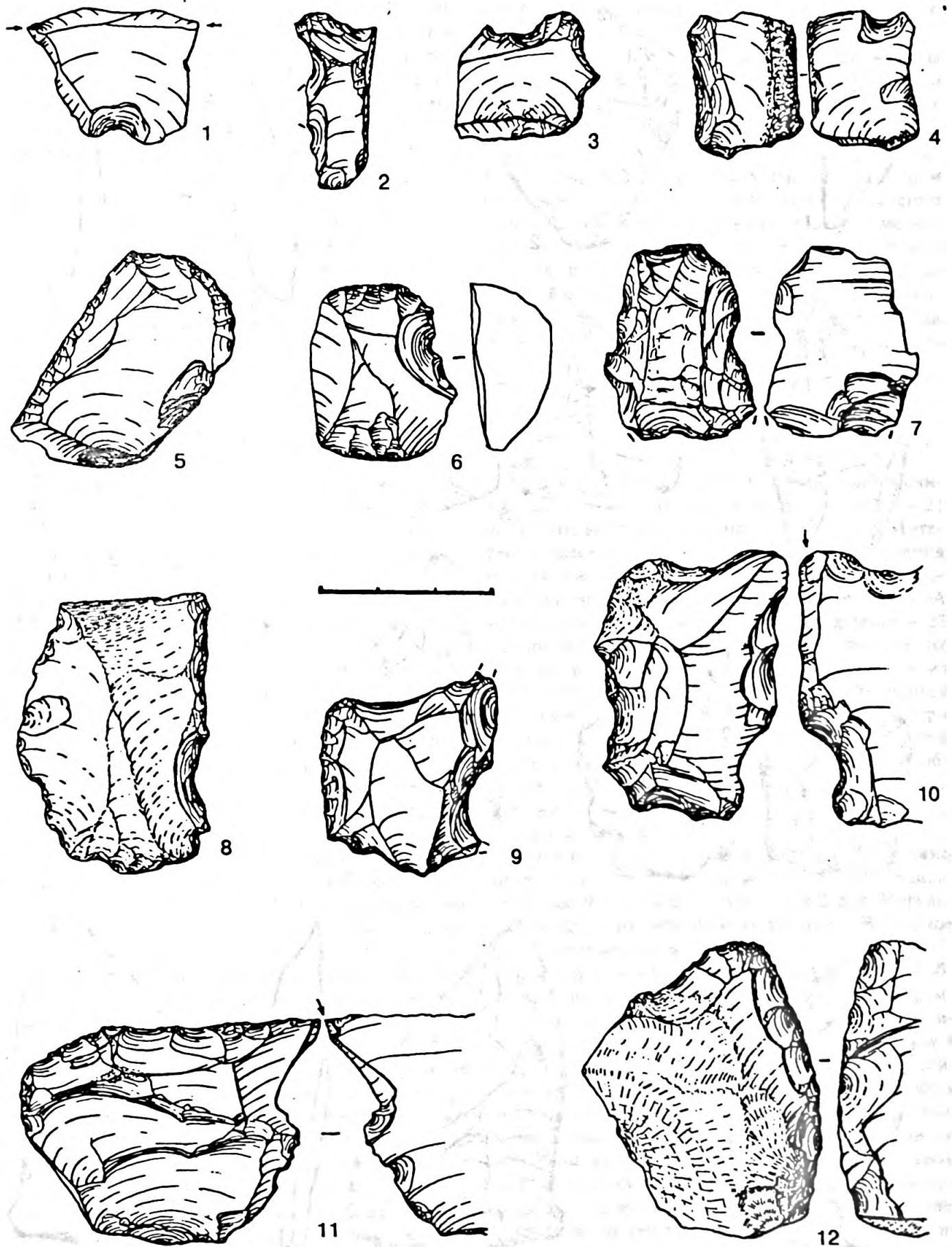

Рис. 63. Монашеская пещера. Комбинированные орудия
 Fig. 63. Monasheskaya Cave. Combination tools

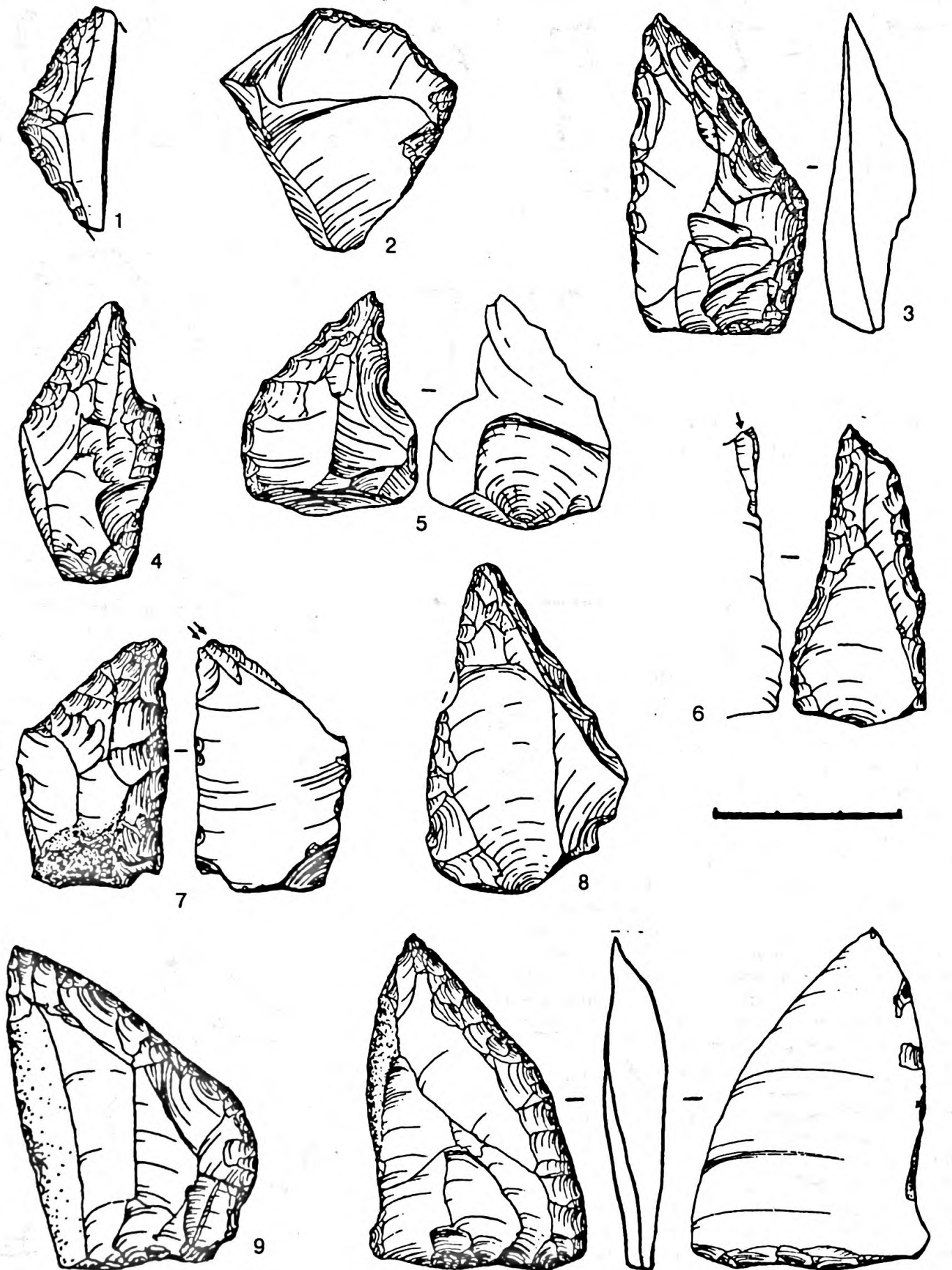

Рис. 64. Монашеская пещера:
 1-4, 7 - угловатые скребла; 5, 6, 8-10 - «разные» орудия (divers)
 Fig. 64. Monasheskaya Cave:
 1-4, 7 - déjeté scrapers; 5, 6, 8-10 - miscellaneous tools (divers)

одной орудийной формы в другую (рис. 49, 10). Дистальный конец орудия с крупнозубчатым лезвием (рис. 49, 10а) был косо усечен двойным ударом с брюшка, а полученный острый угол на другом крае — приострен ретушью (рис. 49, 10б). Из верхнего горизонта слоя 3А происходит не-большой атипичный (плоский) лимас (рис. 65, 7).

К группе незаконченных отнесено 6 изделий: два из слоя 4 с едва лишь намеченным лезвием, одно с боковым брюшковым лезвием и начатым брюшковым же уплощением или приострением (рваный край, сохранились местами остатки площадки-торца) дистального края из горизонта 1 слоя 3А (рис. 66, 5). Любопытны три предмета из слоя 2 и горизонтов 3 и 2 слоя 3А, где налицо только утончение, а орудийный элемент еще не оформлен. У первого — продольно рассеченного краевого светлокремневого скола — брюшковое утончение производилось с подправленной площадки на дистальном конце и с облома-«обушка» (рис. 66, 8). У второго отщепя видна попытка брюшкового поперечного встречного утончения массивного дистального конца уклонившегося скола (рис. 62, 4). У изделия из горизонта 2 имеется лицевое поперечно-продольное и поперечное брюшковое утончения.

Находящимися в стадии модификации можно считать, видимо, 6 орудий. К ним отнесены изделия, рабочий край которых был частично срезан или подправлен ретушью — но так, что новая линия края еще не сформирована. В слое 3А (горизонт 3) встречено, например, маленькое поперечное скребло с боковым острием. Правый край его и основание имеют рваную, извилистую в плане и в профиль линию — благодаря грубому усечению площадки и глубоко врезающемуся в корпус поперечному сколу утончения брюшка. Еще более очевидным кажется промежуточное состояние орудия из горизонта 2 слоя 3А. Предшествующий ретушированный левый край его в значительной мере срезан почти сплошным встречно-продольным утончением брюшка, линия края по всему периметру очень неровная, извилистая, начато лицевое утончение основания (рис. 66, 7). Формально это изделие является частичным плоско-выпуклым бифасом, но оно, как кажется, еще не закончено. В горизонте 1 слоя 3А отмечу изделие типа скребла-скребка с поперечно-продольным брюшковым утончением, сильно испортившим линию лезвия (рис. 66, 2). Характерно, что скол имеет более древнюю патину. Модификация древней заготовки путем ее брюшкового утончения и начатого по правому краю оформления лезвия наблюдается и на другом предмете из этого же горизонта (рис. 66, 1). Третье изделие из этого уровня демонстрирует брюшковое утончение дистального конца, которое сильно срезало первоначальную ретушь на боковом крае. У обломка из слоя 2 лез-

вия срезаны встречным поперечным брюшковым утончением.

К вероятной чужеродной примеси отнесены 3 пластинки с мелкой краевой ретушью: обломки острый (слой 2 и горизонт 1 слоя 3а), последнее с брюшковой ретушью (рис. 65, 1), и обломок пластинки с притуплением обоих краев. Все эти находки сделаны на участке раскопа, примыкающем к склону, где пещерные отложения постепенно переходят в склоновый делювий. Поэтому не исключено случайное попадание их в мустьерский уровень. В то же время немалое число микропластинок во всех мустьерских слоях и весьма возможное утилизационное происхождение ретуши на этих изделиях заставляет оставить вопрос открытым.

5.4.19. Фрагменты орудий из мустьерских слоев

Неопределимые до типа обломки орудий насчитывают 408 экз. В слое 4 их очень мало — 21 фрагмент, включая 2 из импортного сырья. Интересны здесь один уклонившийся скол утончения орудия (рис. 66, 3) и дистальный фрагмент скребла с лицевым утончением. В горизонте 3 слоя 3А неопределимых обломков орудий тоже мало — 23 (импортный кремль — 4). Намного больше их найдено в горизонте 2 этого слоя — 125 (37 — из импортного кремня). Встречены 4 уклонившихся во время вторичной обработки скола — три при ретушировании и один при утончении. Имеется также 8 продольных сколов с лезвий. Около 50 обломов были, вероятнее всего, сделаны намеренно, т. е. имеют следы удара. Еще больше фрагментов орудий содержал горизонт 1 слоя 3А — 165 (69 — из импортного сырья). Как намеренные можно предположительно определить около 80 обломов. Найдены 9 сколов с лезвий. Слой 2 дал 74 фрагмента (20 — из приносного кремня). Вероятное утончение отмечено в 27 случаях.

Среди обломков орудий всех уровней преобладают дистальные, базальные же единичны. Импортное сырье максимально присутствует в горизонте 1 слоя 3А (40 %) и минимально — в слое 4 (9,5 %). Заметно, что к верхам параллельно увеличивается количество фрагментов и уменьшаются их размеры. Эти данные согласуются с другими, приведенными выше и свидетельствующими об усилении интенсивности обитания в верхних уровнях Монашеской (в особенности в горизонте 1 слоя 3А). Данные по сырью указывают на более интенсивную утилизацию орудий из импортного кремня в верхних уровнях. Напомню, что использование этого сырья для изготовления орудий к верхам, напротив, сокращалось — судя по процентам его среди всех орудий соответствующих уровней (табл. 3).

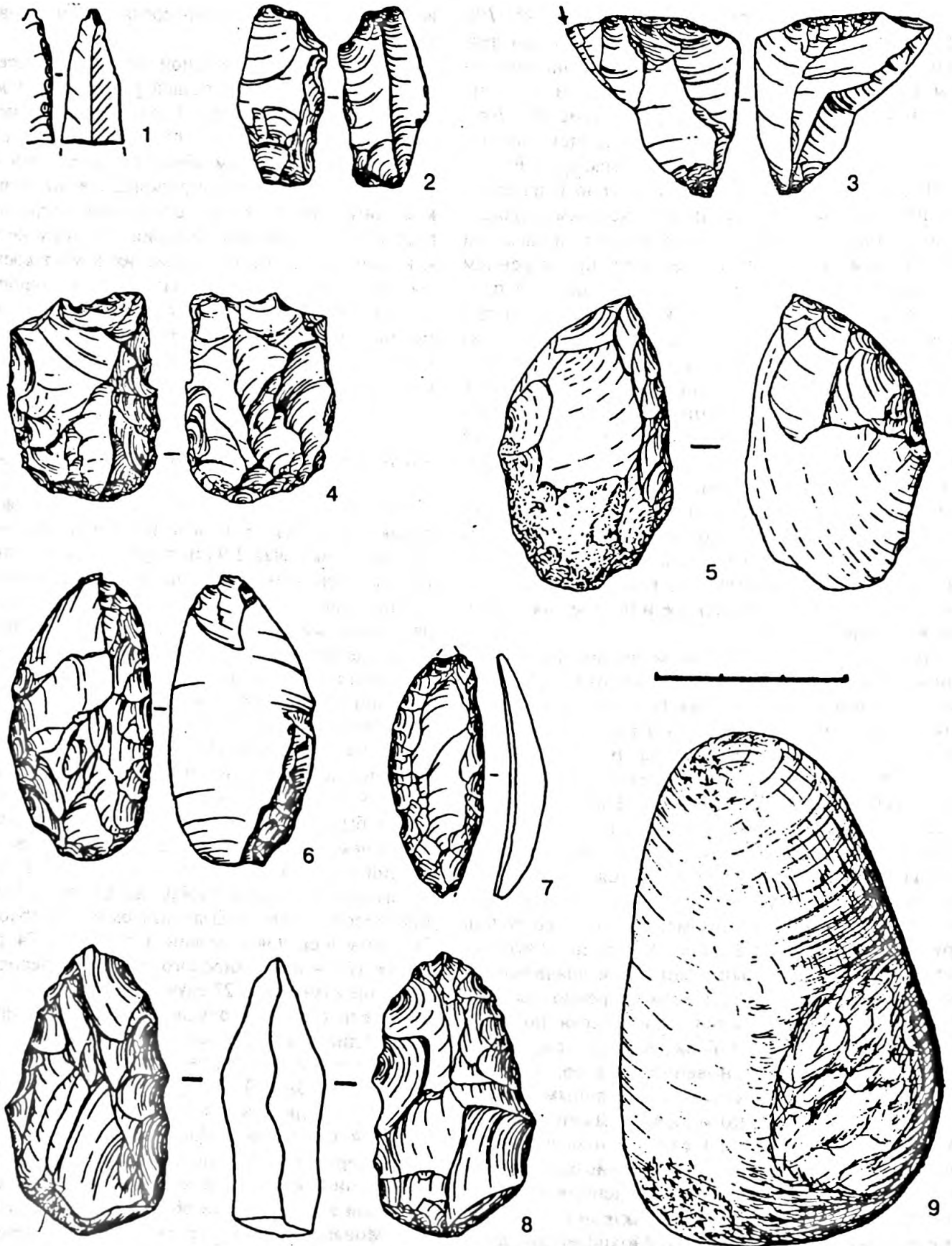

Рис. 65. Монашеская пещера:

1 — пластинка с притупленным краем; 2—4 — pieces ecailees; 5, 6 — скребла с лицевым и брюшковым утончениями; 7 — лимас; 8 — рубильце; 9 — галька-отбойник

Fig. 65. Monasheskaya Cave:

1 — backed bladelet; 2—4 — pieces ecailees; 5, 6 — scrapers with exterior and interior thinning; 7 — limace; 8 — small biface (Mousterian hand-axe); 9 — pebble hammerstone

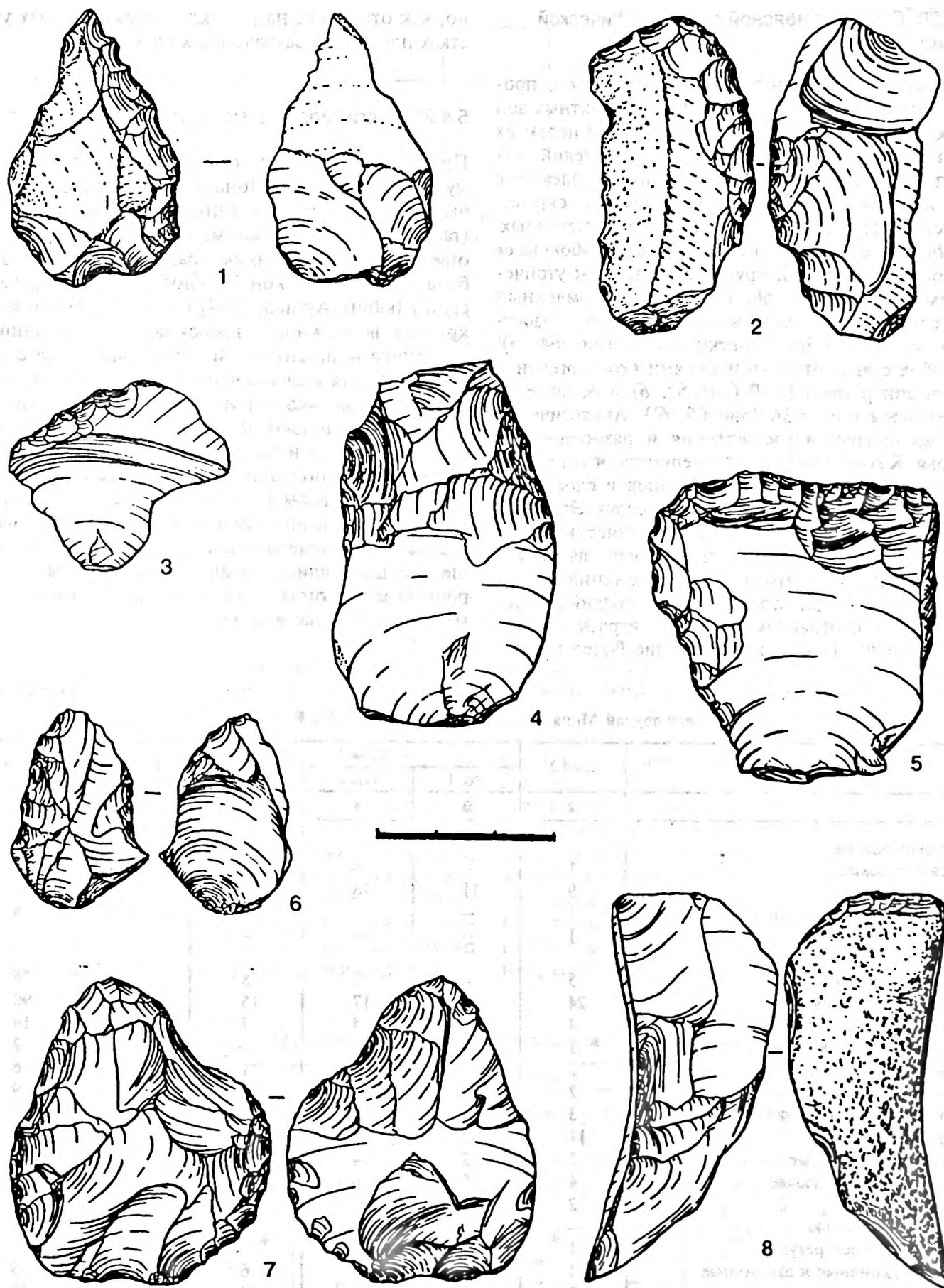

Рис. 66. Монашеская пещера:

1, 2, 4-8 — незаконченные орудийные формы; 3 — уклонившийся скол утончения орудия

Fig. 66. Monasheskaya Cave:

1, 2, 4-8 — unfinished tools; 3 — plunging flake resulted from unsuccessful thinning of certain tool

5.4.20. Орудия с неясной стратиграфической позицией

Это изделия, собранные в осыпи разрезов, происходящие из слоя 1, из зачинок контактных зон между слоями и кротовин, — 1718 экз. В целом их состав вполне соответствует набору изделий, характеризующих стратифицированную коллекцию: те же формы простых и угловатых скребел (рис. 41, 8; 55, 7), остроконечников, выемчатых. Любопытны удлиненные клювовидные «боковые» остря (рис. 48, 16), орудие с неудачным утончением брюшка (рис. 66, 6), резец, оформленный на сломанном двулезвийном и, вероятно, заостренном орудии из зачистки слоя 2 (рис. 64, 6), скребла с лицевыми утончениями (конвергентное из осыпи разреза Д—Р (рис. 52, 6) и боковое из кротовины в слое 3А (рис. 65, 6)). Аналогичен и состав продуктов расщепления и разновидности сырья. Кажется важным подчеркнуть, что присутствие верхнепалеолитических типов в слое 1 ничуть не больше, чем в мустьерских слоях. Это означает, видимо, что верхнепалеолитические слои (см. гл. 3) располагались значительно выше современной кровли мустьерских отложений и, следовательно, инфильтрация более поздних материалов по кротовинам не могла играть существенной роли. Некоторое смещение более вероят-

но, как отмечено, на присклоновых, краевых участках площадки, захваченных раскопом.

5.4.21. Итоги типолого-морфологического анализа

Проведенный анализ орудийной коллекции из мустьерских слоев Монашеской пещеры может быть обобщен в двух тип-листах: традиционном (табл. 15) и региональном, адаптированном в соответствии с более ранними разработками В. П. Любина для Монашеской [Любин, 1977] и Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994] (табл. 16). Первый открывает возможность широких сопоставлений с памятниками других территорий, хотя он не слишком годен для описания наших материалов. Пришлось в несколько раз увеличить число *divers*, куда попали не только описанные мной в этом разделе орудия, но и часть клювовидных, никак не подпадающих под определение *perçoirs*, и некоторые другие формы. Диагональные скребла были условно приписаны отчасти к простым боковым, а отчасти к поперечным. Как уже говорилось выше, не выделялись леваллуазские сколы (кроме *pointes*) и все типы, следующие после № 45 (кроме *pointe de Tayac* и *divers*).

Таблица 15

Тип-лист орудий Монашеской пещеры (по: [Bordes F., 1961a])

Типы орудий	Слой 2	Слой 3А			Слой 4	Всего
		гор. 1	гор. 2	гор. 3		
1	2	3	4	5	6	7
Остроконечники:						
леваллуазские	1	—	—	—	—	1
мустьерские	9	11	16	9	8	53
мустьерские удлиненные	1	—	—	3	4	8
Лимас	1	—	—	—	—	1
Скребла:						
простые прямые	5	6	3	8	4	26
простые выпуклые	24	30	17	15	4	90
простые вогнутые	4	3	4	7	1	19
двойные прямовыпуклые	1	—	1	—	—	2
двойные двояковыпуклые	2	1	1	1	1	6
конвергентные прямые	2	2	4	1	—	9
конвергентные выпуклые	3	3	3	3	2	14
угловатые	11	10	8	16	10	55
поперечные прямые	2	2	4	2	1	11
поперечные выпуклые	4	5	6	3	5	23
брюшковые	2	3	2	—	1	8
с крутой ретушью	—	3	1	3	5	12
с двусторонней ретушью	1	—	—	—	—	1
Скребки типичные и атипичные	11	24	15	6	3	59
Резцы типичные и атипичные	3	9	6	4	4	26
Проколки атипичные	3	7	7	2	1	20
Ножи с ретушированным обушком	1	1	—	1	—	3
Ножи с естественным обушком	2 +	7 +	+	+	2 +	11 +
Скреблышки	7	1	1	2	1	12
Выемчатые	36	107	33	3	10	189

Окончание табл. 15

1	2	3	4	5	6	7
Зубчатые	9	57	14	4	7	91
Vec burinant alterne	1	2	3	—	1	7
Pointe de Tayac	—	1	1	—	2	4
Divers	26	52	30	12	9	129
Всего	171	348	180	103	86	888

Для подведения итогов анализа материалов Монашеской и сопоставлений в рамках губских индустрий более целесообразно использовать адаптированный тип-лист (см. табл. 16).

Прежде всего, заметна преемственность с тип-листом, составленным для нестратифицированных материалов из шурфа [Любин, 1977, с. 171]: все типы, которые там отмечены, есть и в новой коллекции. Прибавились такие формы, как поперечные и диагональные скребла, скребла хай-лодж, миниатюрный бифас. Выделение комбинированных орудий означает лишь изменение подхода к таким изделиям, которые ранее рассматривались как усложненные варианты обычных типов. Несомненно увеличение количества, а также разнообразия выемчатых, зубчатых и клювовидных.

Несмотря на серьезные колебания процентов в некоторых группах орудий подтверждается вывод В. П. Любина об однокультурности всех слоев Монашеской. Об этом свидетельствует «сквозное» присутствие во всех уровнях большинства выделенных типов и разновидностей ведущих форм (разные варианты угловатых скребел, скребков, клювовидных, выемчатых), а также устойчивый набор приемов вторичной обработки. Во вторичной отделке, как уже было отмечено ранее [Любин, 1977, с. 173], господствует краевая пологая или полукрутая чешуйчатая ретушь. Помимо доминирующей лицевой встречаются редкие слу-

чай брюшковой ретуши (главным образом у простых боковых скребел — 7) и единичные изделия с бифасиальной ретушью. Довольно разнообразны приемы ядрищного утончения (33 случая, или 3,6 % орудий), среди которых наиболее часто использовались базальное лицевое (12 изделий) и поперечное лицевое утончение корпуса (6). Дистальное лицевое применялось намного реже (2). Изредка они применялись в комбинации — например, лицевые базальное + поперечное встречное с боковых площадок. Брюшковое утончение делалось несколько реже — 10 предметов, с преобладанием базального (4).

Особый интерес представляют 3 изделия, у которых имеется сплошное утончение брюшка, предшествовавшее ретушированию их краев (два угловатых скребла и одно конвергентное). Вообще утончения наиболее распространены среди остроконечников, простых боковых и угловатых скребел (по 6 случаев), прочие отмечены у зубчатых скребел, конвергентных и поперечных скребел, у двух комбинированных изделий и у орудий, обработка которых, очевидно, не завершена. Другими распространенными приемами здесь были использование анкошей для выделения различных рабочих элементов (скребковых лезвий, режущих кромок, разных клювов) и искусственная фрагментация (оформление обушков, площадок для утончения, выделение скребковых лезвий).

Таблица 16

Тип-лист орудий Монашеской пещеры, Губского навеса № 1 и Баракаевской пещеры

Типы орудий	Монашеская пещера					шурф	Губский навес № 1	Баракаевская пещера
	раскоп							
	слой 2	слой 3А			слой 4			
гор. 1		гор. 2	гор. 3					
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Остроконечники:	11	11	16	12	12	7	2	29
	6,4 %	3,5 %	8,9 %	11,7 %	13,6 %	5,0 %	3,1 %	4,4 %
леваллуазские	1	—	—	—	—	1	—	1
леваллуазские ретуш.	—	—	—	—	—	5	1	3
мустьерские стрелъч.	—	—	1	2	2	—	—	6
мустьерские треуг.	5	4	2	7	3	1	—	12
мустьерские лист.	—	1	—	2	1	—	—	5
мустьерские асиммет.	—	—	—	—	1	—	1	2
дист. фрагм.	5	6	13	1	5	—	—	+ ?

Окончание табл. 16

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Однолезвийные скребла:	44	60	39	39	23	35	21	172
	25,7 %	17,2 %	21,7 %	37,9 %	26,7 %	25 %	32,3 %	26,3 %
боковые	36	45	26	33	15	33	16	157
	21 %	12,9 %	14,4 %	32 %	17,4 %	23,6 %	24,6 %	24 %
угловые	2	8	2	1	2	2	—	3
диагональные	2	1	8	3	1	+ ?	—	+ ?
поперечные	4	6	3	2	5	—	5	12
Двойные боковые скребла	3	1	2	1	1	3	2	24
	2,3 %	0,3 %	1,1 %	1,0 %	1,2 %	0,2 %	3,1 %	3,7 %
Конвергентные скребла	6	6	11	4	2	5	2	23
	3,5 %	1,7 %	6,1 %	7,9 %	2,3 %	3,6 %	3,1 %	3,5 %
Угловатые скребла:	11	10	8	16	10	14	4	58
	6,4 %	2,9 %	4,4 %	15,5 %	11,6 %	10 %	6,2 %	8,9 %
ябруд. типа	1	2	2	6	2	2	1	20
pointe déjetée	6	1	2	4	2	3	1	13
прям. треугольник	3	5	2	3	6	—	—	4
incuvée	—	—	1	2	—	3	1	5
high-lodge	1	—	1	1	—	—	1	3
с конц. остр.	—	—	—	—	—	—	—	6
трехлезвийные	—	2	—	—	—	—	—	7
Скрепки	11	24	15	6	3	18	5	32
	6,4 %	6,9 %	8,3 %	5,8 %	3,5 %	12,9 %	7,8 %	4,9 %
Резцы	3	9	6	4	4	2	—	11
Ножи нат. об.	+	+	+	+	+	15	8	+
Raclettes	7	1	1	2	1	2	—	—
Выемчатые:	36	107	33	3	10	14	7	244
	21,5 %	30,7 %	18,3 %	2,9 %	11,6 %	10 %	10,9 %	37,3 %
ретушированные	7	15	8	1	—	4	6	21
клект. прост.	27	83	21	2	10	8	1	191
клект. смежн.	2	9	4	—	—	2	—	32
Зубчатые	9	57	14	4	7	11	12	12
	5,3 %	16,4 %	7,8 %	3,9 %	8,1 %	7,9 %	18,5 %	1,8 %
Клювовидные	11	38	22	5	4	5	?	32
	6,4 %	10,9 %	12,2 %	4,9 %	4,7 %	3,6 %	—	4,9 %
Двусторонние	—	—	—	—	2	—	1	7
	—	—	—	—	2,4 %	—	1,5 %	1,1 %
Комбинированные	9	10	8	2	1	?	?	?
Лимас	—	1	—	—	—	3	—	—
Divers	9	9	6	5	6	5	1	11
Всего	171	348	180	103	86	140	65	655

5.5. Динамика индустрии во времени

Если суммировать все приведенные в этой главе данные, то возможно сделать следующие выводы о динамике индустрии.

1. Главная тенденция в технике расщепления заключается в уменьшении габаритов изделий снизу вверх с минимумом в горизонте I слоя 3А. Следует также отметить слабые, но все же уловимые сдвиги в технологии получения пластин: определенный рост среди них процента правильных и реберчатых, а также числа редуцированных площадок. Вкупе с появлением призматических нук-

леусов это позволяет говорить об элементах верхнепалеолитической техники. Можно предположить, что усиление микролитоидности в очень большой мере связано с нарастанием интенсивности расщепления в условиях определенного дефицита качественного сырья. За это говорит резкий рост в верхах количества изделий, происходящий в значительной степени за счет увеличения мелких отходов, и ухудшение на этом фоне технических индексов, сокращение доли импорта среди орудий. Возможно, что данная ситуация стала неблагоприятным фактором для развития пластинчатого производства — так же как для развития

технологий леваллуазского круга. Высококачественные заготовки как в виде пластин, так и в виде сколов типа леваллуа получать, несомненно, умели, но они крайне редки и нечасто использовались даже для орудий. В то же время можно говорить об избирательности в использовании заготовок — прежде всего это касается наиболее сложных форм (до 48—49 % случаев использования более качественных сколов из импортного сырья для остроконечников и угловатых скребел).

2. Орудийный набор в целом не претерпевает принципиальных изменений от уровня к уровню ни по списку основных типов, ни по приемам вторичной обработки. Широкая морфологическая вариабельность внутри типов (несколько разновидностей угловатых скребел, скребков, клювовидных и т. д.) является, как кажется, в общем «сквозной», т. е. независимой от стратиграфии. Трудно уловить в ней какие-либо направленные тенденции. Исключения составляют связанное с изменением габаритов заготовок уменьшение средних размеров орудий, некоторое уменьшение степени крутизны лезвий (прослежено по боковым скреблам и конвергентнолезвийным формам), а также некоторый рост и совершенствование скребков, развитие комбинированных орудий. Сложную динамику демонстрируют зубчато-выемчатые и клювовидные, роль которых резко возрастает в верхах, с максимумом в горизонте 1 слоя 3А, где большинство этих форм было сосредоточено в пределах линзовидного горизонта 3а, ранее интерпретированного как возможные следы жилой конструкции (см. гл. 3).

3. Особенности слоя 4 (малочисленность его коллекции, меньшая доля отходов производства, большее распространение импортного сырья, более крупные размеры орудий и сколов) позволяют реконструировать не очень высокую интенсивность проживания в начальный период заселения стоянки — возможно даже периодическое, а не постоянное проживание. Указывает на это, как кажется, и планиграфия (см. гл. 3) — хаотичная разбросанность находок почти по всей площади раскопа (рис. 29, 30). Для горизонта 3 слоя 3А характерно уже значительно более активное расщепление местного сырья и определенные инновации (микропластинки). В этом уровне наиболее заметно доминирование скребел, особенно простых (около трети всех орудий). Судя по планиграфическим данным (рис. 27, 28), тут уже складывался некий бытовой центр.

4. Наиболее яркие различия с другими уровнями демонстрирует горизонт 1 слоя 3А и отчасти горизонт 2 этого же слоя. Самые существенные пункты этих различий: чрезвычайно высокая интенсивность расщепления (обилие отходов, резкое

измельчение изделий, включая нуклеусы), а также большой процент фрагментов, наихудшие технические показатели (IF и все варианты Пам) и очень значительная роль зубчато-выемчатых и клювовидных форм, частично сохраняющаяся и в слое 2. Абсолютное большинство этих орудий и основная масса находок концентрировались на участке предполагаемого «жилища» (см. гл. 3) — рис. 23, 24, 25, 26. Коллекции, собранные в этих уровнях ранее, за пределами данного участка были довольно скудными (13,5 % и 15 % от всех находок) и не давали оснований для подобного обособления их от нижних уровней ни по техническим показателям, ни по набору орудий. В слое 2 происходит некоторый «откат» относительно показателей горизонтов 1 и 2, но общая тенденция к более мелким и тонким заготовкам налицо. В этом слое найдена большая часть galettes и появляются наиболее совершенные формы скребков. Бытовой центр этого уровня хорошо выражен, но явно смещен относительно такового в подстилающих горизонтах и более расплывчат (рис. 21, 22).

Можно выделить, на мой взгляд, два аспекта изменчивости индустрии — стратиграфический, отражающий развитие во времени, и планиграфический. В первом случае изменения определяются, видимо, совокупным воздействием ряда факторов. Во втором (горизонты 1 и 2 слоя 3А) уместно говорить о фациальной изменчивости, которая отражала, очевидно, прежде всего более специфическую хозяйственную деятельность (судя по распространению анкошей, зубчатых и клювовидных велась активная деревообработка) и повышение интенсивности обитания в пределах ограниченного пространства и дополнительного давления такого фактора, как дефицит качественного сырья. Конечно, данная фациальная изменчивость сказалась и в хронологическом аспекте — недаром «снятие» ее в слое 2 вызвало эффект возвращения ряда показателей к более низким значениям. Как уже отмечалось, наибольшую инертность продемонстрировал орудийный набор, где ни список типов, ни вариабельность форм не проявили корреляции со стратиграфическими уровнями. Исключения (уменьшение размеров орудий, рост зубчато-выемчатых и т. д.) должны скорее всего отражать, соответственно, изменчивость заготовок или функциональный аспект. Уверенно говорить о каком-либо существенном развитии форм или техники вторичной обработки трудно. Техника расщепления хотя и показала некоторое развитие (пластины), но динамика ее, несомненно, зависела и весьма сильно от фактора сырья и от интенсивности его расщепления, что связано отчасти, очевидно, с изменениями в интенсивности обитания.

Глава 6

ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ АУТЛЕВСКАЯ, БАРАКАЕВСКАЯ И ГУБСКИЙ НАВЕС № 1

Рассмотрим теперь данные о других пещерных мустьерских памятниках бассейна Губса и полученные там коллекции кремневых изделий.

6.1. Аутлевская пещерная стоянка

Исследования ее находятся еще в начальной стадии, и потому добытая информация носит отчасти предварительный характер. Тем не менее своеобразие этой стоянки на фоне других губских памятников очевидно уже сейчас, что и побуждает остановиться на ней достаточно подробно. Как отмечалось выше (см. гл. 1), Аутлевская пещера приурочена к водоразделу двух правых притоков Губса и располагается на абсолютной высоте около 1000 м (рис. 1Б; 6Б). Участок склона горы Круглой, вблизи которого расположен скальный обрыв с рядом небольших гротов, местное население именует Карповой поляной. Отсюда и происходит первоначальное, «рабочее», название открытых здесь пещер — Карпова поляна I, II и III. Все эти гроты имеют входы, ориентированные на восток. Первые сведения о пещерах на Карповой поляне были сообщены еще в 1981 г. местным краеведом, учителем географии из станицы Губской В. П. Сакорой. В том же году В. П. Любин и Н. Г. Ловпаче (Адыгейский государственный университет) поставили в одной из пещер, названной Карпова поляна I, небольшой шурф (1,0×1,5 м), в котором под тонким голоценовым слоем они обнаружили плейстоценовые отложения и первые 5 изделий мустьерского облика. Проходка этого зондажа глубже одного метра оказалась невозможной из-за крупных известняковых глыб. Дальнейшие исследования пещеры удалось продолжить только в 1988 г. Был снят план пещеры (рис. 67Б), а шурф был превращен в небольшую траншею, расширенную затем вплоть до северной стены. Общая площадь вскрытия достигла 5,5 кв. м. В результате этих работ удалось получить первый поперечный разрез — F—N—Z (рис. 68) и несколько пополнить археологическую коллекцию. Несмотря на расширение площади вскрытия, обилие глыб вновь не позволило существенно углубить раскоп, и проходку его пришлось приостановить на глубине 1,7 м от поверхности. Этим пока что ис-

черпывается история исследования данного памятника, которому в 1992 г. было присвоено новое название — Аутлевская пещера (в память скончавшегося годом ранее выдающегося исследователя каменного века Кубани и первооткрывателя губского палеолита П. У. Аутлева). Такое наименование пещеры я и буду использовать в дальнейшем.

Глубина Аутлевской пещеры невелика — около 10 м, размеры входа в нее, обращенного на восток и имеющего аркообразную форму, составляют 7×5 м, далее свод ступенчато понижается (до 1 м высоты) и сливается с восходящим карстовым колодцем (рис. 67А). Разрез F—N—Z расположен на расстоянии 4,5 м от входа, но всего в двух метрах от капельной линии, выгнутой вглубь пещеры благодаря вылому края свода. Разрез этот представляет собой западную стенку вскрытого участка и протягивается от северной стены пещеры до ее осевой линии — будущего продольного разреза. Ширина разреза колеблется от 1,7 до 2,0 м, глубина — от 1,3 до 1,7 м от поверхности (рис. 68). Несмотря на очень небольшую глубину, полученный фрагмент поперечного разреза F—N—Z позволил выявить 8 различных литологических уровней, причем нижние — 7-й и 8-й — вскрыты лишь на небольшом участке.

Привожу краткое описание разреза F—N—Z (рис. 68):

Слой 1 — современный пылеватый гумус мощностью	0,03—0,05 м
Слой 2 — розовато-бурый мелкощебенчатый (до 70 %) средний суглинок. Имеется небольшое количество более крупных обломков (10—15 см). Почти весь обломочник представлен уложенными на плоские грани плитками, уклон которых к северной стене пещеры согласуется с общим падением самого слоя. Мощность слоя достигает	0,4—0,5 м
Слой 3 — темно-бурый с розоватым оттенком средний суглинок с крупными (длиной до 50, толщиной до 15—20 см) известняковыми блоками, лежащими на плоских гранях с уклоном к северной стене. Мощность слоя до	0,3—0,4 м

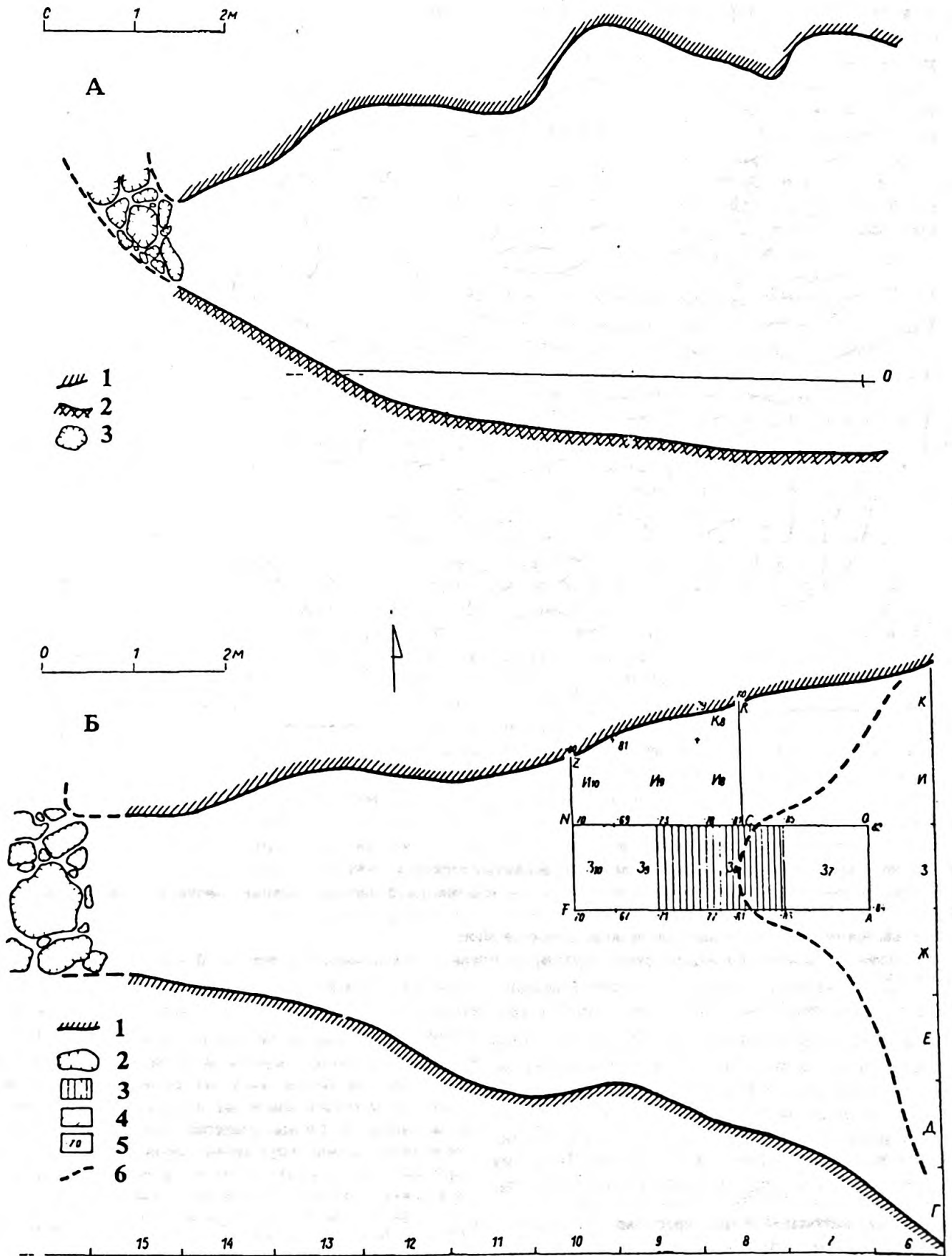

Рис. 67. Аутлевская пещера:

А — продольный разрез полости пещеры: 1 — линия свода; 2 — поверхность земляного пола; 3 — камни; Б — план: 1 — стена пещеры; 2 — камни; 3 — шурф 1981 г.; 4 — раскоп 1988 г.; 5 — нивелировочные отметки; 6 — капельная линия

Fig. 67. Autlevskaya Cave:

А — longitudinal section of the cave chamber: 1 — vault outlines; 2 — surface of the ground floor; 3 — blocks; Б — plan: 1 — cave wall; 2 — blocks; 3 — 1981 test excavation; 4 — 1988 excavation; 5 — levelling marks; 6 — drip line

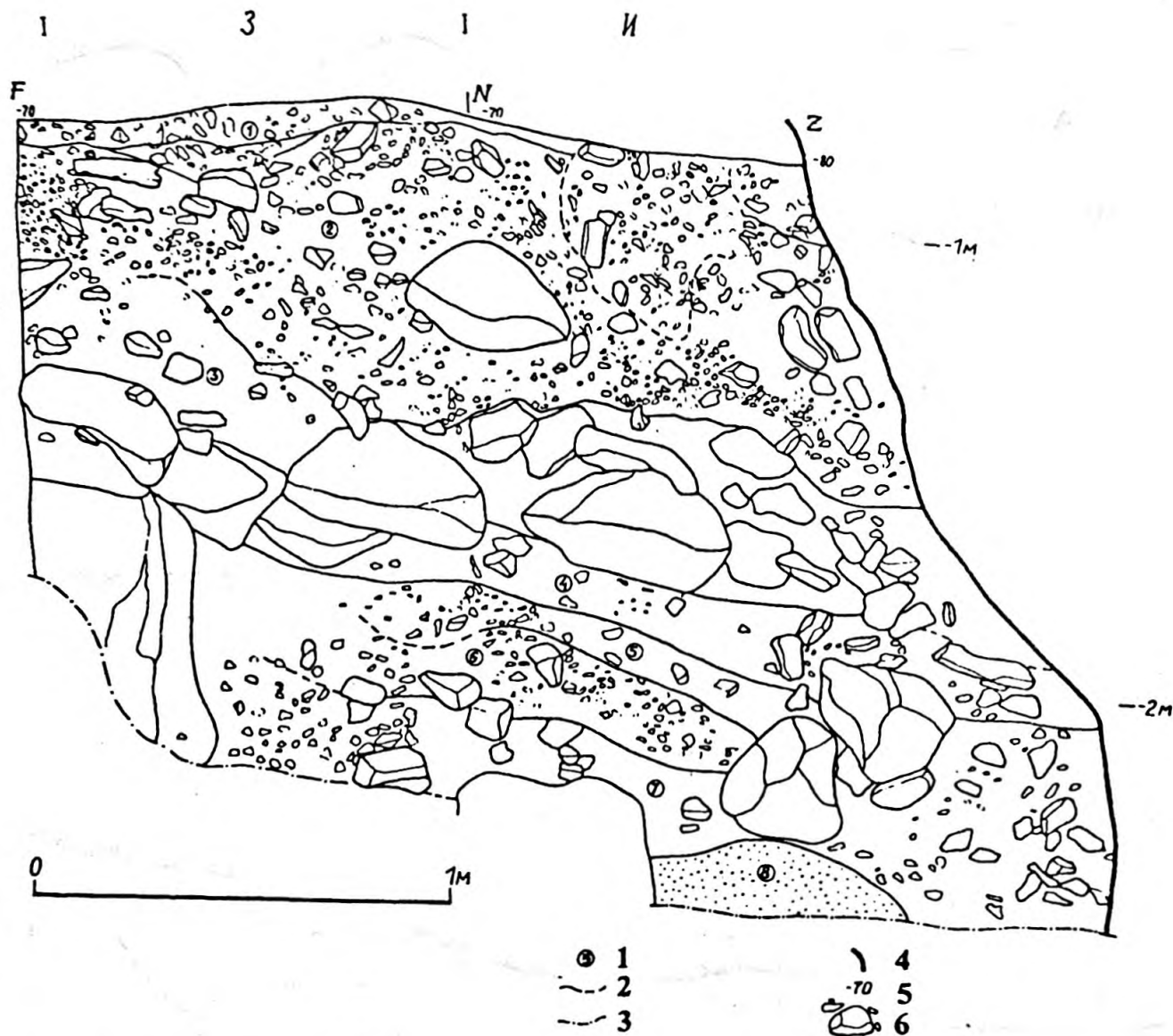

Рис. 68. Аутлевская пещера. Разрез отложений, вскрытых раскопом 1988 г.:

1 — номера слоев; 2 — границы слоев; 3 — дно раскопа; 4 — стена пещеры; 5 — нивелировочные отметки; 6 — известняковые глыбы и щебень

Fig. 68. Autlevskaya Cave. Cross-section in the 1988 excavation:

1 — numbers of the layers; 2 — borders between the layers; 3 — bottom of the excavation; 4 — cave wall; 5 — levelling marks; 6 — limestone blocks and rubble

Вне плоскости разреза F—N—Z в этом уровне встречаются и значительно более крупные блоки, часть которых уходит в подстилающие слои (4 и 5). Мелкого и среднего щебня здесь практически нет, но встречаются обломки известняка и пристенных натечков размером в 10—15 см. Число их возрастает по мере приближения к стене пещеры.

Слой 4 — наиболее яркий красновато-бурый суглинок (переходный от среднего к тяжелому). В средней части разреза он содержит мелкие обломки натечных корочек, а близ стены — обломки известняка и натечков размерами до 10—15 см. В этом слое на щебне появляется черноватый налет (фосфатный или же марганцевые примазки), часты мелкие галечки. Мощность. 0,15—0,2 м

Слой 5 — серовато-бурый суглинок, местами насыщен натечной крошкой и мелкими (не более 3—5 см) обломками натечков, местами вовсе не включает обломочника. У стены пещеры этот слой перекрыт двумя крупными блоками и прослеживается смутно. То же относится и к южной оконечности разреза, где слои 5—7 прорезаны крупным известняковым блоком. Мощность слоя. 0,05—0,10 м

Слой 6 — светло-коричневый суглинок, переполненный дресвой и мелкими, горизонтально уложенными обломками тонких (0,2—0,3 см) натечных корочек. В нижней части слоя встречаются и обломки размером до 10—15 см. Слой 6 прослеживается только в средней части разреза. Мощность его. до 0,2 м

Слой 7 — темно-бурый средний суглинок, лишенный щебня и дресвы. Расчищен только на участке около 1 кв. м. Мощность. до 0,2 м

Слой 8 — желтовато-белый суглинок, переполненный белесоватой дресвой и натечной крошкой. Вскрыт на площади не более 0,5 кв. м. Видимая его мощность 0,1 м

Судя по полученному разрезу и по наблюдениям в процессе раскопок, никаких признаков близкого дна нет. Стена пещеры не выполаживается, а, напротив, уходит вглубь с отрицательным уклоном, увеличивая тем самым ширину разреза в нижней части.

В качестве черт, характерных в целом для плейстоценовых отложений Аутлевской пещеры, отмечу, прежде всего, окрашенность их в теплые тона (от розовато- или красно-бурого до светло- и серо-коричневого) и общее падение слоев в направлении северной стены. Пристенные участки — что справедливо в общем для всех слоев — выделяются несколько повышенной концентрацией в них крупнообломочного материала и беспорядочностью его залегания (рис. 68). Заполнитель здесь становится более влажным и вязким, приобретает серовато-сизый оттенок. Изменение литологических характеристик особенно заметно в правой, или северной, половине разреза на уровне слоев 5, 6, 7 и 8, которые здесь практически сливаются и визуальному разграничению не поддаются. На мой взгляд, все это указывает на периодическую водную эрозию пристенного участка. Отмечу явные отличия мелкощебнистого слоя 2, залегающего над содержащим крупные глыбы слоем 3 (обвальный горизонт?), от нижележащих отложений, где преобладают обломки натечных корочек. В нижних слоях (4—8) зафиксированы также увеличение плотности суглинка, появление на щебне фосфатного налета и отдельные мелкие галечки.

Добытый фаунистический материал поражает практическим отсутствием остатков крупных млекопитающих, исключая одну подъязычную кость пещерного медведя и обломок трубчатой козла или барана. Зато в большом количестве найдены здесь разнообразные мелкие животные — грызуны, амфибии, птицы. Промывка суглинка, предпринятая отдельно для уровней 40—50, 50—60, 80 и 120 см от поверхности, выявила увеличение числа этих остатков книзу. Преобладают виды открытых пространств, и в целом, по заключению Г. Ф. Барышникова (личное сообщение), фауна Аутлевской близка мустьерской фауне из губских стоянок (пищуха, хомяк, обыкновенная полевка и др.). Отмечу, однако, появление пещерного медведя, не встречающегося в гротах Губского ущелья и характерного для более высокогорных стоянок.

Кремневые находки немногочисленны — всего 13 изделий. Пять найдены на глубине не более 0,25—0,30 м от поверхности (слой 2). Три из

них — это пластинчатые отщепы с более или менее распространенными следами утилизации на лезвиях. Среди них и единственный отщеп из темно-коричневого кремня, характерного для губских стоянок (рис. 69, 2). Все прочие изготовлены из светлого и светло-серого кремня (непрозрачного, с разными включениями) или окремненного известняка. Аналогичное сырье отмечается только среди единичных находок, сделанных в долине соседней реки Кизинки, верховья которой расположены в 2—3 км к юго-востоку от г. Круглой (рис. 1Б). Изделие из коричневого кремня имеет небольшой угловой клюв (*bec*), оформленный на дистальном конце брюшковой ретушью. Четвертый предмет — небольшой обломок какого-то орудия высокой формы (угол заострения лезвия — 70 градусов, ретушь — многорядная, чешуйчатая) — явно подвергся воздействию огня. Пятая находка из этого уровня, соответствующего, очевидно, самым верхам выделенного в разрезе слоя 2, — это маленький фрагмент зубчатого орудия.

Из средней части разреза (низы слоя 2 или слой 3?) происходят три изделия (глубина 0,5—0,8 м от поверхности): разбитая в древности пополам леваллуазская пластина с легкой краевой противоположающей ретушью (рис. 69, 4) и два обломка пластин — базальный (рис. 69, 1) и дистальный с участком желвачной корки.

На глубине 1,3 м от поверхности (слои 4—5) найдено серокремневое орудие, которое можно охарактеризовать как асимметричный остроконечник или *pointe déjetée incurvée* (рис. 69, 3). По типу заготовки (крупный отщеп с выпуклой фасетированной площадкой) и противопоставлению выпуклого и вогнутого лезвий это орудие несколько напоминает один остроконечник из Монашеской пещеры [Формозов, 1965, рис. 9, 1; Любин, 1977, рис. 45, 18]. Однако последний имеет намного более крупные размеры и более стройные, вытянутые очертания. Орудие из Аутлевской отличается также извилистостью или даже зубчатостью лезвий, приобретенной, вероятно, в результате утилизации, и отсутствием подлинно острого конца, что, впрочем, также можно отнести на счет сработанности.

Особый интерес вызывают четыре предмета из нижних слоев (глубина 1,4—1,5 м от поверхности, слои 6—7). Наименее диагностичен дистальный обломок скола из окремненного известняка, зато другие три изделия имеют черты, существенно отличающие их от находок вышележащих уровней. Для всех трех характерна массивность и гладкие, сильно скошенные ударные площадки. Это крупнозубчатое орудие на полукраевом сколе из окремненного известняка (рис. 69, 7), полукраевой пластинчатый отщеп со сходной зубчатой ретушью (рис. 69, 6) и, наконец, массивное белокремневое орудие с двойной патиной (рис. 69, 5). Два крупных скола по его левому краю, образующие

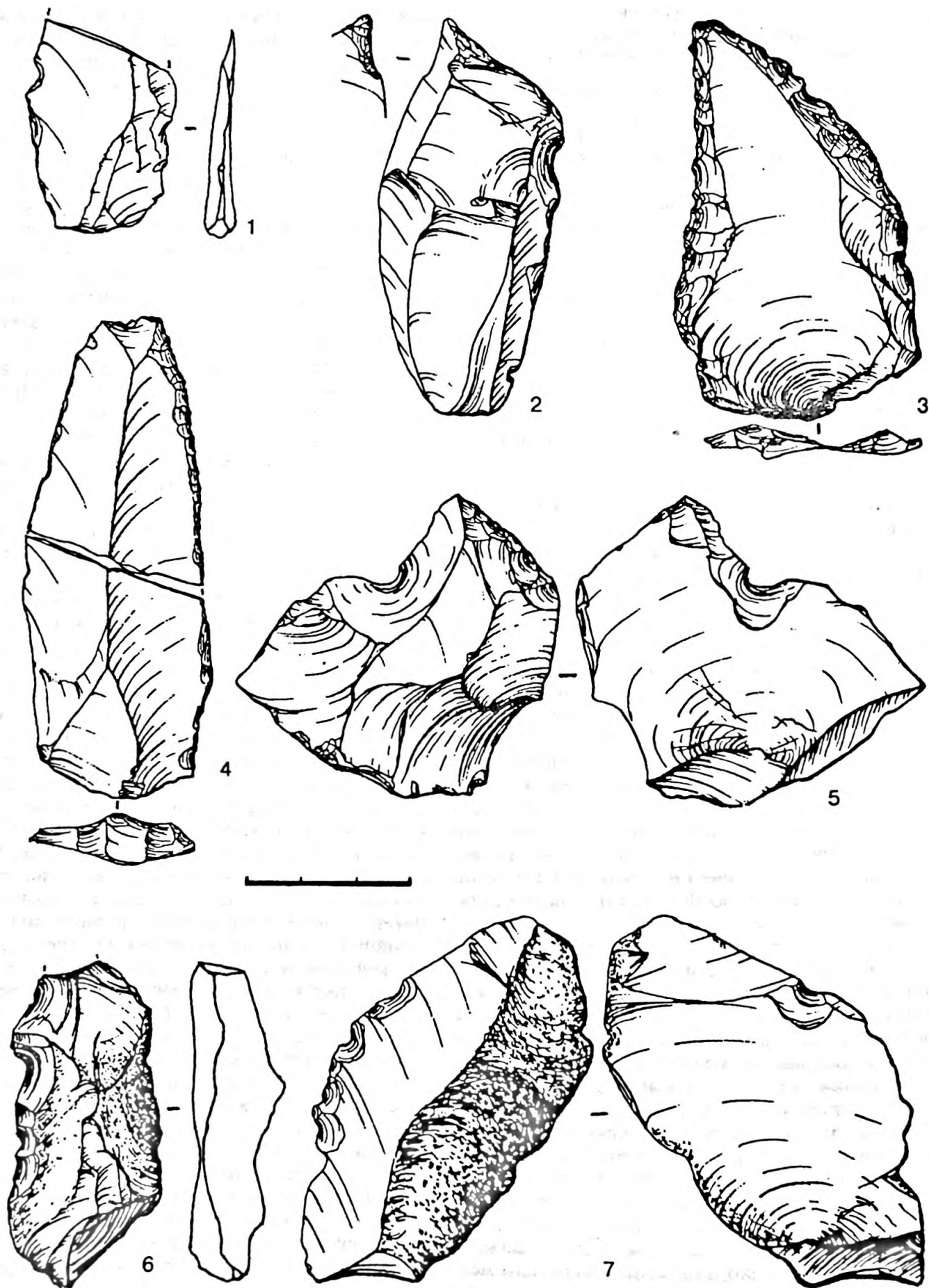

Рис. 69. Аутлевская пещера. Орудия
 Fig. 69. Autlevskaya Cave. Stone tools

выемку, сделаны в более позднее время. До переформления это орудие являлось, очевидно, скошенным поперечным скреблом, что предполагает сохранившийся участок ретушированного лезвия.

Полученные данные еще слишком невелики, чтобы делать сколько-нибудь решительные выводы по поводу возраста и культурной атрибуции памятника. Однако некоторые предварительные суждения высказать все же можно. Как уже отмечалось (см. гл. 1), несмотря на малочисленность, эти находки из Аутлевской позволяют говорить, во-первых, об их разновозрастности и, во-вторых, о возможной принадлежности изделий архаичного облика из слоев 6—7 к домустьерскому времени. Примитивность техники расщепления, а также массивность данных изделий сближают их с подобными формами, собранными в русловых галечниках низовий Губса. Как будет аргументировано в гл. 7, наличие там ашельского компонента представляется более чем вероятным. Изделия ашельского облика как будто встречены и в верхнем течении Губса (местонахождение на склонах горы Палферова).

Наличие в верхах Аутлевской изделий другого облика, перекликающихся с материалами мустьерских стоянок Губского ущелья, побуждает к сравнению их стратиграфических колонок. Отличие Аутлевской состоит прежде всего в большем количестве литологических подразделений и в большей мощности отложений, поскольку даже вскрытые частично они уже превосходят суммарную мощность всех мустьерских слоев Монашеской. Существенны и литологические различия — более «теплая» коричневато-бурая гамма слоев Аутлевской, более суглинистый их характер, явные следы эрозии. Наиболее отличны нижние слои (4—8), где мало щебня, зато в массе присутствуют обломки натеков, а в заполнителе явно возрастает глинистая фракция. В то же время верхняя часть колонки Аутлевской (слои 1—3), где найдены упомянутые мустьерские формы, кажется вполне сопоставимой с типичными характеристиками вюрмских отложений губских пещер. Здесь мы видим и слой, насыщенный до 70 % мелким и средним плитчатым щебнем (слой 2), и горизонт крупных обвальных глыб — слой 3. Последний очень заманчиво соотносить с обвальным уровнем 3Б в Монашеской пещере. Напомним, кстати, что в подстилающем его там слое 4 также было отмечено уменьшение количества щебня и присутствие, хотя и незначительное, мелких обломков натеков. Отмечались в слое 4 Монашеской и «черный» налет на щебне и мелкие галечки, т. е. то же, что характерно для подобвального слоя 4 Аутлевской пещеры. Определенное сходство между губскими стоянками и верхними уровнями Аутлевской имеется и по составу фауны.

Итак, суммируя все эти пока еще скудные данные, можно предположить, что высотная Аутлевская пещера была освоена человеком намного

раньше, нежели убежища Губского каньона. Домустьерский возраст нижней части ее отложений представляется весьма вероятным, чему не противоречит облик сделанных там находок. Верхняя часть колонки и связанные с ней изделия находят некоторые аналогии в губских пещерных стоянках. Скудость и разновозрастность находок, отсутствие отходов производства предполагают кратковременные и редкие посещения пещеры различными группами людей. Таким образом — во всяком случае в период формирования слоев 2—8 — эта стоянка служила, видимо, охотничьим лагерем или, точнее, кратковременным биваком как мустьерских, так и более древних обитателей долины Губса. Возможно, что более активному использованию Аутлевской для проживания препятствовала ее сырость и, может быть, даже периодическая частичная обводненность (следы эрозии у северной стены).

6.2. Губский навес № 1

Об этом интересном памятнике, к сожалению, трудно говорить подробно, поскольку информация о нем, несмотря на раскопанность практически всей стоянки, оказалась весьма скудной (см. гл. 1). Предпринятая попытка пополнить данные, полученные в ходе раскопок П. У. Аутлева [Аутлев, 1964; 1970] и обобщенные позднее В. П. Любиным [1977], не принесла ожидаемых результатов. Небольшая прирезка (3 кв. м), сделанная к северу от шурфа-раскопа П. У. Аутлева в 1991 г., дала лишь ничтожно малый и совершенно недиагностичный материал (несколько мелких отщепов, обломки кремневого известняка). Надежда на получение новых стратифицированных материалов из Губского навеса № 1, по-видимому, крайне мало, поскольку весь памятник фактически уничтожен «шурфом» П. У. Аутлева. Поэтому придется ограничиться здесь только кратким обсуждением выводов, сделанных другими авторами и сопоставлением стратиграфически нерасчлененного инвентаря этой стоянки с новыми коллекциями Монашеской.

Стоянка в Губском навесе № 1, расположенная, как уже говорилось ранее (см. гл. 1), в 20—30 м к западу от Монашеской пещеры (рис. 1) и на той же высоте, была открыта П. У. Аутлевым в 1962 г. [Аутлев, 1970; 1973]. Своеобразие навеса заключается в том, что собственно эрозионная ниша здесь очень маленькая и неглубокая, а перекрытие использованной для проживания поверхности обеспечивалось за счет отрицательного угла скальной стены каньона [Любин, 1977]. От атмосферных осадков этой нависающей стеной ныне защищено около 84—98 кв. м или лишь около половины поверхности площадки (рис. 70). Ранее перекрытая ею площадь могла быть большей — судя по следам разрушения стены в виде крупных глыб на западной половине площадки

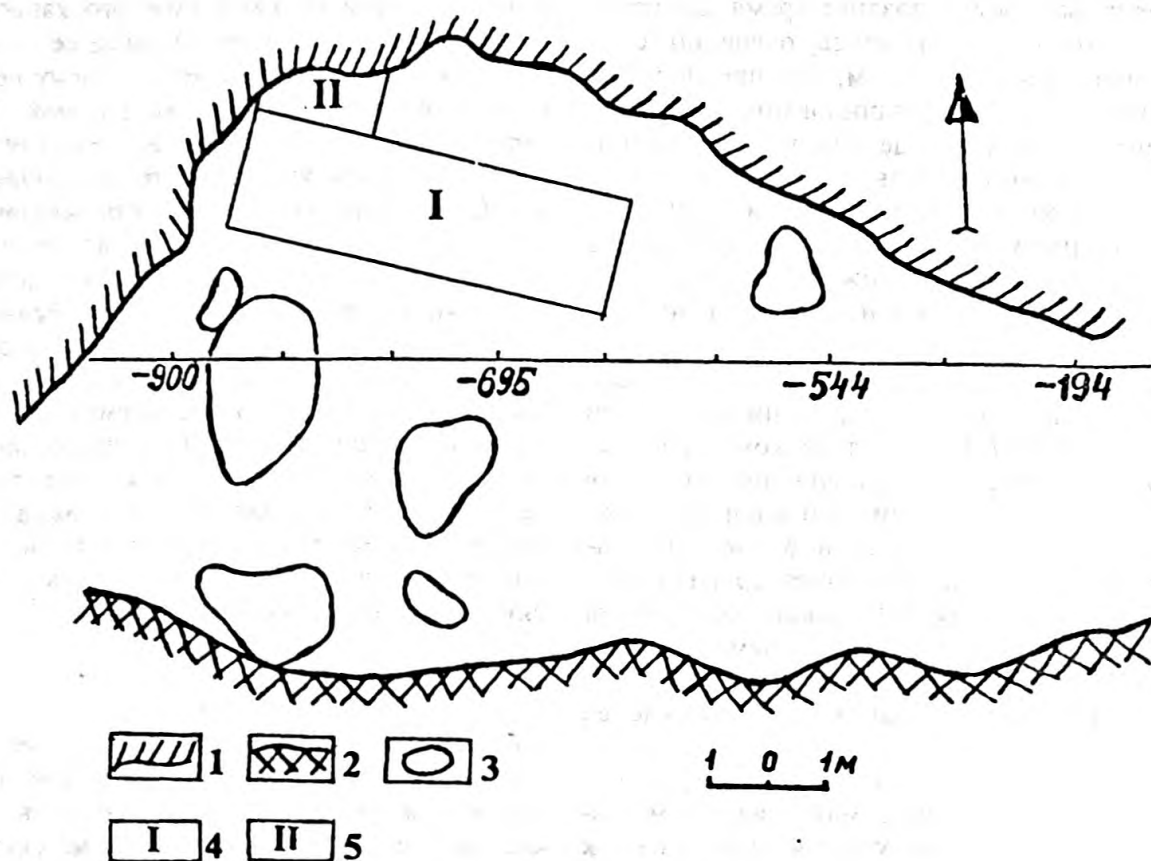

Рис. 70. Губский навес № 1. План:

1 — скальная стена; 2 — край площадки; 3 — известняковые глыбы; 4 — раскоп П. У. Аутлева; 5 — раскоп 1991 г. (по: [Любин, 1977])

Fig. 70. Gubski № 1 Rock-shelter. Plan:

1 — rock wall; 2 — outlines of the rock-shelter ground; 3 — limestone blocks; 4 — the Autlev' test excavation, 1962—1963; 5 — 1991 excavation (after: [Любин, 1977])

[Любин, 1977; Любин и др., 1973]. Поверхность площадки круто падает с запада на восток, что соответствует падению скального пола.

Шурф выявил наличие здесь голоценового слоя с двумя средневековыми погребениями и толщи плейстоценовых отложений (до 1,7 м), содержащей культурные слои верхнего палеолита и мустье. Исследования памятника велись П. У. Аутлевым в течение всего лишь двух полевых сезонов. За этот период было вскрыто 13,6 кв. м. Раскоп представлял собой совокупность нескольких последовательных шурфов, и фиксация находок ни в плане, ни по вертикали не производилась. Вся толща мустьерских культурных отложений (до 0,7 м) рассматривалась П. У. Аутлевым как литологически и культурно единый слой, что и дало ему основание брать материалы из этих уровней без какого-либо расчленения. Не приводит исследователь и наблюдений по распространению находок. Им отмечено лишь наличие на скальном дне шурфа № 1 зольного пятна размером 30×15 см, содержавшего мелкие раздробленные кости и много кремней [Аутлев, 1970; 1973].

Подробное описание стратиграфии и литологии стоянки было сделано в 1964 г. В. М. Муратовым [Аутлев, 1970; 1973; Любин, 1977; Любин

и др., 1973]. Согласно В. М. Муратову, мустьерские отложения могут быть подразделены на три литологических уровня (рис. 71). Характеристики этих слоев (5, 6 и 7 по общей нумерации В. М. Муратова) довольно сходны — желто-бурая супесь, насыщенная щебнем. Различия состоят в несколько более светлой окраске среднего из уровней, а также в неравномерной насыщенности щебнем и его размерах. Наиболее щебнистым из них (до 40 %) является верхний (5) слой, который к тому же на большей части площади раскопа был перекрыт обвальным горизонтом, отделяющим мустьерские слои от вышележащей толщи, содержащей верхнепалеолитические уровни. В среднем мустьерском слое (6) щебня меньше и он заметно мельче. Нижний, третий слой (7) демонстрирует неравномерную насыщенность обломочником: более крупный щебень, сходный с таковым из верхнего мустьерского слоя, сосредоточен ближе к кровле. Низы третьего мустьерского слоя, налегающего непосредственно на известняковый элювий скального дна, вновь менее щебнистые. Заполнитель нижнего слоя является также более тонкоотмученным по сравнению с двумя вышележащими.

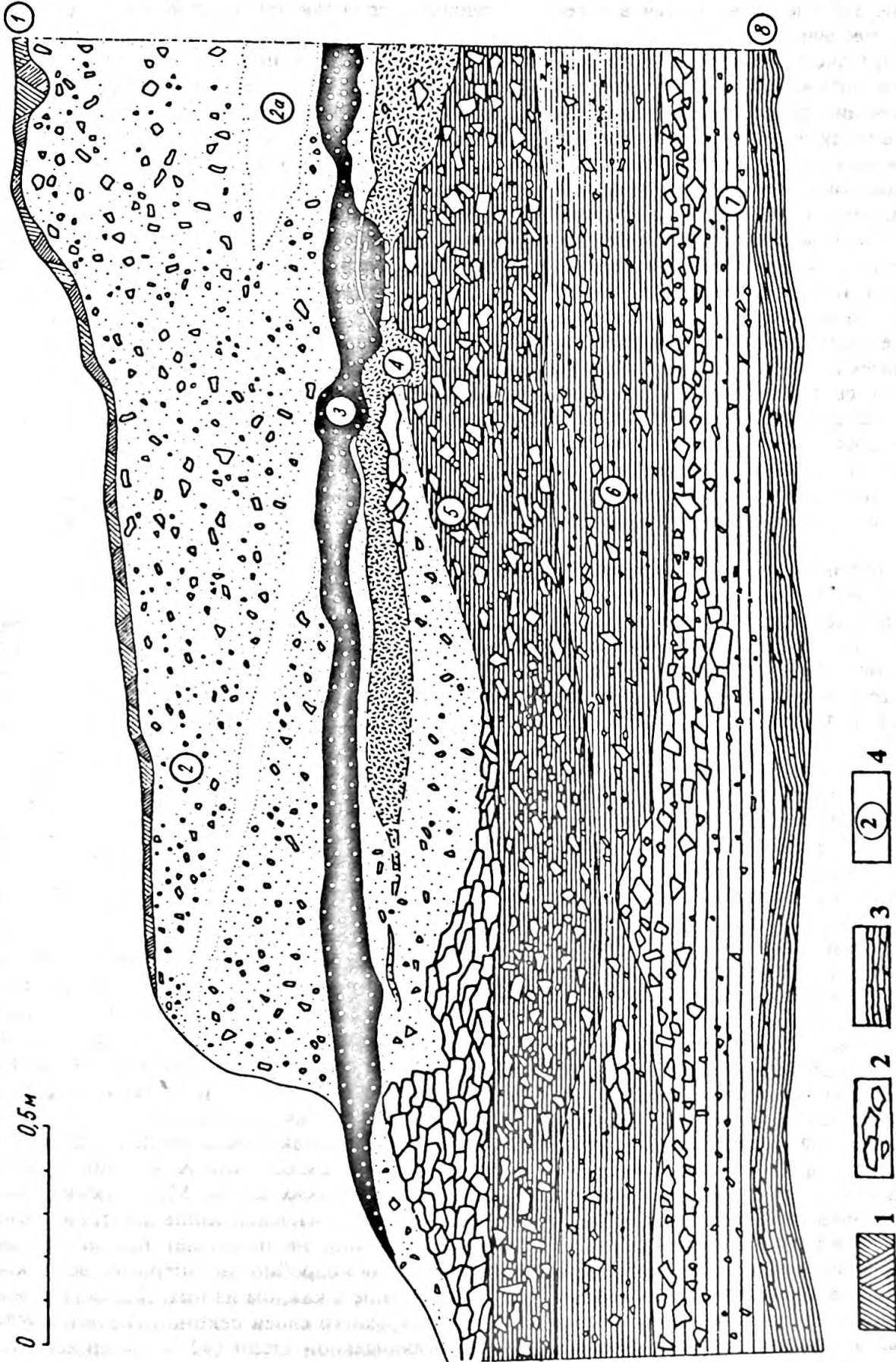

Рис. 71. Губский навес № 1. Разрез отложений:
 1 — голоценовый слой; 2 — щебень; 3 — известняковый элювий скального дна; 4 — номера слоев (по: [Любин, 1977])
 Fig. 71. Gubski No. 1 Rock-shelter. Cross-section of sediments:
 1 — holocene layer; 2 — limestone rubble; 3 — limestone eluvium of the cave bedrock; 4 — numbers of the layers (after: [Любин, 1977])

В дальнейшем было сделано еще несколько описаний различных разрезов Губского навеса № 1 ([Амирханов, 1986], а также записи в полевых дневниках: Несмеянов, Чистяков — 1981 г.; Любин — 1991 г.). Описания эти не во всем совпадают — отчасти, видимо, из-за фациальной изменчивости отложений даже в пределах небольшого участка, а отчасти из-за определенной субъективности в оценках некоторых литологических характеристик (цветовые оттенки, процент щебня и т. п.). В целом, однако, все названные исследователи отмечают супесчаный характер и буроватую окраску заполнителя мустьерских уровней, насыщенность всех этих слоев мелким щебнем и дресвой с преобладанием обломочного материала в верхнем уровне. Указывается также на появление местами цепочек или даже прослоев щебня на границе нижнего и среднего слоев (В. П. Любин, Д. А. Чистяков) или даже внутри среднего слоя (Д. А. Чистяков). Достаточно единодушны авторы описаний в указании на заметно большую корродированность щебня в нижнем мустьерском слое (7) и несколько большую оглиненность его заполнителя.

Основные литологические характеристики мустьерских отложений навеса достаточно близки к таковым в Монашеской пещере [Любин, 1977]. Наиболее важное отличие, бросающееся в глаза прежде всего, — это отсутствие внутри мустьерской толщи в навесе обвального горизонта, аналогичного слою ЗБ в Монашеской. Отсутствие же в Монашеской обвального слоя, перекрывающего мустьерские слои, подобно таковому в навесе, напротив, не удивляет, т. к. верхи их в пещере были искусственно нарушены и даже, видимо, отчасти вовсе удалены (см. гл. 3). Вопрос о синхронизации отдельных уровней Монашеской и Губского навеса № 1 вызывает большие затруднения — прежде всего из-за скудости данных, касающихся раскопок в навесе, а также из-за недостаточной изученности особенностей генезиса отложений в различных карстовых полостях в целом.

Попробую, однако, высказать некоторые предварительные суждения. Можно, на мой взгляд, предложить две основные версии. Во-первых, общее соответствие ритмов осадконакопления (по три литологических подразделения для мустье и в Губском и в Монашеской) могло сопровождаться действием локальных факторов, обусловивших меньшую интенсивность десквамации в навесе. В таком случае аналог монашеского обвального уровня ЗБ следует искать в каком-то из относительно более насыщенных щебнем горизонтов мустьерской толщи навеса. Однако гипотезе о менее интенсивном морозном выветривании стен навеса противоречит общая высокая насыщенность его мустьерских уровней обломочным материалом, вполне сопоставимая с таковой в верхах Монашеской и превосходящая процент обломочника в ее низах (слой 4). Вразрез с этой версией идет и на-

личие подобного обвального горизонта в кровле мустьерских отложений навеса.

Вторая версия предполагает только частичное совпадение колонок этих памятников. Насыщенные мелким угловатым щебнем буроватые слои Губского навеса № 1 могут соответствовать лишь верхней части отложений Монашеской, которая залегает выше обвального уровня ЗБ, а еще вероятнее — слою 2 и даже его гипотетической верхушке, уничтоженной в пещере (см. гл. 3). Несколько особняком стоит самый нижний слой навеса, где больше глинистой фракции, а обломочника несколько меньше, чем в вышележащих, и отмечена корродированность поверхности щебня. Это, возможно, является пусть и слабым, но указанием на более влажную климатическую обстановку. Такое наблюдение очень важно в связи с возникающим в этом случае вопросом о наиболее вероятной причине отсутствия в Губском уровне, отвечающих низам Монашеской. Вариантов возможных ответов, видимо, немного, — отсутствие осадконакопления или размыв. Первое вряд ли вероятно, второму же могли способствовать много худшая в сравнении с пещерой защищенность площадки навеса от внешней влаги и уклон скального пола.

Фаунистические остатки в мустьерских слоях Губского навеса № 1 оказались еще более скудными, чем в Монашеской, и кроме общего указания на преобладание видов открытых пространств иную интересующую нас информацию извлечь из них трудно. Палинологический анализ первоначально основывался на несколько ущемленном образце — заполнителе из внутренних полостей ряда трубчатых костей, собранных П. У. Аутлевым во всех (?) мустьерских слоях. Тем не менее, даже учитывая усредненность полученных таким образом данных, отмечу достаточную красноречивость соотношения древесных (6 %) и травянистых (94 %). Это указывает на крайне незначительную степень облесенности района в тот период, а в купе с видовым составом позволяет реконструировать довольно сухой и прохладный климат, распространение в окрестностях открытых склонов и снижение высотных поясов [Любин и др., 1973; Любин, 1977]. Новые исследования пыльцевых спектров в отложениях навеса были предприняты позднее в связи с раскопками Х. А. Амирхановым верхнепалеолитических слоев. Мустьерские уровни были охарактеризованы лишь по трем образцам, что, конечно, не позволяет проследить динамику климата подробно, но впервые дает какое-то представление о каждом из них. Для образцов из нижнего и среднего слоев реконструируются условия перигляциальной степи (92 % травянистых), а в верхнем уровне возрастает доля древесных (до 12 %) и общий состав видов указывает на лесостепь и некоторое смягчение климата при сохранении его сухости [Амирханов, 1986; Любин, 1989].

Таким образом, палинологические данные заставляют меня считать более правдоподобным второй вариант корреляции мустьерских уровней Монашеской и Губского. Палинологическая характеристика этих уровней последнего ближе всего стоит к показателям, полученным для слоя 2 Монашеской, и более того — является как бы их развитием (Г. М. Левковская, личное сообщение, см. также гл. 4).

Коллекция кремневых изделий из Губского навеса № 1 невелика — 671 предмет. Несмотря на то, что в ней представлены все компоненты вплоть до чешуек, есть основания предполагать определенную неполноту коллекции. Опыт разных лет исследований Монашеской пещеры показывает, что быстрое вскрытие больших участков, не сопровождаемое промывкой и переборкой заполнителя, непременно ведет к большим потерям материала. Надо думать, что при иной постановке раскопок коллекция Губского навеса была бы более представительной, особенно в отношении мелких отходов. В то же время насыщенность культурного слоя навеса и в этом случае, видимо, серьезно уступала таковой в Монашеской: при сходной технике раскопок на 1 куб. м шурфа 1961 г. в пещере приходится почти в два раза больше находок, нежели в раскопе-траншее Губского.

Коллекция Губского навеса № 1 имеет в своем составе 5 нуклеусов, 3 нуклеидных обломка, 30 сколов леваллуа, 82 скола нелеваллуа, 33 узкие пластинки верхнепалеолитического облика, 340 сколов отделки и чешуек, 178 неопределимых обломков. Орудия, т. е. изделия со вторичной обработкой, составляют 9,7 % (65 предметов) [Любин и др., 1973; Любин, 1977, с. 179]. В. П. Любин и П. У. Аутлев [1973] единодушны в оценке Губского навеса № 1 как стоянки, однокультурной с Монашеской пещерой. Сходство прослеживается и в технике расщепления («мустьеро-верхнепалеолитической», по определению В. П. Любина), и в аналогичных приемах вторичной обработки, и в составе орудий. Последнее хорошо видно при сравнении тип-листов (табл. 16).

Помимо общего сходства В. П. Любин отмечал также и отдельные различия. Они состояли в малом количестве нуклеусов, повышенной микролитонности инвентаря, в некотором несовпадении по типам орудий [Любин, 1977, с. 188]. Что касается микролитонности (максимальная длина сколов — 5,6 см), то это отличие практически сходит на «нет», если учесть выявленную теперь миниатюризацию изделий в верхах Монашеской (см. гл. 5, табл. 7—11). Количество ядрищ действительно очень мало, однако мала, даже учитывая неполноту коллекции, и общая численность инвентаря. Доля ядрищ в нем составляет около 1 %. Даже если этот процент несколько завышен, благодаря потере части мелких сколов и чешуек он не столь уж разительно отличается от показателей Монашеской (см. табл. 4).

При сопоставлении орудий отмечалось отсутствие в Монашеской таких типов, как поперечные скребла, скребла хай-лодж, скребла с противолежущей ретушью, миниатюрное рубильце-бифас [Любин, 1977]. Как указано выше при анализе коллекций Монашеской 1975—1991 гг. (см. гл. 5), все эти формы там найдены и, следовательно, вместо показателей различия они становятся показателями сходства. Отсутствие в Губском обнаруженных в Монашеской лимасов, скреблышек (raclettes), резцов, треугольников с выемкой и ножей может объясняться как редкостью большинства этих форм вообще (табл. 16), так и неполным соответствием культурной стратиграфии обеих стоянок. Еще один важный фактор внутрикультурной вариабельности, как можно было видеть на примере Монашеской, — специализация хозяйственной деятельности. Этим, в частности, могло быть вызвано, например, небольшое присутствие в Губском навесе остроконечников или выемчатых, процент которых в губских стоянках вообще показывает очень большую амплитуду колебаний. Было бы очень важно знать, конечно, каково было в Губском навесе № 1 распределение различных типов орудий по слоям и в плане. К сожалению, эта и многая другая информация о данной стоянке потеряна безвозвратно.

Нерасчетность по вертикали, малочисленность и неполнота коллекции Губского не позволяют оценить динамику индустрии этой стоянки и сделать уверенные сопоставления в хронологическом аспекте. Наиболее близкой не только пространственно, но и по всем технико-типологическим показателям индустрии, как было подчеркнуто, является, несомненно, стоянка в Монашеской пещере. Но сопоставление коллекции Губского с конкретными уровнями последней по отдельным морфотипам непродуктивно, т. к. принципиальных хронологических изменений в орудийном наборе Монашеской не обнаружено и, соответственно, формы — культурно-стратиграфические маркеры там отсутствуют (см. гл. 5). Даже напрашивающиеся, на первый взгляд, параллели обманчивы и должны быть отклонены. Например, обращает на себя внимание рубильце, которому как будто близко соответствует находка в слое 4 Монашеской пещеры (рис. 65, 8). Однако, во-первых, изделия эти уникальны, а формы их не имеют столь уж большого сходства. Во-вторых, оба они изготовлены из отщепов, а преобразование орудий на отщепах в частично или, порой, полностью двусторонне обработанные орудия путем неоднократного ядрищного утончения и бифасиальной подправки лезвий можно наблюдать у целого ряда изделий из Баракаевской пещеры и, хотя и в меньшей степени, у некоторых образцов из Монашеской пещеры и Борисовской стоянки. Таким образом, данные «рубильца» можно трактовать скорее как конкретный результат модификации, а не как устойчивую выработанную фор-

му — тип, характерный для определенного этапа местной культуры. Из-за малочисленности и неполноты коллекции Губского нельзя применить тут и более тщательный статистический анализ продуктов расщепления. Практически единственной «зацепкой» оказывается, пожалуй, все же сильная микролитоидность инвентаря навеса, что, как уже сказано, является характерной чертой прежде всего верхов Монашеской — горизонта 1 слоя 3А и слоя 2.

Итак, суммируя все наличные данные по лито- и биостратиграфии, а также наблюдения по характеру кремневого инвентаря Губского навеса № 1, следует, во-первых, констатировать недостаточность их для однозначной интерпретации. С другой стороны, сопоставление некоторых из этих данных позволяет высказать требующую проверки в дальнейшем гипотезу о возможной синхронизации мустьерских слоев Губского с верхними уровнями Монашеской пещеры (слой 2) и даже вероятном надстраивании последних. Такая гипотеза близка мнению П. У. Аутлева о более позднем возрасте мустьерских слоев навеса по сравнению с Монашеской [Аутлев, 1970; 1973], однако основана на совершенно иных данных и не учитывает показателей прокаливания костей, на которые ссылался первый исследователь этих памятников [Аутлев, 1973]. Разумеется, это предположение не означает невозможности заселения или посещений людьми Губского навеса № 1 и в более ранние периоды. Однако отложения, соответствующие низам Монашеской, здесь по каким-то причинам, видимо, все же отсутствуют, а облик инвентаря более отвечает поздним этапам ее индустрии.

6.3. Баракаевская пещерная стоянка

Баракаевская стоянка располагается несколько выше по течению Губса, чем Монашеская и Губский навес № 1 (см. гл. 1) и представляет собой небольшой грот (рис. 5, 72). Первый разведывательный шурф был сделан здесь в 1976 г. сотрудниками совместной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (начальник отряда В. П. Любин) и Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории (П. У. Аутлев). Шурф выявил под голоценовым гумусом с культурными остатками разных эпох маломощный (до 0,25 м) и литологически однородный мустьерский слой, насыщенный большим количеством кремневых изделий и обломками костей. В 1977 г. небольшой отряд АНИИ во главе с П. У. Аутлевым расширил шурф, а в течение 1979—1981 гг. стоянка была почти полностью (30 кв. м) раскопана экспедицией под руководством В. П. Любина при участии П. У. Аутлева. Помимо археологов в исследованиях Баракаевской участвовали также многие представители естественных наук.

Таким образом, изучение этой стоянки носило комплексный и исчерпывающий характер, что отражено в посвященной ей и вышедшей из печати в 1994 г. коллективной монографии «Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе».

Баракаевская пещерная стоянка является на сегодня наиболее хорошо и полно изученным мустьерским памятником Губского (или Гупсского, что ближе передает звучание адыгской основы названия) ущелья. Многообразные данные, приведенные в монографии, очень тщательно проработаны соответствующими специалистами и потому возможно обойтись здесь без их подробного анализа, приводя лишь основные выводы. Далее они будут использованы для сравнений с другими мустьерскими памятниками Губского ущелья. Наиболее важными в этом аспекте представляются результаты литологического анализа, заключения палеозоолога и палинолога и, разумеется, анализ археологических находок.

Характеристика отложений пещеры приводится в статьях, написанных В. П. Любиным [1994б] и А. Г. Черняховским [1994]. Были выделены четыре литологических горизонта (рис. 73):

1. Рыхлый голоценовый суглинок (1-й культурный слой) — 0,05—0,6 м;
2. Фосфатно-карбонатная корка, запечатывшая плейстоценовые седименты — 0,01—0,07 м;
3. Плотный желтовато-бурый суглинок, насыщенный хрящом и щебнем (2-й культурный слой — мустьерский) — до 0,25 м;
4. Плотная придонная стерильная глина (0,01—0,02 м), встреченная только на наиболее углубленных участках скального дна (местами мустьерский слой налегал прямо на скалу). Скальный пол имеет общее пологое падение к выходу из пещеры — т. е. в южном и в юго-восточном направлении (рис. 72, 73).

В дне пещеры имелись две западины — северная и южная, разделенные перемычкой, способствовавшей накоплению влаги в дальней — северной части грота. В соответствии с рельефом дна менялась и мощность налегавшего на него мустьерского слоя, который вскрывался тремя, а на участке южной западины — четырьмя условными горизонтами. В составе обломочника в этом слое преобладал мелкий и средний щебень, реже встречались более крупные обломки — порой до 13—18 см. Характерна плитчатая форма обломков и их субгоризонтальное залегание. На нижней стороне многих плиток отмечены следы коррозии, вызванной химическими и биохимическими процессами, которые происходили в слое. В то же время в целом щебень характеризуется как угловатый, слабооглаженный и слабоокатанный. Подсчет распределения щебня и его различных фракций по раскопочным горизонтам, сделанный мной на основании данных из Дневника раскопок 1979 г. (с. 11), как кажется, говорит об увеличении количества обломочного материала в низах

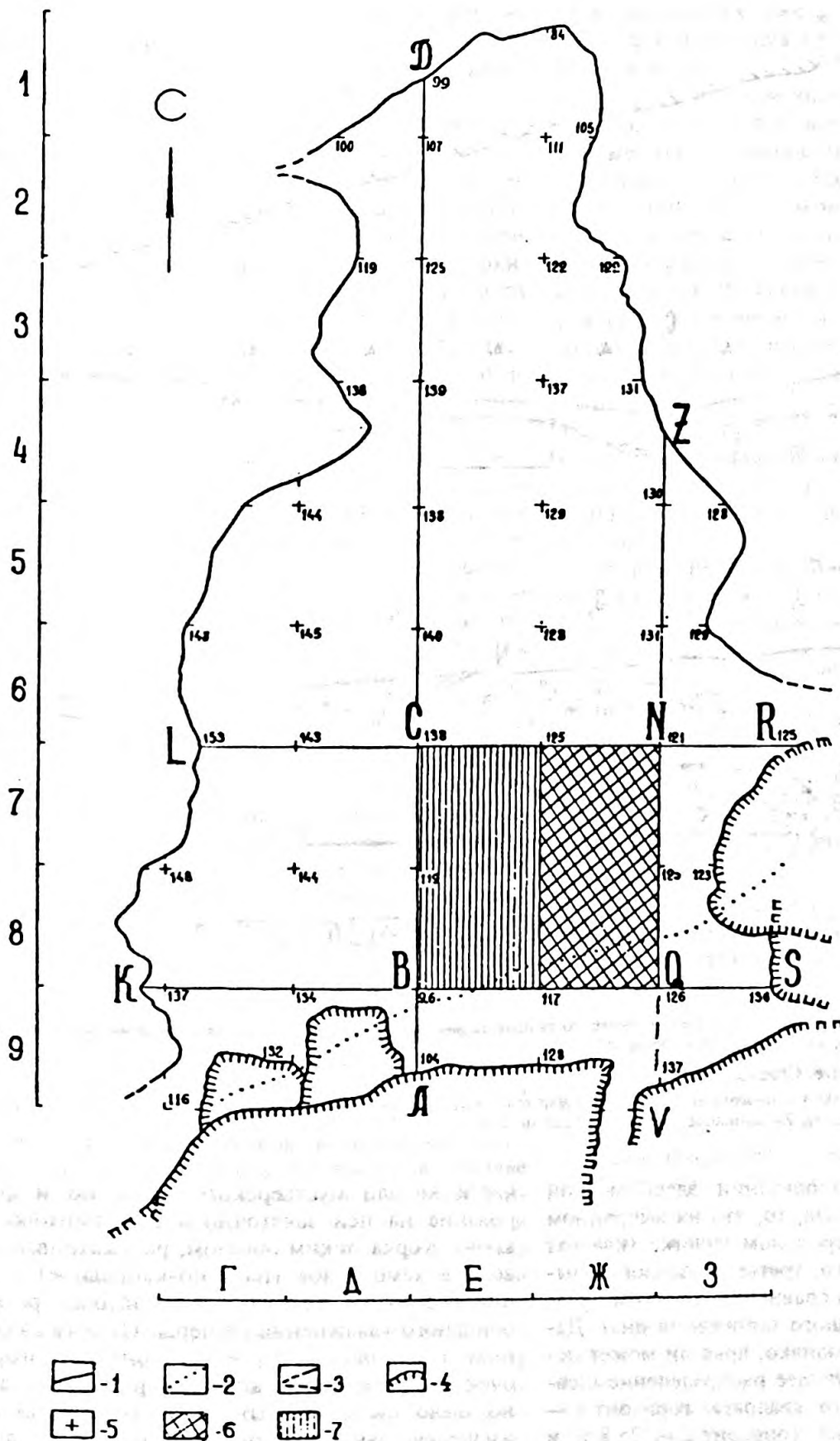

Рис. 72. Баракаевская пещера. План:

1 — стена пещеры; 2 — капельная линия; 3 — карстовый канал; 4 — глыбы обвала; 5 — квадратная сеть; 6 — раскоп-шурф 1977; 7 — шурф 1976 (по: [Любин, 19946])

Fig. 72. Barakaevskaya Cave. Plan:

1 — cave wall; 2 — drip line; 3 — karstic channel; 4 — fallen blocks; 5 — grid system; 6 — 1977 test excavation; 7 — 1976 test excavation (after: [Любин, 19946])

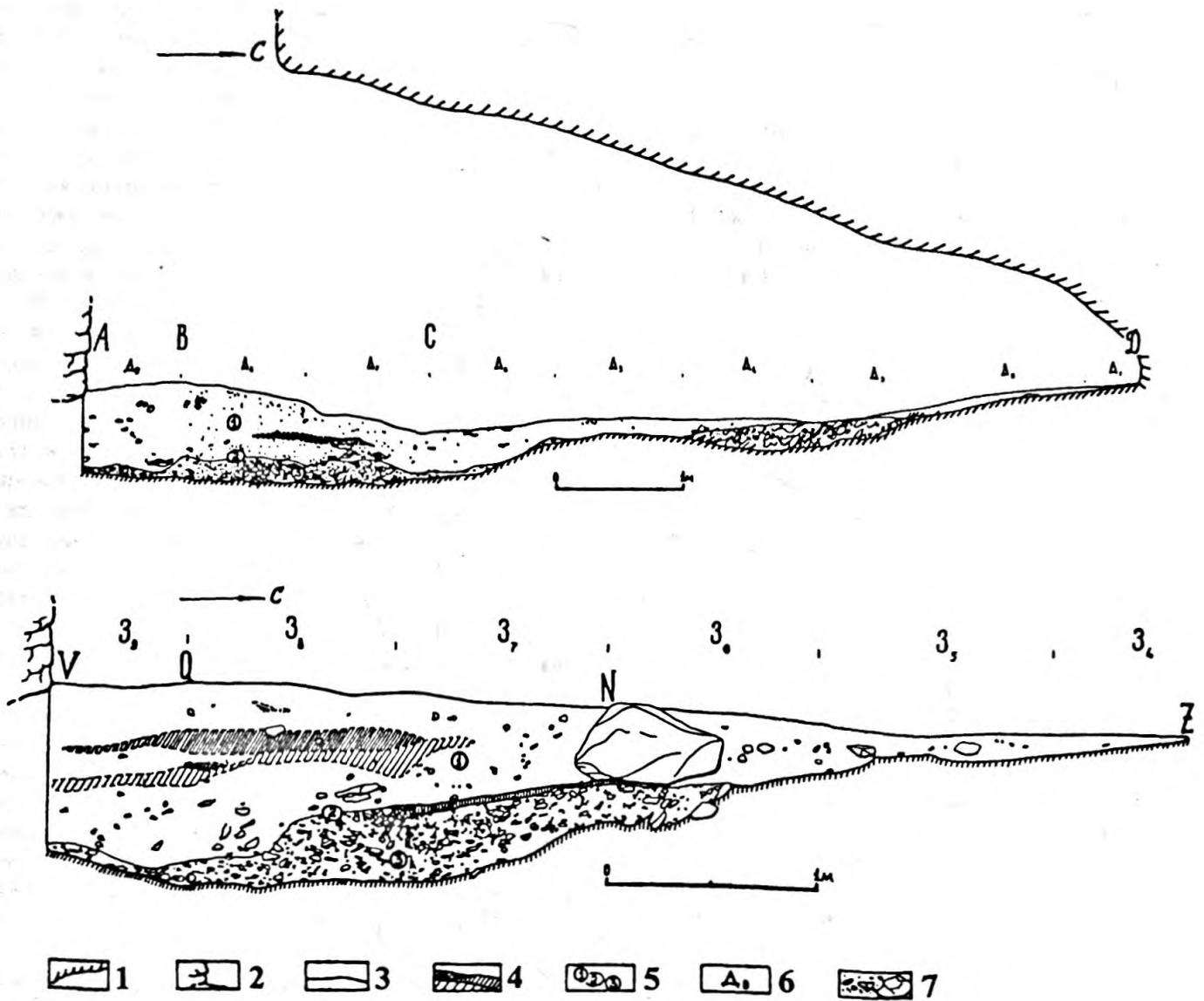

Рис. 73. Баракаевская пещера. Разрезы:

1 — скала; 2 — край обвальной глыбы; 3 — дневная поверхность пола до начала раскопок; 4 — углистые и зольные прослойки в слое 1; 5 — номера слоев; 6 — квадраты; 7 — щебень (по: [Любин, 19946])

Fig. 73. Barakaevskaya Cave. Cross-sections:

1 — rock wall; 2 — fallen block; 3 — present ground floor before start of the excavation; 4 — charcoal and ashy interlayers within the layer 1; 5 — numbers of the layers; 6 — grid squares; 7 — limestone rubble (after: [Любин, 19946])

слоя и некотором преобладании здесь мелкой фракции. Смущает, правда, то, что на выбранном для этого анализа контрольном участке (квадрат Д—9) мощность нижнего, третьего горизонта была несколько большей в сравнении с другими участками (за счет небольшого понижения дна). Даже это обстоятельство, однако, вряд ли может целиком отвечать за следующее распределение щебня, полученного с этого квадрата: горизонт 1 — 8,6 % всего обломочника, горизонт 2 — 25,8 % и горизонт 3 — 65,6 %.

Особенно большое внимание при литологическом анализе было уделено фосфатно-карбонатной корке. В нижней части это образование напоминает глинистый травертин, в верхней — во многих местах — настоящую натечную текстуру. Т. е. наблюдается не только цементация большей

части кровли мустьерского слоя, но и формирование на ней зачаточного сталагмитового покрова. Корка, таким образом, рассматривается как водное хемогенное (натечно-капельное) отложение, возникшее в результате достаточно резкого и обильного увлажнения пещеры. Отмечу любопытное предположение А. Г. Черняховского, что очень высокое содержание в корке фосфата можно было бы объяснить, в частности, активной жизнедеятельностью рукокрылых, т. е. летучих мышей в период отсутствия здесь человека [Черняховский, 1994]. Забегая вперед, следует сказать, однако, что такое объяснение не находит подтверждения в остатках фауны [Барышников, 1994].

Итак, литология свидетельствует, во-первых, о небольшой мощности и достаточной однородно-

сти плейстоценового мустьерского слоя, формирование которого происходило — особенно на начальном этапе — в условиях довольно активного морозного выветривания. Перекрывающая его фосфатно-карбонатная корка, во-вторых, свидетельствует о заметном смягчении климата, которое сопровождалось сильным увлажнением пещеры. Остается, правда, вопрос о наличии и размерах временного интервала между оставлением пещеры людьми и образованием данной корки. Бросается в глаза отсутствие здесь верхней части плейстоценовой колонки, соответствующей верхнему палеолиту, причем в отличие от Монашеской никаких следов ее существования не найдено, хотя несколько изделий верхнепалеолитического облика и были встречены в тех местах, где поздние голоценовые ямы врезаны в кровлю мустьерского слоя. Большую роль в формировании и характеристиках плейстоценовых отложений Баракаевской играет антропогенный фактор: перенасыщенность слоя 2 кремнем и костными остатками, обилие зерен фосфатов и присутствие в слое опаловых фитоцитов, являющихся компонентами золы растений. Помимо аллохтонных факторов большое значение имели автохтонные: десквамация стен грота, просачивание карбонатных растворов, особенности строения полости, влиявшие на режим осадконакопления и развитие биохимических процессов.

Фаунистический анализ [Барышников, 1994] говорит прежде всего о достаточном многообразии видов (23) и о преобладании среди крупных млекопитающих остатков первобытного бизона (48,8 %). За ним следует кавказский козел (28,2 %) и азиатский муфлон. Более редки здесь остатки лошади, гигантского и благородного оленей. Встречены несколько костей хищных зверей — лисицы и волка. Среди грызунов доминируют разные полевки (обыкновенная, водяная, снеговая), отмечены также хомяк, обыкновенная слепушонка, кавказский сурок, эльбрусский суслик, пищуха. Разделение костных остатков по условным горизонтам позволило увидеть динамику в составе фауны. В горизонтах 2—4 оказались остатки обитателей альпийского пояса (сурок, гудаурская и снеговая полевки), а кости кавказского козла (верхний пояс гор) преобладали над остатками муфлона, характерного более для увалов низкогогорья. Самый верхний уровень мустьерского слоя (горизонт 1) выделяется появлением лесных видов (лесная мышь, благородный олень, кабан, куница), а горный козел по количеству остатков уступает здесь муфлону. Встречены и косточки земноводных. Согласно мнению Г. Ф. Барышникова, формирование основной части мустьерского слоя шло в сухом и прохладном климате, сопровождавшемся снижением высотных поясов и распадом лесного пояса. Для бассейна Губса в это время реконструируется сильное остепнение, т. е. преобладание открытых ландшафтов. В верхах

слоя появляются уже указания на потепление климата и изменения в характере растительности (лесные виды).

Наиболее чутким индикатором климатических колебаний являются все же палинологические данные. На основании их анализа Г. М. Левковская выделила в пределах мустьерского слоя четыре палинозоны [Левковская, 1994]. Первый палиногоризонт соответствует нижнему раскопчному горизонту 4. Древесные и кустарниковые составляют 42 %, среди первых господствуют сосна (15 %) и береза (14 %), встречено довольно много ольхи (7 %) и небольшое количество лиственницы (7,7). Широколиственные здесь отсутствуют вовсе. Отмечено некоторое присутствие орешника — 3 % и можжевельника. Травяно-кустарниковые составляют 22 % спектра. Для этого горизонта реконструируется суровый климат (перигляциальные условия) и сильное снижение высотных поясов.

Второй палиногоризонт (= горизонт 3 мустьерского слоя, т. е. средний его уровень) характеризуется резким сокращением пыльцы хвойных (3,9 %) и появлением широколиственных (дуб, грабинник) — 6,5 %. Сокращается здесь и количество березы (до 8 %), зато доля орешника возрастает до 14 %, т. е. в 4,7 раза. Г. М. Левковская предполагает, что в этот период времени имело место чередование лесных участков, где господствовал орешник, с открытыми пространствами, занятыми, прежде всего, злаками и мезофильным разнотравьем.

Палиногоризонт 3 (верхние горизонты мустьерского слоя) имеет сходный со вторым общий состав спектра: древесные — 56 %, травяно-кустарниковые — 30 %, споры — 16 %. Однако в составе древесных продолжает увеличиваться количество и видовое разнообразие широколиственных (до 21 %), среди которых доминирует вяз, а также граб и клен. Сохраняется прежним значение орешника, а хвойные и мелколиственные продолжают сокращаться. Характерно исчезновение микротермов — ольховника, березы Литвинова, лиственницы. Среди травяно-кустарниковых господствует мезофильное разнотравье. Фаза, по мнению Г. М. Левковской, соответствует теплой лесостепи.

Палиногоризонт 4 соответствует фосфатно-карбонатной корке, которая перекрывает мустьерский слой. Здесь отмечен дальнейший рост количества широколиственных (32 %). В лесах доминирует грецкий орех (11,2 %) и ксерофит грабинник (11,2 %). Этот период был теплым и сухим, представляя собой оптимум, отвечающий какому-то очень теплому вюрмскому межстадиалу [Левковская, 1994]. По мнению Г. М. Левковской (личное сообщение), этот оптимум в Баракаевской по своим характеристикам близок, хотя и не вполне идентичен, двум теплым фазам, установленным в

Монашеской — оптимуму в горизонте 3 слоя 3А и начальной стадии оптимума (?) в низах слоя 4.

Основываясь на этих и всех других данных, В. П. Любин предположил, что формирование основной части мустьерского слоя могло происходить во время так называемого калининского оледенения (вюрм 2 прежней французской схемы), а образование корки могло соответствовать теплой фазе среднего вюрма (вюрм 2—3) [Любин, 1994а]. Напомню, что к среднему вюрму были ранее предположительно отнесены индустрии Монашеской и Губского навеса № 1 [Любин, 1977, с. 173, 187].

Обратимся теперь к археологическим материалам Баракаевской пещеры. Раскопки обнаружили, прежде всего, неравномерное распределение их по площади памятника. Северная половина грота — низкая и сырая — была, как указывает В. П. Любин [1994б], практически нежилой. Основным обитаемым пространством являлась южная западина скального дна (около 15 кв. м) и прилегающие к ней участки. Судя по выклиниванию культурного слоя и числу находок на краях раскопа, стоянка была раскопана и изучена практически полностью. Общая площадь жилого пространства составляла в целом около 20 кв. м. Насыщенность культурного слоя кремнями и костью была столь велика (в среднем до 5800 костей и 1300 кремней, не считая чешуек, на 1 кв. м), что А. Г. Черняховский даже посчитал возможным отнести их к пороодообразующим компонентам. Максимальная насыщенность была отмечена в юго-восточной части обитаемого пространства, особенно в нижних уровнях слоя. Здесь же, как подчеркивает В. П. Любин [1994б], встречена большая часть орудий и костяных ретушеров [Филиппов, Любин, 1994], найден крупный терочный камень из песчаника [Щелинский, 1994]. С данного участка взят и образец слоя, в котором А. Г. Черняховский обнаружил свидетельствующие об использовании огня опаловые фитолиты [Черняховский, 1994].

Рассмотрим результаты анализа кремневого инвентаря [Любин, Аутлев, 1994] более подробно. Общее количество изделий из мустьерского слоя насчитывает 21 402 экземпляра. Основную массу их составляют сколы и отходы производства — 96 %, доля орудий — 3,7 %. Около 5 % сколов имеют различные следы утилизации. Нуклеусов найдено всего 60 экз., причем большинство из них имеют очень малые размеры и явно сильно сработаны (рис. 75, 3, 4). Подобный состав коллекции указывает на весьма высокую интенсивность обитания на стоянке и полный цикл расщепления. В то же время низкий процент нуклеусов (0,3 %) заставляет исследователей справедливо предполагать принос части изделий со стороны, т. е. наличие пунктов расщепления помимо стоянки. Особенно это относится к импортному сырью, которое очень слабо представ-

лено среди ядрищ (3 нуклеуса, или 5 %) и сколов. Состав сырья в целом достаточно близок ассортименту Монашеской, хотя отдельные разновидности кремня из Баракаевской не находят аналогий за ее пределами.

В технике расщепления отмечается некоторый примитивизм: господство радиально-дисковидных приемов расщепления, очень низкий технический индекс леваллуа (1,8—6,2 % в разных горизонтах), невысокие индексы пластин (*I lam géel* — 17,5; *I lam ess* — 9,4) и подправки ударных площадок сколов (*IF large* — 24,4; *IF strict* — 9,7). Самой яркой чертой, характеризующей технику расщепления стоянки, является отсутствие среди сколов изделий, превышающих длину в 6 см. Более того, основная масса сколов (66,7 %) имеет длину от 2 до 4 см. Микролитовидность инвентаря бросается в глаза и при обращении к орудиям, хотя среди них встречаются иногда изделия и более крупные — вплоть до 9 см. Краевые и полукраевые сколы очень редки (1,7 %), что еще раз указывает на импорт полуфабрикатов. Авторы анализа подчеркивают отсутствие стандартизации снятий и использование для оформления орудий сколов самых различных размеров и пропорций. Интересные результаты принесло более тщательное исследование пластинчатых сколов. Отмечено увеличение их доли к верхнему уровню и одновременное уменьшение в том же направлении габаритов. К горизонту 1 резко возрастает количество правильных пластин и микропластинок, чаще встречаются точечные площадки, появляются «редуцированные» [Гиря, Нехорошев, 1992] (рис. 76, 1, 2). Налицо также и более активное в верхах использование для изготовления пластин приносного кремня светлой окраски. Таким образом, от горизонта 4 к горизонту 1 фиксируется определенное совершенствование пластинчатого производства, хотя роль его в индустрии не очень велика — среди заготовок для орудий, как отмечается авторами анализа, пластины составляют только 13 % [Любин, Аутлев, 1994].

Далее в этом разделе монографии о Баракаевской стоянке приводится обстоятельный и очень обширный анализ ее орудийного набора (665 экз.). Полный список выделенных там типов и их вариантов приведен выше в табл. 16, а здесь целесообразно дать лишь краткие комментарии к нему, останавливаясь только на самых важных, на мой взгляд, деталях. Остроконечники составляют довольно большую группу (29 экз.), но доля их в наборе орудий, в общем, невелика (4,4 %). Отмечается большое разнообразие форм — от листовидных до треугольных, общая микролитовидность и грацильность (2,8—5,0 см) (рис. 74, 1—3, 5). Среди приемов вторичной обработки обращу особое внимание на случаи срезания и закругления ретушью оснований этих орудий, оформление острого конца на базальной части заготовки, использование утончений — поперечного и продольного,

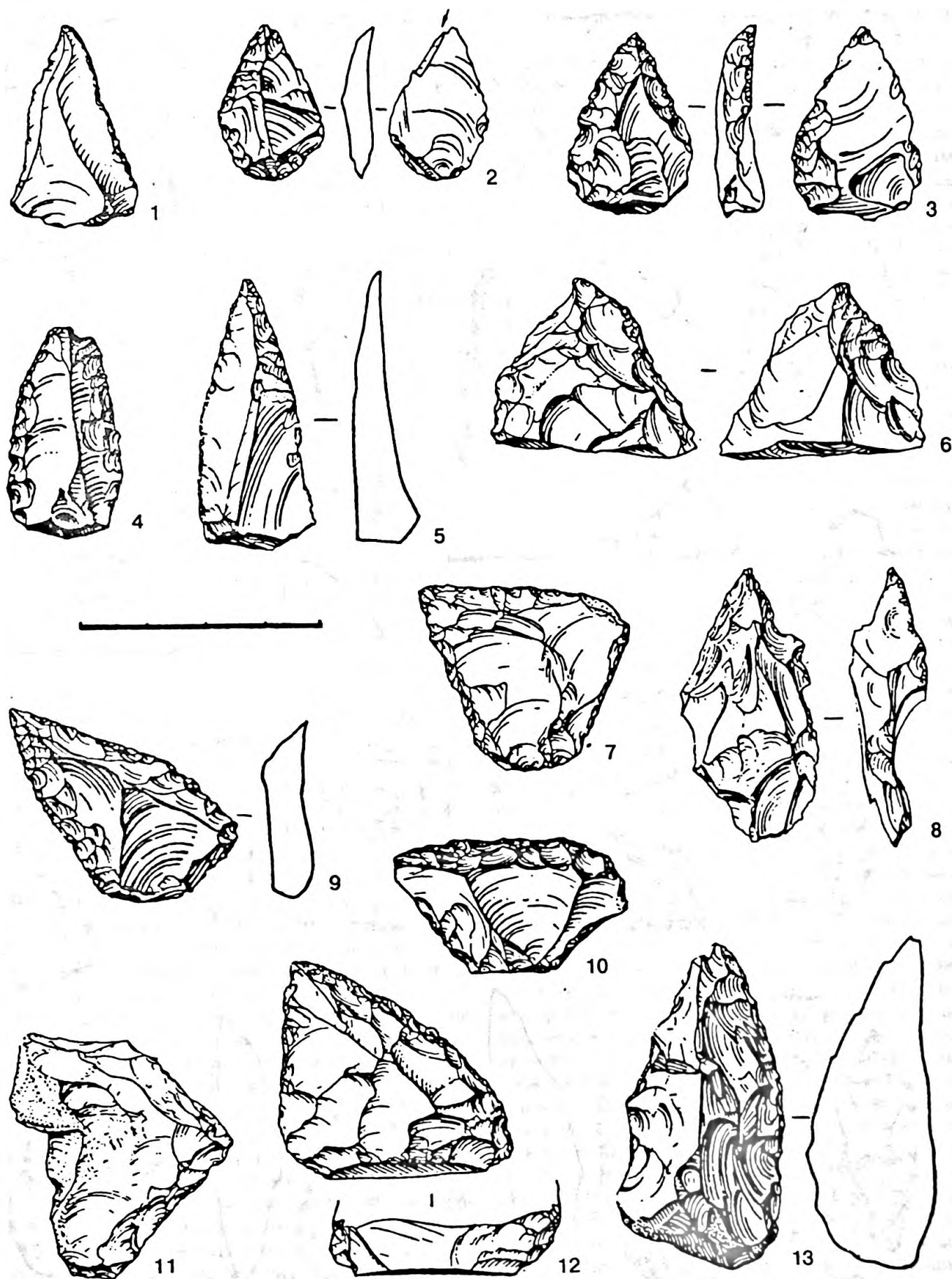

Рис. 74. Баракаевская пещера. Образцы орудий (по: [Любин, Аутлев, 1994])

Fig. 74. Barakaevskaya Cave. Stone tools (after: [Любин, Аутлев, 1994])

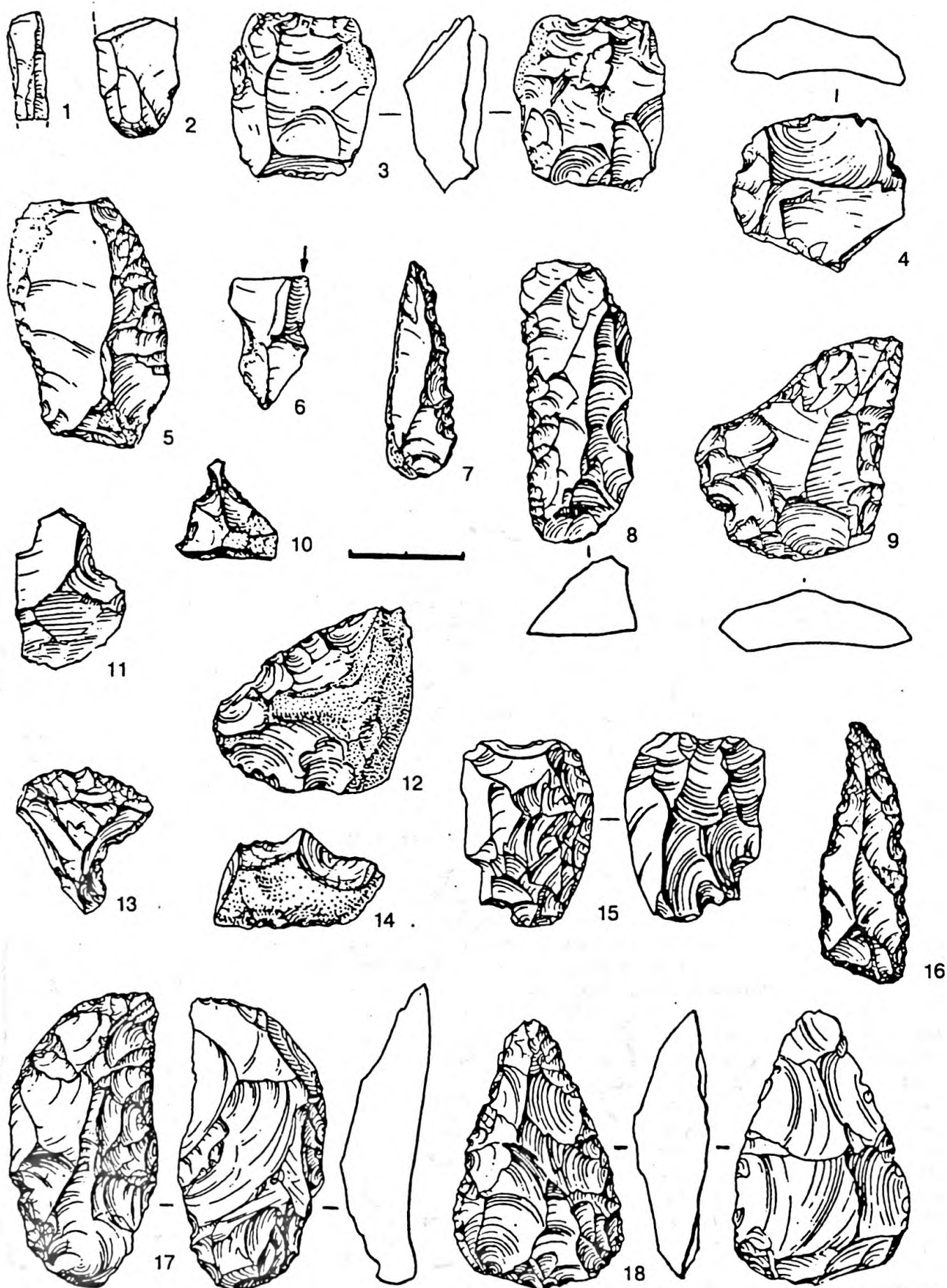

Рис. 75. Баракаевская пещера. Образцы нуклеусов и орудий (по: [Любин, Аутлев, 1994])

Fig. 75. Barakaevskaya Cave. Cores and tools (after: [Любин, Аутлев, 1994])

лицевого или брюшкового. Ретушь, как и у большинства других орудий, была краевой чешуйчатой, хотя иногда необходимость значительной модификации заготовки заставляла применять более интенсивную отделку, далеко заходящую на спинку изделия.

Для многочисленных простых боковых скребел (157 экз., или 24 %) здесь характерны слабо-выпуклые или прямые лезвия, разнообразие заготовок и частое наличие натуральных обушков. Отмечаются также продольные утончения концов (7) и присутствие в нижних горизонтах нескольких массивных и крутолезвийных, т. е. «высоких» скребел (рис. 75, 5, 8, 9, 15). Интересно, что у части простых скребел расположение лезвия приближается к диагональному (рис. 75, 12). У двойных боковых скребел (24) отмечаются продольные утончения концов (рис. 74, 4). Обращает на себя внимание наличие двойных скребел с поперечным необработанным лезвием (*racloir a tranchant transversal*) и изделий на узких пластинах («rods»). Скребла с поперечными лезвиями (12) оформлены на небольших и немассивных отщепах, имеют пологие или полукруглые рабочие края (рис. 74, 10). Найдены также несколько угловых скребел.

Конвергентные скребла (23 экз.) достаточно вариabельны и выделяются относительно большим процентом изделий с различными вариантами утончения оснований, а порой всего корпуса орудия — 6 случаев (24 %) (рис. 74, 6). Внутри этого типа привлекает внимание группа довольно массивных (до $d/e = 1,2-2,0$) орудий с горбообразным профилем и утолщенным острием (рис. 74, 8, 13). Угловатые скребла включают все разновидности, выделенные ранее для Монашеской [Любин, 1977], а также редкие варианты трехлезвийных скребел, переходный к клювовидным или же массивным проколкам подтип удлиненных с сильно «оттянутым» толстым и узким острием и, наконец, скребла, имеющие форму низкого прямоугольного треугольника (рис. 74, 7, 9, 11, 12). Утончения различных типов встречены среди угловатых скребел 8 раз.

Что касается верхнепалеолитической группы орудий, то скребки (32) являются, по мнению авторов анализа, в основном атипичными. Отмечу здесь случаи брюшкового утончения от лезвия и утончения конца, противоположащего лезвию. Имеются также сочетания скребкового лезвия с боковым анкошем (рис. 75, 13) и прием выделения лезвия намеренными боковыми обломами. Резцы не слишком характерны для индустрии (11) и представлены главным образом угловыми (рис. 75, 6), а также двумя двугранными.

В огромном количестве присутствуют в Баракаевской выемчатые орудия (244), среди которых абсолютно доминируют клетонские анкоши (85 %) — пологие или полукруглые (рис. 75, 11, 14). Помимо одинарных выделяются двойные, в том числе группа с выделением между выемками острого

выступа или зубца, что сближает эти изделия с клювовидными. Как характерная черта отмечается также наличие здесь геометризованных форм выемчатых орудий (треугольники, четырехугольники), полученных путем искусственной фрагментации. Зубчатые изделия многочисленны, но к подлинным орудиям, т. е. с намеренно сделанным зубчатым лезвием, можно уверенно отнести лишь несколько предметов. Все они обработаны крупной сколовой или глубокой ретушью. Очень распространена зубчатость лезвий типа *grignotée* — результат вытаптывания или утилизации. Последняя представительная группа — клювовидные (32) (рис. 75, 10). Среди них имеются короткие подтреугольные и массивные шипы, выделенные анкошами, изделия с выступающей режущей кромкой, в том числе типа *bec burinant alterne*, и массивные проколки. Среди единичных орудийных типов Баракаевской очень интересны два бифасиальных орудия с плоско-выпуклой отделкой — боковое обушковое скребло-нож и конвергентнолезвийная подтреугольная форма с закругленным узким дистальным концом (рис. 75, 17, 18). Любопытно также находка мустьерского топорики (транше).

Погоризонтное распределение орудий, особенно немногочисленных групп, следует оценивать с крайней осторожностью — из-за маломощности и чисто условного разграничения раскопчных уровней. Отмечу все же такие детали, например, как отсутствие в нижнем горизонте острокопечников и небольшое количество в низах конвергентных скребел. Клювовидные орудия и выемчатые, напротив, более многочисленны внизу и сокращаются к верхам слоя.

Итак, здесь кратко суммированы основные, на мой взгляд, наблюдения о составе и особенностях кремневого инвентаря Баракаевской. Сопоставим их теперь с выводами, полученными при анализе индустрии Монашеской пещеры (см. гл. 5). Во-первых, очевидно очень большое совпадение по общему списку типов и даже вариантам типов (табл. 16). Отсутствие в Баракаевской таких редких форм, как, например, скреблышки или лимас, никак не противоречит отмеченному сходству — тем более что они происходят из верхних уровней Монашеской. Так же можно прокомментировать отсутствие в последней транше, экземпляр которого, кстати, был встречен зато в Борисовской стоянке (см. гл. 7).

Рассмотрим далее параллели стоянок по отдельным типам орудий. Простые боковые скребла демонстрируют очень сходные приемы оформления: утончения концов, обушки — натуральные и обломы (рис. 75, 5, 8, 9, 15). Двойные боковые скребла перекликаются по наличию изделий с неретушированным поперечным лезвием. Наблюдается сходство в способах выделения клювов анкошами и скребковых лезвий анкошами или намеренными обломами. У группы орудий, называемой

мною конвергентнолезвийными (остроконечники, угловатые и конвергентные скребла), и тут и там отмечается использование продольных и поперечных базальных утончений, оформление острия в базальной части скола и закругление основания ретушью (остроконечники) (рис. 74, 2, 3).

Кластер-анализ показал аналогичность почти всех основных вариантов формы у конвергентнолезвийных орудий обеих стоянок (рис. 57). Расстояния между центрами тяжести кластеров (табл. 14), а также многие отдельные параметры не показывают корреляции со слоями или памятниками. Это значит, что весь анализируемый материал (конвергентнолезвийные орудия Монашеской и Баракаевской) можно рассматривать как единую совокупность, и архетипы этих форм в обоих памятниках очень близки. Наряду с этим прослеживается изменчивость габаритов, которая явно зависит от приуроченности орудий — рис. 57, 61, 62, табл. 13, причем конвергентнолезвийные формы Баракаевской наиболее сходны с таковыми из слоя 2 Монашеской, будучи в среднем лишь немного короче и толще. В то же время, по средней ширине ретуши эти изделия Баракаевской ближе к более крупным орудиям из слоев 4 и 3А Монашеской. Для баракаевских орудий данной группы характерен и наиболее острый угол схождения рабочих краев по сравнению с этим показателем в коллекции из Монашеской. В этом контексте конвергентнолезвийные формы Баракаевской не дают как будто оснований для обособления их и трактовки в качестве наиболее архаичных. Сочетание же небольших габаритов изделий с наиболее острыми углами схождения лезвий и значительной относительно малых размеров орудий шириной захвата ретуши (рис. 61, 62) позволяет осторожно предположить, что в миниатюрности орудий Баракаевской отразились не только лишь мелкие размеры ее сколов-заготовок, но и усиленная редукция — как результат очень интенсивной утилизации орудий и частого подживления лезвий.

Подчеркивая сходство, обращаю внимание и на некоторые явные различия в инвентаре этих памятников. Среди конвергентнолезвийных это выражается в отсутствии в Монашеской явных аналогов «горбовидных» или кареноидных острий, а также конвергентных скребел с вытянутым острием (рис. 75, 16). Отмечу, правда, что возможное подобие последних (обломки) найдено при зачистке слоя 2 Монашеской. Другое расхождение — отсутствие в Монашеской узких двойных боковых скребел типа «*tools*» («стержни»), хотя, на мой взгляд, некоторые перекликающиеся с ними изделия все же там есть (рис. 40, 10) и, кроме того, в облике этих орудий могла отразиться все та же более интенсивная редукция. Существенно несходство по двусторонне обработанным орудиям: в Баракаевской их больше — особенно частично двусторонних, а в Монашеской нет прямых соответствий некоторым формам первой, в том

числе и упомянутым выше плосковыпуклым бифасам (рис. 75, 17, 18). В то же время, во-первых, сплошная плосковыпуклая отделка в Монашеской отмечена (рис. 53, 1, 2, 5) и, во-вторых, речь идет, как уже отмечалось, о редких, несерийных формах. Большое же распространение в Баракаевской бифасиальной отделки возможно, как кажется, связать с повышенной степенью утилизации и, соответственно, модификации орудий.

Что касается сопоставления по отдельным уровням, то его следует, как и в случае с Губским, делать с определенной осторожностью — ввиду полной условности горизонтов Баракаевской и неполной изученности Монашеской. И все-таки я остановлюсь на некоторых важных наблюдениях. Хронологические изменения в технике пластинчатого производства (размеры, огранка спинок, характер площадок) Баракаевской в целом соответствуют динамике такового в Монашеской. Для микропластинок, в частности, характерно мизерное число в нижних уровнях (слой 4 Монашеской и горизонты 3—4 Баракаевской), а также последующий рост их доли к верхам Баракаевской наряду с резким «всплеском» процента в горизонте 3 слоя 3А Монашеской, после чего относительное количество микропластинок стабилизируется и, наконец, вновь сокращается в слое 2. В отношении орудий обратим внимание на рост доли утончений и двусторонне обработанных орудий от нижнего к верхнему уровню Баракаевской (1,8 %—7,4 %) наряду с максимальным наличием подобных изделий в слое 4 и горизонте 3 слоя 3А Монашеской. Нехарактерны и атипичны в Баракаевской скребки, что вновь напоминает ситуацию в низах Монашеской. Отмечается несколько большая массивность и крутизна лезвий у боковых скребел из нижних горизонтов Баракаевской — сходство снова с низами Монашеской, где такие формы встречаются чаще.

Подытоживая все сопоставления, можно прежде всего сделать вывод, что принадлежность индустрии Баракаевской к губской культуре [Любин, 1994а] является непреложным и надежно обоснованным фактом. Более того, уровень сходства, по моему мнению, столь высок, что возникает сомнение по поводу гипотезы о том, что Баракаевская отражает более раннюю стадию губской культуры по сравнению с Монашеской [Любин, 1994а, с. 156]. Это представление о более архаичном облике инвентаря Баракаевской, опирающееся, в основном, на присутствие здесь несколько большего количества двусторонне обработанных орудий и большую массивность ряда изделий, кажется преувеличенным. Первые все же не столь уж многочисленны и включают, главным образом, орудия с интенсивным утончением корпуса. Сплошная же плосковыпуклая отделка была отмечена лишь у упомянутых двух орудий и еще у двух-трех предметов. Что касается массивности, то, в сочетании с очень малыми размерами изделий, она,

как уже говорилось, может скорее отражать сильную редуцию орудий в результате срабатывания их и подживления. Не может работать в качестве хронологического признака и особая роль, которую играют в Баракаевской выемчатые орудия, т. к. распространенность этих изделий, судя по наблюдениям в Монашеской (см. гл. 5), определялась скорее фактором хозяйственной специализации.

Итак, характер различий между двумя стоянками и все изложенные выше соображения по возможной археологической корреляции отдельных уровней вполне допускают, на мой взгляд, вероятность частичного сосуществования обеих индустрий. Такому выводу не противоречат и приведенные выше данные литолого- и биостратиграфических исследований. Они позволяют предложить две основные версии. Во-первых, оптимум Баракаевской может отвечать низам слоя 4 Монашеской, т. е. стоянка в Баракаевской соответствует начальному этапу заселения Монашеской. Другой вариант — соответствие баракаевского оп-

тимума теплой фазе в горизонте 3 слоя 3А Монашеской. В таком случае перигляциальные условия в низах Баракаевской могли бы отвечать периоду образования обвального горизонта, разделяющего слои 4 и 3А в Монашеской пещере. Оставление же человеком Баракаевской стоянки в качестве одной из вероятных причин могло иметь активизацию капели и общее увлажнение всего грота во время последовавшего потепления. Разумеется, вплоть до получения абсолютных дат остается в силе и третья, а точнее, первоначальная версия, предполагающая более древний возраст Баракаевской [Любин, 1994а], хотя на сегодня предпочтительнее, на мой взгляд, выглядит все-таки гипотеза о частичной синхронности двух основных губских мустьерских стоянок в рамках среднего вюрма (изотопная стадия 3). Как и в Монашеской, антропологические материалы Баракаевской (нижняя челюсть 2—3-летнего ребенка и отдельные зубы) удостоверяют принадлежность этой индустрии неандертальцу [Зубов и др., 1994].

Глава 7

МУСТЬЕРСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ГУБС

7.1. Общие сведения

Помимо пещерных стоянок в долине Губса имеется и ряд местонахождений с мустьерскими изделиями. В монографии, посвященной Баракаевской пещере, перечислено семь пунктов: Губское русловое, Романец, Кудренкин солонец, Увариха (Уварова балка), Губское аллювиальное, Губское делювиальное, Борисовское [Аутлев, Любин, 1994]. Первые четыре пункта находятся в нижнем течении реки, вне ущелья, последние три — в самом каньоне неподалеку от пещерных стоянок. Рассмотрим их более подробно, за исключением Губского аллювиального и Губского делювиального с очень скудными пока находками, о которых упоминалось кратко в гл. 1. Прежде всего речь пойдет о находках в низовьях реки, с которых, собственно говоря, и началось открытие палеолита в бассейне Губса.

7.2. Местонахождения в нижнем течении р. Губс

Первые сборы подъемного материала были сделаны П. У. Аутлевым в русле Губса и на левобережных террасах нижнего течения реки в 1961 г. [Аутлев, 1961а, б; 1970; Аутлев, Любин, 1994]. Долина р. Губс, по-видимому, неслучайно привлекла внимание П. У. Аутлева — чуть ранее небольшая коллекция на реке Ходзь, неподалеку от впадения в нее Губса, была собрана А. А. Формозовым [1965]. После 1961 г. сборы П. У. Аутлева неоднократно пополнялись — находками как с самого Губса, так и из русел впадающих в него ручьев.

Нижнее течение Губса, как отмечено выше (гл. 1), представляет собой слабохолмистую предгорную равнину. Губс врезается здесь в свою достаточно обширную (до 0,5—0,7 км) пойму, постепенно превращающуюся в первую надпойменную террасу. Высота ее местами достигает 1—3 м (рис. 4А; 7б). Толща (от 0,5 до 2,0 м) состоит из галечника с песчанисто-суглинистым заполнением, который перекрывается желтоватым суглинком и современной почвой. П. У. Аутлев отмечает неравномерное размещение находок на разных

участках руслового бечевника, залегание некоторых изделий в галечниковом горизонте левобережной террасы и — реже — на ее поверхности и склонах вышележащих террас. По мнению исследователя, изделия должны происходить «...из отложений левобережных террас, примыкающих и сливающихся с водораздельным плато, лежащим между реками Ходзь и Псефиром» [Аутлев, 1970, с. 393]. Наши с В. П. Любиным разведки в этих местах подтвердили, что помимо русла кремни — как обработанные изделия, так и обломки желваков — действительно изредка встречаются как в обнажении первой террасы, так и выше ее, но по обоим берегам реки.

Последовавшие за первыми поверхностными находками открытия губских пещерных стоянок оттеснили нестратифицированную «подъемку» на второй план. Сам П. У. Аутлев ограничился одной небольшой публикацией этих сборов [Аутлев, 1970] и несколькими упоминаниями о них в других работах. Весьма кратко сообщает о губских находках и А. А. Формозов [1965]. В 1987—1988 гг. новые небольшие сборы на Губсе были сделаны В. П. Любиным и автором данной работы. Поскольку методика сборов и размеры обследованных участков разных лет достаточно отличались, то коллекции П. У. Аутлева и сборы 1987—1988 гг. будут анализироваться отдельно. Материалы П. У. Аутлева описываются на основании его собственной публикации [Аутлев, 1970], а также моих наблюдений, сделанных во время просмотра коллекции 1961 г., хранящейся в кабинете археологии Адыгейского института гуманитарных исследований (бывший АдыгНИИ экономики, языка, литературы и истории) в г. Майкопе.

В работе П. У. Аутлева «Раннепалеолитические местонахождения р. Лабы» [1970] указано, что коллекция Губского руслового местонахождения состоит из 92 нуклеусов, 361 скола и 57 орудий. Сырьем служил кремь желтого, коричневого и черного цветов с преобладанием двух последних типов. Среди нуклеусов П. У. Аутлев выделял две группы — дисковидные (19 экз.) и леваллуазские (78 экз.). Размеры их разнообразны — от мелких до довольно крупных (10×6 см). Отщепы также

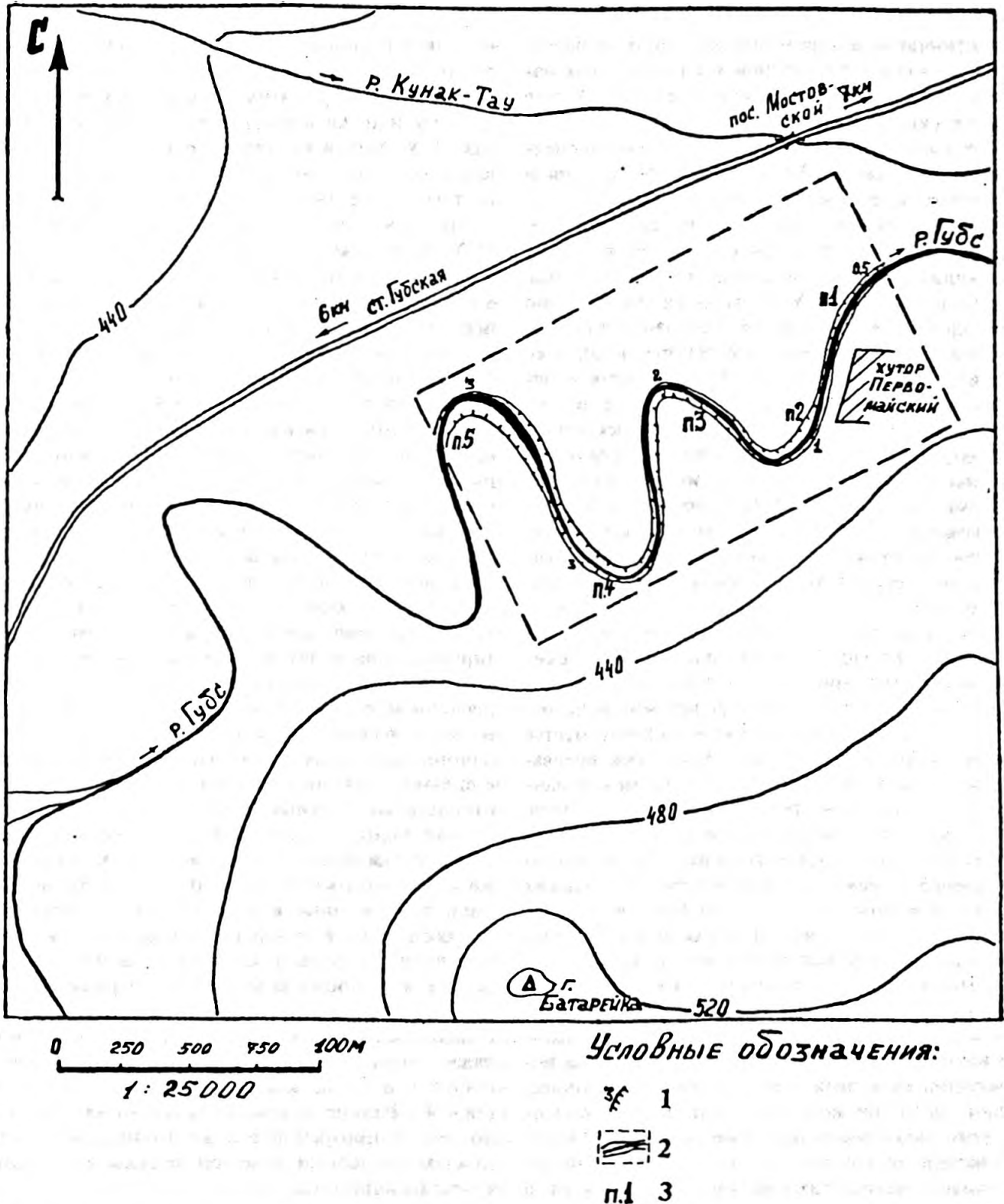

Рис. 76. Расположение пунктов сборов подъемного материала в нижнем течении р. Губс (разведка 1988 г.):

1 — обрыв террасы и его высота; 2 — примерные границы обследованного участка; 3 — основные пункты находок

Fig. 76. Location of places with surfacial finds on the lower reaches of the Gubs river (collection 1988):

1 — terrace slope and its height; 2 — approximate border of studied area; 3 — places with concentration of finds

поделены на две большие группы, первая из которых названа автором «клектонской» (187 сколов). В целом эти сколы характеризуются случайными очертаниями, большой толщиной (до 2,0—2,5 см), гладкой и сильно скошенной площадкой,

сильно выраженным ударным бугорком и соседним выступом. Первичные сколы, т. е. краевые (?), составляют среди «клектонских» 63 экз. (33,7 %). Во вторую большую группу сколов объединены «подтреугольные» отщепы (76) и пластин-

чатые (98). Размеры и форма подтреугольных сколов различны — вплоть до «подчетыреугольных» (!). К пластинчатым автором отнесены сколы с более-менее правильно ограненной в параллельных направлениях спинкой. В числе орудий П. У. Аутлев выделял скребла (35 экз.), среди которых преобладают однолезвийные прямые (25), остроконечники (16), 2 лимаса, 2 грубых рубящих орудия и 2 рубила (или, точнее, «рубильца»).

Кроме изделий, собранных на самом Губсе, по несколько отщепов было найдено в руслах впадающих в него около станицы Губской ручьев Кудренкин солонец и Уварова балка. Значительно более крупная коллекция была собрана на другом подобном притоке — Романце (93 предмета). В ее состав входят 14 ядрищ (5 односторонних «дисков», 4 одноплощадочных, «3 нуклеуса с одним крупным сколом в центре рабочей плоскости и два подтреугольных ядрища»), 70 отщепов (29 «клектонских», 34 «подтреугольных» и пластинчатых, 7 обломков) и 9 орудий. Среди орудий П. У. Аутлев называл 5 простых боковых скребел и «рубильца», заготовкой для которого послужил леваллуазский скол подтреугольной формы [Аутлев, 1970, с. 399].

Исходя из общего состава и облика инвентаря, отмечая сосуществование пластинчатых сколов с «клектонскими» и присутствие «рубилец», в работе 1970 г. П. У. Аутлев предположительно относил всю губскую коллекцию к раннему мустье [Аутлев, 1970]. Ранее, однако, в кратких предварительных публикациях он колебался между ранним мустье [Аутлев, 1961б] и ашелем [Аутлев, 1961а]. Более решителен был в этом отношении А. А. Формозов, который относит Губское местонахождение к тем, где нет «чисто мустьерских форм» (Фортепьянка, Костромская, Мостовое, Мешоко), и потому считает его безусловно домустьерским или ашельским [Формозов, 1965, с. 17].

В 80-е гг. в связи с подготовкой монографии о Баракаевской стоянке П. У. Аутлев вновь вернулся к характеристике губских сборов. В написанной им части раздела, посвященного истории исследований палеолита Губского бассейна [Аутлев, Любин, 1994], он несколько пересмотрел описание этих своих коллекций. Уменьшилось количество выделяемых ядрищ (до 61 экз.) и орудий (до 47), вместо «леваллуазских ядрищ» говорится о дисковидных, двухплощадочных и одноплощадочных. Чуть меньшим стало и число сколов — 354, но подразделение их на описанные выше группы сохранено. Наиболее серьезному пересмотру подвергся типологический состав орудий. Здесь автор вовсе отказывается от выделения остроконечников, относя все названные так ранее формы к скреблам, которые доминируют абсолютно (40 экз.), включая не только простые боковые, но также конвергентные (5) и поперечные (4). Впервые были выделены 2 концевых скребка на массивных коротких пластинах. Среди изделий

с Романца справедливо упразднено «рубильце», в котором правильнее видеть, конечно, остроконечник с распространенной брюшковой ретушью обоих краев и частичной лицевой на левом. Вопрос об отнесении этих коллекций к раннемустьерскому или же домустьерскому времени на сей раз П. У. Аутлев оставляет открытым, ограничиваясь ссылками на мнения, высказанные ранее [Аутлев, 1961а; 1961б; Формозов, 1965].

В 1989 г. благодаря любезному разрешению П. У. Аутлева мне удалось, наряду с прочими интересующими меня коллекциями, просмотреть и его губские сборы. Губская коллекция по моим подсчетам состояла из 75 нуклеусов и 7 нуклеидных обломков, 304 сколов и 54 орудий, т. е. 440 предметов. Меньшее количество изделий по сравнению с числом их, приведенным в работе 1970 г. (510), объясняется, возможно, неполнотой материалов, хранящихся в АНИИ. Среди изученных нуклеусов более половины (43) составляют одноплощадочные. У некоторых из них имеются боковые или противолежащие вспомогательные площадки. О преимущественно одноплощадочном скалывании в таких случаях свидетельствуют, на мой взгляд, особые характеристики основной площадки (большие размеры, подправка), ориентировка большинства негативов на рабочей поверхности и общий профиль ядрищ. К двухплощадочным с равноправным встречным скалыванием отнесено 11 нуклеусов. Особо отмечу 6 одноплощадочных и 3 двухплощадочных нуклеуса с сильновыпуклой плоскостью скалывания и пластинчатыми негативами, что позволяет определять их как подпризматические. Два нуклеуса имеют систему скалывания типа «веер», к радиальным же («дискам») могут быть отнесены только 8 ядрищ, хотя и они демонстрируют тенденцию к «полюсности». Все эти нуклеусы очень невелики, уплощенные, в трех случаях — частично двусторонние. Большинство нуклеусов сохраняет на тыльной стороне желвачную корку (53, или 70,7%), из отщепов сделаны лишь 5 ядрищ. В сырье преобладает черно-смолистый и темно-серый кремь (64,8%), а также коричневатый разных оттенков (28,4%). Редкие экземпляры изготовлены из светло-серого, прозрачного и желто-медового кремня, причем последний отмечен только у подпризматических ядрищ (2).

К пластинчатым, или удлиненным, сколам относится около 16% — 49 экз., среди которых 15 полукраевых. К подлинным пластинам (в узком смысле этого слова) можно отнести 24 изделия, половина из них (12) являются крупными и широкими (8—10 см длиной и 3,0—3,5 см шириной) и часто имеют подправленные площадки, другая же половина ближе к верхнепалеолитическим образцам: с очень правильной параллельной огранкой и сильно удлиненными пропорциями. Отщепы (255 экз.) разнообразятся по размерам, форме, характеру спинки. Среди них довольно

много полукраевых — 44,3 %. Судя по ограничению спинок, преобладало одноплощадочное скалывание. Среди ударных площадок доминируют гладкие и прямые (70 %), но к скошенным среди них можно отнести лишь очень немногие. Отмечены также тонкофасетированные площадки (23, или 7,6 %) и «бессергеновские», т. е. с боковой подправкой [Праслов, 1968] — 6 экз.

Орудия (54) представлены главным образом скреблами — 30, в составе которых простые боковые (12), двойные боковые (9), поперечные (5), два лимаса, по одному образцу брюшковых и конвергентных. Помимо скребел здесь присутствуют скребки (5), резцы (2), зубчато-выемчатые изделия (8), двусторонне обработанные орудия и их заготовки (5), а также фрагменты орудий (4). Бифасиальные формы разнородны: небольшой (5,4 см), линзовидный в сечении бифасик на отщепе, чуть более крупный частичный бифас (брюшковое уплощение скола), сегментовидная плосковыпуклая форма с площадкой-обушком на выпуклом крае, обломок плосковыпуклого бифаса с субпараллельными краями и два явно незаконченных изделия. Расхождения с приведенными выше данными П. У. Аутлева [1970] по количеству и составу орудий вызваны, видимо, прежде всего разными критериями отличия намеренной обработки от повреждений и разным пониманием некоторых типологических подразделений.

Коллекция с р. Романец (96 предметов) происходит отчасти из русла, отчасти из галечникового горизонта (2 м) первой террасы (около 5 м). В ее состав входят 16 нуклеусов (13 одноплощадочных, 2 двухплощадочных и дисковидный), 62 скола (в том числе 15 пластин (24,2 %)) и 18 орудий. Среди этих орудий 4 боковых выпуклых скребла, 2 атипичных скребка, 10 клювовидных и выемчато-зубчатых, уже упомянутый частично двусторонний остроконечник («рубильце» по: [Аутлев, 1970]) и одно двусторонне обработанное изделие типа *pièce escaillée*. В сырье абсолютно преобладает темно-серый и темно-серый кремль (77,1 %), прочее сырье — кремль светло-серый прозрачный, коричневый, желто-медовый и др. — отмечено лишь в единичных случаях. Имеется еще одна небольшая коллекция с Романца (38 экз), но поскольку она содержит довольно однородный материал верхнепалеолитического облика (только призматические нуклеусы, пластины, 2 скребка и резец) и собрана на небольшом изолированном участке [Аутлев, 1961б; Аутлев, Любин, 1994], то я ее не рассматриваю.

В 1987—1988 гг. нами с В. П. Любиным проводились новые сборы на Губсе, причем они охватывали сравнительно небольшой (4—5 км) участок его нижнего течения (рис. 76). Этот участок был еще дополнительно подразделен на 7 условных отрезков, в соответствии с которыми и собирался весь материал. Однако общее количество его (155 экз.) оказалось не столь уж велико, а факто-

ры, влиявшие на перемещение изделий, слишком разнообразны, чтобы уверенно судить о значении различий в составе находок между этими условными пунктами. Отмечу все же две наиболее явные тенденции, которые бросились в глаза в поле, — это увеличение в двух последних, расположенных выше по течению, пунктах количества пластинчатых сколов (9 из 15 находок, 60 %), а также темно-коричневого и черно-смолистого кремня (30 из 39, или 77 %). Иных закономерностей установить не удастся, и потому состав этой коллекции далее будет рассмотрен без указания точного пункта находки.

Нуклеусы и нуклевидные формы составляют 48 экз. (30,9 % всех изделий). К последним отнесены три массивных отщепы с единичными крупными негативами на брюшке и один обломок. Два предмета можно отнести к пробным нуклеусам, в том числе одну «попытку» призматического нуклеуса. Как вероятный пренуклеус этого же типа следует, по-видимому, трактовать удлиненный желвак желтого кремня со сделанным бифасиальной оббивкой ребром. Подлинные призматические нуклеусы представлены в двух экземплярах (рис. 77, 5). Три нуклеуса очень сильно сработаны и представляют собой мелкие и неопределимые до типа «огрызки». Среди прочих 38 ядрищ господствует одноплощадочное скалывание — 30 экз. (рис. 77, 3, 4). Есть плоские ядрища с двухполюсным (рис. 77, 1, 2) и перекрестным (рис. 77, 6) скалыванием, но и они, как кажется, близки к одноплощадочным, поскольку дополнительные площадки можно рассматривать в качестве вспомогательных. У некоторых ядрищ сколами с основной площадки созданы грани, расположенные под углом 100—130 град. к рабочей поверхности, что, вероятно, делалось для придания последней выпуклости (рис. 77, 3, 6). Эти плоскости, кстати, могли использоваться для боковой подправки площадки ядрищ (рис. 77, 3), что и приводило впоследствии к снятию с них сколов с «бессергеновским» типом площадки. Только в случае одного довольно массивного нуклеуса (рис. 79, 6) переход на боковые грани можно, видимо, рассматривать скорее как создание дополнительных рабочих плоскостей. Преобладают главным образом прямые и гладкие площадки, к подправленным можно отнести лишь 15 из 56 определимых (26,7 %), причем фасетированными в полном смысле слова являются только 5—6 (9—10 %). В целом значительную часть нуклеусов характеризует довольно примитивная техника расщепления: гладкие или очень грубо подправленные площадки и редкая подправка рабочей поверхности. Сложных, морфологически выразительных форм здесь почти нет. Сырье разнообразно, но преобладает кремль коричневых оттенков — 32 экз. (66,7 %). Все остальные нуклеусы изготовлены из темно-серого, черно-смолистого или светлого прозрачного кремня. Только три нуклеуса сделаны из высококачественного желто-медового кремня, причем два из

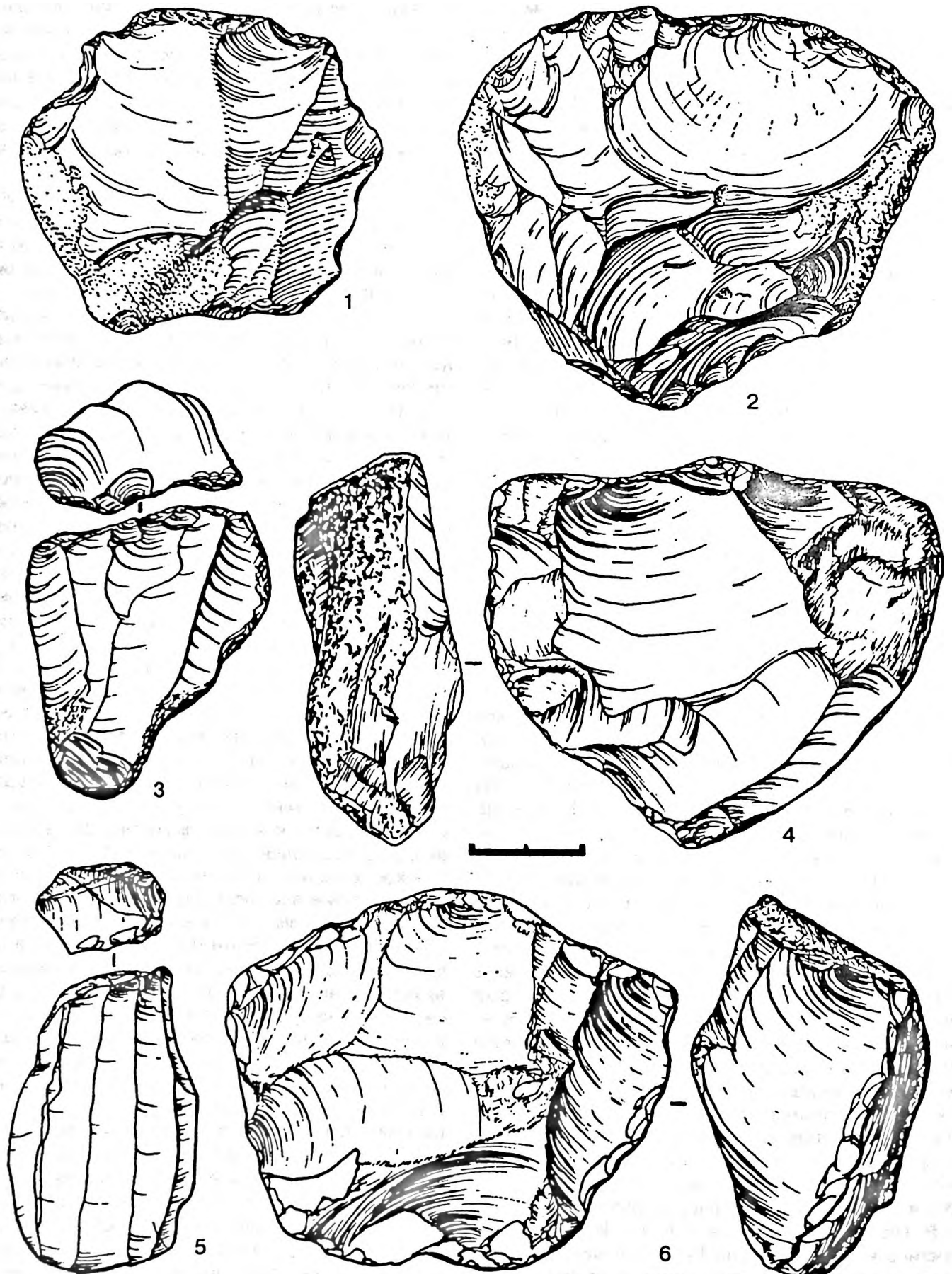

Рис. 77. Губское русловое местонахождение. Нуклеусы

Fig. 77. Occurrences of the Gubs river bed. Cores

них — призматические. Абсолютное большинство нуклеусов оформлены на желваках и валунах разных размеров и пропорций; отщепы в качестве заготовок отмечены в 5—6 случаях.

Характеристики сколов-заготовок (100 экземпляров, включая 15 орудий) очень варьируют. Сколы разнообразятся по размерам, очертаниям, огранке и не образуют устойчивых серий. Отмечу, однако, некоторые общие черты этой коллекции: преобладание одноплощадочного типа скалывания (52 %) и гладких площадок при наличии 31 % фасетированных, не считая 6 «бессергеновских» (10 %), и обилие краевых и полукраевых сколов (42 %). У значительной части сколов (32 %) одна из боковых граней является крутой или отвесной — чаще с коркой, но иногда с негативом, что характерно для описанной выше продольной подправки («поднятия») рабочей поверхности. Имеется 17 удлиненных сколов, но только 8 из них являются подлинными пластинами. Таким образом, процент пластин здесь практически аналогичен таковому в коллекции П. У. Аутлева. Следует отметить также, что почти треть сколов (29) имеет длину более 5 см. В сырье господствует кремнь коричневатых оттенков (74 %), а три из семи желто-медовых изделий — это пластины. Таким образом, сколы в целом согласуются с нуклеусами. Однако есть и ряд расхождений: нет полного соответствия по типам сырья, по размерам сколов и негативов на нуклеусах — если средняя длина сколов приближается к 5 см, то на ядрищах отмечен лишь один негатив подобной длины. В три раза выше среди сколов процент фасетированных площадок, причем имеются и вовсе не встреченные на ядрищах тонкофасетированные — 9 (15 %). Небольшая группа сколов (4) выделяется крупными размерами и массивностью в сочетании со скошенными и совершенно неподправленными, сохранившими желвачную корку площадками. Возможно, что именно подобные сколы П. У. Аутлев выделял как «клектонские». Однако его количественная оценка подобных сколов кажется завышенной — и в коллекции 1961 г., и в наших сборах такие «архаичные» отщепы весьма немногочисленны. Основная же масса отщепов, несмотря на некоторый их примитивизм, вполне вписывается в рамки мустьерской техники расщепления и мало чем отличается от многих сколов, найденных в описанных выше пещерных стоянках.

К орудиям отнесены 22 изделия, среди которых преобладают скребла: 5 простых боковых (рис. 78, 2, 5), двойное боковое (рис. 78, 3), брюшковое, поперечное (рис. 78, 4) и 3 угловатых, включая один *pointe déjetée* с лицевым утончением базальной части (рис. 78, 1). Кроме того, здесь были обнаружены 3 выемчатых орудия (рис. 78, 6), зубчатое орудие высокой формы, *grattoir-bec* (рис. 79, 3), 2 скребка, одна массивная проколка в комбинации с анкошем, а также 2 бифасиальных орудия (рис. 78, 7) и один обломок такого изделия. При-

водимый здесь уплощенный бифас представляет собой, возможно, незаконченное орудие: неправильная форма в плане и в профиль, извилистое лезвие, обработка крупными, порой глубоко врезающимися сколами, отсутствие выравнивающей края ретуши.

Набор орудий является, очевидно, достаточно разнородным. Некоторые из них имеют явные аналогии в индустриях губских пещер — например, *pointe déjetée* (рис. 78, 1) или брюшковое скребло. Перекликается с пещерными находками по оформлению лезвия и поперечное скребло (рис. 78, 4), хотя, по-видимому, изделие это претерпело существенные видоизменения — плоская лямеллярная ретушь на лезвии кажется более поздней, нежели сам скол с его массивной скошенной площадкой, двойной точкой удара и, очевидно, значительно более крупными первоначальными размерами. Явное повторное использование (судя по патине) более древних сколов можно видеть и на обоих скребках. Нужно сказать также, что хотя степень окатанности всех вещей кажется очень сходной, четыре из них — массивный скребок, двойное скребло, выемчатое орудие на обломке крупного скола и обломок бифаса (?) — имеют, на мой взгляд, наиболее оглаженные ребра негативов. Особо следует отметить два массивных клювовидных изделия: зубчатое высокой формы с клювовидным выступом и *grattoir-bec* (рис. 79, 3). У обоих рабочие элементы оформлены встречной оббивкой. Хотя в коллекциях Монашеской (слой 4) и Баракаевской также встречаются зубчатые высокой формы с выделением шипов или «мордочек», близкие аналогии описанным орудиям там отсутствуют.

Новая коллекция Уваровой балки (приток Губса около станицы Губской) насчитывает 65 предметов: 13 нуклеусов и нуклевидных (20 %), 38 сколов и 12 орудий (18,5 %). Среди собственно нуклеусов (9 экз.) почти половина призматических — 4 изделия, включая два сильно сработанных и забитых. К ним тяготеет маленький торцовый нуклеус с пластинчатыми негативами. Иначе выглядит подпризматический нуклеус из небольшого валуна (рис. 79, 5). Он несколько напоминает одно из губских ядрищ (рис. 77, 3). К губским ядрищам близок и единственный крупный плоский одноплощадочный нуклеус Уварихи. Еще одно мелкое ядрище является двусторонним поперечно-продольным, а последнее — небольшое, но очень массивное, из кварцита — имеет две самостоятельные, не связанные друг с другом плоскости расщепления с одной площадкой для каждой из них. Нельзя не обратить внимание на значительное увеличение в коллекции Уварихи черно-смолистого и темно-серого кремня, аналогичного встречающемуся в стенах Губского ущелья — 7 (54 %). Прочие же нуклеусы, кроме кварцитового, сделаны из коричневого и темно-коричневого кремня.

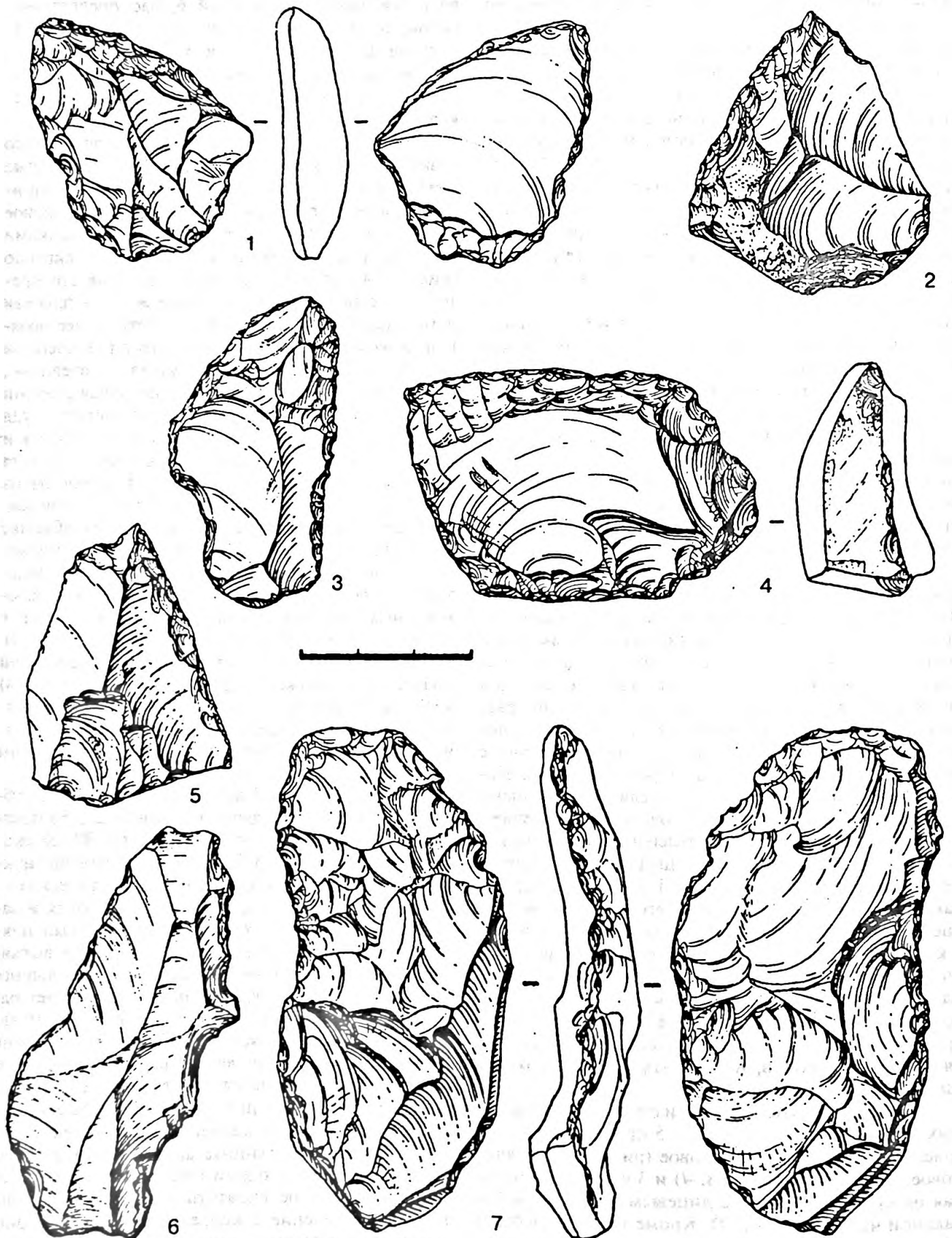

Рис. 78. Губское русловое местонахождение. Орудия
 Fig. 78. Occurrences of the Gubs river bed. Stone tools

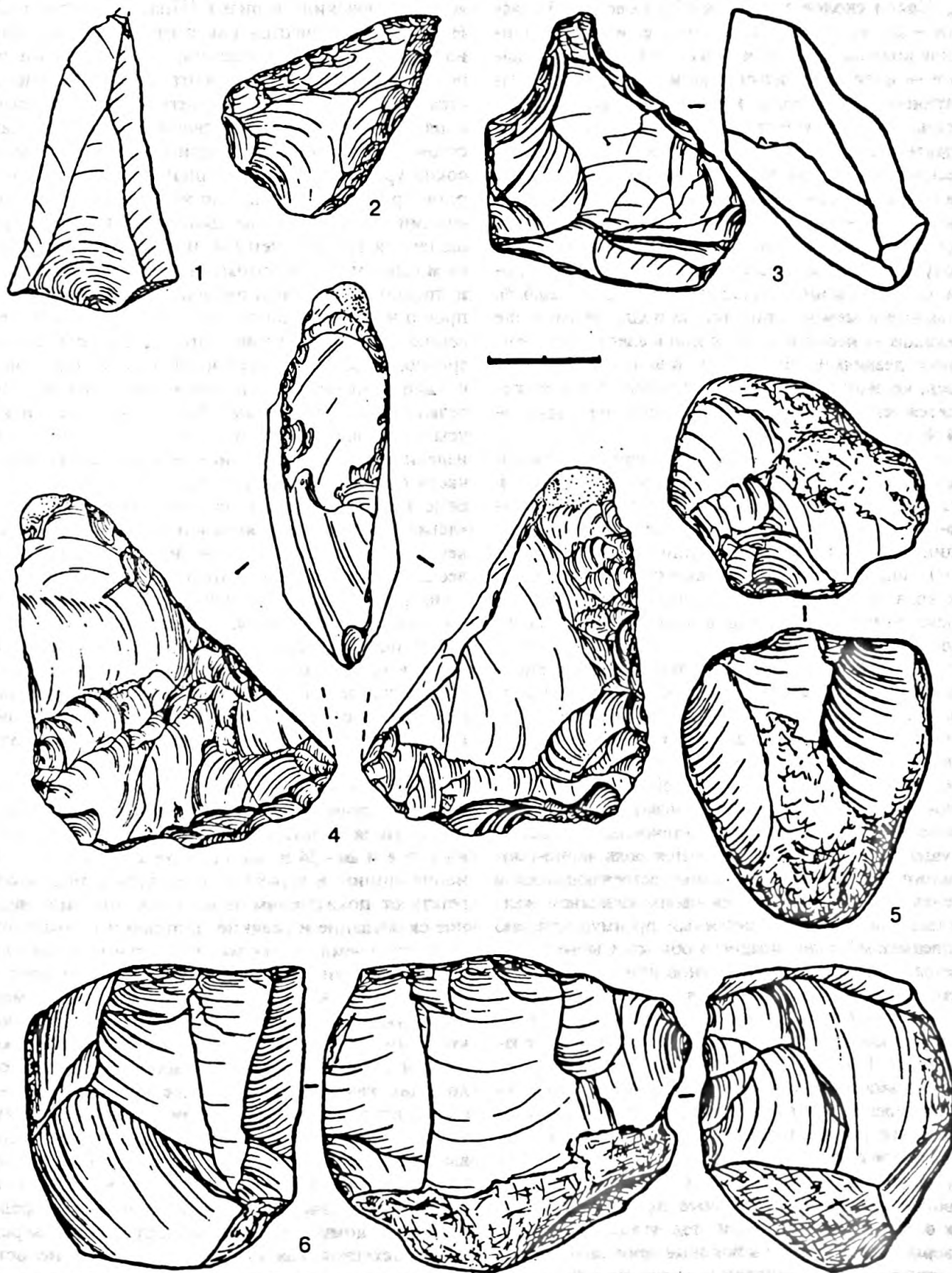

Рис. 79. Местонахождения:

Уварова балка: 1, 2, 4 — орудия; 5 — нуклеус; Губское русловое местонахождение: 3 — зубчатое орудие; 6 — нуклеус

Fig. 79. Occurrences:

the Uvarov gully: 1, 2, 4 — stone tools; 5 — core; occurrences of the Gubs river bed: 3 — denticulated tool; 6 — core

Среди сколов-заготовок (50) имеется 10 пластин — 20 %, что несколько выше, нежели в губской коллекции. Две из них — тонкие, ножевидные — могут относиться, как и упомянутые призматические нуклеусы, к послемустьерскому времени. Следует учесть, однако, что нуклеусы и пластины, приближающиеся к верхнепалеолитическим стандартам, в небольшом количестве были найдены в мустьерских пещерных стоянках. Прочие сколы — это отщепы, похожие на губские, но несколько меньших в среднем размеров. Процент полукраевых и краевых аналогичен — 40 %, а доля фасетированных площадок меньше — 20,6 %. Впервые отмечено присутствие подлинного *pointe Levallois* — неокатанного, с лишь слегка зазубренными лезвиями (рис. 79, 1). Как и среди нуклеусов, черный и темно-серый кремь здесь встречается чаще, чем в наших сборах на Губсе, — 34 % против 11 %.

Состав орудий (12 экз.) разнообразен: 4 скребла (простое боковое, брюшковое, конвергентное и угловатое (рис. 79, 2)), крупный скребок, 7 зубчато-выемчатых и два обломка бифасов, включая один фрагмент довольно крупного орудия (рубилло?) (рис. 79, 4). Зубчато-выемчатые изделия и скребла, особенно *pointe déjetée* (рис. 79, 2), находят близкие параллели в индустриях Губского ущелья.

Подытоживая, попробую теперь сформулировать основные выводы из анализа всех приведенных материалов.

1. Состав сырья разнообразен — это цветной кремь разных оттенков и качества. В отличие от индустрий Губского ущелья в сборах из низовий реки преобладает сырье коричневатых тонов, хотя по мере продвижения вверх по течению, т. е. ближе к ущелью, все больше становится роль черно-смолистого и темно-серого кремья, встречающегося в стенах каньона. Выделяется своим качеством желто-медовый кремь, связанный преимущественно с предметами более позднего облика. Сырье встречается в виде желваков, валунов или их обломков, размеры и форма которых в значительной мере влияли на характер расщепления.

2. Нуклеусы достаточно многочисленны и разнотипны. Имеется группа призматических нуклеусов весьма развитого облика. Среди плоских нуклеусов преобладают одноплощадочные. Подправка площадок распространена в малой степени. Для подправки поверхности скалывания плоских нуклеусов иногда использовались боковые или противоположные вспомогательные площадки, а иногда с основной площадки под углом к рабочей поверхности снимались боковые продольные сколы, которые ограничивали последнюю или придавали ей выпуклость. Этот вариант подправки плоскости скалывания находит аналогии в технике расщепления Абадзехского местонахождения [Кулаков, 1993]. Порой с таких боковых плоскостей производилась подправка основных площадок —

«бессергеновский» вариант [Праслов, 1968, с. 56]. Нуклеусы встречаются как в стадии опробования или начального расщепления, так и в стадии сработанности. Первый вариант довольно распространен, что можно объяснить избытком сырья наряду с не всегда удовлетворительным его качеством. Возможно, это отчасти определяло и невысокий уровень техники расщепления, что нельзя а priori трактовать как архаичную черту. Подобный «примитивизм» в целом свойствен и технике расщепления губских пещерных стоянок, где основным сырьем был местный, часто мелкоразмерный и трещиноватый черно-смолистый кремь. Вопрос о нуклеусах, соответствующих высококачественным сколам из цветного, часто светло-прозрачного кремья, использовавшегося для лучших орудий в пещерных стоянках, остается в значительной мере открытым. Хотя некоторые нуклеусы с низовий Губса и соответствуют по сырью изделиям из пещер, происхождение значительной части принесенных туда заготовок неясно и сырьевые аналоги их пока не найдены. Определение «леваллуазские» для большей части губских нуклеусов, на мой взгляд, вряд ли возможно, т. к. более-менее тщательная подготовка поверхности расщепления и площадок здесь прослеживается редко, а получаемые сколы, судя как по их образцам, так и по негативам на ядрищах, далеки, за небольшими исключениями, от правильных форм. Сказанное не означает, что единичные ядрища не могут быть определены именно таким образом — например, нуклеус, опубликованный П. У. Аутлевым [1970, с. 432, рис. 10, 1].

3. Среди сколов во всех этих коллекциях значителен процент краевых и полукраевых (более 40 %). Доля пластинчатых сколов равна 15—16 % на Губсе и 20—24 % на Уварихе и Романце. Ограничение спинок и характер площадок в целом соответствует показателям нуклеусов: одноплощадочное скалывание и гладкие площадки преобладают. В то же время, у сколов встречено значительно больше фасетированных площадок. Имеется некоторое расхождение по типам сырья и размерам (нет нуклеусов с негативами, соответствующих крупным сколам). О выделении «клектонской» группы говорить трудно, но небольшая часть сколов, как кажется, имеет более архаичный облик: очень крупные размеры, признаки расщепления твердым отбойником (крупный изъянец, хорошо выраженные бугорок и конус, микротрещины), сильно скошенную и часто покрытую коркой площадку. Такие характеристики позволяют предполагать их домустьерский возраст. В мустьерских пещерных стоянках подобные отщепы не встречаются, исключая нижние слои Аутлевской. Одновременно были отмечены пластины, очень близкие по облику типичным верхнепалеолитическим (Увариха). Сколы с Уварихи и с Романца отличаются от губских несколько меньшими их размерами и большей удлиненностью. Лучше представ-

лено среди них и черно-смолистое сырье, небольшие размеры которого влияли, видимо, на параметры сколов. В целом, основная часть сколов не выходит за рамки обычных мустьерских стандартов и напоминает многие, найденные в пещерах Губского ущелья. Немалая часть сколов, собранных и на Губсе и его притоках, может быть определена как вероятные сколы подправки поверхности ядрищ (поперечная огранка, заломы на негативах спинки, срезание боковой грани нуклеуса) — до 18 % в новой коллекции с Губса, что наряду с обилием краевых и полукраевых (с коркой) свидетельствует о значительной представленности здесь отходов.

4. Состав орудий весьма разнообразен, но выделение их требует все же известной осторожности из-за частой сильной побитости краев изделий. Не перечисляя вновь все выделенные типы, отмечу наиболее важные моменты. Во-первых, бросаются в глаза различия заготовок, среди которых есть как небольшие уплощенные отщепы, так и массивные крупные сколы. Во-вторых, налицо случаи более позднего, судя по разнородной патине, частичного переоформления или подправки орудий. Сопоставление с индустриями губских пещер показывает близкое сходство отдельных форм [Аутлев, Любин, 1994]. На мой взгляд, это прежде всего угловатые и брюшковые скребла, выделение анкошами шипов у зубчатых. Однако в пещерном мустье Губса нет аналогов грубо оббитым скреблам на массивных крупных отщепах, зубчато-клювовидным изделиям высокой формы, массивным лимасам и некоторым из плоских листовидных бифасов. Двусторонняя обработка отмечается в Монашеской пещере и — в еще большей степени — в Баракаевской, но там нет крупных листовидных орудий или бифасов с субпараллельными лезвийными краями. С другой стороны, можно усмотреть сходство между упомянутым выше сегментовидным бифасом из сборов 1961 г. и подобной формой из Баракаевской (рис. 75, 17). Фрагмент бифаса с субпараллельными краями напоминает некоторые из листовидных бифасов из других сборов П. У. Аутлева (р. Курджипс и Псефир).

5. Губское русловое местонахождение фактически представляет собой совокупность разрозненных, переотложенных изделий из разрушенных стоянок или, скорее, мастерских, существовавших в низовьях Губса на протяжении довольно длительного времени — очевидно, от ашеля до верхнего палеолита. К ашелю относятся, вероятно, упомянутые крупные массивные сколы, орудия, оформленные грубой оббивкой, фрагмент крупного бифаса. О верхнем палеолите позволяют говорить не только призматические ядрища и пластины, отчасти присущие, судя по коллекциям из пещер, и мустье Губса, но и такое, например, изделие, как скребок с боковой выемкой в основании, что находит аналогии во 2-м верхнепалеолитическом слое Губского навеса № 1 [Аутлев,

Любин, 1994]. Наибольшую активность тут все же проявляли, видимо, мустьерские обитатели долины Губса, чьи основные стоянки располагались в пещерах ущелья. На это указывает ряд аналогий как в технике расщепления, так и в характеристиках орудий. Находки, приуроченные к упомянутым притокам Губса, могут быть охарактеризованы сходным образом, хотя там, как кажется, несколько меньше изделий с архаичными признаками и больше форм верхнепалеолитического облика. Во все времена людей в низовья Губса, конечно, в первую очередь привлекало сырье, которое добывалось в местах скальных выходов и обнажений (желваки, конкреции) или, как и сейчас, собиралось в русле реки (валуны). Большое разнообразие типов сырья (форма, размеры, цвет, фактура и т. п.) наряду с определенной неравномерностью в представленности этих типов на различных участках сборов говорит, видимо, об относительном разбросе его источников и/или разбросанности пунктов расщепления. Поиски вероятных остатков самих этих пунктов на высоких террасах Губса и Ходзи остаются пока задачей на будущее.

7.3. Борисовское местонахождение

Борисовское местонахождение открыто в 1975 г. молдавским археологом И. А. Борзияком, который участвовал в экспедиции под руководством В. П. Любина, приступившего в тот год к стационарным раскопкам Монашеской пещеры [Любин и др., 1976]. Внимание привлекли кремневые изделия, что довольно часто попадались на участке дороги, проходящей по дну каньона, и в осыпи 10-метровой террасы непосредственно под Монашеской пещерой (рис. 6А). Источник изделий был вполне очевиден, и зачистка почти отвесного края террасы, частично срезанной дорожной выемкой, подтвердила наличие здесь богатого мустьерского памятника. Предварительный анализ добытого материала позволил предположить его принадлежность к той же культурной традиции, что и индустрия Монашеской пещеры [Любин и др., 1976]. В последующие годы исследований Монашеской и Баракаевской пещер (всего 9 полевых сезонов) параллельно пополнялась и коллекция Борисовского местонахождения. Из-за сосредоточения сил на раскопках пещерных стоянок это делалось, главным образом, путем сборов находок на дороге и в осыпи. Иногда «освежался» немного и сам борт террасы (1981, 1987).

Изобилие (более 13 тысяч) и локальная концентрация изделий (участок протяженностью порядка 15 м) побуждали заняться вопросом о природе этого памятника. Как уже отмечалось (см. гл. 1), геоморфолог С. А. Несмеянов на основании своей схемы возрастного расчленения рельефа ущелья склонен считать материалы Борисовского переотложенными с более высоких уровней, хотя и под-

черкивает при этом малую дальность переноса [Несмеянов, 1994]. По мнению же В. П. Любина, компактное залегание находок и присутствие всех компонентов инвентаря заставляют усомниться в переотложенности памятника [Аутлев, Любин, 1994], который в таком случае правильнее было бы называть стоянкой, а не местонахождением. Очевидно, что для полного прояснения вопроса необходимы раскопки этого пункта, которые, учитывая первоочередность и трудоемкость работ на пещерных стоянках, здесь организовать так и не удалось. Пришлось ограничиться полумерой — более обширными зачистками, где предполагалось выяснить возможность стратиграфического расчленения верхней части террасы и распределение находок в этой толще по вертикали. Первая такая попытка была предпринята в 1988 г.

Зачистка шириной в 2,5 м была доведена до глубины около 2,6—2,7 м от поверхности террасы и прекращена из-за выступившей здесь в разрезе крупной известняковой глыбы (рис. 80). Никакие литологические уровни в этой толще однородного, насыщенного обломочником желто-серого суглинка обнаружить не удалось, зато на разрезе выявилась субгоризонтальная уложенность щебня и более крупных обломков известняка, а также большее их количество в нижней части зачистки. Кремни (около 2 тыс.) встречались вплоть до максимальной глубины, но основная масса их отмечена в средней части разреза. Пробная промывка образцов суглинка, взятых из трех условных горизонтов (верхний, средний и нижний), принесла только чешуйки. Кости грызунов совершенно отсутствовали, но удалось собрать несколько обломков трубчатых и зубов бизона (определение Г. Ф. Барышникова).

Второй раз небольшие работы на Борисовском производились в 1991 г. На этот раз зачистка имела вид полушурфа, врезавшегося в край террасы рядом с предыдущей зачисткой на глубину от 0,5 в верхней части до 1,5 в нижней. Высота зачистки (т. е. глубина от поверхности) составила 4,3 м, ширина — 1,5 м. Дальнейшему углублению шурфа по вертикали вновь помешали крупные глыбы, что предполагает наличие здесь мощного обвального уровня. На разрезе, зафиксированном по тыльной стенке полушурфа (рис. 81), опять прослеживается субгоризонтальная уложенность обломочника, не совпадающая с современным уклоном поверхности террасы. Какие-либо литологические подразделения так и не были выявлены, несмотря на значительную глубину внедрения в тело террасы. Выяснение распределения находок по вертикали на этот раз не ограничилось только полевыми наблюдениями. Шурф углублялся 20 условными горизонтами примерно по 0,2 м каждый. В соответствии с этими горизонтами отбирался и шифровался весь найденный материал, что, конечно, позволяло лучше исследовать его динамику.

В связи с этим я подробно остановлюсь именно на коллекции 1991 г. Прочие коллекции, в составе которых многие тысячи находок, представляют собой подъемный или нефиксированный материал старых сборов и зачисток и не должны а priori рассматриваться как единый комплекс. Анализируя данную коллекцию, я не буду, однако, применять здесь статистическую обработку, использованную выше для анализа индустрии Монашеской, т. к. разделение на горизонты было, во-первых, совершенно произвольным и, во-вторых, число находок во многих из них (особенно в самых верхних и самых нижних) было недостаточно велико. Итак, я приведу только некоторые цифры, касающиеся этой коллекции, а к прочим материалам буду обращаться только в связи с отдельными аспектами или характерными формами изделий. Условность границ между горизонтами и стремление четче проследить предполагаемую динамику обусловили и другое решение. Для сравнения по общему составу находок были выбраны лишь 5 уровней из 20 — горизонты 3, 7, 12, 16 и 19 (табл. 17). Предполагалось, что такой подход поможет резче выявить предполагаемые контрасты, если бы таковые имелись. Орудийный же набор рассматривался безо всякого изъятия по всем 20 горизонтам.

Данная таблица показывает распределение находок по пяти выбранным горизонтам. Она подтверждает, во-первых, сделанное ранее наблюдение о сосредоточении находок преимущественно в пределах средней части вскрытой толщи. Среди изделий, как и в пещерах, и даже в несколько большей степени, доминируют мелкие отщепы. Судя по статистически представительным уровням (горизонты 7 и 12), процент нуклеусов и орудий здесь выше, нежели в пещерных стоянках, зато крайне скудно представлены сколы-заготовки.

Распределение орудий, прослеженное по всем уровням, тоже показывает самые большие значения в средней части шурфа. Конечно, статистически эту динамику оценить трудно, поскольку в 20 условных горизонтах найдено всего лишь 228 орудий. Однако резкий скачок их числа в горизонтах 5—13, т. е. примерно в пределах глубины 0,8—2,6 м от современной поверхности, все же заметен. В этих уровнях встречено от 17 до 30 орудий, а в выше- и нижележащих — от 0 до 9. Сходная картина распределения находок отмечалась и в 1988 г., причем именно в средней части толщи найдены и немногочисленные чешуйки, собранные при пробной промывке. Количество орудий в каждом из условных горизонтов, как отмечалось, недостаточно для уверенных суждений о распределении типов орудий. Возможно отметить, однако, определенное смещение максимума зубчатых и клювовидных в сторону верхов (горизонты 5—8), а двойных, конвергентных и угловатых скребел — скорее к низам (горизонты 9—13). Простые боковые скребла занимают как бы

Рис. 80. Борисовская стоянка. Зачистка 1988 г. Разрез отложений:

1 — гумусный слой; 2 — крупные глыбы; 3 — камни и щебень; 4 — кремневые изделия in situ; 5 — нивелировочные отметки

Fig. 80. Site of Borisovskaya. Excavated zone of 1988. Cross-section:

1 — humic layer; 2 — limestone blocks; 3 — limestone rubble; 4 — flint artifacts in situ; 5 — levelling marks

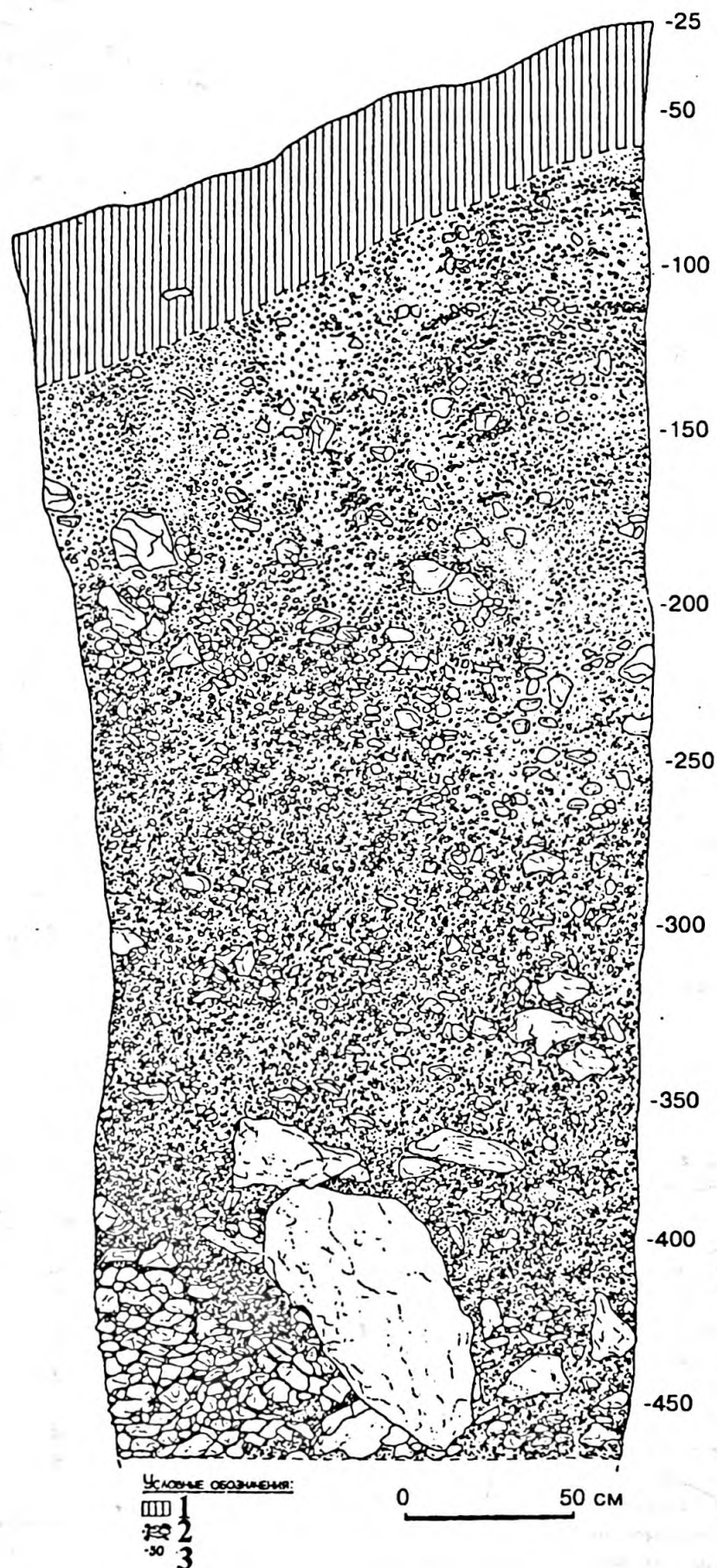

Рис. 81. Борисовская стоянка. Зачистка 1991 г. Разрез отложений:
1 — гумусный слой; 2 — камни и щебень; 3 — нивелировочные отметки

Fig. 81. Site of Borisovskaya. Excavated zone of 1991. Cross — section:
1 — humic layer; 2 — limestone rubble; 3 — levelling marks

промежуточное положение — пик в горизонтах 7—11. Будущие исследования, видимо, помогут проверить правильность всех этих наблюдений. Особенно же важно подчеркнуть сейчас, что большинство типов распространены по всей толще и что как варианты форм, так и особенности вто-

ричной обработки (например, прием ядришного утончения — рис. 82, 7, 8, 9; 83, 1, 9, 10, 12, 13) повторяются здесь от уровня к уровню. Иначе говоря, несомненно единство индустрии, изменчивость которой, видимо, не столь велика, чтобы ее нельзя было охарактеризовать суммарно.

Таблица 17

Изменения в составе изделий Борисовского местонахождения

Типы изделий	Гор. 3	Гор. 7	Гор. 12	Гор. 16	Гор. 19
Нуклеусы	1/1,4 %	27/3,8 %	24/7,4 %	—	1/2,5 %
Отщепы-заготовки	3/4,2 %	25/3,5 %	30/9,2 %	20/24,4 %	6/14,6 %
Мелкие отщепы	65/90,3 %	623/87,5 %	248/76,1 %	62/75,6 %	29/70,7 %
Пластины	—	4/0,6 %	1/0,3 %	—	2/4,9 %
Пластинки	—	5/0,7 %	3/0,9 %	—	—
Орудия	3/4,2 %	30/4,2 %	20/6,1 %	—	3/7,3 %
Всего	72/100 %	714/100 %	326/100 %	82/100 %	41/100 %

Данный вывод существен, поскольку он обосновывает привлечение к этому анализу и других материалов Борисовского. Коллекции эти являются, по существу, подъемными и потому вызвали ранее некоторые подозрения по поводу их однородности. Теперь можно с полной уверенностью подтвердить первоначальное мнение об однокультурности всего инвентаря Борисовского [Любин и др., 1976] и о наличии в нем всех компонентов цельного мустьерского комплекса [Аутлев, Любин, 1994]. Конечно, на состав подобных коллекций может влиять неравномерность разрушения памятника или неполнота сборов, однако объем их, составляющий много тысяч, позволяет рассчитывать на получение достаточно объективного представления об облике индустрии.

В целом эти характеристики, опирающиеся на анализ коллекции 1991 г. и знакомство с материалами предшествующих сборов, таковы:

1. Кремьень, использовавшийся для различных групп изделий, варьирует по качеству, цвету и размерам. Установление его типа несколько затруднено интенсивной молочно-голубоватой патиной на большинстве предметов, однако состав сырья в общем аналогичен таковому в Монашеской пещере, т. е. явно преобладает местный кремьень — наряду с определенным процентом приносного. Несомненна более значительная доля импортного сырья среди орудий, нежели среди сколов. Существует избирательность в отношении более качественного приносного кремьеня и при изготовлении орудий разного назначения. В коллекции 1991 г. среди боковых скребел импорт, например, составил 22,7 %, а среди выемчатых орудий — только 8,6 %. Редкие ядрища из «цветного» внеушельного сырья, как правило, миниатюрны

и, как правило, являются реутилизированными отщепами.

2. Расщепление было весьма интенсивным, о чем свидетельствуют очень мелкие размеры (до 3 см) большинства ядрищ (от 30 % в горизонте 12 до 80 % в горизонте 7) (рис. 82, 4—6), огромный процент мелких сколов (табл. 17) и малагабаритность основной массы орудий и сколов-заготовок. У боковых скребел (66 экз.), например, длину в 5 см, судя по целым изделиям и их фрагментам, превышали вряд ли более 5—6 орудий, т. е. никак не более 10 %. Господствует одноплощадочное скалывание, хотя среди миниатюрных нуклеусов нередко можно встретить и более сложные варианты: поперечно-продольное, двухплощадочное встречное, порой подлинно радиальное. Имеются и нуклеусы с тенденцией к сильной выпуклости поверхности скалывания — вплоть до подпризматических, но процент их явно меньше, чем в Монашеской пещере. К настоящим призматическим — небольшим, в настоящем своем виде указывающим на снятие с них пластинок или даже микропластинок, за все эти годы было отнесено лишь три ядрища. Пластины всех размеров вообще встречаются здесь реже, чем в пещере. Использование их в качестве заготовок орудий отмечено в единичных случаях: даже среди простых боковых скребел коллекции 1991 г. пластины-заготовки составляли менее 7 %. Преобладание гладких площадок здесь много заметнее, нежели в Монашеской, фасетированные же крайне редки. Чрезвычайно трудно найти в Борисовском и сколы, приближающиеся к леваллуазским, — таких практически нет. Как и в Монашеской и в других стоянках ущелья, многие сколы имеют грани-обушки,

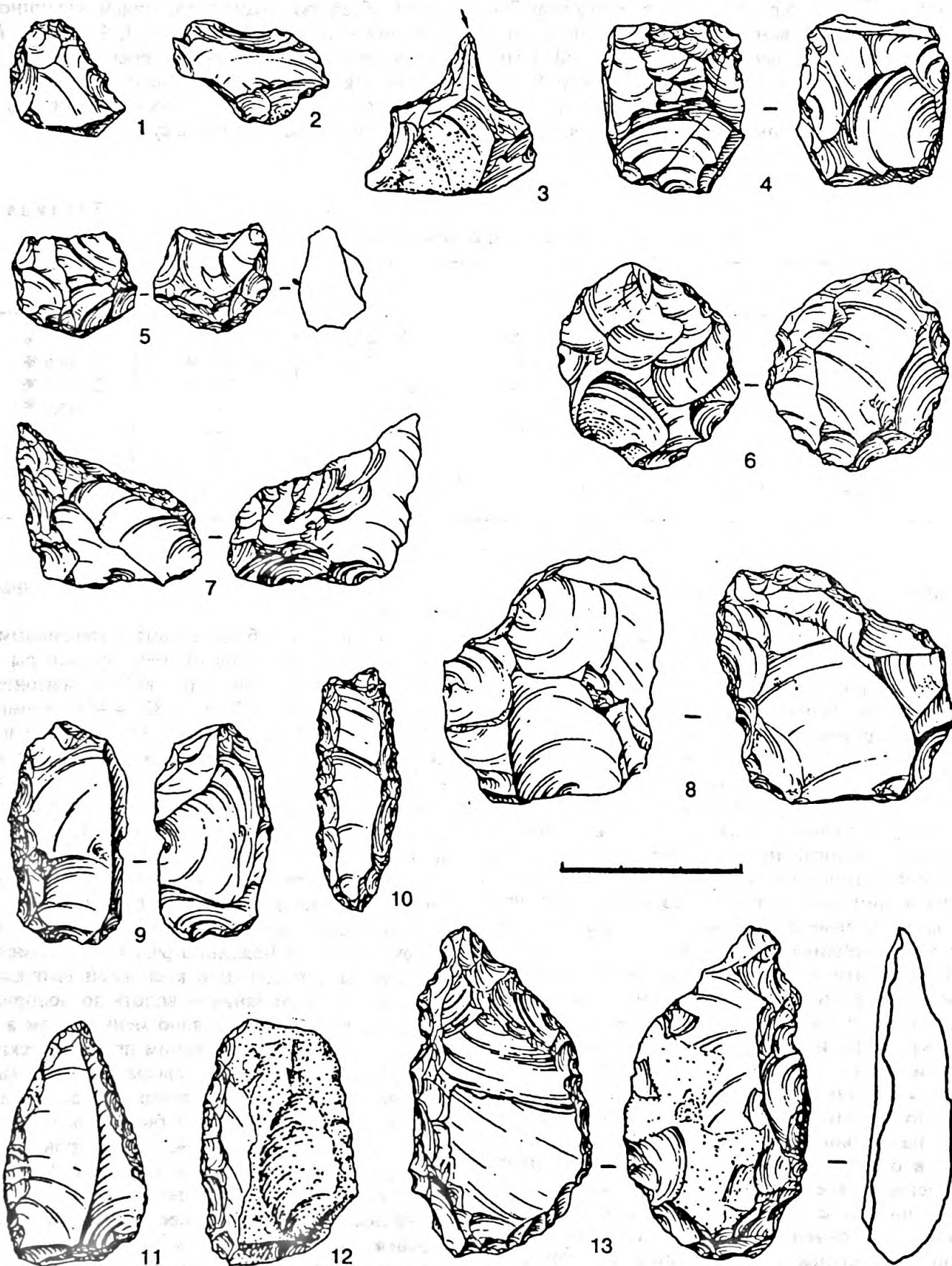

Рис. 82. Борисовская стоянка:

1-3, 7-13 — орудия; 4-6 — нуклеусы

Fig. 82. Site of Borisovskaya:

1-3, 7-13 — stone tools; 4-6 — cores

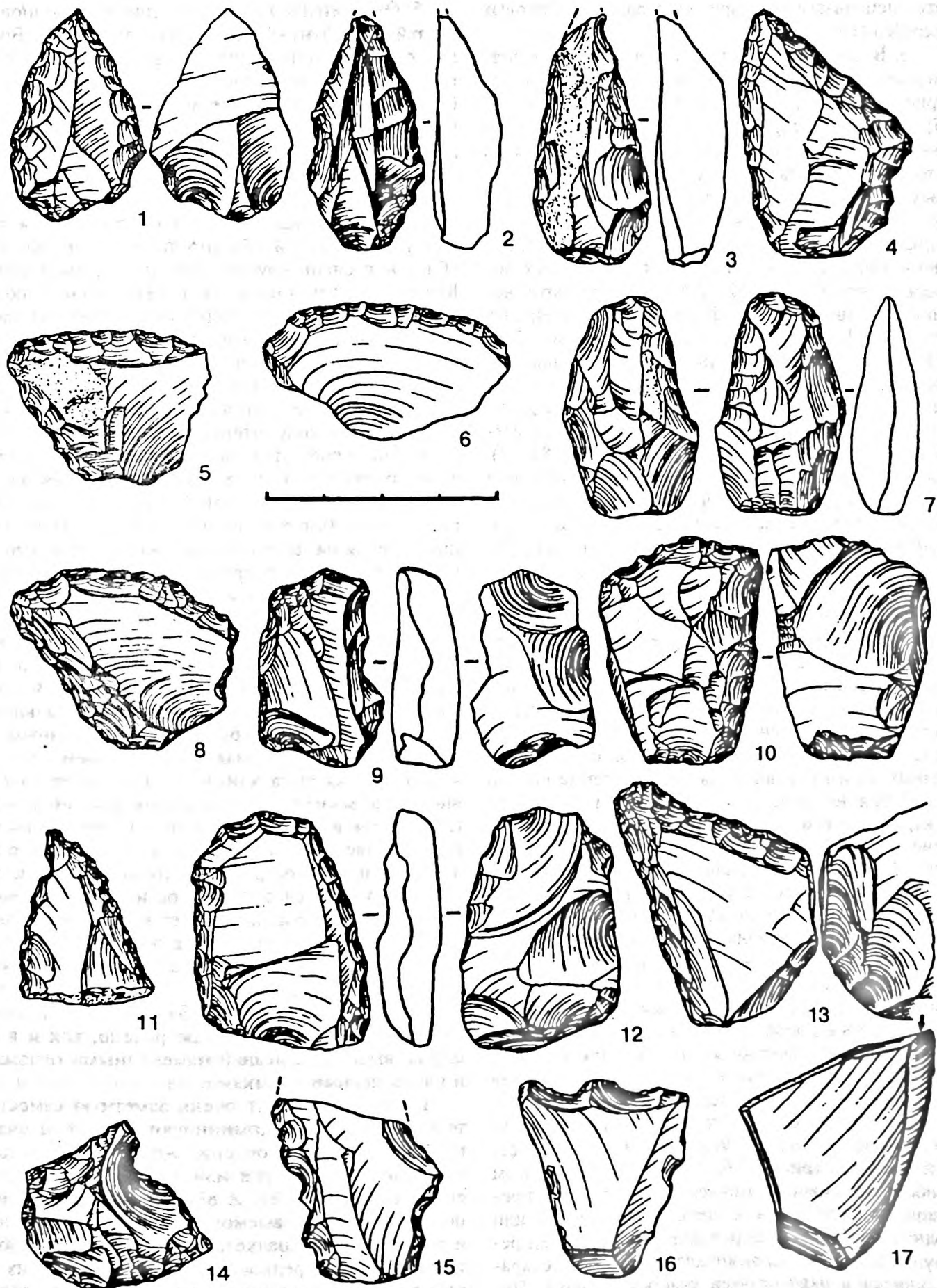

Рис. 83. Борисовская стоянка. Орудия
 Fig. 83. Site of Borisovskaya. Stone tools

что использовалось при изготовлении боковых скребел (рис. 82, 12).

3. В составе орудий наиболее заметную роль играют скребла и группы зубчато-выемчатых (рис. 82, 2; 83, 14, 15, 16) и клвовидных (рис. 82, 3; 83, 11). Все скребла в сумме составляют около 50 % определяемых орудий из коллекции 1991 г., а вторая упомянутая группа — 33,3 %. Среди первых преобладают однолезвийные боковые (рис. 82, 9, 12) — 64,1 % от всех скребел. Поперечные скребла (рис. 83, 6), как и в пещерных стоянках, немногочисленны — 2,4 %. Доля же двойных боковых скребел (рис. 82, 10) в Борисовском немного выше — 6,3 %. Процент конвергентных (рис. 83, 2, 3) и угловатых скребел (рис. 82, 7, 8; 83, 4, 5, 8, 10, 13) несколько уступает таковому в Монашеской (кроме горизонта 1 слоя 3А) и в других губских пещерных стоянках — 9,2 %. Крайне редки в Борисовском в отличие от последних остроконечники — лишь 1,5 % (рис. 82, 11; 83, 1). Скребки же, напротив, дают здесь самый большой процент из всех памятников — 12 % (рис. 82, 1; 83, 9, 12). Резцы встречаются редко: в коллекции 1991 г. найдено только 2 таких орудия (рис. 83, 17).

4. Наиболее характерными приемами во вторичной обработке являются приемы ядрищного утончения (14 % всех орудий) и оформление искусственных обушков (усечение, крутая ретушь, анкоши). Утончение более распространено среди боковых скребел — как продольное (с площадок, создаваемых на одном или обоих концах), так и поперечное. Последнее чаще делалось от обушка, (рис. 82, 9). Встречаются и случаи совмещения разных вариантов, включая расположение сколов утончения на лицевой и брюшковой поверхностях, что особенно характерно для скребков (рис. 83, 9, 12) и угловатых скребел (рис. 82, 8; 83, 10). Площадками служили обломы-обушки, специально оформленные площадки и сами лезвия. Утончение иногда было столь активным, что оно сильно меняло первоначальный вид орудия, не позволяя даже оценить направление оси скалывания заготовки или ее ограничение. В распространении этого приема могла сказаться, на мой взгляд, потребность в дополнительной аккомодации мелкогабаритных и неудобных для захвата изделий. Утончение же от лезвия служило, видимо, скорее для подживления лезвия или его переоформления. Очень часто в коллекциях Борисовской встречаются, например, сколы утончения брюшка с лезвий скребков (рис. 83, 9, 12). Конечным итогом особо интенсивного утончения могло стать превращение орудия на отщепе в частичный или полный бифас. «Выдает» такое превращение преимущественно плосковыпуклая отделка и сохраняющиеся в ряде случаев участки брюшка. Подобный плосковыпуклый бифас был найден в 1979 г. (рис. 83, 7). Имеются и частично двусторонние формы с различной степенью такой обработки (рис. 82, 13).

5. Относительно морфологических разновидностей орудий нужно отметить следующее. Боковые скребла очень вариабельны по очертаниям и размерам заготовок, среди них преобладают слабовыпуклые, но довольно много также прямых и вогнутых. Смещение в сторону последних в определенной мере может быть вызвано сильной сработанностью лезвий, на что указывает и характер их кромок — часто мелкозубчатых, волнистых или смятых, с повреждениями. Угол заострения лезвий у этих орудий обычно полукрутой, но есть образцы с очень крутым, почти отвесным краем. Как отмечалось, бросается в глаза обилие обушков — они имеются у более чем половины таких скребел. В числе однолезвийных скребел помимо достаточно редких поперечных имеются также переходные к последним от боковых диагональные, которые присутствуют и в пещерных коллекциях. Здесь они учтены среди боковых.

Очень любопытна характерная разновидность двойных скребел (рис. 82, 10), находящая аналогию в «tools» Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994, рис. 1—3, 6] (см. также гл. 6). Это узкие массивные изделия на пластинчатых сколах, для которых можно предположить срезание ретушью части первоначальной их ширины, т. е. пресловутую редукцию (см. гл. 5). Угловатые скребла здесь представлены теми же вариантами, что и в пещерах: трапециевидные или ябрудского типа (рис. 83, 5, 10), *incurvés*, или горбовидные (рис. 82, 8; 83, 8), в виде низких прямоугольных треугольников (рис. 82, 7), с прямым боковым и скошенным поперечным (или диагональным) лезвием (рис. 83, 4, 13), орудия типа хай-лодж. Обращает на себя внимание мизерное количество *pointes déjetées* (2 предмета в коллекции 1991 г.), что очень хорошо согласуется, на мой взгляд (см. гл. 5), с малочисленностью остроконечников. Скребки, как правило, имеют слабовыпуклое или почти прямое лезвие, ретушь порой заходит на их продольные края. Брюшковое утончение или подправка их лезвий (рис. 83, 9, 12) находит аналогии в коллекциях как Монашеской (см.: [Любин, 1977, рис. 47, 16; 48, 14]), так и Баракаевской [Любин, Аутлев, 1994, рис. 39, 15]. Встречено, как и в пещерах, выделение лезвий намеренными обломами и клектонскими выемками.

Последние играют очень заметную самостоятельную роль и доминируют среди зубчато-выемчатой группы орудий. Абсолютно преобладают крупные пологие или полукрутые клектонские анкоши (рис. 82, 2; 83, 14). Заготовки и расположение на них выемок разнообразны, включая и анкоши на площадке скола. Регулярные зубчатые попадаются редко, но очевидны такие их варианты, когда зубчатый край является скорее прямым и пологим, образованным выемчатой ретушью (*creuse*) (рис. 83, 15) или же когда он выпуклый, полукрутой и приближающийся по характеру ретуши к *surelevée*. Найден и обломок

зубчатого остря, принадлежавшего, скорее всего, тейкскому остроконечнику. Очень распространена и зубчатая, типа *grignotée*, ретушь утилизации лезвий орудий и сколов. Интересен набор клювовидных орудий, включающий и массивные остря-проколки (рис. 82, 3; 83, 11), и боковые подтреугольной формы выступы, оформленные ретушью (подобие «боковых острий», см. гл. 5), и выделенные анкошами режущие кромки (рис. 83, 15), и шипы. Особо отмечу несомненные *bes-grattoirs* и *becs burinants alternes*.

Вывод, который можно сделать из этого, пусть немного беглого анализа, представляется очевидным: чрезвычайная близость материалов Борисовского к индустриям как Монашеской, так и Баракаевской, но при определенном своеобразии первых. С Баракаевской Борисовское роднит, в первую очередь, особая малогабаритность изделий, очень интенсивное тут и там использование приемов утончения и их типы, отдельные разновидности угловатых скребел, характерные типы двойных («*rods*») и небольших, но массивных конвергентных (рис. 83, 2, 3) скребел, роль и набор выемчато-зубчатых и клювовидных. Основные отличия состоят в редкости пластин и намного меньшем присутствии в Борисовском ряда конвергентно-лезвийных форм — остроконечников и близких к ним *pointes déjetées*. Следует, правда, упомянуть, что самый нижний (4-й) горизонт Баракаевской, содержащий около трети всех выемчатых, не дал ни единого остроконечника.

Отличия Борисовского от Монашеской казались весьма заметными вплоть до последних раскопок, внесших коррективы в представления об индустрии этой пещеры. Конечно, и сейчас Борисовское отличается малым количеством пластин и отсутствием крупных уплощенных сколов, которые сопоставляются с леваллуазскими, а также намного худшими показателями подправки площадок. Несомненно и значительно большее развитие в Борисовском утончений и более выраженная «обушковая». Самые, однако, яркие различия, которые виделись в несоответствии габаритов основной массы инвентаря, нехарактерности для Монашеской миниатюрных нуклеусов, выемчатых и клювовидных орудий, почти стерлись после открытия там в 1990 г. линзовидного горизонта 3а. В нем, а также отчасти в подстилающем уровне эта индустрия и продемонстрировала тот «дрейф», который окончательно снял все сомнения по поводу сходства ее с Баракаевской и взаимоотношений с Борисовским. Глубокое единство всех этих трех индустрий представляется неопровержимым, и можно с уверенностью подтвердить первоначальное, но не нашедшее своего развития мнение В. П. Любина о принадлежности Борисовского к губской культуре [Любин и др., 1976].

Поддержу я и другое упомянутое уже суждение В. П. Любина, которым он полемизирует с С. А. Несмеяновым [1994], выражая сомнения в

переотложении материалов Борисовской и идентификации их с выбросом из Монашеской пещеры [Аутлев, Любин, 1994]. В качестве дополнительных аргументов, во-первых, можно выдвинуть отсутствие большей относительно коллекций из Монашеской побитости изделий Борисовского или их сильной окатанности. Это весьма показательно, поскольку склоны ущелья здесь чрезвычайно насыщены или даже буквально бронированы известняковыми блоками, попавшими туда в результате постоянного обрушения и отступления стен. «Скольжение» целого пласта слоя в таких условиях кажется маловероятным, а снос отдельных предметов должен был бы отразиться на их сохранности. Удовлетворительное состояние остатков бизона, найденных на стоянке, также противоречит версии С. А. Несмеянова. Обратим внимание и на вертикальное размещение находок, свидетельствующее о неравномерности его накопления и отдельных различиях между уровнями. Кроме неравномерного распределения конвергентно-лезвийных и зубчато-выемчатых форм наблюдается как будто и не подтвержденное еще расчетами некоторое изменение снизу вверх средних размеров изделий. Наконец, в Борисовской террасе абсолютно отсутствует верхнепалеолитическая индустрия, слои с которой должны были бы составить значительную часть выброса из Монашеской (см. гл. 3). Помимо того, по составу и габаритам коллекция Борисовского более близка, как отмечалось, горизонту 3а, а не слою 2, верхи которого были срезаны при позднейшем благоустройстве пещеры в исторические времена.

Таким образом, правильное, на мой взгляд, трактовать этот памятник в качестве самостоятельной стоянки — хотя и частично разрушенной. Как время ее существования соотносится с обитанием на других стоянках, судить сложно, несмотря на переключку с названным горизонтом слоя 3А Монашеской. Черты, которые сближают Борисовское именно с этим уровнем, по моему мнению, не являются хронологическим показателем.

Ключ к трактовке материалов Борисовской стоянки лежит, на мой взгляд, в объяснении своеобразия инвентаря линзы 3а внутри индустрии Монашеской пещеры. Как обосновывается в гл. 5, планиграфическая изменчивость отразила, во-первых, повышенную интенсивность обитания на данном участке (резкий рост числа и концентрации находок, более интенсивная утилизация сырья и самих изделий), а также явление фаціальности. Под этим понимается явление «...фракционирования материала (выпадение тех или иных групп изделий, некоторых типов орудий) или аномального возрастания объема ряда групп и орудий», что, по мнению автора этой цитаты, может быть «...фиксатором различных проявлений социально-экономической жизни мустьерских людей, свидетельством их многообразных занятий вне базовых стоябищ» [Любин, 1977, с. 192]. Пример лин-

зы За Монашеской, где индустрия демонстрирует неожиданный скачок количества выемчато-зубчатых, наглядно показывает, что подобное может иметь место и в пределах одной стоянки. Причина кажется достаточно очевидной: специализация хозяйственной деятельности, связанной с какими-то видами деревообработки (судя по существующим представлениям о функции анкошей [Bordes, 1961; Щелинский, 1975; Veugies, 1988]). В Борисовской можно предполагать сходное явление, но уже на отдельном пункте. С одной стороны, здесь мало остроконечных конвергентнолезвийных орудий, редки пластины и нет крупных уплощенных отщепов с лезвийными краями. С другой — наличие обилие и разнообразие выемчато-зубчатых форм, клювовидных орудий, скребков и простых скребел с заметно сработанными лезвиями, указывающих на работу по довольно твердому материалу — видимо, также дереву. Возможно, что с такой специализацией связано и большое распространение случаев подживления и переоформления лезвий скребков и скребел. Твердость основного обрабатываемого материала, требовавшего приложения к орудию постоянного усилия, могла способствовать также и популярности обушков. Деревообработка еще ранее была отмечена по данным трасологического анализа как один из

самых распространенных видов занятий обитателей Монашеской [Щелинский, 1975; 1992]. Допустимо предположить, что люди могли спускаться к берегу Губса для какой-то более интенсивной или грубой деревообработки. Разумеется, на Борисовской наверняка велись и иные виды работ (обработка кости, шкур и т. п.), но специфический набор и облик инвентаря, а также незначительное присутствие костей заставляют ставить на первое место все-таки обработку дерева.

Несомненно также, что на Борисовской происходило еще и интенсивное первичное расщепление, о чем говорит даже большая, чем в Монашеской, доля нуклеусов и сколов и их размеры. В то же время, изобилие здесь, как и в горизонте 1 слоя 3А (линза 3а) миниатюрных ядрищ остается определенной загадкой. Для чего нужно было доводить нуклеусы до размера менее 3 см при том, что соответствующие сколы никак не проявляют себя в орудиях, непонятно. Решение данной проблемы потребует, очевидно, специального технологического анализа всего контекста губских индустрий и, может быть, также изменения традиционного подхода к оценке технических достижений и организации хозяйственной жизни неандертальских людей (составные орудия? обучение мастерству? или..?).

Глава 8

ГУБСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМА МУСТЬЕРСКОЙ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ

На основании анализа материалов среднепалеолитических памятников бассейна Губса, который приведен в предшествующих главах, был сделан общий вывод о правомерности выделения здесь особой губской мустьерской культуры [Любин, 1971; 1977; Любин, Аутлев, 1994]. Помимо Монашеской, Губского навеса № 1 и Баракаевской, в эту группировку следует непременно включать, на мой взгляд, и Борисовскую стоянку. Изделия, принадлежащие к этой же традиции, имеются, очевидно, также в Аутлевской пещере и в составе сборов на Губском русловом местонахождении в низовьях реки. Употребляя вслед за В. П. Любиным понятие «культура» для мустьерских индустрий Губского ущелья, я одновременно подчеркиваю наличие здесь и внутрикультурной вариабельности. Применение этих понятий требует, видимо, особого обоснования и вплотную подводит к актуальным для всего палеолитоведения проблемам описания и объяснения тех сходств и различий, которые наблюдаются при сопоставлении каменных индустрий.

Весь комплекс подобных вопросов в отношении эпохи мустье в последнее время очень широко дебатруется в зарубежной литературе, где его часто принято обозначать как проблему «мустьерской вариабельности» [Rolland, 1977; 1981; Dibble, 1983; 1984a; 1987b; 1988b; 1991b; 1995; Dibble, Rolland, 1992; Jelinek, 1988; Rolland, Dibble, 1990; Barton, 1988; 1990; Bar-Yosef, Meignen, 1992; Otte, 1992]. В отечественной литературе аналогичные вопросы обсуждались уже несколько десятилетий назад в рамках известной дискуссии о локальных различиях в палеолите и, в частности, в мустье [Замятнин, 1951; Формозов, 1958; 1959; 1973; Григорьев, 1968; 1972; Любин, 1969; 1970; 1972; Праслов, 1968; Анисюткин, 1971а, б; Ранов, 1972; Гладилин, 1974]. Понятие «вариабельность», однако, представляется более емким, т. к. оно подразумевает все аспекты сходства-различия и изменчивости индустрий без особого акцента на их пространственную локализацию. Моя цель состоит в том, чтобы вкратце рассмотреть современные взгляды на эту проблему и сопоставить их с наблюдениями, полученными в результате анализа

обширных конкретных материалов мустьерских стоянок Губского каньона.

Вопросы о характере и причинах вариабельности мустьерских индустрий, разумеется, в той или иной мере вставали перед исследователями с самых начальных этапов изучения этой эпохи. Не стоит, однако, глубоко вдаваться сейчас в историографию, тем более что современная зарубежная дискуссия по данной проблеме отталкивается прежде всего от «революционных» разработок Ф. Борда, выделяющихся также широтой и обстоятельной аргументацией [Dibble, Rolland, 1992]. Что особенно существенно, концепция Ф. Борда охватывает все уровни проблемы вариабельности, которые можно, согласно формулировке Н. Роллана [1981] условно подразделить на описательно-классификационные и интерпретационные. Обработка многочисленных мустьерских коллекций по специально созданной (при участии М. Бургона) методике [Bordes, 1950a; 1954; 1961a; 1967; Bordes, Bourgon, 1951], как известно, привела Ф. Борда — отчасти вопреки его собственным ожиданиям [Bordes, 1981] — к обоснованию существования во Франции нескольких дискретных вариантов мустье [Bordes, 1953; 1961b]. Было предложено и наиболее удовлетворительное, с точки зрения ее автора, объяснение полученной картины: культурный традиционализм изолированно существовавших коллективов. Таким образом, эти варианты были соотнесены с культурами [Bordes, 1961b]. Впоследствии Борд использовал («немного неосторожно», по его собственным словам [Bordes, 1981]), эти подразделения уже как классификационные единицы для описания мустье в других областях Европы и даже за ее пределами [Bordes, 1955; 1968]. В этом случае, конечно, речь шла уже не о культурах, а о принадлежности индустрий к определенным линиям развития. Однако и здесь Борд указывал на вероятность культурно-генетической, в первую очередь, подосновы такого группирования индустрий [Bordes, 1968]. По мере накопления материалов он также пришел к пониманию, что число выделенных им вариантов недостаточно даже для описания многообразия французского мустье [Bordes, 1981]. Однако как бы ни ко-

лебалась его позиция в отношении таксономии индустрий, Ф. Борд твердо отстаивал свое убеждение, что решающую роль в дифференциации мустье играли разные культурные традиции отдельных групп [Bordes, de Sonneville-Bordes, 1970, p. 64].

Любопытно, что эта так называемая «культурная гипотеза» сразу стала значительно более притягательным объектом для критики, нежели лежащие в основе бордовских взглядов его система вариантов мустье и аналитическая методика. Последняя продолжает широко использоваться, несмотря на все ее общеизвестные недостатки, и до сих пор не породила конкурентоспособной альтернативы. Первой контрверсией по поводу возможных причин мустьерской вариабельности была «функциональная гипотеза» Л. и С. Бинфордов [Binford, Binford, 1966], поддержанная Л. Фримэном [Freeman, 1966], где варианты мустье по Борду увязывались с разными типами сезонной и специализированной деятельности, отражавшейся в принципиальных изменениях орудийного набора. Она оказалась изначально недостаточно обоснованной и противоречащей многим фактам [Bordes, de Sonneville-Bordes, 1970; Mellars, 1970], что со временем становилось лишь все более очевидным [Dibble, Rolland, 1992; Otte, 1992; Mellars, 1995]. П. Мелларс попытался предложить гипотезу «диахронической эволюции», где варианты мустье не сосуществовали, а сменяли друг друга [Mellars, 1965; 1969]. Это, однако, плохо согласовывалось с фактическими данными [Bordes, de Sonneville-Bordes, 1970] и не объясняло природу различий как таковых [Dibble, Rolland, 1992]. Тем не менее лежащий в основе этих концепций скептицизм относительно культурной гипотезы оказался подхваченным и развитым другими современными зарубежными исследователями вариабельности (например: [Jelinek, 1988; Rolland, 1977; 1981; 1988; Rolland, Dibble, 1990; Dibble, 1983; 1984a; 1991b; Barton, 1988; 1990; Otte, 1992].

Принципиальные разногласия со взглядами Ф. Борда у ряда исследователей начинаются с отрицания намеренности и законченности большинства выделенных им типов. С легкой руки А. Желинека [Jelinek, 1976], который привлек общее внимание к роли «эффекта Фрайсона» (модификация орудий в процессе их утилизации [Frison, 1968]), значительная часть самостоятельных бордовских типов (почти все разновидности скребел, остроконечников, а также группа зубчато-выемчатых) стала теперь рассматриваться многими как отражение разных стадий постепенного преобразования или редукции простых орудийных форм в более сложные (А. Желинек, Х. Диббл, Н. Роллан, М. Бартон, Ст. Кун и др.). Законченный вид данной концепции придало создание Х. Дибблом двух основных схем редукционных последовательностей для группы скребел [Dibble, 1984a; 1987b; 1988a; 1995] и попытка измерения степени редукции [Dibble, 1987b; Kuhn, 1990]. Из дискретных и

намеренно создаваемых форм (end-product) эти типы превратились в как бы «моментальные снимки» непрерывной морфологической изменчивости. Поскольку же выделение вариантов мустье по Ф. Борду в большой мере связано как раз с соотношением этих форм, то такой подход закономерно повлек за собой скептическое отношение к правомерности дискретной модели вариабельности, которую теперь предлагается заменить континуумом [Rolland, 1988; Dibble, Rolland, 1992]. Главными факторами, влияющими на параметры заготовок и всю последующую модификацию изделий и, следовательно, определяющими при данном подходе вариабельность, признаются, в первую очередь, особенности сырьевой базы (качество, доступность, запасы и т. п.) и интенсивность утилизации сырья, обусловленная, в свою очередь, интенсивностью обитания, мобильностью и другими поведенческими аспектами. В совокупности все эти разнообразие и варьирующие факторы можно обозначить как адаптивно-экологические. Влияние культурной традиции и функциональной неоднородности памятников оценивается сторонниками такой концепции как незначительное или даже почти нераспознаваемое. В итоге мустье в целом рассматривается ими как единая, хотя и внутренне неоднородная культурная общность, где в качестве отвечающего реальности признается лишь обособление отдельных крупных регионов с индустриями наподобие атерийских или микока Средней и Центральной Европы. Последнее, однако, вновь объясняется скорее географической зональностью адаптаций, нежели культурно-генетическими причинами [Dibble, Rolland, 1992].

«Редукционная модель», претендующая на объяснение основных факторов вариабельности мустьерских индустрий, была поддержана в полной мере далеко не всеми исследователями. Так, на существенные противоречия с этой моделью фактических данных из левантийских стоянок указал А. Маркс [Marks, 1992]. Целый раздел, специально посвященный изложению и критическому разбору этой модели, можно найти в монографии П. Мелларса «The Neanderthal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe» [Mellars, 1995]. Автор ее не отрицает определенной роли редукции в объяснении общей вариабельности мустьерских индустрий, но доказывает на многих примерах, что в работах вышеназванных исследователей значение этого фактора сильно преувеличено и приводимые ими факты могут иметь более простое и правдоподобное объяснение. По мнению П. Мелларса, варианты мустье, обоснованные Ф. Бордом, есть все же отражение некой реальности, что подтверждают два независимых исследования по многомерному типологическому [Mellars, 1967; цит. по: Mellars, 1995] и технико-типологическому [Callow, Webb, 1977] анализу большого количества комплексов из Юго-

Западной Франции. При этом П. Мелларс вновь пытается найти аргументы в пользу диахронического существования таких вариантов, но, как кажется, не преуспевает. Что же касается самих причин варибельности, то они видятся ему как сложный набор разнообразных факторов. Главными среди них являются, согласно П. Мелларсу, следующие: 1) «социальная дистанция или социальная изоляция», которая способствовала образованию различных моделей технологического развития; 2) демографические флуктуации (имеются в виду изменения численности отдельных групп людей или их перемещения под влиянием экологических причин); 3) долговременная адаптация к окружающей среде обитания и 4) конвергенция определенных моделей технологического развития из-за ограниченности выбора технических решений (пример Кина и Ябрудьен).

Подытоживая свои рассуждения о характере варибельности, П. Мелларс отмечает три наиболее важных для ее понимания обстоятельства. Во-первых, это наличие четкой пространственной локализации разных вариантов мустье, во-вторых, наличие хронологически ограниченных индустрий и проявление их изменчивости во времени, в-третьих, наконец, наличие в ряде индустрий некоторого числа специфических типологических и технологических черт, не учитываемых бордовским методом. Автор признает, что никакого иного правдоподобного объяснения этому, кроме разных технологических традиций, поддерживавшихся благодаря «социальной дистанции» (т. е. изоляции), нет и в связи с этим в первый и, пожалуй, в последний раз осторожно говорит о проявлении «культурного» аспекта варибельности [Mellars, 1995, p. 342—355].

Этот вывод Мелларса, на мой взгляд, фактически перекликается с приведенным выше мнением Ф. Борда. Разница состоит в том, что П. Мелларс, во-первых, указывает этот аспект только после всех прочих и, во-вторых, крайне осторожно и неохотно использует термин «культурный». И в этом, пожалуй, главное, что объединяет большинство современных исследователей варибельности, хотя изначально их подходы порой разнятся. Например, далеко не все разделяют описанную выше концепцию условности типов. Недавно Х. Диббл [Dibble, 1995, p. 304] не без укоризны заметил, что перенос акцента с типологических штудий на детальное исследование технологических процессов [Geneste, 1985; 1989; Meignen, 1988; Perpere, 1989; Boeda, 1988; Turq, 1989; 1992]) отнюдь не привел европейских, а точнее, французских археологов к отказу от традиционных для преисториков Старого Света представлений. Они, как и Ф. Борд, продолжают видеть в большинстве изделий намеренно полученные конечные продукты или определенную стадию их производства. Процессуалистски окрашенная редуцированная гипотеза, где явно господ-

ствует текучесть форм и большая часть типов считается лишь эпизодом в жизни орудия, не снижала популярности у этой группы исследователей. Соответственно, типологическая характеристика комплексов по бордовскому методу и отношение их к тому или иному варианту мустье означает здесь не просто классификацию, но и признание реальной дифференциации индустрий. В то же время, ни о каких более дробных подразделениях, ни — тем более — об основной роли культурно-генетического фактора речи не идет, а о причинах варибельности если и говорится, то как о сложном феномене, где отражается совокупность множества факторов (сырье, экология, технический потенциал и т. д.). Социально-культурный аспект при этом хотя и не отрицается вовсе, но отодвигается на самый задний план (см., например: [Geneste, 1985]). Таким образом, от «культурной гипотезы» ныне отошли и наследники Ф. Борда.

Итак, несмотря на существенные расхождения и, порой, эволюцию взглядов исследователей, попытаюсь все же дать общую краткую характеристику главных современных тенденций в зарубежных разработках проблемы варибельности. Во-первых, на описательно-классификационном уровне обычно используется все та же бордовская методика — причем часто в самом классическом ее варианте (стандартный тип-лист, кумулятивные графики, индексы). Это дополняется другими статистическими выкладками по распределению отдельных признаков (метрические характеристики, распределение типов сырья и т. д.), а также более сложными видами математического анализа (кластер-анализ, факторный анализ и т. п.). Важным новшеством является опора на подробное изучение техники обработки камня, начиная от отдельных аспектов (использование сырьевой базы, параметры заготовок и т. п. [Tavoso, 1984; Meignen, 1988; Dibble, 1991; Gamble, 1992]) и кончая реконструкцией технологических цепочек [Geneste, 1985; 1989; Boeda, 1988; 1991; Turq, 1989; 1992 и др.]. На уровне интерпретации — независимо от признания реальности или условности подразделений мустье и их количества — общей чертой является восприятие мустьерской варибельности как феномена, определяемого сложным набором факторов, включающих экологическую адаптацию, влияние сырья, интенсивность обитания, демографические процессы, технические возможности и т. п. Что же касается факторов социально- или этнокультурных, то они либо почти начисто отрицаются, либо считаются одними из самых малозначимых и очень трудно распознаваемыми. Весьма скептическое отношение к возможности культурных проявлений в мустье, возможно, связано с представлением о резком отличии последнего от верхнего палеолита во всех аспектах (стандартизация форм, техника, домостроительство, искусство и т. п.) и, соответственно, о намного более

примитивных интеллекте, социальной организации и производственной деятельности неандертальцев [Mellars, 1995].

Вышеизложенные взгляды на вариабельность в мустье поразительно, как кажется, перекликаются во многом с мнениями С. Н. Замятнина и А. А. Формозова, которые стояли у истоков обсуждения подобных вопросов в отечественной литературе [Замятнин, 1951; Формозов, 1954; 1958; 1959]. Суть их воззрений сводится к признанию общего примитивизма и единства мустьерской культуры, определенное разнообразие внутри которой объясняется преимущественно адаптивными моментами (роль сырья, особенности хозяйства). Нельзя не заметить, правда, что взгляды А. А. Формозова были много менее категоричны и позднее претерпели некоторую эволюцию. Обратив вначале внимание лишь на дифференциацию индустрий по наличию в них двусторонне обработанных орудий [Формозов, 1954; 1958], позже он признал и существование «специфических производственных традиций у отдельных общин» [Формозов, 1973]. Однако А. А. Формозов так никогда и не согласился с возможностью выделения в мустье подразделений, подобных археологическим культурам.

Между тем в 60—70-х гг. в отечественном палеолитоведении утверждаются представления о дискретном и многоуровневом характере локальных различий в мустье, включая и выделение археологических культур (АК). К этому привели, очевидно, как накопление новых многообразных материалов и авторитет работ Ф. Борда, так и, возможно, свойственный отечественной науке социологический акцент. Некоторые специалисты в целом приняли типолого-статистический подход Ф. Борда к выявлению локальных различий, однако подвергли его модификации применительно к особенностям конкретных материалов и усовершенствованию [Любин 1965; 1977; Анисюткин, 1971б]. Полное неприятие такой методики продемонстрировал В. Н. Гладилин [1974; 1976], который противопоставил ей собственную описательно-классификационную схему, задуманную им более объективной и универсальной, но оказавшуюся довольно противоречивой и очень громоздкой. Статистический подход к выделению культурных вариантов был также весьма критически воспринят Н. Д. Прасловым и И. И. Коробковым, предлагавшими опираться прежде всего на сложные специфические типы или наиболее характерные морфологические особенности тех или иных индустрий [Праслов, 1965; 1968; Коробков, 1966; 1971]. В. А. Ранов же [1972], напротив, положительно оценив использование статистико-математических методов для выделения локальных вариантов, в то же время указал, что эффективность этого подхода во многом зависит от преодоления субъективизма классификационных критериев, унификации методик измерения и т. п.

Однако при всех расхождениях по поводу описательно-классификационных процедур абсолютное большинство отечественных исследователей, как отмечено ранее, исходили из дискретного и многоуровневого характера наблюдаемой в мустье вариабельности. Несколько обособляется, пожалуй, лишь позиция Н. Д. Праслова, который выразил сомнение в возможности повсеместного выделения АК, предлагая наряду с этой моделью рассматривать и вполне вероятный случай «культурной непрерывности» [Праслов, 1968]. Существенно также, что многими обращалось внимание на недостаточность бордовской методики для выявления локальных образований нижнего уровня (т. е. АК) и необходимость учитывать для этого все возможные показатели — типологию, технику расщепления и вторичную обработку [Любин, 1965; 1969; 1972; Анисюткин, 1971а, б; Гладилин, 1974]. На ряде примеров было показано, что бордовский метод, применяемый в традиционном его виде, дает возможность лишь для выявления наиболее ярких черт сходства или различия индустрий, которые позволяют относить их к тому или иному варианту, «линии развития» [Любин, 1969; 1972] или «пути развития» [Григорьев, 1972]. При локализации подобных сходных индустрий в пределах крупных территориальных единиц предлагалось использовать такие понятия, как «культурная зона или область» [Григорьев, 1972; Любин, 1972; Формозов, 1972].

На интерпретационном уровне преобладающим стало мнение, аналогичное «культурной гипотезе» Ф. Борда: за мустьерскими культурами стоят некие «общины» [Любин, 1969], «культурно-исторические общности» [Гладилин, 1974], «этно-социальные организмы» [Любин, 1977], «общины» или даже «предплемена» [Григорьев, 1965; 1972]. В то же время указывалось и на определенное, хотя и менее значимое по сравнению с культурными традициями влияние таких факторов, как природная обстановка и ресурсы, сырье, специализация стоянок, миграционные процессы и т. п. [Любин, 1972]. Преимущественно функциональное толкование вариабельности защищал лишь И. И. Коробков, пришедший к этому, как кажется, независимо от Бинфордов и, скорее всего, в развитие взглядов С. Н. Замятнина. Следует отметить также и высказывания В. А. Ранова [1972], который не склонен заранее отдавать предпочтение тому или иному фактору, полагая, что значения их менялись в зависимости от конкретных обстоятельств.

В последующие годы, как кажется, дискуссия по проблеме вариабельности в отечественной литературе потеряла прежнюю остроту или перешла в скрытую форму, когда авторы если и высказывались на эту тему, то без развернутого обоснования и полемики с оппонентами. По этой причине оценить сегодняшний расклад мнений в полной мере, по-видимому, невозможно. Отмечу все же, что В. П. Любин, например, продолжает отстаивать

вать как возможность выделения АК в мустье на основе подробного анализа всех аспектов индустрии, так и ведущую роль культурных традиций [Любин, 1977; 1994а]. Более осторожной в отношении понятия «культура» стала позиция Н. К. Анисюткина, который предпочитает теперь использовать более нейтральный термин «индустрия». Он не отрицает, однако, возможности отождествлять последнюю с «культурой» и продолжает считать социальный фактор ведущим в формировании своеобразного облика индустрий [Анисюткин, 1992].

Наиболее очевидной представляется существенная эволюция взглядов Г. П. Григорьева, который не только отказался от модели «предплемен» [1965] и от прежних попыток «вычислить» контуры социальной организации мустьерцев [1972], но усомнился затем и в самой возможности выделения АК в мустье. Г. П. Григорьев ссылается при этом на отсутствие или редкость в мустьерских индустриях подлинных типов, которые по определению должны лежать в основе АК. Такой вывод он делает, опираясь на свой критический анализ тип-листа Ф. Борда [Григорьев, 1987]. Следует заметить, однако, что эта неоднократно раскритикованная обобщенность и нечеткость ряда бордовских типологических единиц отражает в большей мере особенности метода (см. также гл. 2), а не материала и отнюдь не является свидетельством отсутствия в конкретных индустриях ряда морфологически выразительных и устойчивых форм. Уловить же их возможно лишь при создании региональных тип-листов [Любин, 1965], при учете, как уже говорилось выше, всех возможных характеристик изделий. Тем не менее, развивая свои новые взгляды, Г. П. Григорьев ныне выступает за подразделение мустье преимущественно на уровне крупных экс-территориальных единиц («путь развития»), допуская выделение АК лишь в чрезвычайно редких случаях, где имеются специфические типы (пример — мустье Кина). «Пути развития» и АК по Г. П. Григорьеву — так же как и бордовские варианты в его нынешнем понимании — являются сугубо археологическими понятиями и никакой иной нагрузки, видимо, не несут. Таким образом, налицо отход не только от прежней интерпретации, но даже от интерпретации как таковой.

Оригинальна и даже отчасти близка во многом, пожалуй, изложенным выше взглядам западных коллег позиция А. Е. Матюхина. Признавая наличие локальных вариантов не только в мустье, но даже в ашеле, он не находит в этом отражения этносоциального фактора. Причины вариативности видятся ему как совокупное проявление особенностей окружающей среды, сырьевых ресурсов, хозяйства, образа жизни и т. д. Существование традиции в принципе не отрицается, но А. Е. Матюхин, как и А. А. Формозов, абсолютно не связывает ее с этничностью. Подобно П. Мелларсу, А. Е. Матюхин предпочитает говорить не о

культурной, а о технической традиции. В качестве причин складывания стереотипов он называет некую «моду» или привычки отдельных мастеров [Матюхин, 1981; 1990]. Как кажется, эти «привычки», которые прослеживаются в течение столетий или даже тысячелетий, не могли бы закрепиться без определенных социальных механизмов их передачи. На мой взгляд, само понятие «традиции» немыслимо вне системы культуры, а локальность культурной традиции должна подразумевать наличие поддерживавших ее обособленных человеческих групп. Думается, что вряд ли вообще возможно говорить о традиции, совершенно отрицая этносоциальный механизм ее формирования. С другой стороны, нельзя не согласиться с А. Е. Матюхиным в том, что понятие культуры шире традиции.

Отечественные исследователи более младшего поколения пока почти не высказывались специально на данную тему. Отметим, однако, что к выделению локальных культур в мустье помимо автора [Беляева, 1995] положительно отнеслись в своих работах также ныне покойный Д. А. Чистяков [1986; 1996] и Л. В. Голованова [1991; 1993]. Наиболее же близко касается этой темы статья В. Б. Дороничева [1993]. Он, с одной стороны, не отрицает уже выделенные на Кавказе мустьерские культуры [Любин, 1977; Тушабрамишвили, 1978; Ниорадзе, 1992], но, с другой, указывает на маловероятность образования АК в тех регионах, где тип охотничьего хозяйства (специализация на добыче стадных животных открытых пространств) приводил к большой мобильности населения и способствовал распространению культурных традиций на обширных территориях. Кажется, что этот взгляд имеет некоторое сходство с приведенной выше позицией Н. Д. Праслова [1968]. Как полагает также В. Б. Дороничев, культуры возникают прежде всего там, где хозяйственно-культурный тип (ХКТ), связанный со специализацией охотничьего промысла, способствовал длительной оседлости. Предполагается, что это имело место у охотников на пещерного медведя, которые расселились в горных областях Большого Кавказа, образуя «культуры-изоляты». Правда, говоря о неприемлемости концепции АК для ХКТ «охотников на стадных травоядных животных аридного пояса» (сюда включены Южное Закавказье, Ближний Восток и Передняя Азия) [Дороничев, 1993, с. 18], автор на той же странице, противореча себе, допускает все же возможность длительной оседлости и в этих областях, что приводило к формированию здесь «локальных группировок индустрий».

Что касается мустье Северо-Западного Кавказа, к которому относятся губские памятники и где основным промысловым животным являлся бизон, то В. Б. Дороничев вслед за Л. В. Головановой [1991] в целом определяет его как периферию «обширной центрально-восточноевропейской ис-

торико-культурной области развития двустороннего типичного мустье» [Дороничев, 1993, с. 21]. Замечу, однако, что автор одновременно никак не оспаривает противоречащее его основной концепции заключение В. П. Любина о существовании локальной губской культуры или, как предпочитает говорить В. Б. Дороничев, группировки памятников. Непонятно также, почему вероятная связь губского мустье с так называемым «восточноевропейским микоком» [Голованова, 1991] должна рассматриваться как свидетельство принадлежности их некоему общему для всего этого обширнейшего региона ХКТ. Во всяком случае, можно сказать, забегая вперед, что такой характерный по В. Б. Дороничеву признак ХКТ охотников на стадных животных, как высокая мобильность, вряд ли приложим к обитателям губских стоянок. Многослойная Монашеская пещера, в частности, дала ясные свидетельства значительной длительности накопления ее культурных отложений при отсутствии стерильных горизонтов или следов интерстратификации. Трудно согласиться и с общей концепцией автора, слишком упрощенно трактующей влияние охотничьей специализации на культурные процессы. Кстати говоря, не следует абсолютизировать эту специализацию, поскольку можно привести немало примеров ее изменения в рамках одной и той же культурной традиции (пещерные стоянки Джручула, Бронзовая, Таглар). В первых двух стоянках, например, относимых В. Б. Дороничевым к ХКТ охотников на пещерного медведя, доминирование этого вида в одних уровнях сменяется в других преобладанием копытных [Любин, 1977; Тушабрамишвили, 1978]. Несмотря на всю внутреннюю противоречивость и слабую фактическую базу построений В. Б. Дороничева, они, однако, имеют и важную положительную, на мой взгляд, черту — стремление автора рассматривать культурные феномены, включая формирование АК, в тесной связи с экологическим контекстом.

Рассмотрим теперь еще раз основные наблюдения и выводы, полученные в результате анализа материалов губских стоянок. Напомню, что в каньоне небольшой реки были выявлены три пещерные стоянки и одна стоянка открытого типа. Наиболее важными с точки зрения как объема находок, так и полноты биостратиграфических, планиграфических и иных данных являются Баракаевская пещерная стоянка с тонким (10—25 см), но очень насыщенным культурным слоем (около 20 тыс. изделий) и многослойная стоянка в Монашеской пещере. Уже первая немногочисленная и поначалу суммарная (нестратифицированная) коллекция, полученная при шурфовке Монашеской, а также аналогичным образом добытые материалы из соседнего с ней Губского навеса № 1 позволили В. П. Любину отнести их к единой культурной традиции и выделить местную губскую мустьерскую культуру [Любин, 1971;

1977]. Позднее новые раскопки мустьерских отложений Монашеской (три основных культурных слоя общей мощностью до 1,5 м) доставили более 40 тыс. кремневых изделий, что дает возможность довольно широких сопоставлений — и между разными хронологическими этапами данной индустрии, и между ней и другими тремя стоянками Губского каньона.

Сравнительный анализ в целом подтвердил глубокое сходство губских индустрий по целому комплексу признаков и значительную устойчивость большинства из них во времени. Техника расщепления всех этих индустрий характеризуется преимущественно одноплощадочным скалыванием отщеповых заготовок и их микролитойностью. Роль леваллуазской техники здесь весьма невелика, индекс подправки площадок колеблется, давая как фасетированную индустрию (Монашеская), так и нефасетированную (Баракаевская). Отмечено также небольшое (9—15 %), но постоянное присутствие подлинных пластин, о навыках получения которых свидетельствуют и немногочисленные подлинные призматические нуклеусы. По составу орудийного набора губское мустье было отнесено к варианту мустье типичное, но это указывает лишь на самые общие черты этих индустрий. Назову их особенности подробнее. Господствуют скребла — главным образом боковые с частым наличием обушков, а также конвергентные и особенно угловатые, среди которых имеется несколько достаточно четко различимых специфических подтипов. Существенно, что и кластер-анализ, проведенный для всей совокупности конвергентнолезвийных форм Монашеской и Баракаевской пещер (остроконечники, конвергентные и угловатые скребла), выявил чрезвычайно сходные наборы архетипов и отсутствие их корреляции с разными стратиграфическими уровнями, т. е. устойчивость во времени. Характерной чертой губских индустрий является наличие нескольких разновидностей выемчатых орудий и богатый ассортимент клювовидных и зубчатых изделий. Адаптированные варианты тип-листов данных памятников показывают совпадение их по абсолютному большинству выделенных здесь типов, причем, судя по Монашеской, принципиальных хронологических изменений орудийного набора здесь не отмечено. Сходство простирается и на набор приемов вторичной обработки, включая утончения концов, обушков и корпуса орудий, оформление рабочих элементов анкошами, способы подправки лезвий и т. д.

Иначе говоря, тут наблюдается пространственно-временная стабильность уникального комплекса характеристик — начиная от отдельных признаков и морфологических элементов и кончая целостными типами и композиционным строением индустрий. Уникальность данного комплекса характеристик была показана В. П. Любиным еще на основании первоначальных коллекций благо-

даря сопоставлению губской группировки индустрий с выделенными им другими локальными группировками памятников мустье Кавказа, также трактуемыми как культуры [Любин, 1977]. С того времени в Закавказье были выделены новые локальные группировки [Тушабрамишвили, 1978; Ниорадзе, 1992], которые еще более оттенили своеобразие традиции, бытовавшей в губском мустье. Наконец, в непосредственной близости от бассейна Губса удалось выявить стоянку Мезмай, индустрия которой показывает определенное сходство с губскими. Исследовательница этой пещеры Л. В. Голованова даже пришла к выводу, что Мезмай тоже входит в губскую группировку, представляя собой более ранний этап развития этих индустрий [Голованова, 1993; 1994]. К сожалению, пока материалы этой стоянки опубликованы лишь весьма кратко [Golovanova et al., 1998] и потому подтвердить или опровергнуть этот категоричный вывод на должных основаниях (т. е. после тщательных и детальных сопоставлений) сейчас еще невозможно. Судя по предварительным публикациям, смущает значительная роль в мезмайской индустрии двусторонне обработанных форм. Мнение Л. В. Головановой о том, что уменьшение числа двусторонних орудий в верхах Мезмая позволяет говорить о трансформации этой индустрии в типично мустьерскую, продолжившую затем свое развитие на Губсе, очень любопытно [Голованова, 1993], но оно еще не подкреплено подробным анализом. На мой взгляд, демонстрировавшиеся коллекции Мезмая и опубликованные образцы действительно имеют большое сходство с губскими, но не вызывают впечатления полной аналогии. Обращает на себя внимание и такая противоречащая в общем наблюдениям по индустрии Монашеской тенденция, как рост в Мезмае производства пластин. Если и связывать губские памятники с Мезмаем и через него с Ильской и восточноевропейским микоком, правильнее, как кажется, говорить пока об одном круге индустрий [Любин, 1994а], а не об одной культуре [Голованова, 1993; 1994]. Сходство губских стоянок между собой по обширному набору различных характеристик, во-первых, хорошо прослежено и, во-вторых, степень его значительно выше — по крайней мере по наличным данным, — нежели отнюдь не отрицаемое здесь общее сходство данной группы памятников с Ильской и Мезмаем. То же можно сказать относительно некоторых параллелей с крымской стоянкой Пролом I [Любин, 1994а]. На мой взгляд, они объяснимы вероятной общей культурно-генетической подосновой, а также сближением ряда параметров благодаря каким-то сходным факторам развития этих индустрий (роль сырья, организация хозяйственной деятельности и пр.). Однако взятый как единое целое весь комплекс характеристик, свойственный губской группе индустрий, пока не находит, по моему мнению, полных аналогий и должен быть

признан уникальным и пространственно локализованным явлением.

Устойчивое воспроизводство его во времени было доказано благодаря послыному анализу инвентаря Монашеской. Особенно впечатляет, что на протяжении всего периода накопления более чем полутораметровой толщи ее культурных отложений не произошло принципиальных изменений орудийного набора, включая все специфические варианты типов и приемы их оформления. Подобное длительное воспроизводство морфолого-типологического «ядра» индустрии может быть объяснимо, на мой взгляд, только наличием неких стабилизирующих и постоянных факторов, к разряду которых трудно отнести адаптивно-экологические — тем более что биостратиграфические данные определенно указывают на неоднократные и довольно значительные изменения природной обстановки в период существования губских стоянок. Думается, что подобное явление наиболее правомерно интерпретировать именно как систему культурных традиций, подразумевая под ними как сознательную, так и имитативную передачу производственных навыков и норм от поколения к поколению [Бромлей, 1983]. Поскольку же рассматриваемая мной система культурных традиций ограничена памятниками определенного микрорегиона, то вполне корректно говорить о наличии здесь локальной археологической культуры. Именно на этих основаниях и была выделена губская мустьерская АК [Любин, 1977; Беляева, 1995].

Следует еще и еще раз подчеркнуть, что выявление локальной культурной традиции требует тщательного анализа всех морфолого-технологических аспектов индустрии и классическая бордовская методика с ее обобщенным тип-листом оказывается совершенно недостаточной для этого [Любин, 1965; 1972; Праслов, 1968; Анисюткин, 1971а, б]. Во-первых, очевидно наличие множества локальных разновидностей орудий, которые не находят себе места в бордовском списке или же «валяются в одну кучу» с существенно отличными от них вариантами форм. Во-вторых, типы, т. е. устойчивые сочетания признаков, могут существовать не только в виде целостных форм, но и как отдельные рабочие элементы, детали вторичной обработки, способы подготовки нуклеуса, подправки орудий и т. п. Именно благодаря детализации анализа удалось прийти к обоснованию губской культуры.

Итак, индустрии всех названных выше губских памятников демонстрируют специфический комплекс стабильных технико-морфологических характеристик, которые, как кажется, вполне правомерно называть также традиционными. В то же время, однако, между стоянками губской группировки имеется и целый ряд различий, которые позволяют трактовать их как проявления внутрикультурной вариативности. Так, Борисовская сто-

янка отличается от пещерных памятников большим процентом и меньшими в среднем размерами нуклеусов, крайне редкой встречаемостью пластин и сколов леваллуазского облика, много худшими показателями подправки площадок. Несколько больше развиты здесь приемы утончения орудий. Менее заметную по сравнению с пещерными стоянками роль играют в инвентаре Борисовской конвергентнолезвийные орудия, зато особенно характерны простые боковые скребла с чаще встречающимися обушками и со следами усиленной утилизации. Бросается в глаза и повышенное количество зубчатых, составляющих наряду с выемчатыми около 30 % изделий, а также скребков. Думается, что названные особенности инвентаря Борисовской могут быть объяснены прежде всего за счет функционального фактора. Как отмечает В. П. Любин, разнотипность памятников может выражаться в разных вариантах фракционирования материала, под чем подразумевается выпадение групп или типов орудий, а также аномальные изменения их численности [Любин, 1977]. Именно это наблюдается в Борисовской. Эта стоянка, по-видимому, являлась мастерской, где производились преимущественно как интенсивное первичное расщепление, так и, судя по набору орудий, какие-то разновидности грубой деревообработки.

Монашеская и Баракаевская пещеры, отнесенные благодаря чрезвычайно большому количеству находок и представленности всех категорий изделий к базовым стоянкам, также обнаружили определенные различия своих комплексов. Для техники расщепления Баракаевской характерна большая микролитовидность сколов и нуклеусов, большая доля радиального скалывания и худшие, нежели в Монашеской, значения всех технических индексов. Имеются здесь и некоторые расхождения в процентном составе орудий, отдельные несовпадения в списке типов. Хотя кластер-анализ и показал аналогичность конвергентнолезвийных форм обеих стоянок, следует отметить, что такие изделия из Баракаевской оказались в среднем более мелкими, более массивными и имели несколько более распространенную вторичную обработку. Это наблюдение остается в целом справедливым и при сопоставлении других групп орудий. По мнению В. П. Любина, своеобразие индустрии Баракаевской можно трактовать как архаичность, т. е. отражение в ней более раннего по сравнению с Монашеской этапа губской культуры. Однако особенности Баракаевской (худшее качество техники расщепления, повышенная микролитовидность, большая доля выемчатых орудий и орудий с частично двусторонней обработкой) допускают и иное объяснение: усиленная утилизация кремня в условиях дефицита качественного импортного сырья и специализация на деревообработке с помощью выемчатых изделий. Массивность и очень маленькие размеры орудий

в сочетании с их довольно интенсивной вторичной обработкой могут в свете этой версии быть результатом значительной редукции. В пользу этого говорят и большое число костяных и каменных ретушеров, а также обилие чешуек, указывающих, видимо, на развитую здесь подправку орудий. Таким образом, как кажется, специфика материалов Баракаевской дает основания видеть в ней отражение не только традиций, но также и функционального аспекта и повышенной интенсивности обитания при существенной роли фактора сырья.

Для того чтобы попытаться разграничить влияние тех или иных факторов наиболее доказательно, лучше всего, однако, проследить изменения различных аспектов индустрии во времени. Подобную возможность в наибольшей степени предоставляет Монашеская пещера. Исследования этой многослойной стоянки показали, как отмечалось, что за весь период накопления полутораметровой мустьерской толщи индустрия сохранила стабильность в наборе основных орудийных типов и их вариантов, в приемах вторичной обработки и технике расщепления. С другой стороны, имеются характеристики, хронологическая изменчивость которых от уровня к уровню очевидна. Ряд из них — небольшие улучшения технических показателей пластин, более широкое распространение и усовершенствование форм скребков — можно трактовать как определенное развитие производственных навыков. Отметим, кстати, что некоторое развитие техники производства пластин отмечается даже при сопоставлении изделий из разных горизонтов мустьерского слоя Баракаевской пещеры. Между слоями Монашеской существуют, конечно, и такие различия, которые следовало бы, видимо, относить к разряду случайных вариаций (например, очень небольшие колебания процентов тех или иных орудий, присутствие или же отсутствие отдельных редких разновидностей изделий). Это результат общей слабой стандартизации производства и воздействия сложного комплекса практически неуловимых факторов (какие-то сдвиги в хозяйственной деятельности, навыки и предпочтения отдельных мастеров и т. п.).

Наконец, особое внимание привлекают те характеристики индустрии, динамика которых показывает достаточно явную скоррелированность (рис. 84). Так, от нижних уровней Монашеской к верхним были параллельно прослежены постепенное уменьшение габаритов изделий, некоторое ухудшение технических индексов по всем сколам, рост числа фрагментированных вещей. Одновременно происходит явное сокращение использования качественного импортного сырья. Характерно также, что отмеченные изменения идут на фоне общего нарастания количества изделий, пик которого приходится на второй сверху уровень. Именно с этим уровнем связаны все минимальные и максимальные значения упомянутых здесь

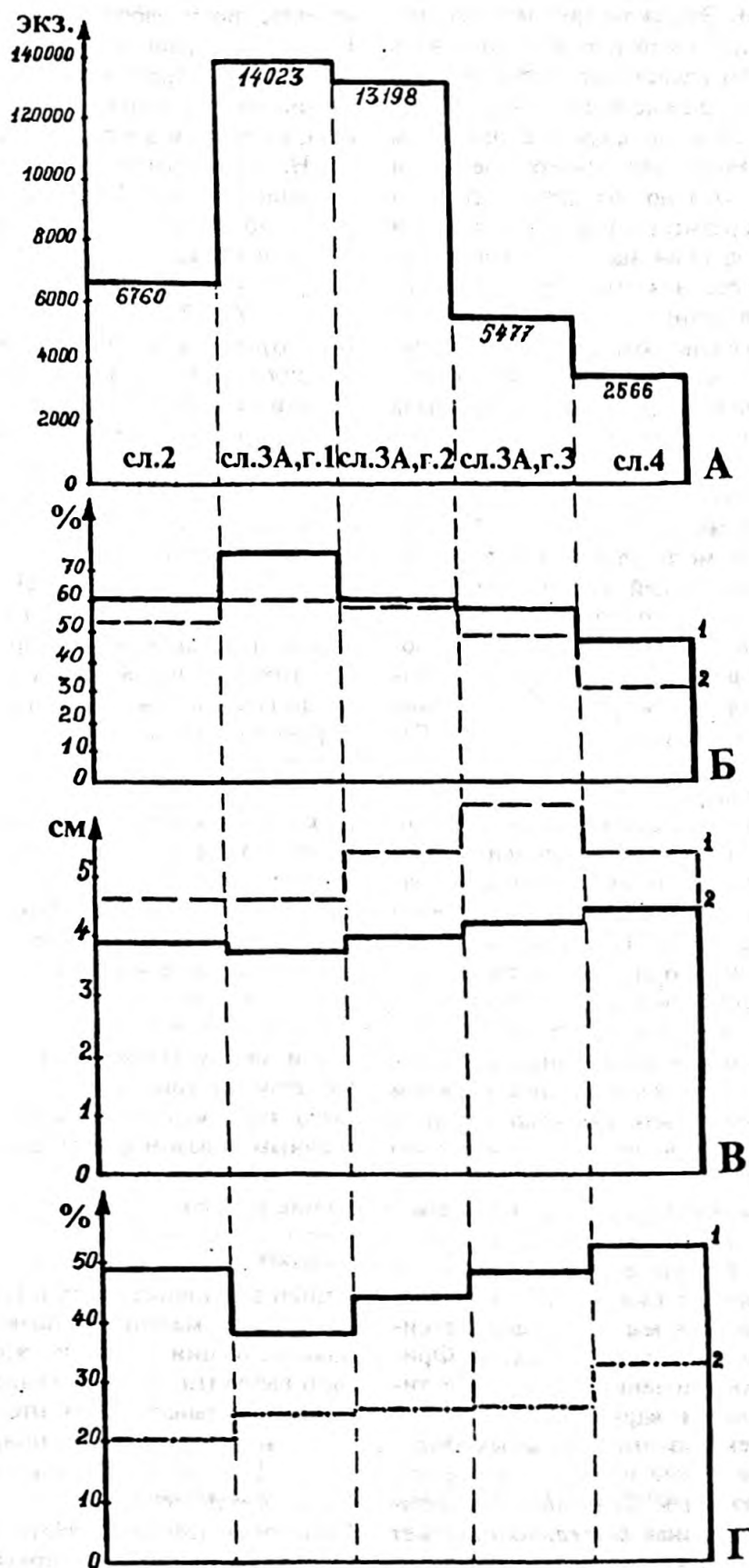

Рис. 84. Динамика показателей индустрии Монашеской пещеры по стратиграфическим уровням:

А — общее количество находок; Б — процент фрагментированных изделий (1 — сколы-заготовки; 2 — простые боковые скребла); В — средняя длина (1 — простые скребла; 2 — сколы-заготовки); Г — индексы (1 — IFlarge; 2 — процент импортного сырья среди орудий)

Fig. 84. Changes of certain characteristics of the Monasheskaya industry in different levels:

А — total of finds; Б — percentage of fragmented pieces (1 — flake blanks; 2 — single side-scrapers); В — average length (1 — single side-scrapers; 2 — flake blanks); Г — indices (1 — IFlarge; 2 — percentage of tools made from the imported raw materials)

показателей (рис. 84). Эту скоррелированную изменчивость, как представляется, трудно объяснить иначе чем отражением нарастания интенсивности обитания в условиях определенного «давления» фактора сырья: усиление по каким-то причинам дефицита качественного приносного кремня и необходимость максимально утилизировать преимущественно мелкоразмерный и трещиноватый местный. Горизонт, давший максимальное количество находок, интересен и тем, что здесь впервые была прослежена планиграфическая изменчивость индустрии. В уровне, который по результатам раскопок первых лет мало отличался от других горизонтов среднего мустьерского слоя, была обнаружена блюдцеобразная линза темноокрашенного культурного слоя, который был насыщен органикой, остатками обожженной кости и огромным количеством кремневых находок — до двух тысяч на квадратный метр. Именно в пределах этой линзы, представляющей собой, возможно, следы некоего искусственного сооружения, индустрия продемонстрировала не только все упомянутые выше признаки наиболее высокой интенсивности обитания, но и резкое увеличение (до 30 %) числа выемчатых орудий (рис. 85). Ранее выемчатые считались не слишком характерными для Монашеской [Любин, 1977] по сравнению с их долей в Баракаевской — 37 % [Любин, Аутлев, 1994]. В линзе наряду с концентрацией большого количества мелких сколов-отходов наблюдается и «всплеск» доли миниатюрных (менее 3 см) нуклеусов — до 45 %. Таким образом, по ряду показателей (миниатюризация, обилие мелких сколов и нуклеусов, большой удельный вес выемчатых орудий) комплекс этого уровня неожиданно напомнил особенности индустрии Баракаевской. Самым приемлемым объяснением этого сближения может быть сходство хозяйственно-бытовых ситуаций: в обоих случаях особо интенсивная утилизация сырья и активная деревообработка с использованием анкошей происходила, по-видимому, в условиях ограниченного пространства — будь то тесный грот или некое искусственное сооружение (жилище?). Представляется, что в Монашеской мы имеем дело с ситуацией, напоминающей ту, что описана Л. Фримэном в Куэва Морин (Испания), где в слое типичного мустье выявился вдруг изолированный участок со скоплением зубчато-выемчатых [Free-man, 1992]. Подобные случаи известны также еще на ряде стоянок Испании и Франции. Это означает, что специализированная деятельность может быть свойственна не только отдельным памятникам, но и их участкам, соответственно отражаясь на облике инвентаря.

Думается, что этот пример еще раз свидетельствует, что, как очень хорошо сформулировал Н. Роллан [Rolland, 1981], в археологических культурах имеются как более стабильные или традиционные элементы, отражающие их нормативные

аспекты, так и набор динамических характеристик. В последних наиболее чутко отражаются такие изменчивые факторы, как интенсивность обитания и хозяйственная специализация стоянки или ее участка, качество и доступность сырья и т. п.

На роли сырья следует остановиться особо. Влияние его на общий облик индустрии общепризнано. О различных аспектах и силе этого влияния писали, например, Г. А. Бонч-Осмоловский [1940], В. П. Любин [1969], С. А. Семенов [1963; 1972; 1983], Н. Д. Праслов [1968; 1984], В. Е. Щелинский [1983], П. Кэллоу [Callow, 1986], Х. Диббл [1991a], Ж.-М. Женест [Geneste, 1985], Л. Мейньен [Meignen, 1988], А. Тюрк [Turq, 1989; 1992] и еще многие другие исследователи. Важно учесть, однако, что иногда сырье может быть как динамическим, так и стабильным фактором. Например, губские индустрии, определяемые как микромустье, обязаны этим, как кажется, постоянному и преимущественному использованию мелкоразмерного и низкокачественного местного сырья. Так как микролитоидность является здесь достаточно стабильной чертой, можно в принципе предполагать даже, что длительная адаптация к сырью по сути дела превращается в данном случае в традицию. Однако есть определенные основания не спешить с таким выводом, обратив внимание на колебания степени микролитоидности, присутствие — хотя бы и в рецессивном состоянии — леваллуазских элементов (отдельные крупные пластины и отщепы правильных очертаний, единичные *pointes*), а также на свидетельства навыков производства подлинных призматических пластин. Все это заставляет думать, что микролитоидность местных индустрий еще не переступила грани между устойчивой адаптацией и канонем. Об этом же говорят и крупные изделия из хорошего приносного кремня, который доставлялся главным образом в виде заготовок и использовался в первую очередь для лучших орудий. Уменьшение размеров предметов из этого сырья увязывается с общим сокращением импорта и, как и в случае с местным, с более экономной его утилизацией в условиях роста интенсивности обитания.

Губские материалы позволяют высказаться и о роли редукиции. Наличие этого явления, как сказано выше (гл. 5), не вызывает сомнения и не однажды описывалось и в отечественной литературе (см., например: [Семенов, 1972; Щелинский, 1983]). В то же время, как отмечалось (см. гл. 5, а также критический разбор этой гипотезы Полом Мелларсом [Mellars, 1995]), Х. Диббл и его единомышленники сильно преувеличили роль этого фактора, не говоря уже о недостаточной обоснованности предполагаемых редукиционных последовательностей превращения одних форм орудий в другие (нестыковка метрических характеристик сопоставляемых им типов скребел, отсутствие критериев измерения редукиции и т. п.). В губских материалах редукиция наблюдается в основном внутри

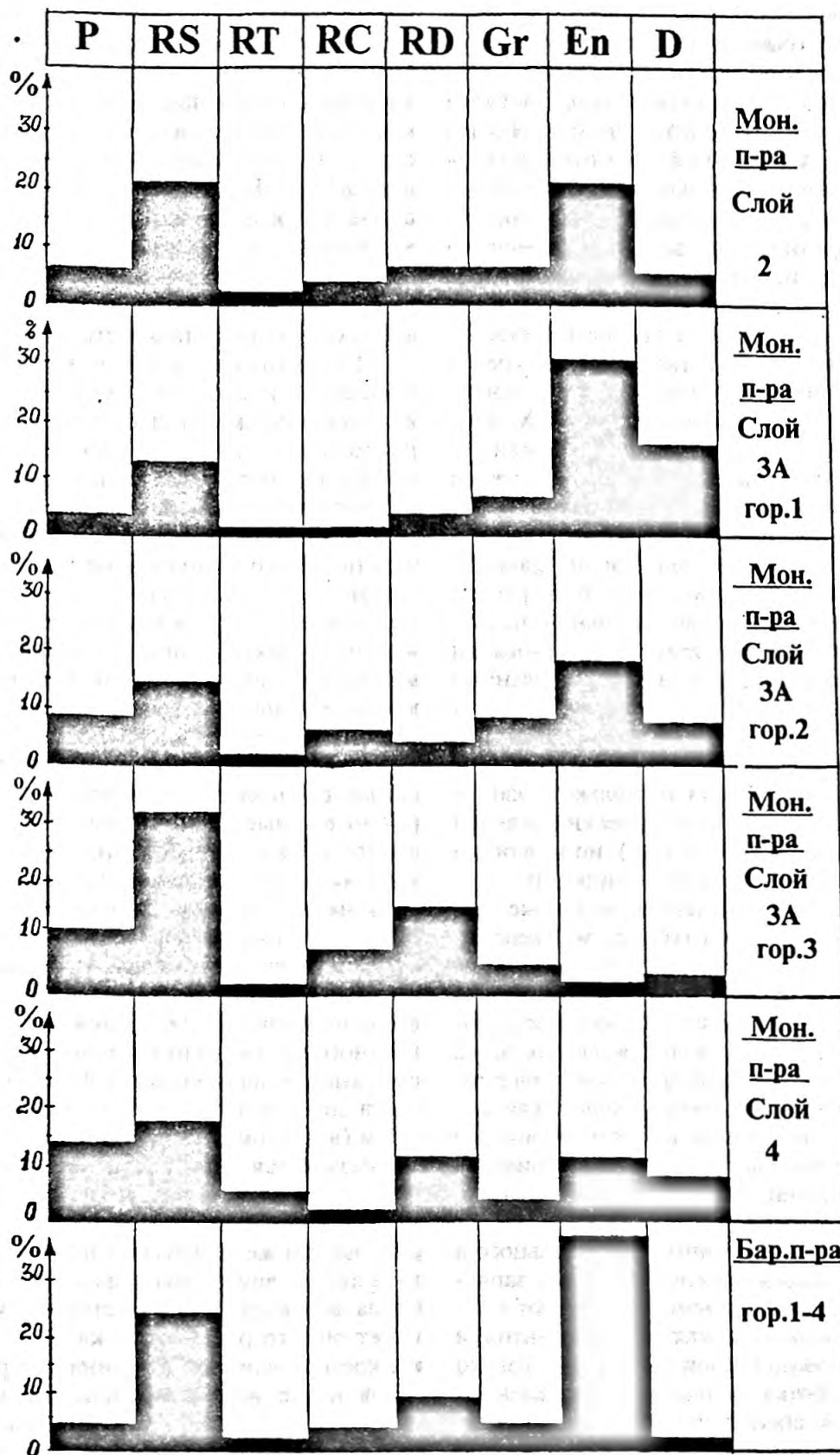

Рис. 85. Динамика процентного соотношения основных типов орудий в разных уровнях Монашеской пещеры и в Баракаевской пещере:

P — остроконечники; *RS* — простые боковые скребла; *RT* — поперечные скребла; *RC* — конвергентные скребла; *RD* — угловые скребла; *Gr* — скребки; *En* — выемчатые орудия; *D* — зубчатые орудия

Fig. 85. Changes in relative frequencies of main tool classes among different levels of Monasheskaya and the Mousterian layer of Barakaevskaya:

P — points; *RS* — single side-scrapers; *RT* — transverse scrapers; *RC* — convergent scrapers; *RD* — déjeté scrapers; *Gr* — end-scrapers; *En* — notched tools; *D* — denticulated tools

отдельных типов орудий (срабатывание и отступление лезвий), а случаи полного переоформления изделий фиксируются нечасто (например, брюшковое скребло — бифасиальное скребло), тем более что определить одномоментность или постепенность получения сложной формы обычно трудно. Однако известные в губской культуре угловатые скребла, например, представлены набором довольно четких и отличных друг от друга морфотипов и никак не производят впечатление изделий, ставших результатом постепенной трансформации более простых форм. Большое количество обушковых форм среди простых боковых скребел также делает крайне маловероятным их дальнейшее превращение, как предполагает модель Х. Диббла [Dibble, 1984a; 1987a, b], в двойные или же поперечные скребла. На мой взгляд, возможное влияние редукции на морфолого-типологический облик индустрий отрицать нельзя, но не следует и а priori считать этот фактор чуть ли не главным. Значение его можно оценить только в рамках конкретного контекста, после детальной проработки всех слагаемых индустрии. Есть основания предполагать также, что реально установленные модели редукционных последовательностей могут быть гораздо более разнообразными, нежели схемы Х. Диббла и что выбор этих моделей в той или иной индустрии будет связан не только с давлением внешних факторов (экологические условия обитания, сырьевые ресурсы и т. п.), но и, в определенной мере, с техническими традициями.

Итак, окончательно подытожу основные выводы из анализа материалов губских мустьерских памятников. Присущий только этой, территориально локализованной группе индустрий и устойчивый во времени комплекс технико-морфологических характеристик позволил выделить здесь губскую мустьерскую археологическую культуру. Как уже неоднократно отмечено, бордовская методика в принципе не годится и не предназначена для выявления подобных локальных вариантов (см., например: [Любин, 1965; 1972; Праслов, 1968; Анисюткин, 1971b; Sackett, 1982, p. 56; Mellars, 1995, p. 355]). Поэтому нет ничего удивительного в том, что пользующиеся методикой Борда западные исследователи одновременно выступают против выделения дробных локальных вариантов и связанной с этим «культурной гипотезы». Только тщательная проработка материалов, нацеленная на поиск местной специфики и местных, а не «всеобщих» типов, может привести к выделению локальных культур. Разумеется, удельный вес традиционных или стабильных компонентов в каждой конкретной индустрии может быть очень различным, отражая разные модели существования мустьерских коллективов (степень оседлости или мобильности группы, способы адаптации к среде обитания и ее изменениям, наличие культурных контактов и восприимчивость к инновациям и т. п.). Очевидно, что вполне возможны такие ва-

рианты, когда постоянная мобильность и/или активные культурные контакты вели к сложению зон или областей, где более дробная культурная дифференциация почти не просматривается, т. е. к ситуации, о которой, в частности, писал Н. Д. Праслов [1968], а также — увязывая ее с определенным ХКТ — В. Б. Дороничев [1993]. Однако этот вывод никак не должен делаться a priori, т. е. говорить об отсутствии локальных культур исследователь правомочен только после их целенаправленного поиска, в котором используется и специально ориентированная методика.

Подчеркну еще и еще раз, что, на мой взгляд, наличие в индустриях устойчивого во времени комплекса характеристик, учитывая нестабильность природной обстановки, возможно объяснить только ведущей ролью фактора, игравшего стабилизирующую роль, — культурных норм или традиций. Полная характеристика АК, однако, должна включать не только нормативные, но и адаптивные аспекты [Rolland, 1981]. Последние лучше всего прослеживаются при сопоставлении однокультурных памятников и при возможности оценить изменчивость индустрий во времени. В губской культуре выявлена целая группа характеристик, скоррелированная динамика которых позволяет видеть в них интенсивность обитания, влияние сырья, специализацию деятельности, а также вероятные иные менее уловимые и переменные факторы. Эти аспекты индустрий и определяют внутрикультурную вариабельность, которая прослежена как между памятниками, так и внутри отдельного памятника (Монашеская). Она проявляется, главным образом, в размерах вещей, в технических индексах (рис. 84) и интенсивности вторичной обработки, а также в изменениях процентного соотношения групп орудий (рис. 85) за счет выпадения некоторых форм или аномального роста доли функционально специализированных форм (в данном случае анкоши).

Разумеется, на примере губской культуры возможно было рассмотреть лишь частный случай проявления вариабельности мустьерских индустрий, но это же неизбежно происходит и при анализе любых других мустьерских комплексов. Проблема вариабельности мустьерских индустрий не имеет общего решения, и каждый раз выявляется конкретное влияние комбинации различных факторов на те или иные аспекты индустрии. Несмотря на пессимистическое заключение С. А. Васильева [1985] о невозможности вычленять влияние отдельных факторов вариабельности в каждом таком случае, определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Многочисленные работы европейских и американских исследователей и предложенный здесь опыт позволяют наметить общие подходы к выяснению как характера, так и причин наблюдаемой вариабельности. К ним я бы отнесла обязательное детальное сопоставление технико-морфологических показателей с характери-

стиками сырьевой базы, нацеленность на выяснение технологических связей, включая связь типа заготовки с типом орудия, изучение количественных и качественных изменений индустрии с точки зрения их корреляции между собой и с динамикой внешних факторов (сырьевые ресурсы, специализация данной стоянки, экологическая ситуация и т. п.). Последнее возможно проследить, разумеется, на памятниках, где наблюдается

длительное развитие одной и той же индустрии. Подобные многослойные памятники помогают оценить и значение культурно-генетического фактора. Последний, несомненно, должен нести основную ответственность за воспроизводство типологического «ядра» индустрии, под которым я понимаю определяющий ее облик и устойчивый к изменениям внешних воздействий комплекс технико-морфологических характеристик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные исследования показали, что все мустьерские памятники в бассейне реки Губс — пещеры Монашеская, Баракаевская, Губский навес № 1 и Борисовская стоянка — принадлежат одной культуре и что время бытования там этих стоянок было, видимо, довольно длительным. Как отмечалось в гл. 4, в полутораметровой толще Монашеской пещеры выделяется по крайней мере три цикла изменения ландшафтно-климатической обстановки от холодной с господством степных ценозов до теплой с развитием широколиственных лесов. Абсолютная и относительная хронология губских стоянок, к сожалению, до сих пор недостаточно ясна, т. к. не удается получить точные даты. Однако можно попытаться приблизиться к решению этой проблемы косвенным путем — через ряд сопоставлений.

Во-первых, известно, что пыльцевые показатели климатического оптимума, установленного в верхнем горизонте Баракаевской, довольно близки таковым для нижнего (слой 4) или среднего (горизонт 3 слоя 3А) оптимумов Монашеской. Во-вторых, обратим внимание на характеристики слоя 2, которым завершается колонка Монашеской, а точнее, сохранившаяся ее часть. Для слоя 2 отмечено резкое изменение условий в сторону аридизации и похолодания. Очень близкие характеристики демонстрируют мустьерские отложения Губского навеса № 1, выше которых, напомним, залегают уже уровни с верхнепалеолитическими индустриями. Нижний из них сформировался в оптимуме, который соотносится с брянским интерстадиалом (паудорф). В таком случае, низы Губского навеса № 1 и верхний слой Монашеской логично соотнести с предшествующим этапом достаточно сильного похолодания и иссушения климата, который довольно четко прослежен в расположенной в относительной близости от рассматриваемых памятников и хорошо изученной колонке Дзигутского торфяника в Абхазии и имеет абсолютную дату около 38 тыс. лет [Арсланов и др., 1980]. Сходные экологические характеристики имеют также верхние слои Мезмайской пещеры, для которых получены две даты — около 37 760 и 35 760 лет назад [Голованова,

1993; 1994]. Слой 2 Монашеской подстилается слоем 3А, где выделены два оптимума. Верхний из них в свете вышеизложенного возможно сопоставлять с климатическим оптимумом (хенгело?), который в Дзигутском торфянике имеет дату по радиоуглероду около 41 тыс. лет назад [Арсланов и др., 1980]. Тогда, соответственно, два оптимума, зафиксированных в нижележащих уровнях, должны быть несколько древнее. С одним из них, напомним, может быть в принципе синхронизирован оптимум Баракаевской, нижние «холодные» горизонты которой могут отвечать либо обвальному и крайне «холодному» слою 3Б, либо одному из уровней нижнего слоя 4 Монашеской.

Разумеется, такое рассуждение не заменяет датировок, но оно дает возможность предложить наиболее правдоподобную на сегодня версию. Наряду с ней остается и вариант В. П. Любина, видящего в инвентаре Баракаевской более архаичные черты и потому относящего ее к предшествующей заселению Монашеской стадии губской культуры [Любин, 1994а]. Однако, как отмечалось, все эти черты (массивность, более интенсивная вторичная отделка, немного большее число изделий с двусторонней обработкой) могут быть объяснены иначе — в рамках различий, связанных с интенсивностью обитания и большей степенью редукции (см. гл. 7). Поэтому на сегодня я все же склоняюсь к версии о частичной синхронности двух базовых губских стоянок. Вопрос о Борисовской открыт, но кажется, что период ее существования должен был бы соответствовать какому-либо из этапов функционирования Монашеской стоянки. Если это так, то в Губском ущелье находилась целая «агломерация» стоянок, отличных по характеру их использования.

Рассмотрим, прежде всего, возможную интерпретацию предполагаемого здесь феномена сосуществования двух базовых стоянок. Монашеская, которая представляет собой огромный навес, на начальном этапе ее обитания (слой 4) использовалась людьми, по-видимому, лишь время от времени (небольшое число и хаотичная разбросанность находок, отсутствие следов огня и т. д.). Позднее, в слоях, перекрывающих стерильный обвальная

уровень, количество и плотность находок резко возрастают, наблюдается пятно их концентрации — некий «бытовой центр», несколько смещавшийся по площади в зависимости от уровня. В верхах слоя 3А этот бытовой центр характеризуется уже не только четкими границами пятна концентрации находок, но и выделяется как линза блюдцеобразной формы, прокрашенная местами до черноты — благодаря ее насыщенности органикой и явным следам огня (угли, обожженные кости). Как более подробно аргументировано в гл. 5, вполне допустимо видеть здесь следы некой жилой конструкции, тем более что длительное проживание в не защищенном от внешнего климата навесе вряд ли было возможным без такого благоустройства. В Баракаевской, представляющей собой тесный грот с низким входным отверстием и пробуждающейся при потеплениях капелью, маломощный мустьерский слой, отлагавшийся, однако, в течение довольно длительного времени, был весь буквально набит кремнями и раздробленной костью. В то же время максимальная концентрация находок и следы костров (опаловые фитолиты) постоянно наблюдались в округлой западине скального дна («бытовой центр»). В противоположность Монашеской, общее количество находок в Баракаевской сокращается к верхам слоя, а окончательно человек оставил грот в период максимального потепления, отмеченного натечной коркой.

Совокупность всех представленных данных допускает, как кажется, такой вариант сценария. Баракаевская представляет собой «зимнюю» пещеру, где было несложно устроить дополнительное утепление — путем перекрытия входа и сплошного обогрева кострами. Это позволяло переживать в ней даже самые суровые холода (перигляциальные условия в низах мустьерского слоя). Монашеская пещера в этот период могла использоваться только лишь в летние месяцы или для кратких визитов. По мере потепления климата Монашеская стала, видимо, использоваться более интенсивно, тем более — с помощью обустройства «жилища». Тесный Баракаевский грот, начавший к тому же, возможно, «протекать», стал менее удобен в качестве «основного дома» и мог быть заброшен. Очень вероятно, что с периодом более интенсивного обживания Монашеской совпадает и активное использование соседствующего с последней Губского навеса № 1, мустьерские слои которого, напомним, по совокупности показателей более близки верхним уровням пещеры. Время бытования стоянки на нижележащей террасе — Борисовской, где люди занимались преимущественно деревообработкой и расщеплением местного кремня, пока наиболее неясно, но частичная, по меньшей мере, синхронность ее с близлежащими пещерными представляется вполне оправданным допущением. Лагерь в Аутлевской пещере является подлинным биваком (около

десять разрозненных изделий) и мало раскопан — поэтому предполагаемое, судя по облику нескольких орудий, посещение его носителями губской культуры не может быть (во всяком случае, на сегодня) соотнесено с определенным периодом существования последней.

Поскольку работы в Губском ущелье еще не закончены, весьма вероятно, что в будущем обнаружатся и другие памятники, входившие в поселенческо-производственную структуру губской культуры. Так, находки характерных для нее изделий в низовьях реки и доставка оттуда сырья — в том числе в виде полуфабрикатов — предполагают существование там каких-то не найденных еще мастерских. Возможно и открытие новых пунктов в самом ущелье. За пределами же Губского бассейна несомненных следов губской культуры до сих пор пока не встречено. Остается думать, что, несмотря на специализированную охоту на бизона, а также добычу таких обитателей разных природных зон, как кавказский козел, лошадь и благородный олень, подразумевавшую охотничьи экспедиции на относительно дальние расстояния, носители губской культуры жили в целом, по-видимому, достаточно оседло.

Отсутствие в ущелье следов каких-либо других мустьерских индустрий указывает на определенную изоляцию, хотя, безусловно, охотничьи походы обитателей ущелья за его пределы или добыча более качественного сырья в низовьях реки могли сопровождаться культурными контактами. Следов их, однако, в губских индустриях не обнаружено. Можно полагать, что оседлость и длительное замкнутое существование, способствовавшее отменному выше консерватизму губской культуры, было связано с чрезвычайно благоприятными природными условиями в рамках небольшого Губского бассейна. Это, конечно, наличие естественных убежищ, сырья и мозаичность окружающих ландшафтов, обеспечивавших возможность выбора добычи [Любин, 1977; 1994а]. Подобные районы привлекали мустьерских людей и в Закавказье, где в расположенных неподалеку друг от друга ущельях р. Цхалцителы, Шабатагеле и Джручулы существовали три обособленные мустьерские культуры [Любин, 1972; 1977; Тушабрамишвили, 1978; Ниорадзе, 1992]. Такие локальные скопления однокультурных мустьерских памятников, на мой взгляд, наиболее подходящи для комплексного изучения различных аспектов жизнедеятельности неандертальского человека, включая хронологическую и пространственную вариабельность ее проявлений.

Материалы, проанализированные в этой книге, позволяют на сегодня реконструировать лишь некоторые черты мустьерского мира Губского ущелья. Дальнейшее постижение его должно опираться на продолжение раскопок и поиск новых памятников. Однако даже крупница информации об этом бесконечно далеком от нас мире имеет

огромную ценность, и потому я еще раз заострю внимание на интерпретации результатов данного исследования.

Итак, в бассейне реки Губс существовала особая мустьерская культура, носители которой — люди неандертальского типа — жили там, видимо, в течение не одного тысячелетия и достаточно оседло. Они сумели приспособиться к неоднократным изменениям ландшафтно-климатической обстановки, включая достаточно холодные периоды. Основным объектом охоты был бизон, добывались также и другие копытные. Обитатели губских стоянок эксплуатировали, видимо, прежде всего богатые природные ресурсы Губского ущелья, но посещали также и окрестные районы, удаляясь, по меньшей мере, на 20—25 км от стоянок в поисках некоторых промысловых видов животных и особенно качественного кремневого сырья. Оно доставлялось преимущественно в виде заготовок, что предполагает существование мастерских, приближенных к местам его добычи. Постоянный импорт такого кремня, избирательность в его использовании для требующих более совершенной обработки орудий и более экономная утилизация свидетельствуют не только о понимании ценности хороших технологических свойств сырья, но и о сознательной заботе об обеспечении запасов этого сырья. Вынужденно базируясь на низкокачественном местном кремне, который не способствовал совершенствованию приемов расщепления и вторичной отделки, мустьерские обитатели Губского ущелья были все же способны производить и правильные по форме сколы Леваллуа и призматические пластины и применять весьма изощренные приемы модификации заготовок, включая различные утончения и двустороннюю обработку. Уровень стандартизации заготовок и орудий был довольно низок — вероятно, не без упомянутого влияния сырья, но в ряде форм стремление следовать определенным канонам или моделям вполне очевидно. Эти орудия, судя по всему, изготавливались для длительного пользования и, очень возможно, имели не только утилитарное значение. В то же время есть немало орудий, где мастер не стремился к определенной общей форме, отделявая лишь требуемый рабочий элемент. Порой одно изделие совмещало в себе

два и более явно разнофункциональных элемента. Это указывает, очевидно, на осознанную экономию времени и сырья. Особенно заметна экономия высококачественного приносного кремня, орудия из которого часто переоформлялись и подживлялись.

Морфологическое многообразие рабочих элементов орудий наряду с данными трасологических исследований [Щелинский, 1992] говорит о широком спектре и достаточной сложности практиковавшихся здесь работ, среди которых ведущую роль играли различные виды деревообработки. Состав и особенности инвентаря на каждом из памятников позволяют предполагать определенные различия в их функциональном использовании, которое определялось, очевидно, исходя из таких параметров стоянок, как размеры и топография пригодного для проживания и хозяйственных занятий пространства, его защищенность, освещенность и т. п. Имеются также свидетельства о наличии кострищ, выделения бытовых центров и о дополнительном внутреннем обустройстве пещерных убежищ, претерпевавших изменения в различные периоды обитания. Интенсивность последнего кажется тесно связанной с комфортностью этих убежищ при менявшихся климатических условиях.

Из всего сказанного следует, что мустьерские обитатели Губского ущелья обладали весьма развитым интеллектом и их поведение было достаточно сложным и гибким. Это дает мне основания присоединиться к тем, кто не согласен с мнением Л. Бинфорда [Binford, 1985] и его сторонников о значительно более примитивных мыслительных способностях и образе жизни неандертальцев по сравнению с людьми современного физического типа — носителями культуры верхнего палеолита. Различия между ними несомненны, но разрыв не кажется столь уж глубоким. Во многих случаях, включая и губские стоянки, индустрии позднего мустье демонстрируют развитие верхнепалеолитических приемов расщепления и типов орудий. По мере накопления материалов становится все более очевидным определенное участие создателей позднемустьерских индустрий в формировании верхнего палеолита отдельных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алентьев П. Н.* Восстановление дубовых лесов Кавказа и повышение их продуктивности. Майкоп, 1976.
- Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
- Аникович М. В.* Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита (Л., 1974, 13—16 мая) // СА. 1978. № 3.
- Аникович М. В.* О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л., 1988.
- Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Дис. ... д-ра ист. наук. — Рук. Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2-д, д. № 4534. 1991.
- Анисюткин Н. К.* К вопросу о принципах подразделения мустье // МИА. № 173. Палеолит и неолит СССР. Т. 6. М., 1971а. С. 167—172.
- Анисюткин Н. К.* Мустье Прутско-Днестровского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971б.
- Анисюткин Н. К.* Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // СА. 1973. № 1.
- Анисюткин Н. К.* Варианты среднего палеолита в Приднестровье (стинковская культура) // АСГЭ. 1978. № 19.
- Анисюткин Н. К.* Ранний и средний палеолит юго-запада европейской части СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992.
- Анисюткин Н. К., Филиппов А. К.* К характеристике раннепалеолитических комплексов // Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Арсланов Х. А., Гей Н. А., Лядов В. В., Тертычная Т. В.* Новые данные о геохронологии и палеогеографии среднего вюрма Абхазии // Геохронология четвертичного периода. М., 1980.
- Аутлев П. У.* Находки археологов // Адыгейская правда. 1961а. 4 июня.
- Аутлев П. У.* О чем рассказывают археологические находки // Социалистическая Адыгея. 1961б. 4 сентября (на адыг. яз.).
- Аутлев П. У.* Губская палеолитическая стоянка // СА. 1964. № 4.
- Аутлев П. У.* Раннепалеолитические местонахождения бассейна р. Лабы // Учен. зап. Адг. НИИЭЯЛИ. Т. 11: История, этнография, археология. Майкоп, 1970.
- Аутлев П. У.* Мустьерская стоянка в Губском нагесе № 1 // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Аутлев П. У., Любин В. В.* Изучение палеолита Закубанья // АО 1979. М., 1980.
- Аутлев П. У., Любин В. П.* Географическое положение Кубани и Губского бассейна. Особенности природной обстановки // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Балонов Ф. Р.* Метод определения веса признака в формальной археологической классификации // Количественные методы в гуманитарных исследованиях. М., 1981.
- Банников А. Г., Голгофская К. Ю., Котов В. А.* Кавказский заповедник. М., 1967.
- Барышников Г. Ф.* Териофауна и позднеплейстоценовые ландшафты горного Прикубанья // Вестник ЛГУ. 1979. № 12.
- Барышников Г. Ф.* Остатки позвоночных из Баракаевской мустьерской стоянки // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Беляева Е. В.* Новые исследования Монашеской пещеры на Губсе // ВАА. Майкоп, 1992.
- Беляева Е. В.* Нижнепалеолитические памятники бассейна р. Губс (Прикубанье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
- Беляева Е. В.* О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб., 1998.
- Беляева Е. В., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.* Многослойная мустьерская стоянка в Монашеской пещере: среда, индустрия, их динамика // Всесоюз. совещ. по проблеме «Человек и природа в древнекаменном веке»: Тез. докл. Тбилиси, 1990.
- Беляева Е. В., Левковская Г. М., Харитонов В. М.* Новые данные о мустьерских обитателях Губского ущелья (Прикубанье) // РА. 1992. № 3.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* Палеолит Крыма. Вып. 1. Грот Киик-Коба. М.; Л., 1940.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1983.
- Васильев С. А.* Проблемы реконструкций позднепалеолитических обществ и этноархеологические исследования // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985.
- Векилова У. А., Грищенко М. Н.* Результаты исследования Ахштырской пещеры // МИА. № 185. М., 1975.
- Вишняцкий Л. Б.* Определение археологии как классификационная проблема // Актуальные проблемы западносибирской археологии. Новосибирск, 1989.
- Вишняцкий Л. Б.* От пользы к выгоде // Знания — сила. 1990. № 5.
- Вишняцкий Л. Б.* «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и интерпретация // ПАВ. 1993. № 4.
- Воронин Ю. А.* Теория классификации и ее приложения. Новосибирск, 1985.
- Гвоздецкий Н. А.* О разделении осевой зоны Большого Кавказа // ИВГО. 1948.
- Гвоздецкий Н. А.* Орографическая схема Большого Кавказа // Победенные вершины. Год 1950. М., 1950.
- Гвоздецкий Н. А.* Опыт районирования карста Большого Кавказа // Географический сборник. Т. 1: Геоморфология и палеогеография. М.; Л., 1952.

- Гвоздецкий Н. А.* Физическая география Кавказа: Курс лекций. Вып. 1. Общая часть. Большой Кавказ. М., 1954.
- Гвоздецкий Н. А.* Кавказ. М., 1963.
- Гвоздецкий Н. А.* Карстовые явления в верхней части бассейна р. Губс // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Гвоздецкий Н. А., Голубчиков Ю. Н.* Горы. М., 1987.
- Гвоздецкий Н. А., Думитрашко Н. В., Нефедьева Е. А.* Кавказская горная страна // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Кавказ. М., 1966.
- Гвоздецкий Н. А., Маруашвили Л. И.* Карст // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977.
- Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П., Деоник Д. В., Леонова Н. Б.* Морфологическое описание пластинок с пригнутым краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1.
- Гинзбург Э. Х., Горенштейн Н. М., Ранов В. А.* Статистико-математическая обработка шести мустьерских памятников Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1980.
- Гиря Е. Ю.* Технологический анализ пластинчатых индустрий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
- Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е.* Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4.
- Гладилин В. Н.* Антоновская мустьерская культура и ее место в раннем палеолите Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1974.
- Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
- Голованова Л. В.* Таксономические группировки как метод анализа // ВАА. Майкоп, 1984.
- Голованова Л. В.* Условия залегания палеолита на Среднеахджохской стоянке и характеристика индустрии // ВАА. Майкоп, 1986.
- Голованова Л. В.* О двух путях заселения Северо-Западного Кавказа в мустьерскую эпоху // Древности Кубани: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1991.
- Голованова Л. В.* Периодизация мустье Северного Кавказа // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.
- Голованова Л. В.* Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // II Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Голованова Л. В.* Палеолитическая эпоха на Северном Кавказе // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму ИИМК (5—7 апреля 1994 г.). СПб., 1994.
- Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и возникновение *Homo sapiens* в Европе и на Ближнем Востоке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965.
- Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и возникновение *Homo sapiens*. Л., 1968.
- Григорьев Г. П.* К методике установления локальных различий в палеолите // УСА. Вып. 2. Л., 1972.
- Григорьев Г. П.* Франсуа Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
- Гричан Ю. В.* Морфологическая характеристика подъемного материала стоянки Тюргун (Горный Алтай) // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск, 1982.
- Гулисашвили В. З.* Природные зоны и естественно-исторические области Кавказа. М., 1964.
- Дмитриева Т. Н.* О технике обработки камня на Ильской мустьерской стоянке // Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Долуханов А. Г.* Растительный покров // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Кавказ. М., 1966.
- Дороничев В. Б.* Мустьерские индустрии Большого Кавказа // ПАВ. 1993. № 7.
- Думитрашко Н. В.* Орография // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Кавказ. М., 1966.
- Замятнин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнейшее расселение человечества. ТИЭ. Новая серия. Т. 16. М., 1951.
- Зубов А. А., Романова Г. П., Харитонов В. М.* Антропологический анализ нижней челюсти ребенка-неандертальца из Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Исаков Ю. А., Зимица Р. П., Панфилов Д. В.* Животный мир // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Кавказ. М., 1966.
- Казарян Г. П.* К вопросу об орудийности ножей с натуральными обушками // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, 1990.
- Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л., 1979.
- Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Кожевников А. В.* Верхнеплиоценовые и четвертичные отложения долины р. Кубань // Геология Центрального и Западного Кавказа. М., 1962. (Тр. / Кавказская экспедиция ВАГТ и МГУ; Т. 3).
- Колпаков Е. М.* Проблема специфичности понятия «археологические источники» // Категории исторических наук. Л., 1988.
- Колпаков Е. М.* Теория археологической классификации. СПб., 1991.
- Колпаков Е. М., Вишняцкий Л. Б.* Современная советская теоретическая археология // Археологические вести. 1993. Вып. 1.
- Коробков И. И.* К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий (по материалам памятников Черноморского побережья Кавказа) // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966.
- Коробков И. И.* К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // МИА. № 173. Палеолит и неолит СССР. Т. 6. Л., 1971.
- Коробков И. И., Мансуров М. М.* К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий // МИА. № 185. Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л., 1972.
- Котляков В. М., Кренке А. В.* Современное оледенение и климат // Альпы—Кавказ. Современные проблемы конструктивной геологии горных стран. М., 1980.
- Кудрин Б. И.* Исследования технических систем как сообществ изделий-техноценозов // Системные исследования. М., 1980.
- Кузнецов С. С.* Недр гор Северного Кавказа. М., 1953.
- Кулаков С. А.* Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификации // ПАВ. 1993. № 7.
- Лебедева Н. А.* Геоморфология Лабино-Зеленчукского междуречья Северо-Западного Кавказа // Геология и полезные ископаемые срединной части Северного Кавказа. М., 1956.
- Левковская Г. М.* Палинологическая характеристика разреза Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.

- Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. № 131. Палеолит и неолит. Т. 5. М.; Л., 1965.
- Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.
- Любин В. П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР (МИА. № 166). М., 1970.
- Любин В. П. Мустьерская эпоха на Кавказе: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
- Любин В. П. О проявлениях локальных различий в нижнем палеолите (по материалам Кавказа) // УСА. Вып. 2. Л., 1972.
- Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Любин В. П. Стоянки в скальных убежищах: специфика и методика полевых исследований // КСИА. Вып. 202: Полевая археология древнекаменного века. М., 1990.
- Любин В. П. Итоги комплексного изучения Баракаевской мустьерской стоянки // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994а.
- Любин В. П. Методика исследований и литолого-стратиграфические полевые наблюдения // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994б.
- Любин В. П. Мустьерское местонахождение Кусрети II (Юго-Осетия) // Владикавказ: Сб. ст. (В печати.)
- Любин В. П., Аутлев П. У. Каменная индустрия // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Любин В. П., Аутлев П. У., Александрова М. В. и др. Исследования палеолита Прикубанья // АО. 1975. М., 1976.
- Любин В. П., Аутлев П. У., Гвоздецкий Н. А. и др. Опыт полевых исследований Баракаевской мустьерской стоянки (Прикубанье) // КСИА. Вып. 202: Полевая археология древнекаменного века. М., 1990.
- Любин В. П., Аутлев П. У., Гричук В. П. и др. Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1 (Прикубанье) // КСИА. Вып. 137. М., 1973.
- Любищев А. А. Значение и будущее систематики // Природа. 1971. № 2.
- Матюхин А. Е. О специфике культурного процесса в раннем палеолите (на примере галечных орудий и бифасов) // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1981.
- Матюхин А. Е. К постановке проблемы теории первобытной культуры // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990.
- Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981.
- Мильков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А. Физическая география СССР. М., 1976.
- Миньков Е. В. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и Каменная Балка II // КСИА. Вып. 202: Полевая археология древнекаменного века. М., 1990.
- Миркин Б. Г. Анализ качественных признаков (математические модели и методы). М., 1976.
- Муратов В. М. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.
- Несмеянов С. А. Корреляция континентальных толщ. М., 1977.
- Несмеянов С. А. К вопросу о геоморфологическом положении ашельских памятников Закубанья // ВАА. Майкоп, 1986.
- Несмеянов С. А. Геоморфологическое положение пещерных палеолитических стоянок в долинах рек Хосты, Кудепсты и Мзымты (южный склон Западного Кавказа) // ВАА. Майкоп, 1992.
- Несмеянов С. А. Геоморфологический очерк района палеолитических памятников Борисовского ущелья р. Губс на Северном Кавказе // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Несмеянов С. А., Голованова Л. В. Геоморфологическое положение палеолита в среднем течении р. Белой Майкопского района // ВАА. Майкоп, 1988.
- Нефедьева Е. А. Основные особенности дифференциации природы // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Кавказ. М., 1966.
- Нехорошев П. Е. Техника расщепления камня мустьерской стоянки Ильская-I // ВАА. Майкоп, 1988.
- Нехорошев П. Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // РА. 1993. № 3.
- Ниорадзе М. Г. Пещерные стоянки древнекаменного века в ущелье р. Цхалцитела. Тбилиси, 1992.
- Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов Н. Д. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // МИА. № 185: Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л., 1972.
- Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской Равнины и Крыма // Палеолит СССР (в серии «Археология СССР»). М., 1984.
- Ранов В. А. О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов/фаций в эпоху палеолита // УСА. Вып. 2. Л., 1972.
- Ранов В. А. О применении атрибутивного (количественного) метода в археологии каменного века // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985.
- Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Сафронов И. Н. Террасы Кубани // Географический сборник. 1958. № 10.
- Семенов С. А. Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- Семенов С. А. О следах работы на мустьерских орудиях из Воронцовской пещеры // МИА. № 185: Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л., 1972.
- Семенов С. А. Введение // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Синицын А. А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.
- Синицын А. А. Анализ и язык анализа археологических источников // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990.
- Степанчук В. Н. Кник-кобинская мустьерская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.
- Тушабрамишвили Д. М. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса // Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978.
- Тушинский Г. К. Кавказ // Физическая география СССР. М., 1966.
- Филиппов А. А. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.

- Формозов А. А. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Формозов А. А. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР // Советская антропология. 1958. № 1.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Формозов А. А. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья // КСИА. Вып. 98: Памятники Кавказа и Средней Азии. М., 1964.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов А. А. Развитие локальных вариантов и спорные проблемы этнокультурной истории каменного века // УСА. Вып. 2. Л., 1972.
- Формозов А. А. Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Холошкин Ю. П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1981.
- Холошкин Ю. П., Холошкина В. А., Джуракулов М. Д. Метрические характеристики пластин Самаркандской стоянки // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
- Черняховский А. Г. Состав отложений, выполнявших Баракаевскую пещеру // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Чистяков Д. А. Мутье Северо-Восточного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Чистяков Д. А. Малая Воронцовская пещера // ВАА. Майкоп, 1992.
- Чистяков Д. А. Мутьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб., 1995.
- Щелинский В. Е. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мутьерской стоянки в Прикубанье // КСИА. Вып. 141. М., 1975.
- Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мутьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- Щелинский В. Е. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья // ВАА. Майкоп, 1992.
- Bar-Yosef O., Meignen L. Insights into Levantine Middle Paleolithic cultural variability // The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability. Philadelphia, 1992.
- Barton M. Lithic variability and Middle Palaeolithic behavior // BAR International series. N 408. Oxford, 1988.
- Barton M. Beyond style and function: A view from the Middle Paleolithic // American anthropology. 1990. T. 92.
- Beyries S. Functional Variability of Lithic Sets in the Middle Paleolithic // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia, 1988.
- Binford L. R. Archaeological systematics and the study of culture process // AmAnt. 1965. V. 31, N 2.
- Binford L. R., Binford S. R. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies // American anthropologist. 68. 1966 (N 8, part 2).
- Binford L. R. Human ancestors: changing views of their behavior // Journal of Anthropological Archaeology. 1985. N 4.
- Boëda E. Le concept Levallois et évolution de son champ de application // L'Homme de Néandertal. Vol. 4: La Technique. Liege, 1988.
- Boëda E. Approche de la variabilité des systèmes de production lithique des industries du Paléolithique inférieur et moyen: chronique d'une variabilité attendue // Techniques et Culture. 1991. N 17—18.
- Bordes F. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de typologie du Paléolithique ancien et moyen // L'Anthropologie. 1950a. T. 54, N 1—2.
- Bordes F. L'évolution buissonnant des industries en Europe occidentale. Considération théoriques sur le Paléolithique ancien et moyen // L'Anthropologie. 1950b. T. 54, N 5—6.
- Bordes F. Essai de classification des industries moustériennes // BSPF. 1953. N 50.
- Bordes F. Les limons quaternaires du bassin de la Seine // Archives de l'Institut du paléontologie humaine. Mémoire. N 26. Paris, 1954.
- Bordes F. Le Paléolithique ancien et moyen de Jabrud (Syrie) et la question du Préaurignacien // L'Anthropologie. 1955. T. 59, N 3.
- Bordes F. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Mémoire. N 1. Bordeaux, 1961a.
- Bordes F. Mousterian cultures in France // Science. 1961b. N 134.
- Bordes F. Le moustérien à denticulé // Arheološki vestnik. Acta archaeologica: Brodarjev zbornik. Ljubljana. 1962—1963. T. XIII—XIV.
- Bordes F. Considération sur la typologie et les techniques dans le Paléolithique // Quartar. 1967. Bd. 18.
- Bordes F. The Old Stone Age. London, 1968.
- Bordes F. Reflections on typology and techniques in the Paleolithic // Arctic anthropology. 1969. Vol. 1, N 1.
- Bordes F. Vingt-cinq ans après: le complex moustérien revisité // BSPF. 1981. N 78.
- Bordes F., Bourgon M. Le complex moustérien: Moustérien, Levalloisien et Tayacien // L'Anthropologie. 1955. T. 55, N 1—2.
- Bordes F. et Sonneville-Bordes D., de. The significance of variability in Palaeolithic assemblages // WA. 1970. N 2.
- Bourgon M. Les industries moustériennes et pré-moustériennes du Périgord // Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Mémoire. 27. Paris, 1957.
- Brézillon M. La dénomination des objets de pierre taillée. Matériaux pour vocabulaires préhistoriens de langue française // IVe Suppl. a «Gallia-Préhistoire». CNRS. Paris, 1968.
- Callow P. Raw materials and sources // La Cotte de St. Brelade 1961—1978: excavations by C. B. M. McBurney. Norwich, 1986.
- Callow P., Webb R. E. Structure in the S. W. French Mousterian // Computers Applications in Archaeology. 1977. N 4.
- Clarke D. L. Analytical archaeology. New-York, 1978.
- Debenath A. La moustérien type «Quina» de la Vauzelle (Charente - Maritime) // BSPF. 1968. T. LXV, N 1.
- Deetz J. Invitation to archaeology. New York, 1967.
- Delarue R. et Vignard E. Intention et fractures moustériennes sectionnait des racloirs // BSPF. 1958. T. LV.
- Dibble H. Variability and Change in the Middle Paleolithic of Western Europe and the Near East // The Mousterian legacy. BAR International series. N 164. Oxford, 1983.
- Dibble H. Interpreting Typological Variation of Middle Paleolithic Scrapers: Function, Style or Reduction? // Journal of Field Archaeology. 1984a. N 11.
- Dibble H. The Mousterian industry from Bisitun Cave (Iran) // Paléorient. 1984b. N 10.
- Dibble H. Comparisons des séquences de réduction des outils moustériens de la France et du Proche-Orient // L'Anthropologie. 1987a. T. 91, N 1.
- Dibble H. The interpretation of Middle Paleolithic Scraper Morphology // AmAnt. 1987b. N 52.

- Dibble H.* Reduction sequences in the manufacture of mousterian implements of France // *The Pleistocene Old World. Regional perspectives.* New York, 1987c.
- Dibble H.* Typological aspects of reduction and intensity of utilization of lithic resources in the French Mousterian // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia.* Philadelphia, 1988a.
- Dibble H.* The interpretation of Middle Paleolithic scraper reduction patterns // *L'Homme de Neandertal. Vol. 4: La technique.* Liege, 1988b.
- Dibble H.* Local raw material exploitation and its effects on Lower and Middle Paleolithic assemblage variability // *Raw Material Economies Among Prehistoric Hunter-Gatherers.* Lawrence, 1991a.
- Dibble H.* Mousterian assemblage variability on an interregional scale // *JAR.* 1991b. Vol. 47, N 2.
- Dibble H.* Middle Paleolithic Scraper Reduction: Background, Clarification and Review of the Evidence to Date // *Journal of Archaeological Method and Theory.* 1995. Vol. 2, N 4.
- Dibble H. et Holdaway S. J.* Le paléolithique moyen de l'abri sous roche de Warwasi et ces relations avec le moustérien du Zagros et du Levant // *L'Anthropologie.* 1990. T. 94, N 4.
- Dibble H., Rolland N.* On Assemblage Variability in the Middle Paleolithic of Western Europe // *The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability.* Philadelphia, 1992.
- Dibble H., Whittaker J.* New experimental evidence on the relations between percussion flaking and flake variation // *JAS.* 1981. N 6.
- Doran J. E., Hodson F. R.* Mathematics and Computers in Archaeology. Cambridge (Massachusetts), 1975.
- Ferring C. R.* Technological change in the Upper Palaeolithic of the Negev // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia.* Philadelphia, 1988.
- Freeman L. G.* The Nature of Mousterian Facies in Cantabrian Spain // *American Anthropologist.* 1966. N 68.
- Freeman L. G.* Mousterian Facies in Space: New Data from Morin Level 16 // *The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability.* Philadelphia, 1992.
- Frisson G.* A functional analysis of certain chipped stone tools // *AmAnt.* 1968. N 33.
- Gamble C.* Exchange, foraging and local hominid networks // *Trade and Exchange in Prehistoric Europe: Proceedings of a Conference held at the University of Bristol, April 1992.* Bristol, 1992.
- Geneste J.-M.* Analyse lithique d'industries moustériennes du Périgord: une approche technologique du comportement des groupes humains au Paléolithique moyen. These Université de Bordeaux I. 1985.
- Geneste J.-M.* Economie des ressources lithiques dans le Moustérien du sud-ouest de la France // *L'Homme de Néandertal. Vol. 6: La Subsistence.* Liege, 1989.
- Golovanova L., Hoffecker D. F., Neshmeyanov S. et al.* Un site Micoquien est-européen du Caucase du Nord (Résultats préliminaires de l'étude de la grotte Mezmaiskaya, les fouilles des années 1987—1993) // *L'Anthropologie.* 1998. T. 102, N 1.
- Heinzelin de Braucourt J., de.* Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles, 1962.
- Jelinek A. J.* Form, Function and style in Lithic Analysis // *Cultural Change and Continuity.* New York, 1976.
- Jelinek A. E.* Technology, Typology and Culture in the Middle Paleolithic // *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia.* Philadelphia, 1988.
- Kolpakov E. M., Vishnyatsky L. B.* The Bordes Method? // *Norwegian Archaeological Review.* 1989. Vol. 2, N 22.
- Kuhn Steven L.* A geometric index of reduction for unifacial stone tools // *JAS.* 1990. Vol. 17, N 5.
- Laberie J.* La cadre paléoclimatique depuis 140 000 ans // *L'Anthropologie.* 1984. T. 88, N 1.
- Laplace G.* Essai de typologie systématique // *Annali dell'Universita di Ferrara. Sezione 15, suppl. 2 al vol. 1.* 1964.
- Lenoir M.* Un mode d'obtention de la retouch «Quina» dans le Moustérien de Combe-Grenal (Domme, Dordogne) // *Bull. Soc. Anthropol. du Sud-Ouest.* 1986. T. XXI, N 3.
- Leroi-Gourhan A.* Notes de morphologie descriptive. Cours de Préhistoire. Paris, 1964.
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M.* L'Habitation Magdalénienne N 1 de Pinsevent près Montereau (Seine-et-Marne) // *Gallia Préhistoire.* 1966. T. 9, fasc. 2.
- Lumley H., de.* L'industrie acheuléenne découverte sur le sol de la cabane du Lazaret // Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice). Mémoires de la SPF. 1969a.
- Lumley H. de.* Le paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. 1. Ligurie-Provence. Ve Suppl. a «Gallia Préhistoire» / CNRS. Paris, 1969b.
- Lumley H., de.* Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. 2: Bas-Languedoc—Roussillon—Catalogne. Ve Suppl. a «Gallia Préhistoire». CNRS. Paris, 1971.
- Lumley H. de, Bourelly L.* Lexique des caractéristiques de l'industrie lithique (version N 1) / CNRS. Centre d'Analyse documentaire pour l'Archéologie. Paris, 1971.
- Lumley H., de, Licht M.-H.* Les industries moustériennes de la grotte de l'Hortus (Valflaunès, Hérault) // La grotte de l'Hortus (Valflaunès, Hérault). Université de Provence. Etudes quaternaires. Mémoire 1. 1972.
- Marks A. E.* The Middle to Upper Palaeolithic transition in the southern Levant: Technological change as an adaptation to increasing mobility // *L'Homme de Néandertal. Vol. 8: La Mutation.* Liege, 1988.
- Marks A.* Typological variability in the Levantine Middle Paleolithic // *The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability.* Philadelphia, 1992.
- Meignen L.* Un exemple de comportement technologique différentiel selon les matières premières: Marillac, couches 9 et 10 // *L'Homme de Néandertal. Vol. 4: La Technique.* Liege, 1988.
- Mellars P.* Sequence and development of Mousterian traditions in south-western France // *Nature.* 1965. N 205.
- Mellars P.* The chronology of Mousterian industries in the Perigord region of south-west France // *Proceedings of the Prehistoric Society.* 1969. N 35.
- Mellars P.* Some comments on the notion of «functional variability» of stone tool assemblages // *WA.* 1970. N 2.
- Mellars P.* The Neanderthal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe. Princeton, 1995.
- Moncel M. H., Combiér J.* L'outillage sur éclat dans l'industrie lithique du site pleistocène moyen l'Ornac 3 // *L'Anthropologie.* 1992. T. 96, N 1.
- Movius H., David N., Bricker H., Clay R. B.* The analysis of certain major classes of Upper Paleolithic tools // *American school of prehistoric research.* Bul. 26. Peabody Museum, Harvard University, Cambridge, 1968.
- Otte M.* Significance of variability in the European Mousterian // *The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability.* Philadelphia, 1992.
- Peretto C.* Late Early Paleolithic and Middle Paleolithic assemblages: technical, typological and chronological aspects of the lithic complexes in the Po plain and in the Marche province // *The loess in Northern and Central Italy.* 1988.
- Perles C.* Reexamen typologique de l'industrie du Porc-Eric (Ethiopie): les pointes et pièces pointues // *L'Anthropologie.* 1974. T. 78, N 3.
- Perpère M.* Les frontières du débitage Levallois: typométrie des éclats // *L'Anthropologie.* 1989. T. 95, N 4.

Pradel L. Moustérien typique et Moustérien de tradition acheuléenne // SPF. 15e session, Poitiers-Angoulême, 1956.

Rigaud J.-Ph., Texier J.-P. A propos des particularités techniques et typologiques du gisement des Tares commune de Sourzac (Dordogne) // BSPF. 1981. T. 78, N 4.

Roe D. British Lower and Middle Palaeolithic handaxe groups // Proceedings of Prehistoric Society. 1968. T. 34.

Rolland N. Etude archéométrique de l'industrie moustérienne de la grotte de l'Hortus // La grotte de l'Hortus (Valflaunès, Hérault) / Université de Provence. Etudes quaternaires. Mémoire 1. Paris, 1972.

Rolland N. New aspects of Middle Palaeolithic Variability in Western Europe // Nature. 1977. N 266.

Rolland N. The Interpretation of Middle Paleolithic Variability // Man. 1981. N 16.

Rolland N., Dibble H. A new synthesis of Mousterian variability // AmAnt. 1990. N 55.

Sackett J. Approaches to style in lithic archaeology // Journal of Anthropological Archaeology. 1982. N 1.

Sackett J. The Mousterian and its aftermath: a view from the Upper Paleolithic // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia. 1988.

Smith Ph. Le Solutréen en France. Publications de l'Institut de Préhistoire de Bordeaux. 1966. Mémoire 5.

Sokal P. P. Cluster-analysis and classification: prerequisites and basic directions // Classification and cluster. Madison, 1980.

Sonneville-Bordes D., de. Les listes types. Observations de Méthode // Quartaria. 1974—1975. T. 18.

Speth J. The mechanical basis of percussion flaking // AmAnt. 1972. N 37.

Speth J. Experimental investigations of hard-hammer percussion flaking // Tebiwa. 1974. N 17.

Speth J. Miscellaneous studies in hard-hammer percussion flaking: the effect of oblique impact // AmAnt. 1975. N 40.

Speth J. The role of platform angle and core size in hard-hammer percussion flaking // Lithic Technology. 1981. N 10.

Tavoso A. Reflexion sur l'économie des matières premières au Moustérien // BSPF. 1984. N 81.

Tavoso A., Vezian J. La station moustérienne de l'Ermitage a Saint-Papoul (Aude) // Quartar. 1983. Bd. 33/34.

Tixier J. Typologie de Epipaléolithique du Maghreb // Mémoires du Centre de Recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques, 2. Alger, Paris, 1963.

Tixier J. Procédés d'analyse et questions de terminologie concernant l'étude des ensembles industriels du Paléolithique récent et de Epipaléolithique dans l'Afrique du Nord-Ouest // Background to evolution in Africa. Chicago, 1967.

Tugby D. J. Archaeological objectives and statistical methods: a frontier in archaeology // AmAnt. 1965. Vol. 31.

Turq A. Approche technologique et économique du faciès Moustérien de type Quina: étude préliminaire // BSPF. 1989. N 86.

Turq A. Raw material and technological studies of the Quina Mousterian in Perigord // The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability. Philadelphia, 1992.

Verjux Ch. Les denticulés moustériens // L'Homme de Néandertal. Vol. 4: La Technique. Liege, 1988.

Verjux Ch., Russeau D. D. La retouche Quina: une mise au point // BSPF. 1986. T. 83, N 11—12: Etudes et travaux.

Список сокращений

АО — Археологические открытия. М.

АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.

ВАА — Вопросы археологии Адыгеи

ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества

ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН (С.-Петербург)

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НИИЭЯЛИ — Научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории

ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.

РА — Российская археология. М.

СА — Советская археология. М.

ТИЭ — Труды Института этнографии. М.

УСА — Успехи среднеазиатской археологии

AmAnt — American Antiquity

BAR — British Archaeological Reports

BSPF — Bulletin de la Société Préhistorique Française

CNRS — Centre National de la Recherche Scientifique

JAR — Journal of Anthropological Research

JAS — Journal of Archaeological Science

SPF — Société Préhistorique Française

WA — World Archaeology

SUMMARY

Introduction

The present book is a new contribution to the series of monographs dealing with Paleolithic of the Caucasus. This monograph is devoted to a group of Paleolithic sites in the Gubs river basin (Northern Caucasus) where there were found plentiful Mousterian industries attributed to a single cultural tradition [Любин, 1977]. The present author focuses on the results of recent excavations of the multistratified site at Monasheskaya Cave and then makes an attempt to reexamine the available data on all the Gubs sites for subsequent comparison, synthesis and interpretation. Additionally, the author considers crucial questions concerning approaches to description and classification of lithic artifacts, criteria for comparative analysis of lithic assemblages, various aspects of Mousterian industrial variability etc.

Chapter 1. Concise description of the study area and situation of the sites

The Gubs is one of numerous streams belonging to the Kuban river system situated in the western part of the Northern Caucasus (so-called Kuban Caucasus). The upper reaches of the Gubs including those of the canyon are located within the mountain part of the Kuban Caucasus characterized now by temperate and mild climate and vertical zonality of landscape, whereas downstream the river runs on the plain with forest-steppe landscape and drier and warmer climate conditions. Variety of the landscape types within the Gubs basin and the canyon itself results in diversity of flora and fauna.

The Gubs canyon, approximately 4–5 km long and 150–200 m deep cut through the Jurassic limestone massif of the Skalisty (i. e. Rocky) escarpment. In the cliff extending along the northern side of the canyon there are several tiers of natural rock-shelters and grottos formed by both lateral erosion and karstic processes. The Mousterian cave sites were found in the karstic niches at an elevation of 65–70 m above the river level. Strictly speaking, Monasheskaya Cave is a combination of a large rock-shelter (390 sq. m) and a narrow 20 m long grotto. Gubski I Rock-shelter differing in a much lesser covered area is located in

the vicinity of Monasheskaya Cave. Below these cave sites in the 10–15 m terrace there was found an open-air site of Borisovskaya. Barakaevskaya Cave is a small grotto situated 2 km upstream from the Monasheskaya and Gubski I sites. Finally, Autlevskaya Cave is located not in the Gubs canyon itself but in the gorge of a tributary of the Gubs at a distance of 4–5 km from the other cave sites.

According to geologist S. A. Nesmeyanov [1994], the Gubs canyon began to form only in the Upper Pleistocene. In the Lower and Middle Pleistocene the area was occupied by the broad valley system of the Proto-Gubs. The residual original relief may be observed on the plateau surface above the canyon. Basing on correlation of the Upper Pleistocene terrace levels of the canyon with those of the Kuban and Belaya river valleys, Nesmeyanov estimates the absolute age of the Monasheskaya terrace and, therefore, that of the caves at 120–70 KYR BP. Though the proposed age limits do not contradict the archaeological facts they seem to be too rough and hardly precise. Even if these estimates are thought to be correct, they might indicate absolute ages of the caves but not those of the initial occupation levels.

Chapter 2. Methodical questions

Unsuitable excavation techniques may result in incomplete extraction of artifacts and mixture of different lithic assemblages. Then, inferences from morphological and typological analysis of lithic assemblages partly depend on a choice of criteria, attributes, methods of classification etc. Hence, presentation of data coming from both fieldwork and laboratory analysis should be prefaced with presentation of methodical approaches.

Techniques of excavation of the Gubs sites were continuously improved. Digging of the cultural deposits followed the natural stratigraphy and accompanied with wet sieving of the sediments and collection of the samples for pollen analysis, dating etc. The fill of borrows and recent pits was removed before the Pleistocene deposits were excavated. Three-dimensional position was marked for every artifact.

As to the methodology, it should be noted at first that unlike the most sciences and humanities the

archaeology has no a general theory. Probably, the reason for this is that the archaeology, in fact, consists of several quite distinct branches dealing with material culture of different epochs, areas, communities etc. The archaeology of the Paleolithic, especially that of the Lower and Middle Paleolithic, is most distinguished for the character of cultural remains that suggests a need in some special theory aimed at extracting various information coded primarily in lithic artifacts.

According to F. Bordes [1961] and his supporters, the most Middle Paleolithic tools represent complete and intended forms or types reflecting certain designs in the mind of the artisans. In turn, some scholars (H. Dibble, N. Rolland, A. Jelinek and others) believe that variation in tool forms should be attributed mainly to systematic (less or more) resharpening or reworking of initial blanks whose shapes and size strongly depend on qualities and availability of exploited raw materials. It seems that these extreme points of view may meet. First, any toolmaker must keep in his mind more or less clear idea about desired tool form or its modification. Second, an artisan might aim to fashion as a whole tool form as certain working parts or details. Third, for a number of reasons (hard raw material, mistakes in treatment etc.) the artisan' idea or "mental template" would be hardly realized completely as a rule. Therefore, tool production is influenced by various factors determining both occasional and stable morphological features. Strictly speaking not all the tool varieties may be defined as types but only ones where a complex of stable morphological features is reproduced.

To reveal morphological particularities of every tool form and, then, every lithic assemblage one should consider all the observable attributes. In every case we deal with a unique typological structure including certain varieties and types of blanks, tool shapes, working parts etc., that should be reflected in a special type-list. However, at the same time there is a task of comparison between different lithic industries that suggests application of some general type-list with common types. Hence, the dual approach involving both certain local type-list and general one seems to be the most suitable.

As to the general type-list the Bordian one continues to be used by the most researchers in spite of more or less criticism concerning his unclear criteria for selection of the types, their definitions etc. It seems that any method aiming at comparative analysis of different lithic industries can hardly avoid the most mentioned faults. A great number of tool varieties and types existing in reality can't be embraced with a single list. Hence, any variant of the general comparative type-list is to be restricted by one or another way and approaches to selection of the types may be different enough. Since it is impossible at all that any general classification would be ideally universal and all-purpose, it would be better, in the author's opinion, to improve the Bordian method than to make at-

tempts at creation of something alternative to this. The Bordian method should be adapted to a wider range of lithic assemblages as well as to new notions of the tool variability. The list must be enlarged to about one hundred items including recognizable types of points, dejeté scrapers, foliates etc. A number of calculated indices must be increased too. At the same time this list should be cleaned of occasional unintentional forms (N 45—50).

The special type-list should be created as far as it possible on the basis of the attributive cluster-analysis; carefully fashioned and complicated tool forms and types recognized elsewhere must be included there as well. Additionally, the typological classification is to be supplemented with comprehensive statistics to reveal peculiar character and regularities in distribution of separate attributes.

The attributive analysis involving quantitative methods and computer technologies is seemed to be the most objective method for description and classification of lithic artifacts extremely varying in morphology. However, there is a problem of a choice of attributes and their hierarchy. According to the theory, this must be determined by research tasks and suggests, therefore, some notions on significance of every attribute. Till now, however, researches into the factors resulting in certain morphological traits of the Middle Paleolithic tools remain at a sufficiently rudimentary level. Hence, in spite of great potentialities of the attributive analysis, there are still few examples of successful application of this approach to the Middle Paleolithic tool assemblages.

Examining the industry of Monasheskaya Cave the author focuses on both its special characters and changes in time. The latter were proposed to be observable there because at Monasheskaya Cave we deal with a multilevel site. To reveal this a statistical analysis was aimed at stratigraphic distribution of various quantitative and qualitative characteristics for all kinds of artifacts, including various fragments and chips. As to the tools, statistical observations have been made for numerous single lateral scrapers; the recognizable types of their retouching edges have been taken into consideration too. A limited attributive cluster-analysis has been applied only to the group uniting the sufficiently numerous and complicated tools with two convergent retouched edges (convergent and dejeté scrapers and points). This attempt was not quite successful because the chosen attributes proved not to be suitable enough for adequate description of variations in the tool forms. Nevertheless, the results were usable as for understanding a pattern of variability within this tool group as for prospects for improvement the method. Results of the morphological and typological analysis of the tool assemblages from different layers have been presented by means of both the Bordian type-list and special local one.

Finally, the author touches upon the problem of distinction between deliberate denticulated and notched tools and various pieces with unintentional

denticulate retouch and occasional notches. Following the approach of the most researchers, the author makes this distinction basing on regularity of retouch. Classification of such tools is grounded primarily on variations of size and position of denticulated edges or notches on blanks.

Chapter 3. Field investigation of Monasheskaya Cave

The Mousterian site at Monasheskaya Cave has been discovered in 1961 by the late local archaeologist P. U. Autlev whose test pit of 5.6 sq. m has yielded more than 1200 lithics. Though Autlev recognized three different layers, he has not remained any records of stratigraphic position of finds, not speaking about that in plan. In 1964 the sediment section was studied more carefully by geologist V. M. Muratov. He divided the 2 m thickness into 5 stratigraphic unites. These layers are as follows: 1 — modern humic sandy loam (up to 0.7 m); 2, 3 and 4 — the Pleistocene sandy loam deposits differing in color, density, percentage of rubble etc.; 5 — thin horizon of limestone slabs (eluvium of the bedrock).

Further the investigation of Monasheskaya Cave was continued by V. P. Liobine. In 1975—1976 he undertook there systematic excavations on a square-by-square basis with a special attention to stratigraphy and position of every find. The excavated area measured 31 sq. m and both a new transverse section and longitudinal one with the similar stratigraphic sequence have been obtained there. Three Mousterian cultural layers (2, 3 and 4) located only within the karstic chute have yielded totally over 6,700 artifacts dominated by waste. Several Upper Paleolithic implements found in the rests of travertine floor at a height of 2.0—2.5 m from the modern ground floor indicated that initially the Mousterian thickness was covered with Upper Paleolithic deposits which were removed probably by recent cave inhabitants.

Since in 1975—1976 only a small part of inhabitable area with a low density of finds has been exposed, the present author resumed again excavation of the site (1987—1991). The new area located further to the north or inner part of the cave hardly exceeded 7 sq. m but yielded a large number of finds. Toward the northern end of the excavation both quantity and density of finds continually decreased as the Mousterian thickness was being reduced. The layer 2 contained also anthropological remains of a Neanderthal man (10 teeth, fragments of ribs, etc.).

To continue investigation of the richest part of the site the next excavation area of 6 sq. m has been expanded to the west. Generally, the visible stratigraphic sequence was the same as observed earlier. However, within the layer 3 the dark-colored horizon or rather lens with the highest density of finds has been found there. In the column seen on the northern wall this dark lens-like horizon (3a) was covered with several streaks not observed in the other parts of the ex-

cavation. This area has yielded the largest lithic collection and the maximum density of finds was in the dark lens-like horizon.

On the whole in every sediment sections within the excavated part of the cave (more than 40 sq. m in total) one may recognize four major layers: 1 — humic sandy loam with mixed archaeological materials (from Mousterian flints to medieval pottery); 2 — gray-pale, partly brownish sandy loam with a lot of small angular rubble (the uppermost Mousterian level); 3 — consisting of two parts: 3A — yellow-gray sandy loam with less number of rubble of larger size (the middle Mousterian level), 3B — rock fall horizon containing chiefly limestone blocks, rubble and crumbs with a small percentage of the same filling (sterile); 4 — yellowish-brown loam with a small number of partly rounded rubble (the lowermost Mousterian level). The Mousterian layers are located within the karstic chute and accordingly inclined toward the outer edge of the cave ground. The thickness of every layer varies and as a whole the thickness of Mousterian deposits changes from 0.7 m (in the inner cave part) to 1.7 m (in the outer part). In the lowermost layer 4 a number of finds was the smallest and they were scattered, whereas toward the upper layers the amount of finds was increasing and they were concentrated into certain spots. The extremely heavy concentration of lithics and burnt animal bones was in the dark or ashy-colored horizon 3a partly exposed in the excavation area 1990—1991. The evidence of the extraordinary high intensity of occupation within this clearly limited and saucer-like horizon permits the author to treat this as possible traces of some kind of dwelling.

Chapter 4. Analysis of the biostratigraphic evidence from Monasheskaya Cave

For some unfavorable taphonomic conditions a preservation of bones in the Mousterian deposits of Monasheskaya Cave was not enough and the most bones were decomposed and mouldered away. The rest were dominated by small splintered pieces and only rare bones have been defined to species. According to paleozoologist G. F. Baryshnikov, the bison is predominant, but several bones of red deer (layer 2 and 3A), roe (layer 3A), wild goat (layer 2 and 4), horse (layer 2) were noted too. The bones of small mammals were more abundant (603) and belong to 24 species that are listed in Table 1. However, their number in every layer is not sufficient yet for sure inferences about the character of the fauna composition and its changes in time.

The pollen analysis (after G. M. Levkovskaya) showed that compared with the modern environment that of the Mousterian occupation is distinguished generally for the relative predominance of open landscape and the colder climate than it is now. At the same time there were at least three warm phases with a dominance of deciduous trees and presence of ex-

otic plants (*Juglans regia*, *Pistacia*, *Pterocarya*) which have been revealed in the middle part of the layer 4 and within the layer 3A (the lowermost horizon and dark horizon 3a). The most severe climate (conditions of alpine-subalpine zone) was reconstructed for the rock fall horizon 3B. The layer 2 is remarkable for the strong and permanent predominance of non-arboreal xerophilous plants. So, to the end of Mousterian occupation of the cave the climate appeared to become quite cold and dry and the forest-steppe or, rather, steppe landscape prevailed in the locality around the site.

Chapter 5. Lithic industry of Monasheskaya Cave

The collection from the Mousterian layers of Monasheskaya Cave contains 42,024 pieces dominated by small (i. e. less than 3 cm) flakes (65.4 %) and chips (14.8 %) attributed to debris. The flake blanks including their fragments make 8.5 %, various blades — 4.2 %. Cores not exceed 0.8 %. Tools (3.3 %) include as some indefinable tool fragments as the tools proper, i. e. those identified to certain types (888 items or 2.2 %). When followed through the stratigraphic sequence these percentages somewhat were varying, e. g. the debris proportion increased upwards.

A raw material is dominated by a local dark nodular chert of small size and low quality (90—94 % of total finds in different levels). The rest belong to a multicolored flint of higher quality that was imported from outside the canyon and used primarily for manufacturing certain perfect blanks and especially tools (from 20 to 32 %).

Of cores (313 items) the uni-directional ones prevailed absolutely, some other variants (bi-directional, radial etc.) were rare enough. A presence of several prismatic and subprismatic cores should be noted too. The most cores (70 %) have diameter of 4—5 cm; the larger ones are not frequent. The unusual miniaturized cores (less than 3 cm) make 14.6 % and belong mostly to the lens-like horizon 3a within the layer 3A.

The blanks are dominated by flakes which are usually shorter than 5 cm (from 87 to 95 %). The distribution of scar patterns corresponds generally to that among the cores but the latter are too scanty for production of such amount of flake blanks. Regarding a raw material, in comparison with the flakes the cores of the imported colored flint were met much more rarely. The blades defined as elongated removals with parallel scars make from 10.7 to 17.4 % and the corresponding cores are too rare again. All these facts suggest that there was import of rather blanks than cores. From the bottom layer to the upper ones as an amount of the cores and blanks increases as their mean size and the values of the both faceting indices decrease. IF large varies from 53.0 to 37.5 and IF strict from 40.3 to 23.4. The minimum values were noted for the lens-like horizon 3a within the layer 3A.

The identified tools (888 pieces) are dominated by side-scrapers (26.4 %). The single lateral side-scrapers are the most numerous and make from 17.2 to 37.9 % of the tools in different levels. They were fashioned mainly on the flake blanks (74—89 %) and usually have convex retouched edges (54—78 %). The natural backs are common enough (22—51 %). Basing on the edge angle, profile, outlines in plan, the morphology of the retouch scars and the use-wear macro-traces of these scrapers the author distinguishes 6 variants of the retouched edges (fig. 36B). Certain changes in distribution of the recognizable edge types as well as in the mean length, thickness, percentage of backed forms and some other characteristics through the stratigraphic sequence have been traced too (table 12). The other varieties of the single side-scrapers such as the transverse, diagonal and angle ones are quite rare.

The points, convergent and dejeté scrapers have been considered as separately as a whole group of tools with convergent retouched edges. The points and convergent scrapers vary continuously, the dejeté ones shows several recognizable subtypes.

The cluster-analysis confirmed similarity between such tools from the Monasheskaya and Barakaevskaya sites. Correlation between some attributes and changes of certain metrical parameters according to the stratigraphic sequence have been traced as well. Like the simple side-scrapers, the convergent tools demonstrate decrease of size from the bottom to the top levels and the minimum mean size was noted for the lens-like horizon 3a.

The Upper Paleolithic group makes from 8 to 12 % in different levels. Burins are dominated by the angle ones but several more complicated forms resembling typical Upper Paleolithic forms were met too. The end-scrapers vary enough but some subtypes may be distinguished. A percentage of backed knives was not calculated because it is concern of rather use-wear analysis than typology to identify tools among pieces with unretouched sharp edge. However, several possible backed knives have been noted and drawn. As denticulated tools only those with clear regular notches were regarded (5.3—16.4 %). The maximum percentage was noted for the horizon 3a. The most notches were presented by clactonian ones (158 from 189). There are also 15 pieces with two adjacent notches forming some spines or becs. On the whole the notched tools make from 2.9 % (layer 3A, horizon 3) to 30.7 % (horizon 3a). Various becs and borers were noted too (4.7—12.2 % in sum). A group of combination tools with two or more different working parts includes 30 pieces (3.4 %) and 35 tools have been attributed to miscellaneous.

The main tendency shown by both the products of flaking and the tools in time is increasing of a number of finds and decreasing of their size with extreme values in the upper level of the layer 3A where the lens-like horizon 3a exists. Some improvements in blade production to the upper levels were traced too (increasing proportions of true prismatic blades and

crested ones). There were no any essential changes in both techniques of fashioning of tools and the tool set excepting some fluctuations of type proportions and appearance or disappearance of certain rare forms. The most evident is extremely high percentage of notches and denticulated tools in the horizon 3a. This level is also remarkable for the largest number of finds, the maximum percentage of fragmented pieces as well as the minimum values of IF, IF strict and I lam. It seems that the visible changes in time resulted primarily from both increasing intensity of occupation and increasing deficiency of suitable raw material. The peculiarities of the horizon 3a appear to reflect the highest degree of the occupation intensity within limited area and relative predominance there of certain special activity (probably woodworking).

Chapter 6. Cave sites of Autlevskaya, Barakaevskaya and Gubski N1 Rock-shelter

Till now an investigation of the Autlevskaya Cave located in the neighboring gorge was limited to test excavation of 5.5 sq. m. The sediment section exposed eight stratigraphic units 1.3–1.7 m thick in total, but the cave bedrock has not been reached yet. The upper part of the sequence (layers 2–4) including rock fall level resemble the Mousterian deposits of the Gubs cave sites, the lower ones (layers 5–6) differs in a higher proportion of the clay fraction and less number of clasts. Nine pieces from the layers 2–5 seem to be quite similar to finds from the Gubs Mousterian sites, whereas four tools from the lower layers are distinguished for the greater thickness, the stronger patina and oblique striking platforms. The site at Autlevskaya Cave allowed to be a short-term hunting camp visited from time to time by Mousterian inhabitants of the Gubs sites and, probably, by some their predecessors.

The site of Gubski N1 Rock-shelter has been almost entirely excavated (13.6 sq. m) by P. U. Autlev who did not pay attention to the stratigraphic and planigraphic position of every find. The later attempt to enlarge the collection was not successful. Hence, we have to deal with the Autlev's collection uniting 671 pieces from three Mousterian layers. Basing on comparative analysis of this collection and the initial small collection (1205 pieces) from Monasheskaya Cave V. P. Lioubine [1977] has established their close similarity. A new comparison between the Gubski N1 Rock-shelter collection and those from different Mousterian layers of Monasheskaya Cave confirms this conclusion. Certain features of the Gubski N1 collection and new observations on the site stratigraphy permitted the present author to propose that the Mousterian cultural deposits of the Gubski N1 Rock-shelter correspond rather to the uppermost part of the Mousterian sequence at Monasheskaya Cave.

The Mousterian site at Barakaevskaya Cave has been completely excavated and studied in detail by the research team headed by V. P. Lioubine [Любин и др., 1994]. In this small grotto there was a single

Mousterian layer 0.15–25 m thick covered with a thin travertine floor. This layer was excavated with four conventional horizons that made it possible to trace both environmental and industrial changes. As the faunal and pollen analysis show the layer began to form in quite severe climate (periglacial conditions). Then the climate was being warmer and for the top horizon (travertine floor) the interstadial conditions have been reconstructed.

The Mousterian layer yielded 21,402 pieces dominated by waste (96%). The cores (60 or 0.28%) are chiefly small and exhausted, the most flakes (66.7%) do not exceed 4 cm. All the technological indices are low enough (I lam – 9.4; IF large – 24.4; IF strict – 9.7; IL – 1.8–6.2). The tools (3.7%) are dominated by simple side-scrapers (24%) and notched tools (37.3%). Generally the tool set is very similar to that of Monasheskaya Cave and contains the same tool types including peculiar varieties of convergent and dejeté scrapers. The techniques of fashioning the tools in these sites are close too. In spite of some differences both sites appeared to belong the same cultural tradition. The assemblage of Barakaevskaya Cave rather represents its early stage reflected probably also in the lower levels of Monasheskaya. Like the site of Monasheskaya Cave that of Barakaevskaya Cave has yielded anthropological remains (mandible of 2–3 old child and several isolated teeth) confirming that the industry belongs to Neanderthals.

Chapter 7. Occurrences in the Gubs river valley

In the Gubs river basin there are seven occurrences containing Mousterian finds.

Two points yielding too scanty collections are not described there. Of the rest four occurrences are located outside the canyon, on the lower reaches of the Gubs and its tributaries. The finds have been collected in river gravels and on the surface of the low terraces. The raw material is represented by nodules and pebbles of multicolored flint of high quality and dark chert similar to that of the canyon and more usual in the points located upstream. It should be noted that among the finds there are large percentages of cores and cortical flakes. The analysis revealed that the collected material is not homogenous and probably contains as some archaic artifacts (Acheulian?) as certain typical Upper Paleolithic pieces. However, the most finds seem to be Mousterian ones and among the latter there are several tools analogous to specimens from the Gubs cave sites. Owing to abundance of suitable flint material this area appeared to attract Paleolithic men at all times but the most active visitors were the Mousterian cave inhabitants. Unfortunately, till now we deal with only isolated redeposited finds and no proposed workshops have been discovered there yet.

Within the Gubs canyon an open-air occurrence or site of Borisovskaya has been found in the low terrace below Monasheskaya Cave and by this reason

there was a question concerning a character of their deposition. Certain facts and observations permit the author to support the opinion of V. P. Lioubine that this was a true site partly destroyed by slope erosion and the modern road. The finds were met up to the depth of 3—4 m from the terrace surface but there were no any visible strata in this artifact-bearing thickness of brown loam. The most finds were collected on road surface below the site and only about two thousand pieces were extracted from the exposed part of the terrace. Examination of the collection shows its close similarity to the industries of the cave sites. Some peculiarities (extreme abundance of notched and denticulated tools and end-scrapers, a large number of thinned or reshaped tools, rarity of points etc.) may be explained by special use of the site (emphasis on some kinds of woodworking?).

Chapter 8. The Gubs Mousterian culture and problems of Mousterian industrial variability

The comparative analysis of lithic materials from several Mousterian sites located within the Gubs basin area shows the close similarity of these industries. Hence, following V. P. Lioubine, the author inclines to attribute the examined industries to the same cultural tradition, or "culture" as it was accepted to define this in the Russian archaeological literature. Since this concept is not in agreement with the modern course in Mousterian studies the author briefly reviews the history of debates about the nature of Mousterian and major factors of Mousterian industrial variability (from F. Bordes to H. Dibble, including discussions among the Paleolithic scholars of the ex-USSR).

The author believes that the Bordian method is aimed rather at a general comparative analysis of Mousterian assemblages than at search for special features characterizing every industry (see Chapter 2). When using this method everyone is hardly able to avoid the inference about existence in Mousterian

only several variants differed mainly in percentages of major tool classes. It is thought not to be correct to reject a possibility of discovering the local cultural traditions in Mousterian if no special attempts were made to examine this with adequate methods.

Investigations of multilayered sites like Monasheskaya Cave where certain industry may be traced in the stratigraphic sequence display that as a rule it is identified for a stable complex of types or typical characteristics reproduced in time. Certainly, a lot of industrial characteristics resulted as well from adaptation to raw materials, variable intensity of lithic production and use of tools, spectrum of activities and special purpose of a site, occasional variations in technology etc. Nevertheless, since the knowledge of lithic technologies and techniques must be transmitted from one generation of toolmakers to another it suggests appearance of traditions and, therefore, of some traditional, i. e. typical forms or elements. In the industry of Monasheskaya Cave one may recognize as aforementioned variable forms and characteristics as stable ones or so-called "typological kernel". Given the latter is traced for a whole group of sites existing for a sufficiently long period within limited area (as it took place in the Gubs canyon), the term "cultural tradition" or "local culture" seem to be quite suitable for this phenomenon.

Conclusion

In this part of the book the author briefly states again the main inferences from the study. Judging by all the facts involved the Gubs sites are supposed to date back to the end of isotope stage 3. Additionally, certain parallels between the Gubs sites and several other Mousterian sites of the region are considered there. Finally, the author is going to some assumptions concerning probable use of every site, exploitation of natural resources of the area etc.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5	5.3.6. Сравнительный анализ данных по нуклеусам и сколам	88
Глава 1. Краткая характеристика района исследований и местоположение памятников	6	5.4. Типолого-морфологический анализ	88
1.1. Общие сведения о расположении и природных особенностях бассейна р. Губс	6	5.4.1. Вводные замечания	88
1.2. Рельеф ущелья и особенности расположения памятников	9	5.4.2. Простые боковые скребла	88
1.3. Обсуждение оценок возраста рельефа (по С. А. Несмеянову)	16	5.4.2.1. Общая характеристика	88
Глава 2. Вопросы методики	19	5.4.2.2. Обсуждение подходов к классификации рабочих краев простых скребел	89
2.1. Вводные замечания	19	5.4.2.3. Распределение характеристик простых боковых скребел по слоям	94
2.2. Методика раскопок	19	5.4.3. Двойные боковые скребла	99
2.3. О роли теории в анализе каменного инвентаря	23	5.4.4. Угловые скребла	101
2.4. Особенности формообразования среднепалеолитических изделий	24	5.4.5. Диагональные скребла	101
2.5. Морфолого-типологический анализ: принципы и подходы	26	5.4.6. Поперечные скребла	102
2.6. Методика Ф. Борда как инструмент анализа	27	5.4.7. Скрепки	102
2.7. Применение атрибутивного анализа: проблемы и возможности	28	5.4.8. Резцы	106
2.8. Перспективы совершенствования методики анализа каменного инвентаря	29	5.4.9. Ножи	106
2.9. Основные принципы анализа индустрии Монашеской пещеры	30	5.4.10. Зубчатые орудия	109
2.10. Использование атрибутивного анализа для коллекции Монашеской пещеры	33	5.4.11. Выемчатые орудия	111
2.11. Проблемы выделения и классификации зубчато-выемчатых орудий	35	5.4.12. Ключевидные орудия и иные формы, близкие к ним	114
Глава 3. Полевые исследования Монашеской пещеры	37	5.4.13. Остроконечники	116
3.1. Начальный этап (1961—1964)	37	5.4.14. Конвергентные скребла	120
3.2. Первый цикл раскопок (1975—1976)	39	5.4.15. Угловатые скребла	123
3.3. Возобновление раскопок (1987—1988)	43	5.4.16. Итоги атрибутивного анализа конвергентнолезвийных орудий	126
3.4. Раскопки 1990—1991 гг.	47	5.4.17. Комбинированные орудия	134
3.5. Общие итоги литолого-стратиграфических и планиграфических наблюдений	52	5.4.18. Разные (divers)	134
Глава 4. Анализ биостратиграфических материалов из Монашеской пещеры	65	5.4.19. Фрагменты орудий из мустьерских слоев	137
4.1. Фаунистические остатки	65	5.4.20. Орудия с неясной стратиграфической позицией	140
4.2. Палинологические данные	67	5.4.21. Итоги типолого-морфологического анализа	140
Глава 5. Каменная индустрия Монашеской пещеры	71	5.5. Динамика индустрии во времени	142
5.1. Общие данные	71	Глава 6. Пещерные стоянки Аутлевская, Баракаевская и Губский навес № 1	144
5.2. Сырье	72	6.1. Аутлевская пещерная стоянка	144
5.3. Техника расщепления	73	6.2. Губский навес № 1	149
5.3.1. Нуклеусы	73	6.3. Баракаевская пещерная стоянка	154
5.3.2. Отщепы-заготовки	79	Глава 7. Мустьерские местонахождения в долине реки Губс	164
5.3.3. Пластины	82	7.1. Общие сведения	164
5.3.4. О проявлениях верхнепалеолитической техники	85	7.2. Местонахождения в нижнем течении р. Губс	164
5.3.5. Подправка ударных площадок сколов	87	7.3. Борисовское местонахождение	173
		Глава 8. Губская культура и проблема мустьерской variability	183
		Заключение.	196
		Литература	199
		Список сокращений	204
		Summary	205

CONTENTS

Introduction	5	5.3.6. Comparative analysis of data on the cores and blank production	88
Chapter 1. Concise description of the study area and situation of the sites.	6	5.4. Morphological and typological analysis	88
1.1. General information on geographic location and natural characteristics of the Gubs canyon	6	5.4.1. Preliminary notes	88
1.2. Relief of the canyon and specialities in the site positions	9	5.4.2. Single side-scrapers	88
1.3. Consideration on estimates of the relief age (after S. A. Nesmeyanov)	16	5.4.2.1. General description	88
Chapter 2. Methodical questions.	19	5.4.2.2. Discussion on approaches to classification of working edges of side-scrapers	89
2.1. Preliminary notes.	19	5.4.2.3. Distribution of certain characteristics of the single side-scrapers in different layers of the Monasheskaya Cave	94
2.2. Techniques of excavation	19	5.4.3. Double side-scrapers.	99
2.3. On the part of a theory in the lithic assemblage analysis.	23	5.4.4. Angle scrapers	101
2.4. Peculiar features in forming of the Middle Paleolithic artifacts	24	5.4.5. Side-scrapers with oblique retouched edge	101
2.5. Morphological and typological analysis: principles and approaches.	26	5.4.6. Transverse scrapers.	102
2.6. The Bordesian method as a tool of the analysis	27	5.4.7. End-scrapers	102
2.7. Application of the attributive analysis: problems and possibilities	28	5.4.8. Burins	106
2.8. Prospects for improvement in methods of the lithic assemblage analysis.	29	5.4.9. Knives	106
2.9. Principal approaches to analysis of the industry from Monasheskaya Cave	30	5.4.10. Denticulates	109
2.10. Use of the attributive analysis for the collection of Monasheskaya Cave	33	5.4.11. Notched tools	111
2.11. Questions concerning definition and classification of denticulated and notched tools	35	5.4.12. Becks and other similar forms	114
Chapter 3. Field investigation of Monasheskaya Cave.	37	5.4.13. Points.	116
3.1. Initial stage (1961—1964)	37	5.4.14. Convergent scrapers	120
3.2. First series of excavation (1975—1976)	39	5.4.15. Déjeté scrapers	123
3.3. Resumption of excavation (1987—1988)	43	5.4.16. Results of the attributive analysis of the convergent tool group.	126
3.4. Excavation 1990—1991	47	5.4.17. Combination tools	134
3.5. General results of sedimentological, stratigraphic and planigraphic observations	52	5.4.18. Miscellaneous (divers)	134
Chapter 4. Analysis of the biostratigraphic evidence from Monasheskaya Cave	65	5.4.19. Tool fragments from the Mousterian layers	137
4.1. Faunal remains.	65	5.4.20. Tools of unclear stratigraphic position	140
4.2. Palynological data	67	5.4.21. Results of morphological and typological analysis	140
Chapter 5. Lithic industry of Monasheskaya Cave.	71	5.5. Changes of the industry in time	142
5.1. General information	71	Chapter 6. Cave sites of Autlevskaya, Barakaevskaya and Gubski N1 Rock-shelter	144
5.2. Raw material	72	6.1. Autlevskaya Cave	144
5.3. Primary flaking	73	6.2. Gubski N1 Rock-shelter	149
5.3.1. Cores	73	6.3. Barakaevskaya	154
5.3.2. Flake blanks	79	Chapter 7. Occurrences in the Gubs river valley	164
5.3.3. Blades	82	7.1. General information.	164
5.3.4. About manifestations of the Upper Paleolithic flaking technique	85	7.2. Occurrences on the Gubs lower reaches.	164
5.3.5. Preparation of the flake platforms	87	7.3. Site of Borisovskaya	173
		Chapter 8. The Gubs Mousterian culture and problems of Mousterian industrial variability.	183
		Conclusion	196
		References	199
		List of abbreviations	204
		Summary	205

Серия существует с 1996 г.

В серии вышли книги:

**С. А. Васильев. Палеолит верхнего Енисея
(по материалам многослойных стоянок района Майны).**

СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. ISBN 5-85803-069-6

Книга содержит полную публикацию материалов группы многослойных палеолитических стоянок, исследованных во время работ на водохранилище Майнской ГЭС на Верхнем Енисее. Дано описание стратиграфии памятников, реконструкция древней природной среды, многочисленных объектов культурных слоев, богатой коллекции каменного и костяного инвентаря, украшений. Особое значение имеет уникальная находка палеолитической глиняной статуэтки. Издание богато иллюстрировано.

Д. Г. Савинов. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.:

Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. ISBN 5-85803-073-4

Поселение Торгажак (относится к позднему этапу карасукской культуры и датируется X—IX вв. до н. э.) — самое крупное из всех известных в настоящее время поселений эпохи поздней бронзы — находится на юге Минусинской котловины. Найдено большое количество (более 150) предметов из бронзы, кости, рога и камня (бронзовые серпы, зернотерки, наконечники стрел, предметы конской упряжи, каменные крышки от сосудов и др.); несколько тысяч фрагментов керамики от 300—400 сосудов. Особое значение имеют произведения искусства — каменное изваяние и плитки с изображениями лошадей, найденные в специально оборудованных нишах; многочисленные антропоморфные и геометрические рисунки на гальках (222 экз.), представляющие новый, до сих пор неизвестный вид древнего народного творчества. Постройки Торгажака могут одновременно рассматриваться и как самые ранние «храмовые» сооружения древнего населения Южной Сибири. Издание богато иллюстрировано.

Н. Н. Гурина. История культуры древнего населения Кольского полуострова.

СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. ISBN 5-85803-064-5

Монография содержит первую подробную публикацию результатов 20-летних исследований Кольской археологической экспедиции. В ходе работ было открыто более четырехсот археологических памятников, целый ряд из них изучен стационарными раскопками. Излагаются данные исследований стоянок эпох мезолита, неолита и раннего металла, а также средневековья. Разработана периодизация комплексов и их хронология с широким использованием данных естественнонаучных дисциплин. Сведены имеющиеся данные о погребениях каменного века и эпохи раннего металла, предложена типология основных категорий инвентаря каменного века и эпохи раннего металла. Рассмотрены история археологического изучения Кольского полуострова, палеографическая обстановка региона.

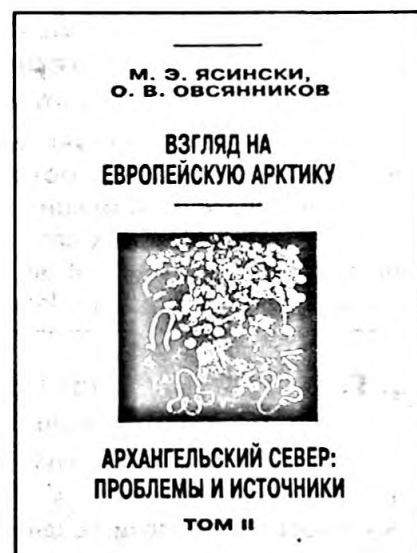
О. В. Овсянников, М. Э. Ясински. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: Проблемы и источники. Том I.

СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. ISBN 5-85803-129-3

Монография публикует материалы изысканий авторов по истории культуры Русского Поморья в VI—XVIII вв. Источниками настоящего исследования (т. I—II) послужили археологические работы О. В. Овсянникова в 1959—1996 гг. на территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и археологические исследования М. Э. Ясинского в 1987—1997 гг. на архипелаге Шпицберген и на Атлантическом побережье Северной Европы. Результаты научных изысканий авторов в области археологических и архитектурных памятников сопровождаются анализом соответствующих исторических источников, касающихся средневековых городов Архангельского Поморья. В данном томе монографии также затронуты проблемы культурных контактов между Россией и Норвегией — в области судостроения, мореходства и морских промыслов. Характер публикации письменных документов, их репертуар, подобранный авторами, позволили выйти на уровень исторической генеалогии, которая в концепции авторов выступает как персонифицированный «механизм» передачи культурных и ремесленных традиций на протяжении более чем одного столетия. Уникальные исторические описания XVIII в. основных культурных, административных, ремесленных и торговых центров Северного Поморья — Архангельска и Холмогор, которые сами по себе являются памятниками истории и историографии, а также этнографии, архитектуры и «природоведения», представят несомненный интерес для археологов, историков, этнографов, а также любознательных читателей, которым небезразличны история и судьбы культурного наследия Русского Севера.

М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. II. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. ISBN 5-85803-105-6

Монография продолжает исследования авторов по истории культуры Русского Поморья и является первой сводной публикацией археологических, архитектурно-археологических материалов и письменных документов по истории пост-средневековых городов Архангельского Поморья. Напомним, что источниками настоящего исследования (т. I—II) послужили археологические работы О. В. Овсянникова в 1959—1996 гг. на территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и археологические исследования М. Э. Ясинского в 1987—1997 гг. на архипелаге Шпицберген и на Атлантическом побережье Северной Европы. Второй том монографии посвящен истории наиболее ярких ремесел региона (обработке металлов и кости, иконописи и строительному делу), написан на уникальной источниковедческой базе: полевых археологических исследованиях и наиболее ценного пласта письменных документов по истории городских центров Северного Поморья — писцовых и переписных книгах XVII—XVIII вв. Характер публикации письменных документов, их репертуар, подобранный авторами, позволили выйти на уровень исторической генеалогии, которая в концепции авторов выступает как персонифицированный «механизм» передачи культурных и ремесленных традиций на протяжении более чем одного столетия. Уникальные исторические описания XVIII в. основных культурных, административных, ремесленных и торговых центров Северного Поморья — Архангельска и Холмогор, которые сами по себе являются памятниками истории и историографии, а также этнографии, архитектуры и «природоведения», представят несомненный интерес для археологов, историков, этнографов, а также любознательных читателей, которым небезразличны история и судьбы культурного наследия Русского Севера.

Полную информацию о книгах нашего издательства можно получить по адресу:

<http://pvcentre.webjump.com>

По поводу приобретения книг нашего издательства обращаться в

Издательско-торговый дом «Летний сад»

197136, Санкт-Петербург, Большой проспект ПС, д. 82. Тел.: (812) 232 21 04. Факс: (812) 233 19 62

Представительство в Москве: ул. Б. Никитская, д. 46. Тел.: (095) 290 06 90

E-mail: letnysad@mail.wplu.net

Книжная серия

Серия «Ethnographica petropolitana» образована в 1998 году

В серии вышли книги:

Симаков Г. Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии: ритуальный и практический аспекты.

СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. 320 с. ISBN 5-85803-111-0

Настоящая книга посвящена малоизученной в этнографии теме охоты с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана. Автор впервые в отечественной и мировой науке рассматривает соколиную охоту в связи с древним культом хищных птиц, что позволяет дать объяснение многим социальным и хозяйственным аспектам этого вида охоты с точки зрения древних религиозно-магических представлений, высказать предположения о происхождении как отдельных элементов соколиной охоты, так и промысла в целом. Особое место в работе занимает анализ специфического древнего, некогда тайного языка сокольников региона, и в частности — подробное рассмотрение народной классификации ловчих птиц у казахов и киргизов. В основу книги положены оригинальные полевые материалы автора, собранные им во время экспедиционных поездок в течение более чем двадцатипятилетнего периода работы над избранной темой.

Этикет у народов Южной Азии (Индия, Непал, Шри Ланка).

СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. ISBN 5-85803-121-8

Коллективная монография «Этикет у народов Южной Азии» является одной из первых в мировой науке, где предметом рассмотрения стал этикет — важный феномен культуры общения народов Индии, Непала, Шри Ланки, имеющий огромное значение в социальной жизни, системе ценностных ориентаций, в поколенной трансмиссии культуры и в формировании этнических стереотипов мышления и поведения. Это явление рассмотрено в целостной системе и разнообразии аспектов: этикетные нормы, базирующиеся на магико-религиозных и социальных представлениях; этикетные формы в различных представлениях и проявлениях; тенденции сохранения и развития этикетных норм в современном обществе.

В авторский коллектив вошли известные индологи Петербурга и Москвы. Результаты работы дают возможность осознать роль этикета в коммуникативной культуре и в жизни человеческого общества.

Этикет у народов Юго-Восточной Азии.

СПб.: «Петербургское Востоковедение». ISBN 5-85803-119-6

В последние годы в отечественной этнографии сложилось новое направление, заключающееся в исследовании теоретических аспектов коммуникативного поведения этноса, его соотношения с ритуалом и моральными нормами, а также конкретных вариантов этикета (работы Б. Х. Бхажнокова, сборники «Этнические стереотипы поведения», «Этикет у народов Передней Азии»). Настоящий сборник основан на полевых и литературных материалах и заполняет существенный пробел в изучении культуры общения нескольких народов Юго-Восточной Азии (бирманцев, тайцев, вьетнамцев, индонезийцев, яванцев, ифугао) — с ее вербальными и невербальными компонентами, специфическими проксимическими комплексами, символикой человеческого тела и т. п.

Изучение традиционного этикета позволяет восстановить мифологическую картину мира, питающую систему архаических ценностных ориентаций, спроецированных на поведение современных представителей этноса (уважение к возрасту, статусу и пр.). Сборник подобного характера издается на русском языке впервые.

Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы.

СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. ISBN 5-85803-122-6

Сборник продолжает уникальную серию исследований вещественного мира культуры, издаваемую Музеем антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Данный выпуск, посвященный теме «предметное окружение женщины», сосредоточен на символике окружающих женщину вещей, а также на связанных с этими предметами традиционных верованиях и моделях поведения.

Женщина и вещный, вещественный мир культуры — такой поворот темы дает возможность достаточно ярко показать женщину в культуре, в традициях, в обыденной жизни через призму окружающего ее предметного мира.

В сборнике наряду со статьями теоретического характера широко представлены статьи конкретного типа, посвященные реалиям быта. Перед читателем возникает картина народной, прежде всего восточнославянской культуры, с новой и подчас неожиданной точки зрения. И если ранее такое научное направление как «этнография женщины» развивалось преимущественно в западной науке, с выходом настоящего издания возникают предпосылки для развития данного направления и в России.

Сборник будет интересен этнографам, историкам и фольклористам.

Новая книжная серия нашего издательства — «МИР ВОСТОКА»

Первая книга в серии: **Е. А. Торчинов. ДАОСИЗМ. «ДАО ДЭ ЦЗИН»**

Книга известного петербургского китаеведа Е. А. Торчинова открывает новую серию «Мир Востока», предназначенную для самого широкого читателя.

В своей книге автор всесторонне рассматривает даосизм — традиционную религию Китая. Доступно и увлекательно автор рассказывает о более чем двухтысячелетней истории даосизма в Китае, повествует о знаменитых даосах-отшельниках, алхимиках, магах и чудотворцах, характеризует основные памятники религиозно-философской мысли даосизма и вводит читателя в удивительный мир даосского учения с его стремлением к единению с природой и верой в возможность обретения физического бессмертия и духовного совершенства.

В качестве приложения к книге публикуется плод многолетних трудов автора — художественный перевод всемирно известного трактата «Дао-Дэ цзин», приписываемого таинственному Старцу-Младенцу, мудрецу Лао-цзы.

В серии готовится книга: Т. В. Ермакова, Е. П. Островская. КЛАССИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ

Книга популярно знакомит читателя с догматикой и религиозно-дисциплинарным кодексом буддизма Индии эпохи древности и раннего средневековья. В книге также исследуются основные школы и направления классического буддизма.

Среди разделов — «Чему учил Будда Шакьямуни», «Этапы становления Буддийского канона», «Архат и бодхисаттва», «Четыре благородные истины», «Смысл человеческого рождения», «Стать буддистом: в чем смысл религиозных обетов», «Что такое буддийская философия», «Ведущие школы буддийской классической философии» и др.

